

Когда в мире вырождается магия, наличие дара — величайшая честь. А учеба в Академии даёт неоспоримое преимущество. Это было и моей мечтой, до того, как лучший друг предал.

Когда в сердце царит беспорядок, нужно просто заблокировать чувства. Даже если любой пустяк вновь вызывает ненужные воспоминания.

Когда у судьбы свои планы, случайная встреча может перевернуть не только твою жизнь, но и запустить череду невероятных событий, постепенно меняющих окружающий мир. Но что делать, когда данная в детстве клятва раз за разом сталкивает с тем, о ком поклялась не думать?

- [Пролог](#)
- [Глава 1. Маленькое чудо](#)
- [Глава 2. Не просто волк](#)
- [Глава 3. Нити судьбы](#)
- [Глава 4. Свет мой зеркальце](#)
- [Глава 5. Новый друг лучше ль прежнего?](#)
- [Глава 6. Попутный ветер](#)
- [Глава 7. В омут с головой](#)
- [Глава 8. Делу время, или как мы с партнером кровью менялись](#)
- [Глава 9. Новый поворот, или все не так, как кажется](#)
- [Глава 10. Тяжелая жизнь подпольных амулетчиков](#)
- [Глава 11. Допрос с пристрастием, или так себе ”счастье”](#)
- [Глава 12. Кто на новенького?](#)
- [Глава 13. Суровые будни боевиков, или, а при чем тут](#)
- [Глава 14. Про тайны, секреты и подслушивания](#)
- [Глава 15. Ночное рандеву, или мальчик по вызову](#)
- [Глава 16. Неожиданная встреча, или ногой в прошлое](#)
- [Глава 17. Ярмарка разбившихся надежд](#)
- [Глава 18. Моя опасная находка](#)
- [Глава 19. Лунный свет или ночная встреча](#)
- [Глава 20. Хитрые феи или эльфы тоже в деле](#)
- [Глава 21. О шуточках артефакта и обретении помощника](#)
- [Глава 22. Турнирная тоска, или я тоже умею кусаться](#)
- [Глава 23. О масках и лисах в поношенных шкурах](#)
- [Глава 24. Турнир или феи ринулись в бой](#)
- [Глава 25. Семейные скелеты или тройное дно эльфийской души](#)
- [Глава 26. О намеках и намерениях](#)
- [Глава 27. А кто сказал, что будет легко?](#)
- [Глава 28. Муаровое небо для тонкого грифеля](#)
- [Глава 29. Про страшные тайны и горькую правду](#)
- [Глава 30. Про черный выбор среди стального с маренго](#)
- [Глава 31. Один прыжок в бездну](#)

- [Глава 32. Сюрпризы мироздания](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Конец](#)
-

Эдарон, когда-то в недалеком будущем

— Отпусти меня! — шипела я, пытаюсь вырваться из стальных объятий. От более активных действий останавливало лишь то, что крики и возня привлекут лишнее внимание.

— Не могу... — не сказал, а почти простонал парень, продолжая все теснее прижимать к твердому телу. То ли все маги были такими — состоящими из сплошных мышц, то ли боевиков все-таки тренируют более усиленно.

С удовольствием бы приложила его парализующим плетением, оно уж точно желание распускать руки отобьет. Но меня сжимали так крепко, что возможности шелохнуться не было.

Поэтому, когда почувствовала горячие губы, пробирающиеся от уха по скуле, резко мотнула головой. Внутри поднималась волна негодования и ярости, а еще что-то горькое. Парень, однако, это воспринял как вызов — перехватив мое тело одной рукой, второй теперь фиксировал затылок.

Прикосновение к губам я ждала с какой-то обреченностью и разочарованием. Когда он успел стать вот таким — наглым, напористым, не принимающим чужое сопротивление. Может это понимание своей силы так влияет на человека, или просто раньше кто-то умело притворился, скрывая темные стороны.

Он сначала пытался раскрыть мои губы, вызвать ответное желание. Но, наткнувшись на полное отсутствие энтузиазма, будто с цепи сорвался. Целовал напористо, жадно, с какой-то злостью. Мои плотно сведенные губы были красноречивее любого крика.

Когда стало совсем невыносимо, просто сомкнула челюсти. Он с мычанием разжал объятия и выпустил из захвата волосы. Смотрел почерневшими глазами и пытался что-то найти в моих. А не найдя, обреченно выдохнул.

Мне всего этого казалось мало — боли, которая поселилась на дне его глаз; глухого недоверия, что более нас ничего не связывает; тупого разочарования от невозможности утолить свою жажду. Поэтому я все-таки запустила любимое плетение, вложив максимум силы. Пусть полежит тут до рассвета, подумает над своим поведением. В пять начинают подтягиваться из города повара и уборщицы, наткнется кто-нибудь обязательно.

Подумав немного, я поставила над полностью парализованным парнем защитный купол. Все-таки зима, и хоть на территории температура всегда поддерживается максимально комфортной, могла случиться осечка.

Проверив еще раз, что он дышит нормально и в полном сознании, я не удержалась и провела пальцами по густым волосам. Сделала то, о чем отчаянно мечтала с самого момента нашей встречи. Жест совсем не интимный, скорее наоборот. Так сестра может погладить брата, или доктор, наконец успокоившегося больного. Но он в ответ прикрыл глаза, выражая без слов крайнюю степень довольства.

Он понял этот жест неправильно, но разубеждать я не собиралась. В следующий раз буду готова к встрече. И тогда он поплатится за каждое ненужное прикосновение.

Глава 1. Маленькое чудо

Градон, настоящее время

Я с утра стояла на краю обрыва безразлично рассматривая океан. Хмурые облака почти соприкасались с линией горизонта, и тягучий туман все плотнее окутывал окрестности. На коже, пропитавшейся с рождения солью, блестели, совсем не впитываясь, капли.

В ответ на неожиданный порыв ветра, плотнее укуталась в шаль, скорее по привычке, чем, стараясь спрятаться от стихии. Мои мысли были далеко — в странной, похожей на сказочную, пещере. Там сталактиты соперничали со сталагмитами, и бурый мох прикрывал вход.

Я всегда любила приключения, частенько перечитывая истории. Да и энтузиазм иссякать не собирался и, прожив здесь полных 17 лет, я все еще находила новые интересные места. До безумия любила сельские ярмарки с их особой атмосферой праздника, скупала потрепанные издания в надежде найти карту сокровищ или забытый вариант магического плетения.

У меня даже был отчаянный помощник. Лучший друг, покинувший это захолустье в начале весны. Утрата до сих пор занозой сидела в сердце. Я старательно уходила от этих воспоминаний, покрывая щитом то и дело всплывающие эмоции. Тогда думать о Лире становилось чуть легче, и уже не морозило от осознания своего одиночества.

Я снова сформировала щит, вложив в него чуть больше магии, чем обычно. Это плетение — моя новая разработка. И в отличие от стандартного защитного, действует на конкретно направленные эмоции.

Я не поеду поступать в Академию. И планы поменяла после предательства Лира. Мы так долго мечтали об этой поездке вместе, что сейчас отправиться туда одной было смерти подобно. Слишком много воспоминаний...

Ничего внутри от этих мыслей даже не дрогнуло. Что ж, щит получался все лучше.

На плечи легли тяжелые мужские руки. Я вздрогнула, но тут же расслабилась, узнав отца по только ему свойственному слегка древесному аромату.

— Ты замерзла совсем, девочка! С утра же дома не появлялась, а скоро темнеть начнет, — отец говорил размеренно, но проскальзывало и беспокойство.

Пожала все еще находящимися в плену плечами и вздохнула. Папу я очень любила, но идти домой, где ворчливая мачеха снова начнет нагружать работой, не хотелось.

— Ты же знаешь, что Эрра тут же засадит меня за вышивку, — я слегка отстранилась и вывернувшись, заглянула в глаза отцу. — А я лучше даром своим пожертвую, чем буду заниматься этими кружевами!

Да, Эрра была очень востребованной швеей и даже открыла ателье. Но я-то к шитью абсолютно неспособная, что неоднократно доказывала. Поэтому привлекалась мачехой к творчеству в качестве кружевницы. Они выходили у меня хорошо — тонкие, искрящиеся магией, невероятно воздушные изделия. Спрос на кружева был очень высок. К слову,

Эрра оценивала их не ниже эльфийских и продавала по баснословной стоимости.

И если раньше мы с Лиром находили миллион поводов отлынивать, то теперь, спасаясь от мачехи, я просто бродила по окрестностям.

Магический дар в семье был только у меня, чем отец невероятно гордился, много лет собирая золото на обучение. В Академии, конечно, были бесплатные места, но попасть на

них очень сложно, ведь мало того, что нужно обладать высоким уровнем дара, так еще и отработать потом 5 лет на благо королевства.

Я снова нахмурилась, не желая вспоминать о давних надеждах. Поэтому выкрутившись из отцовских объятий, с уверенностью произнесла:

— Осенью, папа. Я поеду в Эдарон осенью.

Да, я лгала всем окружающим, что буду учиться. А сама собиралась в столице купить на выданные деньги комнату и спокойно заниматься изобретением плетений. Целительных, боевых, каких угодно. Опыт есть, и в арсенале много чего новенького, да и жилка предпринимательская присутствует.

Папа очень нежно улыбнулся. Я ведь его единственная дочь, надежда и гордость.

Едва отец отошел, я повязала шаль на пояс и практически побежала к горному массиву. Нужно было до конца исследовать пещеру, ведь неспроста кто-то старался скрыть вход под залежами мха. Что растения магические, я чувствовала и жажда приключений просто жгла кожу и кончики пальцев. От мысли, что там может быть что-то спрятано, пробирало нетерпением.

— Ау-у-у, здесь кто-то есть? — я всегда это спрашивала, чтобы не наткнуться при исследовании на разумную сущность. Ведь мало ли, может тут тролль живет и мне будет не рад. О том, что в подобного рода пещерах может обитать и неразумная сущность, которая мне тоже вряд ли будет рада, старалась не думать.

Не дождавшись ответа, я пробралась внутрь и создала светящийся пульсар. Простейшее плетение, немного модернизированное. Теперь огонек сжимался или расширялся, в зависимости от размера помещения. На улице, например, я даже не рисковала такое проверить, потому что очень боялась получить неконтролируемое огромное светило.

Пульсар окрашивал темноту пещеры в мягкий оранжевый свет. Я вообще любила теплые оттенки как в одежде, так и в жизни...

Перед глазами встало жаркое маревное солнце и Лир, разнежено растянувшийся на каменистом пляже. Во рту перекатываемая из угла в угол травинка, под головой свернутая изумрудного цвета рубашка. Он всегда одевался ярко, но не вульгарно. На улице цеплял девичьи взгляды, чем вызывал жгучую ревность в моей душе. Но мы с ним друзья, и в таком чувстве признаваться даже самой себе было стыдно.

Я сидела на красном втрое сложенном пледе, и читала очередную приключенческую историю, изредка поглядывая на обнаженный торс друга. Даже придумала себе оправдание — на такое великолепное телосложение просто невозможно не смотреть. Когда именно чувства из дружеских переросли в нечто большее, я не знала. Но существовать отдельно от Лира уже не могла. Необходимо было постоянно чувствовать его рядом — просто гулять, лазить по горам, как альпаки или вот так, растянувшись греться на солнце.

Я не заметила, когда Лир поднялся и очнулась лишь от окатившей прохладной соленой воды. С криками, словно пятилетние дети, мы носились по берегу, часто спотыкаясь о камни, пока я не поранила ногу. Дома, конечно, влетело, ведь взрослые девушки так себя не ведут. Но Лир взял ответственность на себя, так красноречиво извиняясь, что Эрра оттаяла и даже угостила проказника лимонным тортом.

По телу разлилось тепло воспоминания. И укрытое щитом сердце вновь ожило, болезненными спазмами напоминая о потере. Схватившись за левый бок, медленно опустилась на каменный пол пещеры и как могла, дрожащими руками вновь обновила плетение. С несколькими глубокими вздохами ушла дрожь и я смогла разогнуться.

Пройдя вглубь достаточно далеко, удовлетворенно хмыкнула. А вот и доказательства присутствия здесь мага. Пепелище от костра, рыбные косточки. Я обыскала маленький пещерный рукав, но никаких вещей больше не нашла. Даже крохотного клочка одежды.

Домой шла радостная и от предвкушения очень взволнованная. Это же надо, кто-то прячется в пещере. Не иначе, беглый пират или осужденный волшебник. Мне бы очень хотелось увидеть живого флибустьера. На магов я уже насмотрелась. В городе их было не то чтобы много, но четверых я даже знала лично. Судья, главный лекарь и Лир. Ну и себя тоже можно отнести к этому списку. Куда ж без меня.

Вообще, в нашем королевстве магия угасает и одаренных рождается все меньше. Зато в других все отлично и редкие путешественники приносят с собой шлейф из легенд, сказок и обрядов. Я бы очень хотела побывать у эльфов или гномов. А вот троллей, честно признаться, не люблю и даже побаиваюсь. И у нас, как назло, почему-то последних прямо-таки засилье.

Совершенно не заметила, как дошла до дома и быстро погасила пульсар. Мачеха с отцом очень не любили, когда я использовала магию дома. Совершенно дикие представления, что если часто и в пустую тратить дар, он исчезнет. Но я по себе знала, что это не так, и от постоянной практики потоки только укрепляются. Если раньше, чтобы создать пульсар, приходилось концентрироваться, то сейчас, все получалось по щелчку пальцев. Это заслуга не столько личная, сколько полученная путем долгих тренировок и соревнований на скорость зажигания, дальность полета и максимальный радиус поражения. И снова Лир...

Я пробиралась домой тихо и исключительно на цыпочках. Слушать нотации от Эрры желания никакого. Комнату свою я любила. Наверное, потому, что над интерьером трудилась мама, хоть я ее совсем и не знала. Нежные золотисто-розовые обои, кровать с балдахинном, удобный комод и письменный стол, большой стеллаж с книгами. Маленькая, но уютная ванная.

Говорят, что магически одаренные дети забирают много сил у матери, находясь еще в утробе. И в самом начале беременности лекари и знахари очень внимательно обследуют женщину. При подтверждении магии у ребенка — обычной человечке дается выбор. Многие, решившись, не доживают даже до середины срока. Некоторые, продержавшись до родов, отдают при них душу Богине. И лишь единицы после всего перенесенного наслаждаются счастьем материнства. А вот магичкам выбора не дают вообще. В столице, поступая на первую службу, одаренная женщина подписывает договор на рождение ребенка до наступления своего 30-летия. Процент выживания тут достаточно высок, хотя сил беременность высасывает все равно основательно. Но даже с такими мерами магия продолжает вырождаться.

У нас, в провинции, с этим гораздо проще. Магов тут практически нет, поэтому и контроля — совершенно никакого. Обычных женщин вообще не проверяют. Мама даже не знала, что ждет особенного ребенка и ее плачевное состояние во время беременности воспринималось, как обычные недомогания. Она и в повседневной жизни здоровьем не блистала. Поэтому то, что я родилась — чудо. И папа свое маленькое чудо, пусть и забравшее у него любимую женщину, боготворил.

Я была на нее похожа и почему-то всегда чувствовала эту связь. Золотые струны, звонко напрягающиеся у меня в душе, когда думаю о маме. Легкий ветерок в комнате в моменты тяжести, беспокойствия, уныния. Сладкие сны о городах, наполненных светом и высокими

шпилями тоненьких башен, маленьком озере с водопадом.

Я все это чувствую, но папа не любит говорить о своей первой жене. И всякий раз, пытаясь узнать что-то о маме, я натькалась на стену молчания. Сначала думала, что все из-за Эрры, она могла запретить вспоминать при ней о другой женщине, но потом поняла, что ему просто больно. Сколько бы лет не прошло.

Папа женился второй раз очень быстро. Я была совсем крохой, но назвать Эрру родной, а тем более матерью, так и не смогла.

Мне ведь не чужда доброта, привязанность, любовь, наконец. И потребность ребенка в тепле материнского сердца, ласковых руках, нежных объятиях была велика. Да что уж тут говорить, мачеха все это давала и воспитывала как родную. Тем более, что своих детей за 15 лет брака у нее не появилось. И все же я ее так и не приняла.

Я пришла к выводу, что другая. Из-за своей магии или просто характер такой с изъясном, но, если не чувствую родство на каком-то подсознательном уровне, сойтись с человеком не могу. Эрра меня воспитала, за что я ей благодарна и стараюсь хоть что-то дать взамен, но она так и останется лишь второй женой моего отца, как бы я не пыталась воспринимать ее по-другому. Она все чувствует, обижается, хоть и не выставляет это напоказ.

Поэтому, переступив через себя, я плету вечерами кружева, а не придумываю схемы новых разработок. А совсем иногда, наряжаясь в красивое платье, хожу на светские чаепития и вечерние посиделки и даже там улыбаюсь.

Глава 2. Не просто волк

Однажды, после особенно долгого плетения кружевного безобразия — у Эрры был огромный заказ к свадьбе какой-то барышни, я едва коснувшись подушки, провалилась в сон.

Вокруг были бесконечные каменные лабиринты. Я плутала в темноте, напрасно всматриваясь в глухие закоулки. Пульсар почему-то не зажигался, а ночное зрение мне в качестве магического бонуса не досталось. Промозглый холодок пробирал до костей и было до безумия жаль, что не взяла с собой шаль. Чтобы никуда не врезаться, передвигаться приходилось на ощупь. Немного скользкие и влажные стены навевали какую-то жуть.

После очередного мягкого поворота, зацепившись рукой за что-то пушистое, я поняла, что тут не одна.

— Так, не делать резких движений, не показывать зубы, не кричать! — словно под диктовку я повторяла слова из учебника по выживанию в магическом лесу. Но колени уже предательски дрожали, да и голосовые связки прямо-таки готовились к атаке.

Из темноты на меня смотрели огромные ярко-зеленые глаза, с каждой секундой становясь все ближе. Ощувив прикосновение к своей ладони, я завизжала, нарушая все правила выживания.

Когда в комнату ворвался перепуганный отец, поняла, что это был сон. Но пряча заплаканное лицо на родном могучем плече, все никак не могла успокоиться. Как заводная кукла я повторяла про огромного оборотня.

— Ох, милая. На улице ночью волки воют, вот тебе и приснилось, — папа ласково гладил по еще подрагивающей спине. — Полнолуние же сегодня.

Заснуть в эту ночь у меня больше не получилось, потому что жуткий вой, разливающийся по округе, казалось, начинался сразу под окнами. Зато наутро, едва дождавись рассвета, я безрассудно бежала к пещере. Зачем так рискую даже не задумывалась.

Мрачный холод закрытой от посторонних глаз пещеры встретил меня немного изменившимся запахом. Не было затхлости и спертости, которые ощущались при прошлом посещении. И, добравшись до пепелища костра, я в ужасе отпрянула. Отпечатки огромных лап были повсюду.

Не помню, как добралась до любимого места. Наверное, бежала, потому что дыхания теперь хватало только на короткие всхлипы. Было страшно. До маленьких фей перед глазами. Это же получается, что у нас появился оборотень, который всю ночь был под моими окнами.

Вот об этой пакости я совершенно ничего не знала. Про эльфов, фей, троллей, гномов, всю литературу в городской библиотеке прочитала. Про магические королевства, структуру, общественность... Да чего я только там не видела. Но вот оборотнями не интересовалась никогда. Какие-то поверхностные знания плескались сейчас в моем оплавленном страхом мозгу, но связать воедино никак не получалось.

Была бы в нашей глуши школа для одаренных, другое дело, там же учителя, литература специальная, залы для тренировок магических сил (это я все опять же в библиотечных книгах почерпнула). Но чего нет, того и не видим. У нас не то, чтобы учителей, самих магов наперечет. Мы с Лиром ходили в обычную школу, а судья и лекарь по доброте душевной, немного помогали в управлении магическими потоками.

И до сих пор, как подумаю о такой жалкой системе образования в провинции, накатывает злость. Папа говорил, что раньше приезжали высокопоставленные маги из столицы, проверяли всех детей на кристаллах-распознавателях и увозили учиться. Сначала в пансионаты, потом распределяли в Академии на факультеты по уровню и специфике дара.

Но с тех пор, как все нормальные маги сбежали в столицу в поисках лучшей жизни, казна просто не выделяет средств для таких экспедиций. Пара привезенных детей вовсе не окупает затраченных сил и средств. Вот и решили, что по окончании школы все одаренные с дальних земель имеют право поступить в Академию. Только вот для этого нужны деньги или сильный уровень. Никто не будет возиться со слабыми подростками просто так.

Лир был из богатой семьи, я из обеспеченной. Поэтому и решили с ним еще детьми, что поедем поступать платно и одновременно. Друг 3 года ждал окончания мной школы, только вот в последний момент почему-то бросил.

И теперь, стоя на любимом обрыве, я медленно перемалывала информацию. Привидевшееся ночью не совсем сон, какое-то вещее видение.

Не просто волк, в этом почему-то не сомневалась. Своим шестым чувством понимала — оборотень. Огромное мощное тело, отличный нюх и то, что он появился именно в полнолуние. Единственным несуразным пятном были изумрудные глаза хищника. Смотрящиеся на мохнатой морде совершенно чужими.

Мозг снова пронзила вспышка воспоминаний.

— Лир-р-р-р, поставь меня на место! — я была настроена воинственно и даже попыталась сложить руки на груди, хотя в висячем положении это не очень хорошо получалось.

Мой нахальный друг лишь хмыкнул, продолжив тащить к лошади, на которой красовалась изумрудного цвета попона.

— Я не поеду с тобой на этом звере! — все, я окончательно вышла из себя и почти кричала, хоть и не пристало это приличной девушке. Но как еще разговаривать с таким грубияном и... палачом.

— Это не зверь, а Ворон, — с нежностью проговорил молодой человек, чем еще больше взбесил. Я с какой-то нездоровой ревностью ощутила, что Лир очень любит это животное. Зато ко мне относится как к младшей сестре, не замечая, что я уже выросла.

— Не заставляй меня, пожалуйста... — просьбу произнесла, едва сдерживая слезы. Накатила обида и жалость к себе.

Лир это почувствовал, сразу же отпустив, и теперь с нескрываемым беспокойством заглядывал в глаза. А когда я попыталась отвернуться, сжал в объятиях, молча поцеловав волосы на затылке.

Он так и держал, и всю меня прошибло вспышкой чего-то непередаваемого — радость от первых вот таких вот объятий, желание прижаться всем телом в ответ и какое-то эйфорийное счастье. Но скосив глаза, заметила болезненную гримасу, заметно исказившую красивое лицо Лира.

Я что есть силы наступила на его ногу и, вырвавшись, убежала в дом. Целый день просидела в комнате. Не плакала больше. Будто выжгло все внутри до какой-то звенящей пустоты. Ведь с этой его гримасой что-то внутри разбилось, еще не успев толком родиться. И я так и не поняла — зачем было целовать, если это ему настолько неприятно.

Не дожидаясь рецидива, я обновила свой щит. Не хочу больше испытывать той боли. Случай с лошадью произошел за три дня до его побега. Лир просто сел с утра на корабль,

ничего никому не сказав. И если бы его не опознал капитан, до сих пор искали всем городом и беспокоились. А так, всего 2 недели розыскных мероприятий, пока не вернулся в порт отплывший в то утро корабль. Капитан сказал, что он был один и за 4 дня ни разу не вышел на палубу.

Как можно вот так, запросто вычеркнуть из жизни всех близких людей? Он ведь даже письма не оставил...

Глава 3. Нити судьбы

Одаренные живут дольше, более выносливы, редко страдают недугами, да и выглядят немного иначе. Мужчины сплошь крупные, с буграми перекачиваемых мышц, породистыми чертами лица. Я сужу по судьбе и нашему лекарю. Но и заезжих магов рассмотреть на ярмарке удавалось.

Девушек-магичек мне видеть не приходилось... Хотя нет, однажды приезжали цирковые артисты, и мы с Лиром просто не могли это пропустить.

Мне тогда было лет 13, и впечатленная представлением, я потеряла из виду друга, который, впрочем, очень быстро нашелся около девушки-гимнастки. Они так увлеченно перешептывались, что меня даже не заметили. Дернув за длинный рукав мужской рубашки, услышала: «Отвали, мелочь, видишь я занят». И, конечно, обиделась. Я-то может быть и мелочь, но и Лир ненамного старше, всего-то 3 года разницы. Но мнит себя уже взрослым, заглядывается на девчонок.

Развернувшись, и тяжело сопя (да, есть у меня такая привычка, выражающая крайнюю степень возмущения), я принялась пробивать себе путь к выходу. Вокруг толпились дети и взрослые, цирковые артисты, уже всю перекавалифицировавшиеся в продавцов всякой мелочи. Витал аромат жженого сахара, яблок и карамели. Но мне было не до антуража и просто хотелось побыстрее выбраться из толкотни и бегом кинуться домой. Уж там то меня папа пожалеет и всыпет завтра нагоняй Лиру за то, что оставил одну.

Я, если честно, уже мстительно потирала маленькие ручонки, когда дорогу преградила высоченная фигура в цветастом одеянии. Испуга не было, скорее нетерпение, что мою возмездническую миссию прерывают.

Это была женщина, точнее сказать, цыганка. Очень высокая и потрясающе красивая. Я даже рот открыла от восторга. Вот бывают же такие лица, которые раз увидев, забыть уже невозможно.

Незнакомка выделялась из толпы — черная рубашка с длинными расклепанными рукавами, высокая грудь подпоясана красной лентой, которая до неприличия обтягивала талию. Верхняя цветастая юбка до икр готова была сорваться в стороны шифоновым облаком, а за такие высокие сапожки из мягкой кожи, я бы, наверное, жизнь отдала. Волосы женщины словно жили отдельно, упругие черные кудри до сих пор пританцовывали, притягивая мой взгляд раз за разом.

— Ты милая, не торопись, — от грудного тягучего голоса по спине побежали мурашки.

— Эээ... ммм, — я слова выговорить не могла, зависла на этих кудряшках, как ящерка Эрры, когда до нее холодной рукой дотрагиваешься.

— Мы с тобой сейчас поговорим...

Я очнулась уже у нее в кибитке, не до конца понимая, как здесь оказалась. Возле меня стояла деревянная кружка с дымящимся чаем, вкусно пахнущим мятой. Рука непроизвольно схватила чашку, и ароматный напиток тут же обжег горло. Но было не больно, а даже наоборот. Будто я недавно сильно промерзла, и тут мне предлагают горячий грог.

Осушив чашку в несколько глотков, заозиралась по сторонам. Все было как я и представляла — яркое, цветное, много мелких предметов. Будто в сувенирной лавке. Хотелось дотронуться, рассмотреть поближе, но вставать я не решалась.

А вот когда на колени запрыгнул огромный рыжий меховой мешок, больше похожий на

медведя, чем на кота, я решила на все. И встала, и завизжала, и даже запрыгала, пытаюсь отодраться от себя зверя.

Зверь не отдирается. Прилип ко мне, как патока яблочная, растопылив лапы в разные стороны. Так нас и застала обомлевшая на входе цыганка.

— Забееее-риииии-тееее, — орала я что есть силы, чувствуя на коже здоровенные царапины. Значит и платье подрал, паршивец этакий.

— Микен, милая, магией питается. И пока избыток из тебя не вытянет, не уйдет.

Женщина мне улыбнулась, по-доброму как-то, ласково. И я, замороженная губами цыганки не менее, чем раньше ее волосами, плюхнулась обратно на стул. Да, не изящно и совсем не как девушка из высшего общества. Но сейчас все потеряло значение, кроме кота.

После сказанного я прислушалась к своим ощущениям. Да, отток был. Тянуло мышцы, скручивалась в районе живота спираль. И мне становилось легче. Ведь как Лир на меня выверился, я струной натянутой себе казалась — тронь, взорвусь, а сейчас отпусало.

С благодарностью посмотрела на цыганку, а она в ответ подмигнула. И через пару минут передо мной вновь была наполненная кружка полюбившегося чая.

Быстро осушив чашку, я поняла, что и отвар здесь видимо особый подавался. Потому что такого чаягонятельства я за собой ранее не замечала. В гостях сей напиток подавался малюсенькими кружками, дома был фарфоровый изящный сервиз, а цыганка поила меня огромными бочонками.

— Я тебе с собой насыплю мешочек этого сбора, девочка. Как будешь себя взволнованной чувствовать или с магией совладать не сможешь, завари щепотку на большую кружку, да выпей, — и все это тягучим, непередаваемым тембором, со слегка заметным акцентом. Меня даже в сон клонить начало.

— Э, нет! — женщина, наконец, забрала своего котяру и ласково его поглаживая, унесла за ширму. Прямо, герой какой-то.

— Микен иногда остановится не может, если ему магия понравится. Твоя, видимо приглянулась, чуть лишнего не отобрал, — мне снова мягко улыбнулись.

— Я даже не знала, что такие звери существуют, тем более коты! — да, было действительно интересно, ведь о магическом мире мои познания ограничивались книгами из городской библиотеки. — Удивительно, честное слово.

Тишину кибитки нарушил мелодичный, как звон колокольчиков, смех. А ведь такое отсутствие посторонних звуков, странно. Там, на улице, не просто канитель, там архишумно. Я читала о подобных заслонах, их могли ставить сильные маги, чтобы никто не подслушал разговоров или, когда нужна была тишина. Но этому нужно учиться, и много. Были, конечно и амулеты, но стоили дорого. Вряд ли артисты кочевого цирка столько зарабатывают. Значит моя новая знакомая не просто цыганка. Она обученный маг с высоким уровнем дара.

Заметив, что я на нее смотрю по-новому, более заинтересованно, женщина расцвела. Будто ей действительно польстило внимание какой-то вертлявой девчонки.

— Меня Мадлен зовут, маленькая бо.

— Бо? А кто это? Я Камелия, а никакая не Бо, — кажется я поняла. Эта милая женщина просто с кем-то меня перепутала, поэтому и позвала к себе в гости. Стало даже немного не удобно.

— Очень приятно, Камелия. Имя у тебя волшебное! — цыганка нисколько не смутилась. — А бо, по-нашему «нечаянный дар».

— Это я-то дар? — я рассмеялась, чувствуя необычайную легкость в теле, и все эмоции

сейчас были чистыми и ясными. — Это Вы моему папе и Эрре скажите, а еще Лиру, вот они удивятся!

— Лир, это тот юноша, с которым ты пришла на представление? — женщина, разговаривая со мной, собирала в довольно внушительный холщовый мешочек травы, пучками развешенные в темной части кибитки. И создавалось ощущение, что разговор со мной идет между делом.

— Да. Вы его заметили? Это мой друг... хотя может теперь и не друг, — последнюю фразу я сказала, снова надувшись, ведь вспомнила, как меня послали в дальнее плавание. Дела у него, как же!

— Ты прости его, Камелия, мимо нашей Радомиры никто пройти не может, — цыганка говорила, будто извиняясь, и меня быстро переключило на другую, более важную тему, чем предательство лучшего друга.

— Радомиииира... — я покатила на языке странное для восприятия имя девушки. — Она правда красавица, мимо такой не пройдешь!

Я старалась отстраниться от этого понимания, но сердце невольно кольнуло.

— Ох, девочка, еще пару лет и от тебя ухажеров палкой не отобьешь, — Мадлен ласково погладила меня по голове и снова отошла набирать травы. — Твоей красоты пока не видно, потому что магией пользоваться не умеешь. Вот как только примешь ее полностью, станет она твоей частью, глаз никто отвести не сможет.

— Магия влияет на внешность... — должно быть я выглядела очень забавно с округлившимися от невиданного заявления глазами, потому что цыганка снова мелодично рассмеялась.

— И сила, и ее уровень. Даже направление магии. Ты же знаешь, что эльфы светловолосы, потому что их магия благостная, она всегда чиста, чем бы они не занимались. Феи — их ближайшие соседи, могут похвастаться любым оттенком кожи и волос, от белого, до зеленого, розового, фиолетового. Их жизнь связана с растениями и цветами, и от того магия окружающего мира раскрашивает их самих. Гномы — коротенькие, темноволосые, потому что ищут силу в земле, и она им в этом отвечает взаимностью.

— А оборотни? — я даже не дышала, слушая эту удивительную женщину, рассказывающую еще более удивительные вещи.

— А оборотни... — она зыркнула на меня светящимся из темноты взглядом, даже страшно стало. Богиня помощи! — Оборотни разные. Их ничем не отличишь внешне от обычного мага или сильного человека. Ведь их вторая ипостась мало связана с первой. Зверь живет отдельно, лишь отдаленно влияя на характер самого человека, делая его активнее, вспыльчивее, обостряя интуицию и обоняние. Оборотнем можно родиться, а можно и стать...

— А вампиры? — я даже сглотнула, так была напряжена.

— Вампиров мало и живут так далеко, что много лет о них уже никто не слышал. Но насколько я знаю, они тонкокостны и изящны, даже хрупки. Но это никак не сказывается на быстроте их реакции и способности раскрошить камень одним нажатием пальца, — я ахнула, помешав Мадлен закончить мысль.

— А если меня укусит вампир, я стану такой же сильной? А если оборотень?

Женщина, завязав мешочек, и положив его передо мной, весело ответила:

— Это все сказки, маленькая бо. Вампиром можно только родиться и это случается очень редко, поэтому кланы их так малочисленны. А вот оборотень, укусив мага, может

передать ему ген. Твоя жажда знаний радуется, Камелия. И если ты захочешь, я могу помочь тебе с пансионатом в столице.

Мадлен смотрела на меня выжидающе, не пытаясь давить или просить. Просто хотела услышать мнение. И я расстроилась.

— Мы с Лиром поедем поступать в Эдарон, как только закончим школу, мы уже договорились. Да и папа будет скучать, если я вздумаю сейчас уехать.

Цыганка лишь кивнула, принимая мое мнение по этому вопросу.

— Травы я собрала, хватит такой крошке надолго. Но можно я взгляну на твою ладонь?

Я несколько не боялась и быстро обтерев вспотевшую ладошку, протянула Мадлен. Она ласково провела тонкими пальцами по извилистым линиям, покрывающим кожу, и закрыв глаза, накрыла обеими руками.

Мне было тепло от этого прикосновения, но несколько секунд спустя, ладонь начало покалывать. Магия. Это прекрасно, когда можешь вот так что-то творить.

А вот когда женщина открыла глаза, я испугалась и руку свою хотела выдернуть, но мне этого сделать не позволили, удерживая словно тисками. Глаза цыганки были совершенно черны. Тьма заволокла не только радужку, она полностью перекрыла белки и готова была тонкими струйками начать стекать по лицу.

Твоя судьба открыта для решений,
Но был оставлен матерью зарок.
И путь составит тонна поражений,
Но лишь один потребует прыжок.
Судьба давно прядется за порогом,
И только ты откроешься врагам,
Схлеснется битва, радуя итогом,
Но боли будет в битве пополам...

И только когда каркающий, совершенно чужой голос стих и тьма начала покидать глаза Мадлен, будто всасываясь обратно в зрачки, я смогла вырвать руку.

Паника накрыла словно колпаком. Дикая, жуткая, вышибающая все мысли и лишаящая способности связно думать. Подхватив длинную юбку платья и совершенно не различая дороги, я неслась вперед. Казалось, что там, позади, меня преследует тьма. И неприятным эхом выкрикивает предсказания.

Вихрем влетев гостиную, я с разбега кинулась отцу в объятия. Прижалась, как маленькая, и долго лила слезы, вытирая сопливый нос о чистую рубашку самого дорогого мне человека. На все заданные вопросы молчала и только с приходом Лира, очнулась.

Он бросился ко мне едва переступив порог. Без лишних слов вырвал у отца и крепко сжимая, прошептал:

— Я убью каждого, кто посмел тебя обидеть!

— Тогда тебе стоит посмотреть в зеркало, — мой ответ был полон холодного презрения.

Я с силой вырвалась, и летела по лестнице в свою комнату со скоростью арбалетного болта. Но дверь не закрыла, а слушала, как внизу на Лира кричит мачеха и папа. Они спрашивали где он был, почему не уследил за их единственной дочерью, ведь ему доверили самое ценное. Как вообще допустил, чтобы я шлялась по ночи одна?

Я оглянулась и поняла, что на улице и правда темно. А когда бежала совершенно не обратила на это внимания. Внизу Лир пытался оправдаться. Он говорил, что отвлекся лишь

на минуту и когда меня не оказалось рядом, принялся искать. С началом сумерек поспешил домой, сообщить о пропаже, хоть и надеялся, что я уже дома.

Меня корежило от осознания, что за такой полуправдой старательно скрывается истина. Ведь он сам меня бросил, отшил, словно ненужную собачонку. А теперь кидается такими словами — "убьет", "искал", "переживал".

Я была просто уверена, что он все это время провел с красавицей Радомирой, про меня даже не вспомнив.

А утром на пороге дома служанка обнаружила холщовый мешочек с травами. На веревочке была привязана записка «Моей маленькой бо. Судьбу каждый прядет сам».

Я тогда молча забрала свой мешочек, сказав, что купила после представления, но видимо выронила, когда открывала дверь. От него до сего дня дожила целая половина. Сбор был действительно хорош и легко справлялся с переизбытком магии. Я это теперь хорошо осознавала и могла контролировать.

Иногда хватало просто выпустить пар, швырнув в Лира огромный огненный сгусток, иногда я экспериментировала, накладывая плетения собственного изготовления. Но после того, как друг укатил в поисках лучшей жизни, я все чаще прибегала к чудесному чаю, вспоминая добрым словом Мадлен.

С Лиром, кстати, я после того случая неделю не разговаривала. Но потом обида сошла на нет, ведь видеть его хотелось все-таки больше, чем сидеть дома и плести ненавистные кружева.

Глава 4. Свет мой зеркальце

Стоя у зеркала я с интересом разглядывала отражение. У меня с недавних пор это стало любимым занятием. Не потому что тщеславна или гордилась своей красотой — было б чем гордиться. Женщины, обладающие даром, всегда были притягательны и поневоле привлекали мужские взгляды. Это особенность их магии, а не предмет гордости. Скорее проклятье. Кому хочется постоянно быть в центре.

Я менялась. Каждый день. И в последнее время эти изменения были все заметнее.

В детстве у меня были темные, почти черные волосы, как у папы. Но лет с 12 начали светлеть. В 15 голову украшали уже каштановые локоны. Мне этот цвет безумно нравился и, как казалось, шел. Наверное, потому что я любила все шоколадное.

А вот сегодня на меня из зеркала смотрела уже довольно светлая шатенка, с легким отливом в рыжину. Честное слово, даже веснушки вылезли, чего никогда со мной не случалось. Кожа, кстати, постепенно тоже светлела. И теперь была не смуглой, а теплого персикового оттенка.

После разговора с цыганкой я этого подсознательно ждала. Но изменения шли так медленно, что были почти незаметны. Успевали к ним привыкнуть и окружающие, и я сама. Но последние 3 месяца стали в этом плане ударными. Может, конечно, виновато и то, что я похудела, но магия в организме тоже старалась напропалую. Вроде бы — вот она я, те же глаза, губы, нос, но четче стали выделяться скулы, утонченность приобрел овал лица. К посветлевшим волосам прибавилось изменение цвета глаз. Я даже не могу передать текущий оттенок. Не голубые, но и не зеленые. Как морская волна. О прежнем болотно-коричневом я даже не вспоминала.

Стоит ли задуматься над тем, что мой организм принял имеющуюся магию? Я здесь видела несколько иное. Раньше выбросы были хаотичными, или направлены на взаимодействие с сырой силой — сгустки огня, старания вызвать порывы ветра, работа с потоками воды. А после отъезда Лира мне всего этого не хотелось, стало не интересно. Ведь соревноваться уже не с кем. Я работала с внутренними потоками, а не старалась укротить внешнюю стихию. Все эксперименты с плетениями были удачными, и сила слушалась и отзывалась молниеносно. Я теперь могла филигранно ее дозировать. И это было настолько волнительно и здорово, что давало надежду на создание своей собственной практики, отдельного кабинета.

Сегодня хотела навестить главного лекаря и попросить протестировать свои целительские плетения. Одно дело испытывать на себе, а совсем другое — вливать силу во внешний объект. Эрру и папу я боялась лечить, хотя порой и возникала такая необходимость. Например, элементарное обезболивание. Но они всегда относились к магии с осторожностью, а недоверие крайне негативно сказывалось на результате. Я опасалась, что буду волноваться и сделаю что-то не так. А вот главный лекарь Карвен был не лишен экспериментальной жилки, чем меня безгранично радовал и привлекал. Мы с Лиром могли часами наблюдать, как он, управляя силой, меняя потоки.

Но выглянув в окно, я переменяла текущие планы. День выдался чрезвычайно теплым и солнечным.

Честно сказать, я всю ночь не спала. Сегодня было полнолуние. С каким-то нездоровым любопытством прислушивалась к звукам на улице. Да, волки выли. Но к окнам моим никто

не пришел. С одной стороны — немного успокоилась. А с другой — была совершенно не удовлетворена. Авантюрная составляющая моей беспокойной души требовала приключений.

Вот прямо бы ночью сорвалась, чтобы хоть глазочком посмотреть на оборотня. Точно ли он такой, как был во сне, или это мое воображение рисовало ужасно огромного монстра.

Совершенно не выспавшаяся я отправилась к любимому обрыву, прихватив с собой плед и корзину с продуктами. С корзиной, конечно, погорячилась, просто действовала согласно годами выработанной привычке — брать побольше, ведь Лир всегда голоден.

Я досадно поморщилась. Он жил в моих мыслях даже сейчас, хотя я старалась гнать от себя любые воспоминания. Может быть с переменой места жительства и появлением новых обязанностей все переменится. Я буду думать о том, как заработать, ведь в столице жизнь дорога, а не перемалывать крупички прошлого в тяжелом мареве настоящего.

Отбросив лишние эмоции, я с удовольствием жмурилась, подставляя лицо ярким лучам. Совершенно не боялась испортить кожу еще большим количеством недавно выявленных веснушек. Мне они нравились, хоть в моде и был сейчас светлый оттенок кожи. А может именно поэтому. Своеобразный вызов в том, что я не идеальная, хоть мачеха и пыталась представлять везде меня именно такой: «Какая изящная фигура у Камелии», «Кружева у дочери получаются не хуже, чем в салоне мадам Эмантиделис», «Девочка недавно смогла призвать воду для поливки, это спасло мои розы».

Бла, бла, бла...

Она же специально меня нахваливает, пытаюсь замуж выдать побыстрее. Желательно до того, как я уеду из Градона. Боится, бедная, что в неприятности там вляпаюсь и одну отпускать не желает. Беспокойство Эрры небезосновательно, ведь призывать на свою голову всякий хлам — мое хобби. Но не так же явно лицемерить-то нужно!

И хотя я сегодня была в новом платье с открытыми плечами, распущенными волосами, которые уже доставали до лопаток и выглядела, безусловно замечательно, настроение не задалось.

Во-первых — волосы раздражали жутко, отрастала эта пакость нереально быстро, я замучилась их кромсать. Точнее вызнала заклинание у судьи, которым он газоны и кусты подравнивает. А то упросить мачеху подрезать мне длину было невозможно. Уперлась рогом, что волосы — украшение женщины и ни в какую не переубеждалась. А теперь всего-то и нужно — простенькое плетение и ножницы сами, по ровной линии убирали лишние 10 сантиметров. Можно, конечно, и без ножниц, но боюсь остаться с коротким ежиком.

Во-вторых, неудача с оборотнем день мой все-таки омрачила. Старалась не заикливаться, но все равно тайна манила, была слишком притягательной для этого лета, лишнего интересных событий. Подумать только — уже 3 месяца я кажусь всем примерной девочкой. Да что там всем, даже себе. А это самое противное, надо сказать.

В-третьих, дата отъезда все приближалась и волновала с каждым днем сильнее. Столица — это практически новый мир. Я расспрашивала иногда наших магов, но с тех пор, как они учились многое могло поменяться. И да, я еду одна. Перестроиться на это оказалось тяжелее, чем думала.

Когда к такой задумчивой мне начали стягиваться знакомые ребята, немного напряглась.

А после прихода Рика, практически пыхтела.

Хотелось ведь побыть одной, подумать о вечном! А тут сначала Никки — сын судьи, потом Даниэль и Сол — неизменные стражи нашего городка, здоровенные, словно тролли,

кстати. А вот теперь еще и Рик, мачехин племянник и по совместительству самый приставучий из моих новообретенных поклонников. Почему новообретенных? Да просто все как с цепи сорвались, стоило уехать Лиру. А когда они вот так подкрадываются со спины, очень хочется поскорее слинять.

Рик намеков понимать не желал и настырно предлагал составить компанию. А когда я начала собираться, всячески выражая неудовольствие хмурыми бровями и сжатыми губами, он бросился помогать.

Что я снова соплю разгневанным бурундуком, заметила неожиданно. И сама себе улыбнулась. Лир бы меня уже вовсю дразнил и поддериживал, а этот вон идет и хоть бы что. То ли и правда не замечает, то ли очень хочет понравится и от того готов терпеть все мои чудачества.

Молодой человек бодро шагал рядом, нес почти не тронутую корзину снеди и яркокрасный плед, когда из кустов показалось золотисто-коричневое нечто. Огромный, больше похожий на медведя волк, рыча и скалясь, надвигался на очень испуганных нас.

Как не закричала, я не знала. Было жутко, до дрожи в коленях, ведь во сне Волчонок (так я мысленно его окрестила) казался поменьше. Чудовище было полтора метра в холке, с невероятно мощными лапами и хищно оскалившейся пастью. Да, бояться в данной ситуации не позорно.

— Рик, очень медленно поставь корзину перед собой. Он, наверное, просто почуял запах еды, — я старалась говорить уверенно, ведь из вычитанного мной за эти недели следовало, что оборотни при свете дня не нападают, они должны спать. А этот, видимо, ночью не охотился, и от того очень голоден.

Когда Рик опустил корзину, осторожно ее открыв, хищник жадно втянул воздух. Я с замиранием сердца ждала, что выберет оборотень. Очень вкусно пахнувшие пирожки или не настолько вкусно пахнувших нас. Я бы выбрала пирожки, потому что попробовать их безумно хотелось, но так и не удалось. Сегодня я только улыбалась надоедливим парням и жевала яблоко. Когда же заметила, что Волчонок, смешно морща морду, нависает над корзиной, дернула Рика за руку и потянула вниз по холму.

Домой мы добрались невероятно быстро, ведь бросились бежать, едва оборотень пропал из виду. И тут началось...

Эрра подняла весь город на уши, вызвали папу, который сегодня уехал по делам на ферму. Градон гудел и обрастал слухами. Обратней здесь раньше на наблюдалось, тем более днем в звериной форме. И то ли я была слишком эмоциональна в высказываниях, то ли Рик приврал чуть-чуть. Но симпатичный в общем-то Волчонок теперь был кровожадным чудовищем.

Через неделю всеобщего помешательства я просто чахла от бездействия. Понимаю родителей, которые отказывались отпускать на улицу малолетних детей. Ну а меня-то за что? Я же большая, к тому же маг. Могу этому оборотню так огоньком запустить, будет бежать дальше чем видит. Но меня никто не слушал. Заперли, поработили, заставили вышивать, да еще и Рик каждый день с пирожными ходит.

Ууууу, покарай их всех Богиня!

Глава 5. Новый друг лучше ль прежнего?

Это мое последнее полнолуние дома, перед отъездом. Через 5 дней я поднимусь на палубу и буду махать на прощание своим родителям белым платочком. И может я бы принялась скучать и ностальгировать, но только не после месяца вынужденного заточения, который просто взорвал мне внутренний мир.

Поэтому сегодня ночью, наплевав на технику безопасности, вывешенную на главной площади (и продублированную Эррой для меня лично, и теперь украшавшую входную дверь), я иду выслеживать оборотня.

Надев брюки для верховой езды и теплый свитер, прокралась к выходу. Но открыв дверь, сразу же отпрянула, заметив мелькнувшую тень. И тут раздалась сирена.

Вот кто бы мог подумать, что мачеха навесит маячков на движение, это ж дорогушие амулеты! Я ругалась, с невероятной скоростью несясь в свою комнату, чтобы успеть притвориться спящей.

Приключений сегодня не получилось. Поэтому почти до утра я читала талмуд про оборотней под тусклым светом пульсара.

Что ж мы имеем? Оборотнем можно родиться. В этом случае ко второй ипостаси не нужно привыкать, все происходит само собой. Ребенок с детства ощущает двойственной сути, а когда приходит время, и тело готово к изменениям, начинает оборачиваться. Сначала с трудом, испытывая муки, перестроения, но с каждым разом все легче, пока, наконец, процесс не становится автоматическим и безболезненным. К полнолунию они почти не привязаны, разве что становятся немного агрессивными, но обращаться могут в любое время. Такие оборотни живут нормальной жизнью — работают, имеют семью. Они незаменимы в силовых структурах. Благодаря второй ипостаси — быстрее, сильнее и обладают лучшим обонянием. Некоторые вспышки агрессии лечат вполне успешно. Оборотень может родиться с магией или без, главное, что кто-то из родителей обязательно имеет вторую ипостась.

Вариант, после которого оборотнем становятся — укус, с которым в кровь жертвы проникает нужный ген. Я не оговорила, именно жертвы. Потому что в отличии от первого варианта, процесс обращения взрослого человека невероятно болезненен, дети после такого вообще не выживают. Первое обращение ломает кости, полностью перестраивая тело и обычно приходится на полнолуние. Если это не убивает человека,

происходит принятие второй ипостаси — мучительное, медленное. Со зверем нужно найти общий язык, договориться жить вместе. Очень часто оборотническая сущность берет верх, и человек просто перестает существовать, теряя крохи разума. Остается только животное. Их выслеживают, уничтожают.

Легче пережить оборот и не сойти с ума удастся магам — более стабильная психика, или умение вовремя принять правильное решение, не знаю. Но полноценный маг-оборотень, это огромная силища, хоть и не всегда контролируемая. Вторая ипостась все-таки накладывает отпечаток, давая новые возможности и увеличивая ресурсы организма. Но она же и делает мага опасным. Полная перестройка может занять годы, и все эти годы велика возможность срыва. Кто будет держать рядом с собой полного силы одаренного, который в любой момент способен потерять контроль и превратиться в зверя?

И если с первыми понятно, учет оборотней ведется строго и им всегда рады в полиции, на должностях охранников, стражей, рабочей силы, наконец, то вторых отследить можно,

только в случае срыва. И никто в здравом уме не побежит рассказывать о своей уязвимости.

После всего вычитанного, пришло понимание, что мой Волчонок недавно обращенный. Раз даже днем не может поменять форму. Его стало очень жаль. Поэтому мысли, что оборотень опасен и нужно донести до властей всю полученную информацию, я пресекла. Не могу, и все. Я его видела во сне. Не просто так он прорывался ко мне в мысли. Это не одержимость, скорее всего Волчонок нуждается в помощи. Не напал ведь на нас с Риком, предпочтя пирожки.

Занятая такими мыслями, я даже мачехе кружев наплела несколько не возмущаясь, чем вызвала, прилив ее нежных чувств и удостоилась замечательного платя из ирландского льна.

Сегодняшней ночи я ждала, места себе не находя. Последний шанс, ведь следующие 2 дня будут посвящены сборам и прощанию с родным городком. Еще и лезть придется через окно, маячки на движение мачеха снимать не собиралась, будто чувствовала, что я выкину нечто подобное перед отъездом.

Магией помогать себе я не решалась, потому что толком не умела. Поднимать в воздух предметы получалось очень редко, а уж удерживать в таком положении и подавно. А тут еще и второй этаж.

Спуститься удалось кое-как, благо опыт в таких делах был. Но раньше меня всегда внизу страховал Лир, а теперь рассчитывать приходилось только на себя. Растущий рядом с домом дуб принимал в побегах наивысшее участие, милостиво позволяя по себе спускаться. Но ветку, почти примыкающую к окну, папа полгода назад приказал спилить. И у меня создалось впечатление, что они с Эррой узнали о ночных похождениях, ну или хотя бы догадывались. Причинно-следственные связи налицо, ведь что в детстве считалось шалостями, то для молодой девушки — табу. Побег из дома в сопровождении молодого парня выглядели крайне подозрительно. Мне лично сказано так ничего и не было, но внутреннее чутье не проведешь.

Так что сейчас пришлось не перебираться по ветке, как я делала много лет подряд, а прыгать из окна на дерево. Руки ободрала сильно, еще и коленом ударилась. Но адреналин в крови буквально кипел. Да и обезболивающее плетение получилось сегодня играючи. Богиня явно мне благоволит.

Никаких патрулей по пути не попало. То ли мачеха обманула, чтобы я не расхаживала где попало, то ли стражники халатно относились к своим ночным обязанностям. Но ко входу в пещеру добралась легко и быстро.

— Есть тут кто-нибудь? — стандартный вопрос, который снова остался без ответа.

Внутри было страшно. Все-таки ночь, это не мое время. Мерещатся по углам всякие тени и сырость пещеры вызывает нервную дрожь. Если я закричу, совершенно никто не придет на помощь. Но тут же одергиваю себя — маг я или кто?

Дойдя до нужного поворота, нерешительно заглянула за угол. Оборотень, словно большой котенок лежал, свернувшись клубочком на красном, моем любимом пледе. Чуть в стороне стояла пустая корзина. Золотой мех теперь отливал рыжиной и залиvisto искрился в свете пульсара.

Подняв свои невероятные изумрудные глаза, оборотень посмотрел открыто и будто бы строго. Как бы вопрошая: «Что нужно тебе здесь, человечка, да еще и ночью». И когда зверь медленно поднялся и двинулся прямо на меня, даже мысли не возникло отшатнуться. Какой-то он был свой. Одинокий, потерянный, возможно навсегда запечатанный в образе

огромного волка.

Помнит ли еще он о своей прежней сути или чувствует себя новорожденным зверенышем? Уткнувшись в протянутую руку, оборотень чуть подернул головой, требуя ласки. И я погладила, с удовольствием перебирая пальцами мягкую теплую шерсть.

Утром, наплевав на мечущуюся по дому мачеху, постоянно переругивающуюся со служанками, собрала полную корзину еды и снова пошла в пещеры. Как ни странно, рядом с этим потрясающим зверем я отдыхала душой. Впервые после отъезда Лира не накладывала на себя щиты. Несколько часов рассказывала ему сказки, свои детские приключения, вычесывала длинную шерсть и просто гладила, слушая довольное урчание.

— Я завтра прийти не смогу, — оборотень на это честное признание поднял голову, всматриваясь прямо в глаза. — Уезжаю на второй день рано утром. Поэтому извини, дружище, но еду придется добывать самому.

Зверь, все правильно поняв, вскочил на ноги, и перегородив выход, тихонечко взвыл. Я засмеялась.

— Тебя вроде больше не ищут, подумали, наверное, что сбежал. Поэтому можешь спокойно передвигаться ночью. Только пообещай, что человечков есть не будешь, — я улыбнулась досадливо поморщившему хищнику. — У нас лес богатый, там дичи полно... Плед свой дарю, кстати. Береги его.

На прощание обняв зверя за широченную холку, я двинулась домой. С Лиром было здорово носится в поисках приключений. Он был мне другом, лучшим и единственным. Других я в этом плане даже не воспринимала. Но вот сейчас в душе зажегся еще один огонек. И если не отъезд, мы бы подружились. Насколько возможна такая дружба — между человеком и нелегальным оборотнем, застрявшим во второй ипостаси. Бегали бы по холмам, смотрели вечером на беспокойное море...

Глава 6. Попутный ветер

Это было долгое и очень тяжелое прощание. Папа до последнего порывался плыть со мной.

— Богиня помоги! Папа, я уже взрослая. Мне нужно начинать жить самой, а не держаться за твои штаны, — я говорила уверенно, но, наверное, меня что-то выдавало. Может быть судорожные цепляния за отцовскую рубашку, может покрасневший нос, который я постоянно терла.

— Ты же ни разу в жизни от нас дольше, чем на день не уезжала, — вторила отцу очень расстроенная Эрра. — Пусть Маркус хотя бы до Академии тебя сопроводит.

Да уж, туда мне сопровождение точно не нужно. Поэтому я снова кинулась в их раскрытые объятия, пытаюсь зацеловать ближайших родственников до потери памяти.

Отказавшись от белого платочка, я просто махала, пока родители не стали мелкими точками. И даже, когда береговая линия родного городка совсем скрылась из виду продолжала движения рукой — вверх-вниз, вверх-вниз...

Лир продолжал толкать качели, хотя я уже кричала, срывая голос. От постоянного ощущения падения тошнило, и руки держали с каждым взмыванием вверх все хуже. Тело покрыла испарина. Это не страх, скорее обреченное признание, что друг не остановится.

— У-у-у-уби-и-и-ийца-а-а-а-а.

На мой очередной голосовой спазм этот недальновидный человек зловеще расхохотался. Почему недальновидный? Да потому что как только я отсюда спущусь, ждет его стрижка под ежика вместо модных брюнетистых локонов. Я даже силу заклинания рассчитывать не буду, шандарахну со всей дури.

Он очень хотел, чтобы у меня вышло заклинание левитации. Думал — я на нужной высоте, еще и в состоянии полета, это уже полдела. Остается только сконцентрироваться. А то, что у меня с последним и без стрессовых ситуаций проблема, он из внимания упустил.

Я честно старалась. Сначала в полсилы, когда это раскачивание только началось. Даже смеялась, глупая. Потом, поняв, что друг с цепи все-таки сорвался, старалась отчаянно. Но теперь, когда тело слабело с каждой минутой, а руки едва держали толстые тросы качелей, нужных пассов я сделать была просто не в состоянии.

Крикнув что-то в отношении Лира в последний раз, я осознанно расцепила пальцы. И в процессе полета на жесткую, хоть и покрытую травой землю, просто постаралась позвать ветер. Мне это удавалось с переменным успехом, но сейчас он был послушен. И словно любимую девушку подхватил под поясицу, аккуратно опуская.

Мстительно улыбаясь и даже не обернувшись, я послала в своего лучшего друга убийственное заклинание, раздобытое накануне у судьи. Признаться, любоваться коротким ежиком зеленых волос было даже приятнее, чем с утра лицезреть ровный газон вокруг своего дома.

Плавание, длиной в 4 дня грозило обернуться для меня смертью. Без всяких шуточек. Так плохо я себя не чувствовала, даже когда отравилась грибной запеканкой. Море в любви мне взаимностью отвечать отказывалось. А я ведь даже старалась с ним договориться — в первые пару дней. А сегодня просто обессиленно лежала, наплевав на завтрак, обед, и вот теперь ужин. Хоть корабельный кок был очень даже не плох. Но с каждым взмыванием на волну хотелось выть. Прямо как мой Волчонок. Мысли складываться в нужный коллаж не

желали, потому что снова и снова подступала тошнота.

Я в первый день плавания самонадеянно решила, что с таким явлением, как морская болезнь, справлюсь легко — всего то и нужно наложить правильное плетение. Но попытки применить обезболивающее заклинание не дали абсолютно ничего. Как и воздействия на желудок, кишечник, легкие, гортань... Бесполезно. Видимо потому, что это вовсе и не болезнь, и даже не психосоматика. Оставалось только воздействовать на гипоталамус, вызывая затяжной сон.

Моей деятельной натуре все это очень не нравилось. И ночью третьего дня плавания, с трудом отскребая себя от корабельной койки, я решила предложить капитану помощь.

— Что-что Вы хотите, юная мисс? — капитан Юджин взирал на бледно-зеленую меня, как на повредившуюся в уме.

— Попутный ветер вызвать, что тут непонятного? — я и так еле сдерживаю позывы срочно броситься в туалет, а тут еще всякие тугодумы.

— Камелия, а Вы уверены, что силы хватит? — капитан коварненько ухмыльнулся и, честное слово, сейчас походил на пирата. Очень симпатичного, надо признать.

— То есть на прочность меня проверяете, да? — не собиралась вестись на столь явный стеб, но бездействие меня просто убивало.

С силой втянув в себя воздух, выдохнула в паруса уже шквалистый ветер. Сама не знаю, как такое получилось, видимо 3 дня бездействия пополнили мой резерв. Ведь мелкие плетения, что я пыталась из себя вытянуть лишь немного его раскачивали, и вовсе не требовали большой силы.

Корабль порядком швырнуло, я полетела назад, больно ударившись о приютившуюся неподалеку бочку. Капитан же едва успел ухватиться за штурвал.

— Ведьма тебя задери... тролья пятка в орущий рот... набрал на свою голову в пассажиры магичек бестолковых! — капитан ругался долго и со вкусом. И видно было, что это ему доставляет невероятное удовольствие. Будто человек долго сдерживался, а тут раз — отдушина, попавшая под горячую руку.

Хорошо, что я сунулась сюда с такой инициативой после захода солнца, когда все пассажиры уже счастливо отдыхают в своих постелях. Иначе кто-то мог пострадать. А так

— обошлось, значит меня не прихлопнут от избытка чувств.

Я так и сидела около этой бочки, потирая ушибленный копчик, от чего-то счастливо улыбаясь. Наверное, потому что тошноту, как рукой сняло. И вот — капитану помогла напряжение снять. Одни плюсы.

— Вставай уже, чудо, — передав штурвал подбежавшему старпому, капитан Юджин протянул мне руку.

Это было дружеское движение и я немного успокоилась. Все-таки капитанского гнева моя пятая точка опасалась.

— Ты в Академию едешь, Камелия? — вот мы уже и на «ты». Я видимо очень открыто улыбалась этой фамильярности, и капитан принял такой оскал за положительный ответ. — Это ты правильно, такую силу без умения ею управлять оставлять нельзя. Но как здорово

— р-р-раз и ветра столько в паруса, — Юджин широко развел руки, показывая сколько ветра нам досталось и даже причмокнул от явного удовлетворения.

— Давай-ка мы с тобой завтра с утра потренируемся, девочка моя, глядишь и тебе польза, и приплывем пораньше.

Перед тем как уйти, я порывисто обняла этого сурового человека, очень сильно мне

понравившегося. Ведь никто еще не хвалил мой дар вот так — просто, скупо, но открыто и от всей необъятной души.

— Ущипни меня, эльфийка! — капитан орал, как будто его и правда задела эта неведомая мне девушка — Ты силу-то, силу контролируй!

Ему было легко говорить, но внутри меня будто лопнула сдерживающая струна. И теперь поток начинал литься, стоило только поманить и попросить.

Я всего неделю назад гордилась своей способностью дозированно вливать силу в целительские плетения. А сейчас душа пела от осознания этой безграничности. Вокруг меня плескалось море — и в буквальном, и в фигуральном смысле. Сила разливалась повсюду, пьяня и искушая. Ее даже не нужно было преобразовывать. Бери и действуй.

— Камелия, ну кому я говорю. Нельзя швырять ветер, как будто это невесомый эфир. Почувствуй его.

Юджин дотронулся до моей руки, помогая понять — какого это, чувствовать легкое прикосновение, а не толчок, от которого улетаешь на противоположную сторону палубы. И вроде бы понятно, но на деле малоприменимо.

В итоге я так и не наигралась с безграничной силой стихии. Швыряя все большие порывы в надутые до отказа паруса. Но легко остановилась, стоило капитану сказать заветное слово.

— Ками, иди в каюту, 60 миль, и мы на месте.

Меня от чувств переполняло. Берег. Эдарон. Новая жизнь. В каюту не просто шла — бежала. Вещи с собой везла только самые необходимые, ведь понимала, что придется со всем разбираться самостоятельно, в том числе и транспортировкой багажа. Но все-таки сейчас нужно было собрать по каюте разбросанные мелочи.

На палубу, когда бросили якорь, пробиралась не в первых рядах. Не то, чтобы это было желанием плестись в хвосте. Хотелось просто затеряться в толпе, впитать радостные эмоции чужих встреч.

Меня тут не знали, но счастливо улыбались. Это было приятно.

— Камелия! — окрик я услышала уже подходя к скоплению носильщиков, кэбов, и прочей наемной силы. Капитан Юджин спешил догнать нерадивую ученицу.

— Камелия, послушай, — мужчина некрепко схватил меня за локоть. — Вот тут мой адрес в Эдароне. Не самый престижный район, но, если возникнут проблемы с жильем, обращайся! — капитан немного стушевался, размышляя, стоит ли продолжать разговор. — Ну, или вопросы вдруг... тоже буду рад оказать помощь. Я здесь живу от рейса к рейсу.

Я внимательно посмотрела на этого мужчину — совсем не старого и очень привлекательного, и решила, что он действует от чистого сердца. И такое личное предложение действительно несет в себе лишь желание помочь. Поэтому тепло улыбнулась, принимая записку.

— Спасибо... Капитан, я хотела спросить... — Юджин, до того пребывающий в некотором замешательстве немного расслабился. Видимо, помощь предлагал на чистом энтузиазме и боялся, что я могу воспринять предложение превратно. — Месяца 4 назад на вашем корабле плыл юноша, Лир. Его потом искали... Кхм, кхм. — пришлось прочистить горло, ведь спрашивать про друга оказалось неожиданно тяжело.

— Я его помню, Ками, — капитан смотрел внимательно и настороженно, как зверь, готовый к прыжку.

— Где он сошел? — да я смогла. Сказала, спросила и теперь в нетерпении ждала ответ.

Готовая в любой момент активировать защитные плетения, хоть в последнее время сердце вело себя более спокойно.

— Маленький порт близ Эдарона. Мы в этот раз там не останавливались.

Разочарование. Оно опустилось на меня, будто мешок с соломой. Вроде и не непосильная ноша, но нести долго тяжело.

Должно быть мое лицо, как открытая книга, ведь капитан почти сразу крепко обнял, будто пытаясь защитить. А я так и цеплялась за него, впитывая чужое тепло, пока совсем не отпустило.

Поблагодарив еще раз Юджина, я пошла к стоянке наемных экипажей, думая о том, что Лир этой остановкой, не доезжая Эдарона, ставил точку. Окончательно и бесповоротно. Одно дело искать его в столице, где планировали учиться, а другое — непонятный пригород, до которого и добраться-то будет проблематично.

Глава 7. В омут с головой

Со всех сторон слышался хохот, смешки и крики возниц. Но мне нужен был не просто наемник, быстро домчащий до места. Главное сейчас — информация! А для получения одной годился хороший сплетник, точно знающий все и обо всех.

В надежде найти подходящее лицо, я оглядывала небольшую площадку. Дорогие коляски стояли немного в стороне и ближе к основному выходу. Кэбы попроще занимали, пожалуй, основную территорию. Но были и совсем бедные средства передвижения, более напоминающие телеги, хоть и покрытые черным лаком.

Я обратила внимание на кучку активно переговаривающихся человек и напрямик двинулась туда.

— Я тебе говорю, Карл, дело верное, сам недавно наварился на 100 куинов, — полноватый кучер в изрядно потрепанной куртке доверия не внушал. Да еще и говорил, сильно надвинув шапку на глаза, будто бы пытаюсь их скрыть.

— Мерил, иди ты уже в док со своими авантюрами! — а вот этот мне понравился. Чисто одетый, достаточно молодой, с рассыпающейся по лбу русой челкой. Не чужд любопытства, раз увлекся разговорами, но и на откровенные провокации не ведется. Надо брать.

— Молодой человек! — я дождалась пока на меня посмотрят большие голубые глаза. — Да, Вы. Я ищу извозчика.

— У нас тут вообще-то очередь, мисс, — в разговор нежданно вступил стоящий поодаль мужчина.

— Мы с Карлом тысячу лет знакомы, я ни с кем другим не поеду! — даже ножкой притопнула для пущего эффекта.

Молодой мужчина просиял и тут же ринулся ко мне.

— Нора, а я тебя не узнал. Выросла-то как! — приблизившись и быстро отобрав чемодан, Карл потащил меня к экипажу.

— Ох, мисс, уж и выручили вы меня, от этого пройдохи Мерила просто так не отделаешься. Всю душу сначала вывернет, — парень быстро прикрепил чемодан к задней стенке кэба и, приобняв, буквально закинул меня на сиденье. — Куда едем?

Я выгнулась назад, до упора повернув шею, чтобы иметь возможность видеть Карла.

— А вот с этим у меня как раз проблемы, — я немного тушевалась, вот так запросто говорить с незнакомцами не приучена.

— Да Вы говорите как есть, а там уж решим, — извозчик тем временем не терял ни минуты и уже выруливал на большую оживленную улицу.

— Мне нужна комната, хорошая, большая и обязательно светлая. Было бы даже лучше, если с отдельным входом, — на последнем предложении парень на меня изучающе так посмотрел, что я даже покраснела. — Да нет! Вы не о том подумали! Я изобретатель, покупатели же будут приходить.

— А-а-а-а. А то я и смотрю, не похожи Вы на гулящую, — Карл подмигнул, обаятельно расплываясь в улыбке. — Но и на изобретателя тоже не тянете, — а вот тут я не выдержала и стукнула его сложенными перчатками. Хотела по плечу, но тут уж куда смогла дотянуться. Ответом мне был громкий хохот.

— Нет, ну а что? Вам сколько — 16? Никто не пойдет к сопливой девчонке.

Он был, конечно же прав. Но обидно то как...

— Что ты предлагаешь, Карл? — переход на «ты» дался до неприличия легко. Это был абсолютно мой человек. Поняла с первых секунд разговора, как только он подыграл, продолжая спектакль с давними знакомцами.

— Мы так и не представились, кстати, — шляпы на парне не было, но он поднял вверх воображаемую и даже шутовски изобразил поклон.

— Камелия. — нас изрядно тряхнуло на каком-то ухабе. — За дорогой следи, артист!

— Так вот что, Камелия, — он опять бросил дорогу, всюю наблюдая за моей реакцией.

— Предлагаю свои услуги для реализации любых твоих замыслов.

— До места доедем, поговорим, — я ткнула ему в спину, напоминая, что еще одной кочки кэб может не пережить. А заодно и спрятала свою улыбку. Вот так день сегодня, вот так день.

— Ты куда меня привез? — если честно, в таком квартале страшно было и из экипажа выходить.

— Не тушуйся, партнер, я тут живу.

— Хм. — я даже закашлялась от такой наглости. Партнер! Ну надо же. Если он с такой же скоростью, как партнеров заводит, будет клиентов находить, я, пожалуй, даже согласна. — Чемодан мой возьмешь?

— Будет сделано в лучшем виде, мисс, — позер вновь приподнял несуществующую шляпу и подхватил мой скромный багаж. А вот руку подать даже и не подумал. Да-а-а, манерам его учить и учить.

Со ступенек экипажа пришлось прыгать, но это у меня всегда легко получалось. А вот грязи под ногами я не ожидала. Брызги зацепили не только подол платья и башмаки, досталось также стоящему рядом Карлу и почти новенькому коричневому чемоданчику.

Но такой насыщенный на события день видимо меня вымотал. Потому что я не расстроилась. От слова совсем. Гораздо интереснее было рассматривать улицу.

В таких районах мне бывать еще не доводилось. Мы всегда жили обеспеченно — у отца ферма и обширные поля, большой салон по пошиву одежды у мачехи. Отсутствие титула в провинции было незначительной мелочью. Нас принимали в высшем обществе и всегда относились благосклонно. В столице я бы чувствовала себя среди аристократов некомфортно, здесь правила соблюдались гораздо строже. Но тем не менее, в грязь лицом не ударила.

Мы с Лиром очень часто забирались и в бедные районы Градона. Нас вело любопытство. Но то, что я наблюдала сейчас было много хуже. Грязная узкая улочка, обшарпанные стены двухэтажных домов и вонь, пробирающая до предела мой привередливый нос.

— Карл, я надеюсь мы тут ненадолго?

— Тяжело сказать, партнер. Заработаем чуть-чуть денег на твоих изобретениях и обязательно переберемся в места получше, — лучезарная улыбка на заляпанном грязью лице смотрелась, мягко говоря, странно.

Заходить в комнаты Карла я боялась, ожидала чего-то такого, как и на улице. Но парню удалось меня удивить. Чистая светлая спальня, она же, видимо и гостиная, и маленькая кухонька, где с трудом помещался только стол со стулом. Выкрашенные в песчаный стены звали меня взять в руки краски. Уж очень тут не хватало разухабистых цветочков всех цветов палитры. Но я тут же себя одернула, ведь жить тут буду недолго, а комнату потом сдавать как-то нужно.

Закинув чемодан подальше, Карл развалился на кровати, кстати, единственной тут. И принялся рассматривать меня — пристально и с явным гастрономическим интересом. Еще бы облизнулся плотоядно, зубы тогда точно ему пересчитала.

— Итак, что мы имеем? — парень, заложив ногу на ногу, начал загибать пальцы на руках. — Человек, желающий работать — одна штука; человек, желающий ему помогать — одна штука; покупатели на целый чемодан неких изобретений — бесчисленное множество, — пальцы на руках Карла неожиданно кончились. — Когда начинать, партнер?

Я всю эту сцену наблюдала, прислонившись к шкафу и скрестив руки под грудью. До чего же наглый все-таки тип. Но себя в обиду я давать тоже не собиралась, поэтому просто прошла через комнату и скинув ноги парня, уселась на кровать рядом с ним.

— Продавать пока в общем-то и нечего, изобретений в чемодане у меня нет, — Карл заметно погрузтел. Видимо рассчитывал на мгновенное обогащение. — Но мы имеем огромный потенциал и человека, который сможет найти клиентов на слегка нелегальные изобретения.

Карл даже вскочил от таких новостей. И с лихорадочным блеском в глазах воскликнул:

— Так ты маг? Это все меняет, — он резко вздернул меня с кровати, да так и держал, обхватив за плечи. — Что ты умеешь, Камелия?

— Зови меня Ками, партнер, — я радостно улыбнулась. Такой энтузиазм заряжал на мгновенные подвиги. Мягко вывернувшись из его рук, я зажгла на ладони пульсар. И дождавшись восхищенного вздоха, пустила в парня обездвигивающим плетением. Я целилась в руку, но попала куда-то в район солнечного сплетения.

— Ай, — парень согнулся пополам, и я тут же кинулась к нему.

— Что такое? Где болит? — неужели перепутала плетения и запустила в Карла боевым?

— Не чувствую ничего... — он говорил еле-еле, едва ворочая начинающими синеть губами.

Я готова была кричать в голос, звать на помощь, да хоть что-то делать, лишь бы помочь. Богиня! После утренних экспериментов с ветром, я не рассчитала сейчас силу и влила в плетение слишком много. Он же вздохнуть не может. Тело погрузилось в стазис, а мозг продолжал работать, задействуя все безусловные рефлекссы.

Я медленно, буквально по капле, начала напитывать простейшее целительское плетение и первым делом направила его в область груди. Лишь бы подействовало.

И когда Карл смог сделать первый судорожный вздох, я продолжила действовать таким же порядком. Плетение в область живота, ног, каждой руки. После любого вливания силы, я ждала возвращения чувствительности. А как только парень смог подняться, помогла дойти ему до кровати.

— Теперь я понимаю, почему до изобретений допускаются только обученные маги, — Карл смотрел очень внимательно, но в его взгляде не было обвинений. Он скорее что-то просчитывал в уме. — И это нам только на руку. Ты не скована прописными истинами, которые вдалбливают в Академиях. Не имеешь понятия о гранях возможного воздействия. А значит, сможешь выполнять любые заказы.

Я лишь испуганно моргала на такое его умозаключение. В чем-то он, конечно, прав. Но у меня есть также свои грани, и собственные, пусть и непрописанные истины.

— Я не буду изготавливать боевые плетения с поражающим эффектом.

— Конечно нет, иначе нас тут же поймают, — Карл усмехнулся. — Давай ложиться спать, завтра с утра я приведу первого клиента.

— И где же моя кровать? — у меня этот вопрос в голове крутился с первого взгляда на комнату со столь скудной обстановкой.

— Здесь. А я переночую на раскладушке.

После этих слов Карл проворно согнулся и вытащил из-под кровати много раз сложенный предмет. Несколько манипуляций, нажатие на потайную кнопку и вот передо мной уже полноценная, но правда, узкая одноместная койка.

— Такие на военной службе очень распространены, — ответил на мое явное изумление парень.

Вытащив из своего удобного маленького чемоданчика длинную плотную ночную сорочку, расческу и зубную щетку, я снова закрепила магический замок. Не то, чтобы не доверяла своему нечаянному деловому партнеру, просто кроме него здесь могло быть сколько угодно нежеланных личностей.

Глава 8. Делу время, или как мы с партнером кровью менялись

Я обычно сплю очень чутко, но в эту ночь будто сонными чарами напитали. Открыла глаза только к обеду и тут же кинулась собираться. Ведь когда Карл приведет первого клиента, неизвестно.

Времени оказалось в обрез. Я как раз заканчивала приводить в порядок непослушные волосы, когда услышала стук входной двери.

— Камелия, дорогая, у нас гости, — я с удивлением слушала режущее слух обращение Карла.

Я сделала легкий реверанс и принялась с интересом рассматривать вошедшего. Это был полный, грузный мужчина, более походящий на медведя. Добротный деловой костюм, небрежно брошенный плащ. Я понимала, что он — не маг. Хотя сейчас есть всякие, скрывающие фон, артефакты. Просто не чувствовалось в этом человеке искры. Значит нужно будет работать с предметом, дабы превратить его в амулет. Мы с Лиром пробовали подобное, но получалось через раз. Но сейчас — это не детские шалости. Поэтому придется стараться на пределе возможностей.

— Мистер Кобистер, мисс, — представился мужчина и попытался забрать мою руку для поцелуя. Но я протянула ему ладонь для мужского рукопожатия, чем немного смутила гостя.

— Мы не на балу, мистер, Кобистер. Поэтому долой пережитки этикета, — я поощрительно ему улыбнулась, надеясь, что он приступит к описанию задания.

— Я не думал, что работать предстоит с ребенком, — мужчина заметно тушевался. И я по глазам видела, что он нам не верил и сию секунду готов был повернуться к выходу.

— Не судите о моей силе по внешности, — я, как и вчера, при Карле, зажгла модифицированный пульсар. При дневном свете он выглядел не слишком эффектно, зато давал ясно понять, что перед вами маг. Мужчина немного помедлил, все еще не решив — связываться с нами или нет.

Тогда я решила показать фокус. Быстро схватив с кухонного стола прозрачный стакан, накрыла им висящую сферу, прихватив основание ладонью. Пульсар резко сузившись, превратился в малюсенький огонек и продолжил все также ярко мерцать в ограниченном пространстве.

Мистер Кобистер удовлетворенно крикнув, все-таки отважился пройти к единственному, имеющемуся у нас стулу.

После ухода Карла с нашим первым клиентом, я смогла выдохнуть. До последнего не могла поверить, что сделка все-таки состоится. 150 куинов! Подумать только. Но в цене партнер не прогадал. Мне предстояло создать отслеживающее плетение и напитать им кольцо невесты мистера Кобистера. Ничего сложного. Однако любое заклинание слежения в королевстве, наложенное не представителем закона, приравнивается к преступлению.

Что ж, угрызений совести данное действие у меня не вызывает. Только чистый, не замутненный научный интерес — как сделать плетение слежения незаметным. Вычислить мага, наложившего заклинание можно только по остаточному следу, который исчезает примерно через 10 часов после применения. Значит именно меня тут вычислить невозможно, достаточно подождать ночь, перед выдачей клиенту готовой работы.

Тут дело в другом. Любой маг легко вычислит чары слежения, достаточно посмотреть

особым зрением. Так обычно и определяют прослушку и прочие каверзы. Невеста мистера Кобистера обычный человек, тем не менее, попасться можно всегда.

Я просидела над плетением до поздней ночи, но так и не достигла нужного эффекта. Скрыть заклинание удавалось, но спустя пару часов оно проявлялось вновь.

Нестабильное, Богиня его побери!

— Кобистер будет рекомендовать нас коллегам, если удастся подготовить кольцо к завтрашнему вечеру, — Карл незаметно прокрался к кухонному столу, и заглядывал теперь мне за плечо.

— Честно говоря, не знаю. Весь день сегодня возилась с ним, но плетение стабильностью не отличается, — я устало потерла поясницу. — Ты где был до ночи?

— Выполнял свою часть сделки, — он загадочно прищурился. И на мой недоверчивый взгляд только плечами пожал. — Нет, ну а как ты думаешь, где я могу найти потенциальных клиентов? Извозчики, те же слуги. Их не особо замечают и могут продолжать обсуждать свои дела. Я сегодня специально брал только состоятельных клиентов, и скажу тебе — слушать нужно уметь. Кобистера кстати так и привлек.

Услышал, как он по магкристаллу жаловался брату, что подозревает невесту в неверности. И тут же предложил свои услуги.

— Магкристаллу? — я даже рот открыла от изумления. — Это ж баснословно дорогая штука!

— Ага, я сам их только несколько раз видел. Говорю же, главное брать состоятельных клиентов и слушать их треп.

— Если у Кобистера есть магкристалл, ты представляешь, насколько он богат и влиятелен? Да вообще... — у меня слов не было. — А если я что-то не так сделаю с этим кольцом? Да он нас по стенке размажет и не заметит! Ты думай в следующий раз кого на деньги раскручиваешь.

— Слушай, Ками, надо было 200 куинов просить...

Я лишь глаза закатила — этот тип неисправим. Я ему про опасность, а он только о деньгах и думает.

На формирование устойчивого плетения я угробила целую ночь. И готова была сидеть и дальше, но тут заметила свою основную ошибку. Я не учитывала такой параметр, как время. Привыкла работать с обычными, быстро распадающимися заклинаниями. Нужно было просто соединить 2 компонента. Ведь все боевые плетения скоротечны, а целительские, напротив, рассчитаны на длительное применение.

Богиня, как же это приятно, ложиться спать настолько усталой, но с пониманием полностью выполненного долга.

Карл привел мистера Кобистера уже поздно вечером, когда нормальные люди ложатся спать, а не нормальные отдают старые и принимают новые заказы.

Мы решили с клиентами общаться именно ночью, чтобы не привлекать внимание к текущему месту жительства.

— Точно никто не сможет прочесть наложенное заклинание? — Кобистер волновался. Оно и понятно. Не каждый день совершаешь незаконные действия. Но видимо, желание узнать больше о невесте до заключения брака, толкало на безумства.

— Я долго думала, как сделать, чтобы Вы в случае чего поняли, что плетение вновь видимо. Вот видите на Вашем кольце маленькую точку? — я аккуратно поддела крохотный глазок на массивном перстне, который держала в руках. — Это своеобразный маячок. Если

слетит заклинание невидимости, он загорится алым.

— То есть все-таки осечка возможна? — мужчина выглядел недовольным и подсознательно все больше наклонялся ко мне. Честно, говоря, стало не комфортно. Заметивший эти движения Карл тут же отодвинул его от меня.

— Мистер Кобистер, я не хочу Вас обманывать и хвастаться своей гениальностью. Я ранее никогда не работала с незаконными плетениями, и тем более, не старалась их скрыть, — мужчина мой посыл понял и немного пришел в себя. — Повесить «следилку» легко, а вот сделать незаметной на неограниченный срок... скорее даже невозможно. Магия не статична, и любой артефакт рано или поздно истощается. Так и здесь. Не желая подвергать ни Вас, ни нас опасности, был сделан маячок, — я обвела мужчин многозначительным взглядом. — Ваша задача, мистер Кобистер, снять кольцо с невесты, как только загорится красный огонек. Можете принести его потом мне, я или обновлю невидимость, или удалю само заклинание слежения.

Кобистер от моей пламенной речи не только успокоился, он уверился в том, что иначе было нельзя. И даже добавил сверху 10 куинов, якобы за срочность исполнения заказа. Хотя я отчаянно блефовала. Потому что просто не знала, как сделать заклинание статичным. Мне не хватало знаний. Теперь это ощущалось отчетливо.

— Ну, Ками, ну молодец! — Карл радостно потирал руки перед тем, как приступить к подсчету полученных денег. — Как ты его «Магия нестатична, артефакты истощаются», прямо заправский профессор, а не маленькая девочка.

— Я не маленькая.

— Да ладно тебе к словам-то придирааться. Я ж любя! — парень подошел со спины и стиснул в объятиях обиженную меня. — У меня родных вообще нет, а как тебя увидел, прямо захотелось сестренку иметь. Вот такую — умненькую, храбренькую и дико колючую.

Карл успел отскочить прежде, чем я его за «колючую» локтем в бок пихнула. А ведь он прав, я тоже отчего-то видела в нем старшего брата.

— А давай побратаемся? — Карл с загоревшимися глазами пошел искать что-то на кухне. — Ты же маг, наверняка знаешь, как это делается.

Да, я знала...

— Лир, а ты меня любишь? — я сидела на плотной изгороди, покачивая иногда ногами, и наблюдала как папа кричит на управляющего. Слов слышно не было, а вот эмоции на лицах, жестикуляция...Прелесть, а не зрелище.

— А ты меня? — Лир похвастаться таким же малым весом, как я не мог, поэтому сидеть на изгороди у него не получалось. Он ее подпирал, стоя рядом, и тоже с интересом смотрел «театр пантомим».

Мы говорили не глядя друг на друга, увлеченные зрелищем, но все-таки момент с признаниями был волнительный и оба нервничали, хоть и старались этого не показать.

— Ты мой самый близкий человек. после папы, конечно. Поэтому да, очень люблю, — я потянулась его обнять, но изгородь покачнулась и лишь Лир в качестве подпорки, спас нас всех от падения.

Он теперь стоял вплотную и сверлил меня взглядом — темным, тяжелым, постепенно сжигающим что-то внутри. Я даже вздохнуть не могла от переполняющих сердце эмоций. И это требовало выхода — кричать, кусать, бить куда попало. И я снова потянулась к Лиру, желая хоть как-то облегчить эту горячую лаву, поселившуюся внутри. Немного остудить...

Он тоже качнулся навстречу и тьма в глазах становилась иной, даря понимание, что у

него внутри тоже жжет. И помочь тут можно только вот так — близко-близко прижавшись.

— Так молодежь! А ну пошли помогать, — папин голос, прозвучавший чуть в стороне, будто взорвал образовавшийся между нами вакуум.

Мы отшатнулись друг от друга одновременно. Лир устоял, а вот я с визгом полетела по ту сторону ограды, куда-то в овраг. Было не больно, но обидно. Не из-за падения, а от того, что пожар внутри не дали залить холодной водой, лишь слегка присыпав землицей.

Мы шли за папой. Оба задумчивые, но размышляющие видимо о разном. Потому что, когда я дотронулась до руки друга, он вздрогнул и резко остановился. Потянув его за рукав, чтобы не тормозил, слегка прибавила шаг.

— Лии-и-р, — я позвала шепотом, чтобы папа не услышал, и дождавшись, когда он наклонится, проговорила. — Раз мы друг друга любим, давай брататься?

Рука под моими пальцами напряглась. А я, приняв молчание друга за согласие, радостно затараторила.

— Я вчера в книге вычитала, что между магами, или если хотя бы один в паре одаренный, можно провести обряд. Тогда они становятся родными, хоть и не по крови. И между магами возникает единение, а у более слабого появляется больше возможностей. Ты же знаешь, что мне тяжело все дается, а если побратаемся, то буду как ты — Вхух, Фух!

Я начала размахивать руками, показывая, как буду с магическими потоками легко управляться.

— Только это все навсегда, до самой смерти. Но раз ты меня любишь, а я тебя, то это все равно навсегда, да? Так какая разница. Будем как родные брат и сестра.

Я смотрела на странно притихшего сейчас Лира, и все не могла остановиться. Хотелось донести до него свою мысль. Почему я на такой обряд решилась. Поэтому полным надежды голосом проговорила:

— Ну так что, придешь ночью?

Лир в ответ глядел на меня с какой-то тоской и будто жалея. А потом обреченно выдохнул:

— Приду.

Но в эту ночь началась гроза, а потом случилось нашествие саранчи, и папа забрал меня с собой на ферму, помогать. А через месяц мне исполнялось 16. Эрра готовила праздничный вечер, и за всеми этими хлопотами, примерками и бесконечными чаепитиями, про обряд как-то забылось.

Наверное, хорошо, что мы с Лиром так и не побратались. Потому что огонь, пробужденный тяжелым взглядом у покосившейся изгороди, с каждым днем все более разгорался. А я была слишком мала, чтобы принять происходящие во мне изменения. На дружеские подначки приходила обида, на братскую ласку — желание прижаться теснее, на заинтересованные взгляды в сторону других девушек — жгучая ревность. Но в силу своего возраста и несмышлености, я реагировала агрессией. Почти весь предыдущий год мы с Лиром провели в ссорах. Не удивительно, что ему захотелось сбежать...

Карла я воспринимала иначе. И теперь отчетливо видела эти отличия. Мне не хотелось до него постоянно дотрагиваться, стараться добиться успеха, чтобы казаться лучше. Не хотелось наряжаться и пялиться в зеркало, поправляя прическу. Мы с Карлом приняли друг друга вот такими — какие есть, и стремиться к совершенству никто из нас даже пытаться не будет.

Поэтому на его тираду я и сказала:

— Нож неси, братец!

Процедура была невероятно проста и сложна одновременно. Физически нужно было просто надрезать ладони и смешать кровь. Слова заклинания значения не имели, достаточно сказать что-то типа: «Кровь к крови, сила к силе, мы — брат и сестра по духу». Самое же важное заключалось в другом. Обе стороны должны действительно хотеть такого единения и быть, что называется, родственными душами. Именно поэтому я и приставала тогда к Лиру со словами «А ты меня любишь?». Ведь магию не обманешь и чувства должны быть правдивыми, искренними.

И вот сейчас мне и представлялась возможность проверить бескорыстность нового знакомого.

Магия отозвалась легко, мои слова были приняты благосклонно, а вот Карл удивил. После произнесения клятвы его окутало золотым сиянием. И на наших запястьях у основания большого пальца, прорезалась маленькая буковка «К». Все правильно — Карл и Камелия. Теперь брат и сестра. Я приняла этого парня в свой род.

Только вот такое было возможно при наличии магии у обоих участников обряда.

— О, Ками, ты такая красивая сейчас, прямо светишься!

— Да-да, Карл, ты тоже.

Я подняла окровавленный нож, и похлопав свободной рукой по плечу новоявленного брата, направилась к умывальнику.

Что же получается, у парня была магия, но в какой-то малой толике, совсем зачаточном уровне. Я даже ауры его не видела. И она бы никогда в нем не проявилась. Но этим обрядом мы ее активировали. Магия в Карле все также очень слаба, но зато теперь у него появились свои преимущества.

— Карл, я не буду вдаваться в ненужные подробности. Скажу лишь, что ты теперь тоже в какой-то степени маг, — я встретилась с огромными голубыми глазами, которые из орбит готовы были выскочить. — Магии в тебе лишь чуточка, но ты сможешь видеть ауру. На человеке или предмете, не важно. Главное, что отличить мага ты теперь в состоянии, также, как и понять где обычный браслет, а где амулет. А вот колдовать вряд ли, — я покрутила рукой, разглядывая золотую букву. — Хотя во время эмоциональных срывов всякое возможно.

Парень теперь выглядел так, будто понял, что он чудовище.

— Да не переживай. Все к лучшему, — я ему подмигнула. — И еще мы с тобой теперь друг друга будем чувствовать, легко находя, например, в толпе, — по мере моих слов, лицо Карла вытягивалось все больше. Он видимо не совсем осознавал на что шел. — И предать друг друга будем не в состоянии. Мы теперь связаны, брат. До самой смерти.

Глава 9. Новый поворот, или все не так, как кажется

Привыкнуть к новому ритму жизни оказалось легко. Я и раньше часто ночами бодрствовала, отправляясь с Лиром на поиски приключений, поэтому сейчас не спать, было просто.

За 2 недели проживания в этой маленькой комнатке, я ни разу не вышла на улицу. Было немного брезгливо, да и страшновато. Мерещились головорезы с припрятанными за пазухой ножами и прочая мерзость. Карл мне также одной ходить не советовал. Но днем его просто не было дома, а вечерами я была поглощена выполнением заказов.

Кобистер сдержал слово и активно нас рекомендовал своим знакомцам. Всего таковых набралось 5. Но были и люди со стороны, которых активно искал Карл. И я попросила новоявленного брата соблюдать ряд требований.

Во-первых, раз уж он так удачно теперь видит ауры, не брать в заказчики магов. Это с Кобистером у меня получилось немного приврать и произвести хорошее впечатление. А вот магу, всю жизнь в этом вертящемся, бред нести я бы поостереглась. Да и вообще, одаренный и без моих услуг таких амулетов ворох наклепает, а значит, в случае его прихода к нам, цели будут иные.

Во-вторых, не набирать срочных заказов. Ведь я не профессионал и на выполнении даже самого простого могу легко споткнуться. А если я зацикливаюсь, конец всему остальному. Потому что пока не завершу уже начатое, за другое не возьмусь. Тем более, что одновременно может прийти знакомый Кобистера и привезти кого-то сам Карл. А 2 заказа на 1 день я не потяну.

В-третьих, от любого клиента нужно было требовать либо адрес, по которому с ним можно связаться, либо иной способ сообщения. Мало ли что может случиться, например, не готов амулет вовремя, а человек время свое, к нам ходимши потратит, негатив из всего этого вынесет. А так, зная координаты, можно решить вопрос заранее, без лишних нервов.

В-четвертых, нужна была литература. Моих знаний катастрофически не хватало.

В итоге я имела заваленный книгами стол и по крайней мере 5 еще не выполненных заказов. А вот 7 амулетов были счастливо переданы владельцам за отличную, а вовсе не грабительскую, как они утверждали, плату.

По моим подсчетам, еще 10 заказов к тому что уже заработано, плюс родительские сбережения для оплаты учебы в Академии и мы с Карлом переберемся во вполне благополучный район.

Финансами у нас заведовала я, хотя стоимость заказов изначально обговаривал Карл. Не знаю, как ему удавалось оценить объем магической работы, но еще ни разу он не прогадал.

Я сегодня сидела над заказом целый день, даже пожертвовала обеденным сном. Да, так уж повелось в новом распорядке — ночная работа, полноценный отдых утром и небольшая передышка после полудня. Но плетение было очень интересным, и я увлеклась.

Приходила девушка от мистера Кобистера. Эффектная, надо сказать дама. Карла правда дома не было, у него бы точно рот от такой красоты открылся. Даже я немного зависла, за ней наблюдая. Вся такая плавная, округлая, будто груша спелая. Ей под стать был и заказ.

— Хочу амулет, накладывающий изменения на внешность.

— Что простите? Да Вы и так — глаз не отвести! — я вот да, всегда ляпну, не подумав, а потом краснею.

Она заливиисто рассмеялась.

— Ох, деточка. Да мне же наоборот, чтобы внимания поменьше обращали. А то вот недавно одна дама водой из ведра окатила, видите ли муж ее на меня пялился. А в следующий раз ведь могут и по голове ударить, лишь бы супруги их глазами не стреляли.

Так она мне понравилась, что цену установила для такого кропотливого заказа — смехотворную, всего в 70 куинов. Главное братцу не говорить, а то он за такое и пристукнуть может. Как сейчас слышу его нотацию:

— Труд любит деньги, Кам. И если будем дешевить, пойдет к нам всякий сброд с мелкими заказиками. Устанем отбиваться от них, и такое паломничество наверняка к нам ненужное внимание привлечет.

Да, он меня так решил называть. Говорит Камелия слишком длинно, Ками как-то по-девчоночьи слащаво, а вот Кам — сильно и свежо, он бы и сына так назвал, не то, что сестру. Я после такого заявление по всей комнате за ним гонялась и даже пытаться хотела. Не помогло. Имя Кам закрепилось за мной прочно и похоже на всю оставшуюся жизнь.

Амулет для дамы, пожелавшей остаться неизвестной, я почти доделала. Мне не хотелось ее уродовать, хоть это было бы легче, ведь линию проще сломать, чем плавно искривить. Я старательно вплетала в черты обычного человека — гномьи. Чтобы пропала изящность, высокая статность и тонкие черты. Сейчас как раз заканчивала с лицом. По мне — иллюзия удалась. Если работать с каждой деталью, наверное, можно и неделю не поднимая головы просидеть. А я немного схитрила — наложила 2 ауры друг на друга, как в учебнике «Иллюзорная магия, этапы и развитие» написано.

— Кам, а я тебе клиента привел. Работа не сложная, но надо к завтрашнему утру. Нарин готов заплатить за срочность.

Я, не глядя на них, махнула рукой. Что означало — присаживайтесь, скоро подойду. Мне оставалось только закрепить иллюзию на кулоне, который оставила клиентка.

Я поднималась из-за стола с радостной улыбкой, но натолкнулась на недоверчивый взгляд серых глаз. Высокий, жилистый молодой мужчина был мне знаком. Старпом на корабле, каждую неделю курсирующем между Градоном и столицей.

В голове пронеслись тысячи мыслей. Но все сводилось к одному — если он меня выдаст, папа уже через неделю будет в Эдароне. Конец мечтам о своем жилье, самостоятельности... Буду до конца дней своих Эрре кружева плести!

— Мистер Нарин, можно Вас на минуточку? — я подцепила мужчину, который несомненно тоже меня узнал, под локоток. И уже хотела его вывести на улицу, как услышала гневное от Карла:

— Здесь разговаривай! — брат стоял со сцепленными на груди руками и вся его поза выражала бурный протест.

— Карлуша, миленький, дай с человеком поговорить без лишних глаз, — это имя я в отместку придумала на его «Кам».

Ответом была тишина. Брат уступать не собирался, а выяснять родственные отношения при постороннем не хотелось.

— Мистер Нарин, можно в ответ на сделанный в подарок амулет попросить забыть, что Вы меня видели? — он смотрел в ответ внимательно и строго.

— Мисс Камелия, капитан сказал Вы учится едете. А тут такой район подозрительный, и Карл-пройдоха. И учеба же началась уже... а Вы тут.

Старпом говорил криво, будто стараясь подобрать выражения, боясь сорваться на

непристойности, которые нельзя употреблять в присутствии «вроде как леди».

Он же видел меня на корабле в богатом платье, наверняка наблюдал, как долго прощалась с родителями — истинными джентльменом и леди. Опять же, с капитаном мы целый день провели в тренировках, и тот видимо, рассказал своему помощнику куда направляется леди.

А вот сейчас он идет в какой-то притон для изготовления нелегального амулета, и перед ним все та же леди. Только вместо красивого платья — рубашка и штаны Карла (потому что в этом удобнее работать), длинные до лопаток волосы превратились в короткую стрижку, едва закрывающую уши (просто я всегда так хотела, а Эрру удар бы хватил). Вместо магической Академии — убогая квартирка, да и компания портового кучера, с которым мы явно вместе живем, внушает опасения.

Я его понимала, но возвращаться обратно не планировала.

— Мистер Нарин, ну пожалуйста! — как его уговорить? Ведь видно, что он ответственный, и обязательно доложит об увиденном. Не потому что, это по уставу, а от того, что человек сознательный. И просто совесть загрызет, если оставит девушку в беде. — Все не так как кажется!

— А как? — он смотрел на меня своими честными глазами и заставлял ему врать.

— Я экзамены провалила, а домой как вернуться? Родители ведь думают я способная, всю душу в меня вложили.

— То есть для леди сожительствовать с сомнительным человеком и ютится непонятно где

— лучше?

— Но-но, Нарин. Это я-то сомнительный? Ты ж меня кучу лет знаешь! — Карл уже хотел обидеться.

— Вот от того, что я тебя столько знаю, ты и сомнительный. С детства в доках. А там честные люди — не выживают! — Нарин всплеснул руками — Да не я ли тебя из полиции месяц назад выручал?

— Что? — это уже я. — Чем ты провинился?

— Подрался. Да не в том и суть, — от меня Карл отмахнулся как от назойливой мухи. — Мой моральный облик не твоего ума дела, Нар. А за Ками я всякому шею сверну.

— Я вижу, что к ней ты относишься хорошо, заботишься по-своему. Но она леди. По рождению и воспитанию. Она маг, которая пригнала огромный корабль в порт на целый день раньше, действуя сырой силой. Девочка, которой нужно учиться, а не сидеть в каморке, изготавливая незаконные амулеты.

— Она же тебе сказала, что с учебой вышла незадача, Нар. Год мы с ней перекантуемся как-нибудь, а на следующий уже поступит в свою Академию, слово даю.

Это мы с Карлом решили при всех изображать пару. Ведь разные мужчины сюда за заказами ходят, если приглянусь кому, могут начать распускать руки. Сестра — понятие, конечно, хорошее, но раз не замужем, почему бы кому-то и не попытать счастья. А вот к невесте хозяина квартиры никто не полезет. Пусть Карл и молод, но чувствовалась в нем сила — и моральная и физическая. Связываться с таким, себе дороже.

— Мистер Нарин, Вы поймите. Если вернусь домой — это конец. Меня быстренько выдадут замуж и ни о какой Академии и речи идти не будет. И в свои 20 я буду заниматься магической сушкой пеленок. А Карл... он хороший.

Нарин мрачно посмотрел на нас, но кивнул. Видимо удалось его убедить. И я, со

спокойной душой приняла заказ. Действительно простой.

Полноценного амулета отвода глаз создать я не могу. Но сделать человека совершенно невзрачным — всегда пожалуйста. Он не будет полностью сливаться со окружающей средой, но и цеплять взгляд тоже. Предыдущих заказчиков такой вариант устроил, Нарина же не совсем.

— В месте, где есть и другие люди да, я согласен, такой амулет подойдет. Мне же нужно несколько иное. Я иногда устраиваю обход корабля с проверкой. И когда вокруг — ни души, нужно чтобы и я был незаметным.

Я бы не за что не стала стараться делать такое для кого-то иного. Ведь с подобным амулетом можно и воровать пойти, никто тебя не увидит, но тут выбора не было.

— А Вы пообещайте, что не будете пользоваться им во вред кому-то.

— Обещаю! — Нарин удовлетворенно кивнул. Вроде как, это он меня проверял. Пойду против морали, или все-таки нет.

Нужно сказать, что это был мой первый провал. Не полный, конечно. Но заказ я не выполнила. И когда ранним утром пришел весь такой бодренький и свеженький старпом, я его ненавидела.

— Выглядите... хм... очаровательно, — Нарин улыбался вполне себе по-мальчишески. Даже и не скажешь, что вчера серьезно распекал несостоявшуюся леди. Он, видимо, за ночь пришел сам с собой в консенсус, и теперь был на нашей стороне.

— Да не врете! Я себя в зеркало даже не узнала, — признание было встречено задорным смешком. Но это было чистойшей правдой. Ибо времени даже причесаться не нашлось и короткие волосы теперь торчали во все стороны, а бриджи с рубашкой вообще комментариев не выдерживали.

— Всю ночь сидела с этим вашим амулетом. И без толку! — от злости я даже пнула ни в чем не повинный стул. — Максимум что смогла выжать из себя, это сделать носителя темным. То есть ночью Вас видно не будет. А днем никак, — я извинительно размела руками.

— Не расстраивайтесь, — Нарин чуть заметно погладил меня по плечу, успокаивая. — Это мне очень поможет. Я, если честно, даже на такое не рассчитывал, когда понял, кто будет делать амулет. Вы же совсем юная. Вот окончите Академию, сделаете мне полноценный артефакт.

Я на такое замечание лишь фыркнула. Артефакты — это сила, мое же дело, амулетики клепать.

Глава 10. Тяжелая жизнь подпольных амулетчиков

Нам понадобилось полтора месяца, чтобы собрать нужную сумму. Но работать пришлось не покладая рук в прямом смысле выражения. Я брала заказы любой степени сложности, лишь бы поскорее выбраться из этой клоаки.

И вот сегодня поистине счастливый день. Мы с Карлом идем смотреть наши комнаты. Нотариус степенно вышагивает рядом, готовый скрепить сделку сразу же, как только мы дадим ответ. Он тоже маг, хоть и слабенький. А значит, сделка будет подкреплена магической подписью. И это освобождает нас от дальнейшей бумажной волокиты.

Район здесь замечательный. Светлые широкие улочки, мощенные маленькими кирпичиками. Двухэтажные домики с балконами и террасами. Я уже мечтательно вздыхала о чудесных многоярусных подставках, полных вьющихся растений, как нотариус гаркнул:

— Пришли.

Я с нетерпением притопывала у входной двери, нервно теребя рукав Карла. Мне все заранее нравилось, даже можно не смотреть. Брат хотел комнаты на первом этаже, или, может даже еще чуть-чуть подкопить на отдельный домик. Но я так горела этой своей мечтой, что ждать еще совершенно не желала. И настояла на втором уровне, потому что грезилась балконом, таким, как в родном Градоне.

— Все, я отсюда ни ногой. Давайте где подписать, — наверное мое счастье было таким явным, что даже суровый нотариус улыбнулся и ловко подсунул папку. Документы были просмотрены заранее, поэтому даже читать не требовалось.

Какое же это блаженство, нормальное место жительство. 2 спальни, маленькая гостиная с примыкающим закутком кухни и **ВАННАЯ КОМНАТА**. Я полтора месяца в ванной не лежала, и уже предвкушала горячую водичку с ароматной солью.

Карл, однако, моей эйфории не разделял. Он был рад, о чем говорил неоднократно, но сегодня делал все нехотя, лишь бы его не трогали.

— Кам, сестренка, я следилку ты на супружеские кольца уже подвесила?

— Да-да, все еще с утра сделала, не волнуйся, — я начала кружиться по комнате. Пришлось вырядиться в платье, ради такого. Любимое, кстати. Зеленое, с расклешенной юбкой чуть ниже икр, из такого приятного к телу льна. Мачеха перед самым отъездом подарила за былые заслуги в кружевоплетении. И вот теперь эта юбка солнышком кружится вместе со мной.

— Где лежат? Я с заказчицей встречу на нейтральной территории. Не нравится она мне.

— Да ты что, Карл, — я рассмеялась на его паранойю. — Как мужчинам за женами сделать, так это «Камелия, сделай побыстрее», ибо мужская солидарность жмет. А тут в кое-то веки женщина решила мужа проверить, так сразу не нравится.

— Что хочешь говори, то чуйка меня еще никогда не подводила. Сиди здесь, пока я не вернусь.

— Ага. Чемодан мой принеси, и раскладушку. Я сегодня точно тут ночевать останусь. А завтра уже кровати нормальные купим на выручку с заказа. Женщина эта за срочность же доплатить обещала.

Последнюю фразу я говорила уже в никуда, потому что Карл скрылся за дверью.

Чтобы убраться пришлось стучаться к соседям. Очень приятная старушка снабдила меня

тряпкой и корытцем. И я с превеликим удовольствием намывала комнаты до самого вечера.

Солнце только начинало клониться к горизонту, когда я почувствовала себя плохо. Сначала списала на голод, ведь так нервничала перед сделкой, что даже не позавтракала. А потом накатила удушливая чернота. Внутренности скрутило узлом, да так, что я еле добежала до туалета. Выворачивало меня долго. И стоило вытереть пот со лба, я, наконец, поняла — что-то с Карлом.

Не знаю, как следовало пользоваться этой магической связью, я просто шла. Куда тянуло и требовало моего присутствия. Туда, где было плохо Карлу.

Их было шестеро. Пять здоровенных, явно с примесью троллей крови амбалов и худенькая, обтянутая черным женщина. Маг, сразу поняла я. Потому что именно она держала моего брата за горло, едва вытянув руку.

— А вот и наша искусница, — протянула незнакомка, сильнее сжимая пальцы на горле Карла. Я ощущала все на себе. Даже то, что она наложила заклинание стазиса. Все было так, будто бы припиленной к стене магией, была именно я. И это чувство глухой обреченности...

Разве все должно закончиться вот так, в грязной подворотне? Внутри меня множилась ярость, она закручивалась в животе спиралью, и все активнее поднималась к груди. И я знала — если дойдет до сердца, полыхнет. Да так, что живым отсюда не выйдет никто.

Я очнулась от внутренней агонии только когда услышала позади себя шаги, эхом отбивающие странный ритм. И поняла — ловушка захлопнулась. Мы с братом в бездновой западне.

Не давая себе расслабиться, я со всей силы ударила по мостовой. Должно быть кричала, потому что полутролли в ужасе рассыпались кто-куда. Я тоже отшатнулась к обшарпанной стене дома, когда почувствовала под ногами гул. А вот женщина не успела. Она продолжала судорожно сжимать пальцы на шее моего брата, когда под ее ногами развезлась бездна.

Я бросилась к Карлу, не давая ему по инерции тоже сигануть в пропасть. Одновременно с захватом руки, пуская в него целительское плетение. Наверное, как тогда, в день нашего знакомства, не рассчитала силу. Потому что он мгновенно пришел в себя, и хрипя проговорил:

— Беги. Это полиция. Они несколько недель на нас охотились. И вот сейчас удалось.

— Я тебя не брошу. Пошли, — я тянула его, стараясь держаться поближе к стене, чтобы не оступиться в разлом.

— Это ПОЛИЦИЯ, Кам. Они знают мое имя. Скрываться бессмысленно. А вот кто ты, они так и не вычислили. Эта тварь, — он плюнул на землю, — пытаться пробовала, но я не выдал. Пока не приехала новая бригада, беги. В документах на комнаты я не фигурирую. Начнешь жить заново!

— Богиня! Карл, как я жить потом буду, зная, что ты в тюрьме?

Когда послышался лай собак, я по инерции вскочила на ноги. А потом, поцеловав в щеку партнера, сорвалась на бег.

Потому что пришло понимание, что, если попадем в полицию вдвоем, нам уже никто не поможет. А сейчас есть еще надежда спасти Карлушу.

Его прошлый раз вытаскивал Нарин. Но где он живет я не знала. Зато точно помнила адрес капитана Юджина, написанный на салфетке, и сейчас лежащий закладкой в одной из наиболее часто читаемых энциклопедий.

Я даже однажды выспросила у брата где это место находится. Поэтому сейчас, помогая

себе ветром, неслась на окраину нашей столицы.

Нужную дверь нашла мгновенно, и яростно барабанила кулаками, закричала:

— Капитан Юджин, капитан Юджин, откройте, — в окнах света не было. Но Нарин к нам заглядывал недели три назад, как раз перед отплытием корабля. Якобы проведать Карла, но я точно знала, что ему хотелось убедиться в моей жизнеспособности. На друга своего он и в порту наверняка налюбоваться успел. То есть по времени выходило, что корабль на днях как раз вернулся в порт.

Дверь отворилась так неожиданно, что я едва не ввалилась в коридор чужого дома по инерции, но была тут же схвачена за плечи и втянута внутрь.

— Камелия! Что случилось? — капитан выглядел напуганным. Только не мной. Он боялся за меня.

Да, я представила как выгляжу — заплаканные глаза, взъерошенные волосы, порванное и грязное зеленое платье. Несложно представить себе мысли, крутящиеся в голове этого хорошего человека.

— Карла схватили, а я убежала. Срочно нужен Нарин, он сможет его опять вытащить!

— Так, стоп. По порядку.

И я уже хотела начать рассказывать, как рассмотрела привалившуюся к косяку спальни, девушку. Длинные рыжие локоны, миловидное лицо. Очень хорошенькая, но... раздетая.

На ней была откровенно просвечивающая коротенькая ночная сорочка, да еще и распахнутая на груди.

Я перевела глаза с девушки на капитана. Так и есть, подняла их с постели. На Юджине был длинный банный халат, наспех подвязанный поясом.

Ужасно неловко, надо сказать. Я и не знала, что капитан женат. А тут заявила ночью с криками.

Юджин, увидев куда я смотрю плотно сжал губы, будто едва сдерживая недовольство и процедил:

— Мариам, я же сказал, оставайся в спальне.

— Уже ухожу, дорогой, — она послала ему воздушный поцелуй и плавной походкой удалилась. У меня даже рот открылся от ее вида сзади. Вон оно оказывается, как замужние женщины дома наряжаются...

— Рассказывай, Ками! — это чего он так рявкает интересно? Но у меня выбора особого не было, нужна информация.

— Да чего там рассказывать, Вы мне дайте адрес Нарина, я к нему побегу. Он Карлушу уже из тюрьмы вытаскивал, у него там связи есть!

— Камелия! — взревел капитан, хотя сейчас более всего походил на огромного медведя. — Мы вчера поздно вечером только причалили, Нарина сейчас не найти. Он, наверное, у своей. — Юджин покосился на дверь спальни, — подруги.

— А адрес подруги не знаете? — мне нужно было действовать как можно скорее, не до разглагольствований.

— Да их у него... много. Не найти, в общем, — капитан был смущен, но я нетерпеливо стучала пальцами по ребру все еще распахнутой двери, и он продолжил. — А не тот ли это Карл, который дружок моего старпома и всегда в порту ошивается?

— Он не ошивается, а работает там. Извозчиком, — мне стало обидно за брата.

— Ты откуда его знаешь, ребенок? — мдааа, не ожидала я от Юджина такой несправедливости. Обзывать-то каждый может.

— Друг он мой, и Нарин тоже, — на вытянувшемся, от моего неожиданного заявления лице, я смогла прочесть недоверчивые нотки. — Но раз Нара не найти, помогите вытащить Карла. Пожалуйста, я очень прошу!

Видно мое отчаяние его все-таки тронуло. Потому что, бросив хмурое: «Никуда не уходи, я сейчас», Юджин двинулся в спальню. Одеваться, наверное.

Глава 11. Допрос с пристрастием, или так себе ”счастье”

Капитан вышел, одетый по форме. Весь такой беленький, чистенький, я даже засмотрелась. Очень он неплох — не старый, едва седина пробиваться начинает, могучий, подтянутый. Ммм. Я резко себя одернула. Не до капитанов!

Шумно выдохнув, я собралась следовать за Юджином, потому что где находится полицейский участок не знала. Совершенно не ждала от него никаких действий. Поэтому, ощутив на плечах накидку и теплые руки, вздрогнула.

— Спасибо, — я действительно была ему благодарна за заботу. Ведь настала ночь, и очень похолодало. Да и платье мое было теперь не в лучшем виде.

— А Ваша жена ругаться не будет, что ночью сорвались куда-то? — мне было интересно. Ведь и так капитана дома неделями не бывает, а тут вот я еще со своими проблемами.

— Моя...жена, не против. Поздно уже, она спать легла. Не переживай.

— Мне ужасно неловко, что я Вас отвлекаю, просто не знала к кому еще обратиться.

Мою ладошку стиснули крупные пальцы, в знак поддержки. Да так и не отпустили. Я, честно говоря, была не против. Потому что темно, и на мне туфельки с каблуком. Уже несколько раз оступалась. А пульсар зажигать было страшно — вдруг за мной следят полицейские, и этим я нас выдам.

Идти было далеко, и ноги, порядком настрадавшиеся сегодня, безумно ныли. Но я терпела и старалась вышагивать бодро. Мне же это наверняка воздастся. Когда-нибудь в другой жизни. Я верила и в перерождение души, и в то, что тролль никогда потом не станет эльфом, а человек феей. А еще верила в Богиню, которая разделила миры не просто так, а с великим умыслом, и все эти любовные связи между разными расами к добру нас не приведут. И в то, что каждому при рождении предначертана своя судьба, которую не изменить... Хотя нет, в последнее я верить отказываюсь, потому что тогда нужно снова мусолить в голове предсказание цыганки. Бррр. Меня даже передернуло, как вспомнила тьму, ползущую из ее глаз.

— Замерзла? — мою ладонь сжали сильнее, и шаги у Юджина стали интенсивнее. А я мысленно взвыла. Упаду сейчас, понесет тогда меня на руках. — Еще одну улицу пройдем, и на месте. Потерпи.

А я что? Терпела, сжимала зубы, и старалась хоть как-то переставлять ноги.

Капитан оставил меня внизу. Здесь было светло, чисто и совершенно безлюдно. Даже стойка информации пустовала.

Меня в детстве Эрра разве что по рукам не била, пытаюсь отучить от обгрызания ногтей. И я вроде бы эту привычку успешно поборола. Но видимо не совсем. Потому что время будто не двигалось, я волновалась, а ногти грызлись. И лишь появление в дверях Юджина спасло мои пальцы от окончательного поедания.

Я кинулась к нему не раздумывая, и была остановлена вытянутой вперед рукой.

— Нам надо бы поговорить, но время не терпит. Пойдем, — он был суров. Я даже забоялась. И только нужда спасти Карла заставляла идти за капитаном, а не бежать куда глаза глядят.

— Его отпустят? — я успела поравняться с ним, и пыталась заглянуть в глаза.

— Сейчас все и узнаешь.

Когда распахнулись двери, мы оказалась в чем-то кабинете. У нас подобный был у судьи в департаменте. Без окон, с приглушенными магическими светильниками по стенам.

Здесь, слева стоял массивный шкаф, заставленный книгами, а прямо — письменный стол, за которым сейчас восседал не слабый такой маг. Уровня магистра, не меньше. Даже не переходя на особое зрение, я отчетливо видела его ауру. Взрослый, возраста моего отца. Светлые волосы, плотно сжатые губы. Черты лица резкие, до неприятия. Но из-за настолько сильной ауры, взгляд поневоле к нему возвращался.

На стульчике для гостей скромно приютился мой брат. И я уже было рванула к нему с пронзительным: «Карл», но была остановлена тяжелой капитанской рукой, сдавившей плечо.

— Ах, как трогательно! Командир, выдай-ка мне платок, слезы утру, — этот противный голосок я бы узнала из тысячи. Магичка, душившая Карла. Живая... жаль.

Я медленно повернулась туда, где слышалась сладкая патока притворного умиления. Вообще всегда считала себя мирным человеком, даже в детстве букашек не обижающим.

А вот сейчас, если взглядом можно было убить, она бы уже лежала у моих ног, бездыханная. Действительно тварь, как обозвал ее совсем недавно Карл.

В правом углу в рядок стояли несколько кресел, которые сейчас были заняты. Одно занимала уже известная мне магичка — красивая, хоть и слегка потрепанная. Все-таки в яму она свалилась, и теперь хвасталась порванным комбинезоном, так плотно облепившем стройное тело, что простора для воображения вообще не оставалось.

Рядом сидел статный седовласый мужчина. Импозантный, подтянутый, также одетый во все темное с каким-то синеватым отливом. Только в отличие от Мегеры, как я успела ее окрестить, имел еще и плащ с непонятным логотипом в районе груди. Плащ этот меня зацепил алой подкладкой. Чернильное с красным сочеталось потрясающе. Ага, и этот — маг. При чем посильнее того, который во главе стола сидит. Так и тянуло к этому седому, будто магнитом. Магия она такая, если чувствует некое сходство, будет стараться свести обладателей дара. Так как вместе всяко лучше, чем по одному скитаться. И не важно что это — похожесть дара, характеров, увлечений, кровное родство. Все равно тянуло, определяя, что этот человек — не чужой.

Я с трудом перевела взгляд на следующее кресло и расстроено заморгала. Мистер Кобистер. Человек, приведший к нам столько клиентов. Мне не хотелось думать о нем плохо, но то, что он тут присутствует, говорит о многом.

И последний участник нашей сходки, обладатель длинных волос, собранных во множество золотых косичек, острых ушей и невероятной красоты. Эльф. Я, наверное, на него не очень красиво пялилась, потому что мое плечо сжали сильнее. Но ведь глаз же не отвести. Какой-то нереальный, потрясающий... Не зря я так хотела посмотреть эльфов!

Но пришлось все-таки вновь взглянуть на мага, сидящего за столом, потому что он, наконец, заговорил.

— Итак, мы имеем честь познакомиться с мисс Камелией. — он закончил фразу вопросом, поэтому пришлось представляться.

Я повела плечом, скидывая руку Юджина, и присела в изящном реверансе. Никто, правда, не впечатлился, но не суть.

— Камелия Деронвиль, — я не знала титула мужчины, поэтому ограничилась просто своим именем и принадлежностью к роду.

— Мисс Деронвиль, как так получилось, что девушка из хорошей семьи оказывается одна в столице, — он сделал паузу, — и начинает везти преступный образ жизни?

Маг смотрел прямо в глаза, взывая к совести и пытаясь сподвигнуть меня на разговор. Вроде бы ничего такого, но я четко ощущала давление. Возможно они сами пытались воздействовать, или их сильные магические ауры просто подавляли мою, но факт остается фактом. Давление было. И это выводило из себя. Столько сильных взрослых мужчин на одну маленькую худенькую меня.

— Во-первых, Вы не представились. А во-вторых, с чего бы это я Вам тут душу изливать начала?

Мужчина на такую дерзость хмыкнул, но все-таки представился.

— Лорд Стешский к Вашим услугам. Глава департамента по расследованию магических нарушений, — он слегка кивнул, далее перевел взгляд на Мегеру. — Леди Айрина Стоун, маг высшей категории, специалист отдела магических нарушений. Профессор Тоскан, декан боевого факультета Академии магии Эдарон, — седовласый мне подмигнул, чуть привстав в кресле, чем невольно вызвал ответную улыбку. — Литманиэль Артонадар Анаррима, министр дружественной эльфийской державы, волею судьбы заброшенный к нам в день Вашей эпической битвы.

Я вот про битву не совсем поняла, это он про сегодняшнюю облаву что ли?

— А душу изливать должны, потому что Вам и вот этому молодому человеку, — он жестом указал на еще более поникшего Карла, — инкриминируется изготовление и торговля запрещенными артефактами и нападение на служителей полиции.

Мегера гаденько хмыкнула. И меня понесло. Не потому что характер поганый, никто раньше не жаловался. А потому что терять уже было нечего. Все равно инкриминируют, так хоть глаза им открою.

Я сделала шаг вперед, подальше от напрягшегося Юджина.

— То есть с моей стороны, это было нападение, а леди Мегера... простите, Айрина, — я даже внимания не обратила на раздавшееся справа шипение. — Карла просто по горлышку гладила?

Да-да, сейчас мой праведный гнев только набирал обороты. И отвлекаться на попытки потрепанной «недо-леди» вскочить с места, я не собиралась.

— Я была там и все видела своими глазами. Она его душила, применив при этом заклинание стазиса. Как думаете, долго бы еще Карл продержался, не организуй я «нападение на служителей полиции»? Да он синий уже был, когда я вмешалась!

В три шага преодолев разделяющее нас расстояние, я схватила брата за подбородок, чуть приподняв вверх, чтобы все видели сине-бурые отметины в точности повторяющие очертания человеческой руки.

Я молчала, что на себе прочувствовала процесс удушения, и прекрасно понимала — Карл бы при таком захвате и минуты не продержался. Этот аргумент был бы очень кстати, но внутри меня все противилось раскрытию обряда братания. А своей интуиции я с некоторых пор верила.

Заметила, как зло лорд Стешский посмотрел на притихшую Мегеру. И поняла, что той явно не поздоровится. Там было пять здоровенных полутроллей и Карл бы не стал против них выступать, не дурак ведь. Леди Айрина его просто пытала и действовала, видимо, по своей личной инициативе. Что ж, только ради наказания этой женщины стоило сюда прийти.

— Что же касается изготовления запрещенных артефактов... А при чем здесь, в общем-то мы? — я обвела честным взглядом присутствующих. — У Карла магии совсем никакой, а я всего лишь маленькая человеческая девочка.

Я попыталась пустить слезу, но не получилось, зато дрожание подбородка вроде как удалось. Вон эльф даже проникся, хотел кинуться ко мне, но лорд Стешский вскинул руку, чтобы тот не приближался.

— Всю жизнь провела в Градоне, где даже школы для одаренных нет, — горестно так вздохнула. — На всю провинцию 3 мага, один из которых я.

Положила руку Карлу на плечо и тут же почувствовала, как его ладонь накрыла мою в поддерживающем жесте. Это не укрылось от внимания присутствующих и лишь добавило мне очков. Раз уж даже подельник сочувствует, что уж говорить об остальных.

— Родители несколько лет собирали деньги на учебу и после окончания школы я решила. Только вот наивную простушку обманули, — слеза все-таки покатила по щеке, ведь даже мне меня было жалко. — Украли все сбережения, и если бы не Карл, который приютил и накормил, я бы осталась на улице совершенно одна.

Я отвернулась, прикрыв лицо руками, и заставила плечи немного подрагивать. Может, конечно и переигрывала, но тут почти все присутствующие — мужчины, на которых женские слезы действуют всегда.

Почувствовав напряженные объятия, уткнулась в мужскую грудь. И продолжила всхлипывать. И что самое удивительное, слезы полились из глаз сами. Хотя я была уверена, что плакать разучилась окончательно. Организм, наконец, отреагировал на тяжелые события дня небольшой истерикой.

Сначала думала, что меня обнимает Юджин, но открыв один глаз, рассмотрела малиновозолотое одеяние эльфа. И пахло от него волшебно. Я даже руки высвободила, чтобы удобнее было за него цепляться. Такой тепленький, по волосам гладит, бормочет что-то на своем эльфийском. Было приятно. И совсем не хотелось выныривать из ласковых рук Литманиэля.

Но нас оторвали друг от друга, грозным:

— Мистер Кобистер, расскажите пожалуйста то, что мы выяснили на допросе.

Ага, то есть все-таки допрос. Мне нравился Кобистер, чувствовалась в нем доброта и порядочность. Хорошо, что он не сам нас выдал, иначе в людях можно вообще разочароваться.

Развернулась в объятиях эльфа и хотела отстраниться. Но когда он удержал, вырываться не стала. С ним было тепло и уютно.

— Я по семейным обстоятельствам нуждался в магическом амулете. Нужно было стать незаметным, чтобы проследить за некой особой. — он говорил неохотно. А я радовалась, что про плетение слежения он молчит. Ведь «стать незаметным», это меньшее из возможных зол. — Случай свел меня с Карлом, который работал в частном извозе. Он и предложил специалиста, способного помочь.

Я напряглась, и Летманиэль это заметил. Плохо. Нужно, чтобы мне верили.

— И кто же оказался этим специалистом, мистер Кобистер? — это Мегера вступила, и голосок такой ехидный.

— Мисс Камелия одна была в квартире, когда мы с Карлом приехали. Я как ее увидел, уйти хотел. Какой из нее специалист, сущий ребенок, ведь, — все тут же обернулись на меня, и я по инерции теснее прижалась к эльфу. — Но она пульсар зажгла, силу свою

продемонстрировать. Я и понял, что маг передо мной. А как мисс этот пульсар в бутылку загнала и уменьшился он до нужного размера, признал, что хороший она специалист, хоть и молодая совсем. Я ведь по службе с магами общаюсь, а такого фокуса не видел.

— И что же мисс Камелия? — опять Мегера влезла, когда Кобистер остановился, снова на меня глядячи.

— А мисс Камелия заказ приняла и пообещала скорейшее его исполнение.

— А можете нам продемонстрировать амулет? — это уже лорд Стешский не удержался. И в этот раз я была спокойна, потому что нужное кольцо Кобистер все равно не покажет.

— К сожалению, нет. Амулет быстро разрядился и я его выбросил за ненадобностью, — надо же, врет и не краснеет. Я прямо ему мысленно рукоплескала.

— Мисс Деронвиль, не хотите ли высказаться? Вы же утверждали, что к изготовлению и торговле запрещенными артефактами отношения не имеете.

— Вы мои слова намеренно искажаете, лорд Стешский. Только мотивы мне не понятны. Я утверждаю, что к изготовлению отношения не имею. И, будучи магом, лишь принимала заказы, которые потом отправлялись на изготовление. Поэтому Вы можете нам инкриминировать только торговлю.

Карл дернулся.

— Ками, зачем? Господа, она не виновата, это все я. Готов нести наказание. Отпустите девушку, — парень вскочил со стула, готовый меня защищать.

— Перестань. Все тут понимают, что мы с тобой причастны. Теперь осталось выяснить насколько. И, кстати, Карл, на тебя воздействуют. Всегда будь начеку с магами такой силы.

— И вы, мисс, еще будете утверждать, что воспитывались в провинции и ничего не знаете о магии? — Мегера это все прошипела. Как змея, честное слово.

— Дорогая леди Айрина! — я прямо сама любезность, но чего стоит сдерживать себя рядом с ней, одной Богине известно. — Как и любой человек, рожденный с даром, я знаю азы и начальные принципы работы с плетением, аурой. И не имея минимальных знаний по управлению магией, спалила бы родительский дом уже на восьмом году своей жизни, — я услышала смешок, быстро завуалированный в кашель. И даже знала кто так веселится. Седовласый профессор. — Но у меня не было достойных учителей, способных привить навыки, достаточные для работы с артефактами.

Мне нравилось, как я все это говорю. Четко и по существу. Не оставляя собеседникам сомнений в своей искренности.

Первым сдался лорд Стешский:

— У меня вопросов больше нет. Что думаете, профессор?

— Покажи-ка нам тот пульсар, который нахваливал Кобистер.

Вот так и знала, что этим все кончится. Не дают вздохнуть с облегчением, обязательно что-то придумают.

Я отодвинулась от уютного эльфа, и встав чуть в стороне, щелкнула пальцами. На руке заискрился огонек идеально круглой формы.

— Ну-ка, подойди поближе, — профессор направился ко мне, а я к нему.

Он внимательно изучил плетение и степень насыщения силой. А потом, радостно потирая ладони, быстро, как молодой барашек с папиной фермы, скакнул к письменному столу и выудил оттуда стакан.

— Давай сюда свое творение, чудо растрепанное, — я лишь глаза закатила на такую фамильярность. Но сделала как он говорил.

Пульсар, попав в ограниченное пространство, сжался до ему ведомой величины и продолжил светить, уже менее интенсивно.

— Прелесть! — профессор с любовью погладил баночку. — Это я про тебя, кстати, мисс Деронвиль.

Что я могла на это сказать? Только улыбнулась ему. Я бы не отказалась от такого дедушки. Очень он замечательный.

— Раз мы все выяснили, что делать будем? — лорд Стешский устало растер лицо.

Вперед выступил эльф и поразил всех присутствующих, высказавшись:

— Я был свидетелем сегодняшнего сражения на улице. И хотел бы забрать мисс Деронвиль в Менэльтор.

— Что-о-о? — это были все мы. При чем одновременно.

— Камелия показала, что умеет работать с сырой силой. Ей откликается земля и ветер. Мы это ценим. И у рода дома Анаррима есть возможность многому научить юную деву.

Богиня помощи! Это меня к эльфам зовут? Не было слов, чтобы выразить все эмоции, которые начали биться через край.

— Ага, так я вам ее и отдал. Перебьется дом Анаррима, — вступил в диалог профессор. — Забираю эту девочку в Академию и дело с концом. Потенциал есть. Будет на исследовательском факультете учиться.

Еще один! Прямо скажу, это так себе "счастье". Я бы лучше к эльфам.

— Профессор Тоскан, а деньги как же? Украли же у меня всю сумму, что на обучение полагалась, — и видя, что он уже нашелся с ответом, добавила. — А бесплатно после учебы 5 лет на государство работать, я не согласна!

— Шустрая какая, — Тоскан предвкушающе как-то ухмыльнулся. — На исследовательском все бесплатно учатся, от них польза в разработках такая, что все затраты перекрывает.

Я ахнула от удивления. Вот это да.

— Ну что, адептка, согласна? — профессор радовался похлеще ребенка, который нашел новую игрушку.

— То есть, можно и отказаться? — я смотрела на него с удивлением.

— Нельзя! — рявкнул вдруг лорд Стешский. — Я, Вас, мисс Деронвиль и Карла этого тогда в тюрьму упеку, чтобы не промышляли больше!

Мы с братом испуганно переглянулись. Вот этого нам совсем не хотелось.

— Раз нельзя, тогда я согласна, — протянула руку профессору, который тут же ее схватил.

— Карл, чемодан... — брат лишь кивнул, понял без лишних слов. Принесет, конечно, куда ему теперь деваться.

Но я не могла уйти, не поблагодарив Юджина.

— Капитан, спасибо Вам, за то, что не отказали, — я искренне ему улыбнулась. А тот в ответ как-то грустно кивнул. Устал, наверное, я же ему поспать не дала.

Что эльфу можно сказать, не знала. Потому что с удовольствием бы отправилась к ним в Менэльтор. Но кто ж туда отпустит? Он мои сомнения разрешил сам, протиснувшись ближе.

— Мисс Деронвиль, вот держите, — мне в руку лег прямоугольный длинный футляр. — Это магическое перо. Если Вы что-то напишете им, я получу сообщение.

Никогда о таком не слышала. Видимо эльфийские разработки. Моим восторгам вторил и Стешский:

— Вот это подарок, Литманиэль. Новейшее изобретение. Дадите изучить, Камелия?

Я быстро спрятала футляр за спину, чем вызвала дружный гогот всей мужской половины этого кабинета.

Ну уж нет, точно не отдам. Моё!

Глава 12. Кто на новенького?

Профессор Тоскан сказал, что пойдем пешком, якобы до Академии рукой подать. Я напряглась и быстро наложила обезболивающее плетение на ноги.

Не знаю, как он это почувствовал, но:

— Дорогая моя девочка, а что, ты и правда сама все амулетики, про которые Стешский говорил, клепала?

Я поняла, что Тоскан чрезвычайно хитер. Интриган! Ведь специально сейчас спровоцировал на какое-то действие. Увидел, что я хромаю, поэтому сказал пешком идти.

— Не понимаю, о чем Вы, профессор!

Он был таким ответом доволен. Да вообще, мы друг другу с первого взгляда понравились. Точнее наша магия решила, что будет толк в таком содружестве. Я, честно сказать, спорить с ней не собиралась.

— Руку давай, — уставшую меня буксиром потащили в открытые ворота нового места жительства.

Мне же было немного жаль — ванны с ароматной солью, многоярусной этажерки на которую я уже мысленно все цветы расставила, чаепитий с Карлом на балконе. Да и комнату хотелось обставить по своему представлению. Как там теперь брат один управится? Деньги то все отданы нотариусу. Будет мой Карлуша снова извозом побираться.

Я отчаянно вздохнула. Что не укрылось от профессора.

— В общем так, официального приказа еще нет, этим я завтра займусь. Но Академия тебя уже приняла. Магию распознала. Ворота всегда открыты, тут у нас по входу-выходу адептов ограничений нет, если бы не одно НО. Стешский запретил любые твои передвижения вне стен. Да, не смотри на меня так. Он хоть и мой ученик, и влияние на него я имею, но с текущим положением ничего поделать не смог. Во-первых — на тебя ушастые зарятся. А то, что надо им, нам надо в 100 раз больше. А во-вторых, мы все понимаем, что с артефактами дело не чисто, и спектакли со слезками крокодилыми только на эльфа и капитантика твоего подействовали.

Я молча слушала. Раз уж со мной так откровенны, надо выпитывать знания.

— Откуда ты взялась такая расчудесная не понятно, — я хотела было возразить, что это как раз-таки и понятно, но была остановлена взмахом руки. — Очень, знаешь ли, вовремя. У нас только указ король подписал о незаконности любого артефакта, читай амулета, изготовленного не членом Королевского Общества. Решила казна таким образом денег поиметь с обычных изобретателей. Хочешь зарабатывать, вступай в Общество, плати членство, отчисляй ежемесячно процент с прибыли. Естественно, в цене амулеты взлетели сразу раз в несколько. И тут нате вам, появляется благодетель, который выполняет любой заказ в сжатые сроки за сущие копейки. Незаконно конечно, но кому она нужна, законность эта, когда время и стоимость — определяющие показатели.

Я рот открыла. Что же получается, те бешеные деньжищи, которые мы с Карлом за заказы получали, это мелочь? Могли зарабатывать в разы больше?

— Да, да, и этот чудо-амулетчик еще и шифруется невероятным образом, и как бы Департамент Контроля не старался, все концы обрубаются, — я прямо Карлом загордилась, как он ловко все обставил. — И тут вроде бы и вышли на нужных людей, но опять ниточка обрывается. Пойман посредник, который молчит рыбой, а неугомонный амулетчик,

приложив весь отряд особого реагирования, вновь канул в воду.

Профессор пилил взглядом, но я молчала. Только глазела на него сверх нужного. Вон оно как все выглядело со стороны...

— А еще министр эльфийский, приехавший сегодня для подписания торгового соглашения, которого, кстати, много лет добивались, невероятным образом оказывается на месте облавы, — Тоскан хитро на меня посмотрел. — И вот сидим мы после эпической битвы всей толпой в кабинете Стешского, голову ломаем, подельника твоего мучаем...

Вот тут я надулась, специально ведь надо мной издевается. А декан весело потрепав по моим нависшим щекам, продолжил:

— Тут заходит к нам капитан Юджин, знакомый, кстати, лорда Стешского. И оглядев всю честную компанию мрачным взглядом, начинает выспрашивать про небезызвестного всем Карла, — он рассмеялся. Весело так, задорно, что и я улыбнулась. — Мы все, как гончие, по команде «Алле» подобрались. Ну а дальше ты знаешь, сама видела.

— Я самая обычная, профессор. Честное слово. Мне 17 лет.

— Я бы может и поверил, драгоценная моя адептка, только в кабинете Стешского артефакт истины висит.

Я в ужасе воззрилась на него. Это ж получается, они с самого начала знали в чем я солгала. Стешский, Мегера и Тоскан. Остальные просто были не в курсе имеющегося артефакта. Ой, ой, ой.

Зато теперь понятно, почему лорд Стешский так быстро поверил в виновность своей подчиненной, и с такой неприязнью отнесся к моим слезам. Начала краснеть. Это стыдно, быть пойманным на своем вранье.

— Да ладно тебе, не тушуйся. Нормально ты все делала. Я б поверил, честное слово, невинная дева в беде, яки агнец, — он опять смеялся, точнее, ржал как конь. — Мы бы, может и помучили еще, но эльф этот, троллью пятку ему в. Ладно, опустим. Вот и решили, раз ты какая умненькая, будем учить.

— А на улицу совсем нельзя? — я старалась сделать лицо как можно умильнее.

— Нельзя! — отрезал профессор. — И меня такими глазенками не купишь. Таких невинных — вон пол Академии. Как набедокурят, сразу мордочки как у фей перед цветочком.

Дальше шли молча. Я все переваривала процесс допроса в кабинете лорда Стешского, и пришла к единой истине. Литманиэль нас с Карлом спас. Сначала обняв, дал понять, что в обиду не даст. И с министром дружественного государства пришлось считаться. А потом этим своим предложением забрать меня в Менэльтор спутал Департаменту Контроля оставшиеся карты. Не знаю, что они собирались со мной делать, но уж точно не отправлять в Академию. Профессору, я конечно, приглянулась, но против Стешского он бы не пошел. А тут — конкуренты на мою персону объявились, делать нечего, надо прятать. Да еще и подарок эльфа со смыслом: «Будут обижать, пиши».

Все-таки вовремя я тогда «деву в беде» включила, ой как вовремя!

Впереди показалось высокое здание с остроконечной крышей. Достаточно громоздкое, чтобы вычислить в нем общежитие. В холл вошли беспрепятственно, а вот перед дверью, ведущей к лестнице, нас остановили.

Я бы заподозрила с этом сморщенном старичке гнома, но как-то сомневаюсь, что жителю подземного города, полностью украшенного самоцветами, было интересно работать в общежитии.

— Цель визита, в какую комнату? — спросил вовсе не старческий дребезжащий голос, а вполне себе твердый и командный.

— Ты, Коваль, так плох стал, что своих не узнаешь? — профессор хмурился.

— Тебя, пожалуй, не узнаешь, — он кхекнул своим же словам — Я про девчонку эту.

— Тут теперь жить будет, с утра заявление на зачисление подпишем. Давай ключи, Коваль, устал до фей перед глазами!

Я тут же обернулась к Тоскану. Выглядел он вполне себе бодро, что нельзя сказать обо мне. Я готова была повиснуть на любом предмете, к которому удастся прильнуть.

— Так все занято, Роберт. Учебный год месяц назад начался. В комнатах по 4 человека. Могу предложить пятую кровать к кому-нибудь поставить, — он задумался. — Хотя на мужском этаже есть свободная комната в углу. Раньше подсобкой была, а сейчас освободили. Подойдет?

Я устало протянула ладонь, готовая согласиться на что угодно. Хоть бы даже и на подсобку с инвентарем.

— Мы пока поднимаемся, организуй там кровать с бельем. Видишь, на ногах еле стоит, чудо несчастное, — профессор подцепил меня под локоть и потащил по лестнице. Вот спасибо ему, сама бы точно не дошла.

— Коваль — комендант, с ним не спорь особо, он такого не любит. Обращаться к нему можно по имени. Среди адептов также, про мисс и мистеров забудь, титулами тут тем более не кичатся. В комнатах убираются самостоятельно, чистое белье можно попросить в любое время у старосты этажа. Не знаю, повезло ли, но жить будешь отдельно. Душевые в конце коридора... Но тебе на этаж выше, в любом случае. Придется ходить, к девушкам.

Я слушала и кивала. Надеюсь вся эта информация у меня в голове отложится, хотя сейчас я в этом сомневалась.

— За вещами твоими завтра кого-нибудь организуем. Сейчас уже поздно, — это он верно заметил, на улице светать скоро начнет. — Форму с утра пришло. И вот еще что,

Камелия, — я подняла на него глаза, ожидая окончания фразы. — Поаккуратнее в переписке с эльфом. Ты его не знаешь.

Я бы, конечно, сказала ему, что их всех я тоже не знаю, а Литманиэль единственный, кто был ко мне добр, но не смогла. Язык уже не ворочался.

Профессор помог открыть дверь, и войдя вместе со мной, огляделся. Комната, действительно, была маленькой, еще и с одним покатым углом. Зато здесь стоял пустой шкаф, видимо, ранее используемый для хранения инвентаря, и его можно было занять книгами. А еще меня очень порадовало окно.

— Ну, жить можно. Отдыхай, адептка, — профессор потрепал меня по и так взъерошенным волосам. А пока я придумывала, чтобы сказать, удалился.

Не раздеваясь, рухнула на кровать. Как отключилось сознание, даже не заметила.

Утро началось странно. От громкого стука в дверь. Я даже сначала не поняла где нахожусь. Но, поморщившись, пошла открывать.

Парень, что стоял за дверью, в ужасе отшатнулся. Может от того, что мои короткие волосы стояли дыбом, или ни разу не видел подрванного грязного платья, а может оскал, который я пыталась выдать за улыбку, не понравился.

Отчаянно зевающей мне, сунули в руки комплект одежды, сложенный аккуратной стопочкой. И подозрительно быстро ретировались.

Я махнула удаляющейся спине рукой и снова завалилась на кровать. Даже почти уснула.

Но хлопанье нараспашку открытой двери, глаза открыты все-таки заставило. Точнее один глаз. Второй подчиняться отказывался.

— Ой, чудовище. — нет, ну я понимаю, что выгляжу не очень, но такого мне еще никто не говорил. Поэтому просто закрыла прищуренный глаз, решив дождаться, пока Тоскан уйдет.

Было так тихо, что снова чуть не уснула. Но, когда, прижав к себе стопочку с формой, перевернулась на бок, услышала прямо над ухом:

— И вот не стыдно Вам, адептка Деронвиль? Проспать первый день в Академии.

— А я еще туда не зачислена, чтобы проспать, — с зевком ответила я.

— Нет, ну посмотрите на нее! — надо мной что-то прощуршало. — А это что потвоему?

Пришлось приподняться и все-таки открыть глаза.

— Свернутый лист пергамента?

— Приказ о твоём зачислении. Подписанный, кстати, лично мной, — профессор еще раз потряс свитком.

— А почему это Вы подписываете столь ценные бумаги? Ректор же должен.

— А потому, что ректор сейчас с какой-то миссией у фей, раскопками занимается. И я тут за главного, — Тоскан просиял широкой улыбкой.

— Аа-а-а. Пользуетесь, значит, служебным положением...

— Адептка Деронвиль! — гаркнул профессор.

Я от такого резкого перехода дружеской перепалки на командно-напряженный тон, подскочила с постели и встала по боевой стойке «смирно». У нас в школе раз в неделю были занятия по физ. подготовке и вел их отставной генерал. А такого попробуй послушаться, сразу 20 кругов по стадиону. Так что все боевые приказы выполнялись телом автоматически. А тон сейчас у Тоскана был именно такой.

— Ага, все-таки границы мы понимать умеем, — промурлыкал профессор. И меня отпустило. Вот прямо сразу расслабилась. Но ненадолго.

— Все, давай в душ, переодевайся в форму, и на первую лекцию. Магистра Каро я предупредил, он тебя всем представит. Там весь поток первокурсников будет. Вот тебе расписание и схема построек на территории, — он протянул мне вдвое сложенные листы бумаги. — Корпус номер пять прямо за общежитием. Учебные принадлежности положу на тумбочку, — и снова командным тоном. — Время, адептка!

Тело снова вытянулось в струнку. А Тоскан прошел мимо, явно посмеиваясь. Понял ведь, как на меня воздействовать.

Любовно прижимая к себе одежду, двинулась к старосте этажа. Все-таки запомнила, о чем ночью вещал мне профессор. Лохматый парень, если и удивился просьбе о выдаче полотенца, этого не показал. Отдал без вопросов. И я, пребывая в каком-то самнамбулатическом состоянии, пошла в душевые. Видимо вчера перенапряглась, когда спасала Карла, и магическое истощение не заставило себя ждать.

В туалетной комнате было пусто. Значит все адепты уже сбежали на занятия и мне стоило поторопиться. Просто постояла в душевой под горячими струями, так как мыла все равно не было. Умывальники были установлены в рядок, ближе к выходу. Здесь же висело и большое зеркало.

— Богиня, помоги! И правда — чудовище.

На меня в отражении смотрело какое-то безобразие, замотанное в широкое полотенце.

Волосы на голове торчали по типу шипов, в разные стороны, на скуле засохшие разводы грязи, мешки под глазами, похожими сейчас на узкие щелочки, ссадина на плече.

Я с остервенением начала умываться холодной водой. Смывая с себя не только грязь, но и усталость. Вроде помогло. Глаза открылись, ушла общая одутловатость. Кожа, конечно, не сияла, как обычно, но вид уже был далек от устрашающего. Намочив еще раз ладонь, начала приглаживать волосы. Они за месяц неприлично быстро отрасли и теперь почти закрывали шею.

— Вот это киса! — за моей спиной в отражении показалась щетинистая заспанная физиономия, подобравшаяся очень близко. — Ты пришла пожелать мне доброго утра в душе?

Не была бы так ошеломлена, ответила. Но на меня будто заклинание немоты наложили. Я думала. Медленно. И поняла, что это мужской этаж, а значит и душевая — мужская. Профессор же вчера предупреждал, что подниматься придется.

А еще для меня оказалось шоком такое обращение. Тоскан говорил, что титулов между адептов нет, но не до такой же степени! Я не гулящая девка, чтобы меня кисой называть и подкрадываться так близко. Хотя стою тут почти голая, в мужской душевой...

— Я новенькая, ошиблась, — повернувшись, рукой отодвинула от себя парня. — Извини, больше не повторится.

Но меня уже поймали в объятия и плотно прижимали к мужскому телу. Тоже почти обнаженному, между прочим. И от жара, исходившего от парня, мне стало дурно. Все смешалось — страх, стыд, отвращение.

Действуя чисто на инстинктах, как учил когда-то Лир, я зарядила коленом между ног домогателя. И его болезненный стон прозвучал для меня музыкой.

До комнаты добралась в мгновение, оделась также быстро. Темная юбка до икр и белая блузка сели идеально по фигуре. Профессор угадал с размером, чем очень меня порадовал. Также к форме прилагался плащ с сиреневой подкладкой. А вот в свои туфли я влезла едва-едва. Ступни нестерпимо ныли после вчерашних скоростных забегов. Накладывать заклинание не стала, магия могла повести себя непредсказуемо. Ведь вчера я здорово потратилась, и насколько в данный момент полон резерв — не знала.

В аудиторию вошла последней. Даже преподаватель был уже на месте. Но стеснения я не испытывала, ведь так даже лучше. Он же должен меня представить.

— А, вот и наша принцесса, — магистр смотрел неприязненно. Может потому, что поздно пришла, а может, заподозрил в каком-то блате. Ведь обучение уже длится больше месяца, а я только появилась. Да и просил за меня сам декан боевого факультета.

— Ну что ж... Адепты, внимание! — он постучал указкой по кафедре. — Позвольте представить вам нового ученика, мисс Камелию Деронвиль. Будет обучаться на исследовательском факультете. Прошу оказывать всяческую поддержку. Вы ведь знаете, как не просто влиться в уже сформировавшийся коллектив.

Да уж, мог бы и не намекать, что все уже подружились, и я тут явно лишняя. Наверное, мы с ним характерами не сойдемся. Но от этого хуже будет только магистру Каро.

Я кивнула преподавателю и прошла к ближайшему свободному месту, которое оказалось за первой длинной партой. Тут могло поместиться человек 10, а сидело только трое.

Видимо, никто не хочет выглядеть заучкой. Но раз уж, по воле судьбы, я оказалась в Академии, возьму ото всех по максимуму.

Глава 13. Суровые будни боевиков, или, а при чем тут

Лекция была скучная. Так как все это я уже знала. Магистр Каро преподавал «Мировоззрение и виды магии». Потом, наверное, будет интересно, но текущий материал представлял собой просто рассказ о разделении общего магического мира на королевства. Феи, Эльфы, Люди, Гномы, Вампиры, Тролли... Про оборотней, правда умолчал. Но оно, может и правильно, потому что отдельного государства они не имели, и жили в нашем королевстве.

Я слушала, но как-то в пол уха, более переживая за Карла. Надо бы с ним связаться, только пока не понятно как.

Вторая пара была практическим занятием у профессора Ноэль. Вот тут я прямо увлеклась. Атефакторика однозначно мой предмет и изучать его я планировала очень глубоко.

Не только интересно и доставляет мне громадное удовольствие, но и приносит доход. Я уже это прочувствовала, как никто.

Все было до неприличия просто — создать любое плетение и попробовать его наложить на предмет. Например — писчее перо. До того, как приступить к занятию, я подошла к преподавателю и предупредила, что очень выложились вчера, и к магии прибегнуть боюсь. На что профессор лишь махнула рукой, и сказала.

— Не переживай, если не получится, я пойму. Возьми что-то совсем легкое.

Нет, ну я все понимаю, но что такого легкого можно было сделать с пером? Пусть тогда уж пишет само. Связывать предмет с мыслями я, конечно, не умею. Но, чтобы оно просто дрыгалось от чернильницы к листу бумаги — почему бы и нет? Тем более, если случайно сгорит от переизбытка вливаемой силы, не страшно. Профессор дала свое добро.

Я полностью ушла в плетение. Накладывать заклинание на предмет умела прекрасно, и за это не переживала. А вот само плетение получалось занятным. Обратила внимание на окружающий мир, лишь услышав смешки из разных концов аудитории.

Возле моего стола стояла профессор Ноэль и с интересом наблюдала за попытками пера полностью окунуться в чернильницу. А с соседних парт свешивались гроздьями адепты, вытянув шеи. Подойти ближе никто не решался, а вот издалека понаблюдать хотелось всем.

Я видимо, напутала с плетением. Рассчитала ведь расстояние, на которое перо должно было перемещаться, четко по траектории: чернильница, наклон, лист, поворот. А оно заело на втором пункте, и так как выполнить его не получалось, сбило, и к третьему действию переходить отказывалось.

Профессор над бедным перышком сжалилась, и пальцем ткнула его в чернильницу. Дальше все прошло хорошо, и траектория, наконец, завершилась.

А вот как снять плетение с предмета, его не уничтожив при этом, я не знала. Профессор Ноэль, улыбнувшись моему растерянному виду, помогла легким взмахом руки.

— Ну что же, Вы сегодня все молодцы. А у кого не получилось, не расстраивайтесь, попробуем на следующем занятии вместе.

Все адепты с радостными возгласами поспешили покинуть аудиторию, но меня профессор решила задержать.

— Адептка Деронвиль, подойдите пожалуйста.

Я подумала, что меня будут ругать, и поспешила к кафедре, потупив глаза.

— Камелия, Вам уже доводилось работать с артефактами? — она внимательно изучала мою реакцию.

— О, нет. С артефактами я еще не работала, — практически выдохнула эту фразу, успокоившись.

— А с амулетами?

— Доводилось, — врать смысла не было, ведь понятно все без слов. Кто не работал с предметами, сегодня едва-едва смогли наложить плетение, его не испортил.

— Это прекрасно, — профессор довольно мне улыбалась. — Как Вы смотрите на дополнительные занятия, адептка?

Я радостно закивала. Это мечта! Забрав из моих рук расписание, профессор записала на среду и субботу время и номер аудитории.

На следующую пару пришлось почти бежать. Физ. подготовка. А у меня и формы нет. Значит так и скажу, моей вины никакой. Так торопилась, что даже кто ведет не успела посмотреть.

На поле перед третьим корпусом уже стояли адепты из моей группы. Все вытянувшиеся по стойке «смирно». Форма была простая — брюки по типу трико, правда свободные, и майка без рукавов. Всё сиреневого цвета, означающего принадлежность к нашему факультету.

Пока бежала, прикинула, что по росту мне скорее всего в самый конец. Вот чего-чего, а с этим у меня беда. Богиня в высоту обделила. Поэтому недолго думая, кинула сумку в общую кучу уже валяющихся, и напрямик направилась в строй. Очень быстро, и не глядя по сторонам. От того и ехидная фразочка, сказанная знакомым голосом, привела в некоторое смятение:

— А кто это у нас тут пританцевал? — и дождавшись моего пришествия на нужное место в строю, продолжил. — Адептака Деронвиль, напомните-ка мне, у нас сейчас урок хореографии?

— Никак нет, профессор Тоскан! — я отрапортовала ему хорошо поставленным голосом. Громко и по существу, как положено.

— А может быть Вас пригласили на свидание? — продолжал издеваться седовласый профессор.

— Никак нет, сдвоенная пара по физ. подготовке.

— Вы в юбке бегать будете, адептка? — возмутился Тоскан, видимо задетый моей готовностью отвечать на любую подначку.

— Так точно!

— Бегом, марш. 10 кругов по стадиону, — я не видела, но чувствовала, как он зловредненько улыбается.

Все побежали строгим строем, не обгоняя, не создавая давку. Мне нравилось. Так как плелась в конце, и могла даже немножко отстать, никто в спину дышать и пальцами тыкать не будет. Но были вопросы.

Поэтому пришлось немного напрячься и догнать впереди бегущего парнишку.

Маленький, шупленький, прямо грудью на защиту такого встать хочется. Но раз смог поступить, значит есть потенциал. А как я любила повторять — мага не по виду судить надо.

— Пс-с-с, — я заставила парня посмотреть на меня, и тихонечко проговорила. — А почему сам декан боевого факультета у первокурсников-исследователей физ. подготовку

ведет? Ему заняться больше нечем? — и чуть помедлив буркнула — Я Камелия, кстати.

— Ян, — мальчик мне улыбнулся. — В этом году будет турнир между магическими академиями. Говорят, даже эльфов позовут, — он загадочно сверкнул глазами, будто мне тайну какую-то выдал. И увидев, что я все рано ничего не понимаю, сказал. — Турнир раз в 5 лет проводится между лучшими учениками академий по всему королевству. А тут с эльфами договор торговый подписали, ну король наш и предложил им тоже поучаствовать. Якобы чтобы скрепить сотрудничество, но на самом деле, оценить на что они способны.

— Понятно. А мы-то здесь при чем? Ничего же на 1 курсе не умеем.

Парень хмыкнул.

— Да не скажи. Как ты перо здорово двигаться заставила. Не каждый первокурсник сможет, — я лишь от него отмахнулась. Было б чем кичиться.

— Так вот, — продолжил он. — В команде от каждой академии по 7 человек. В основном с боевого факультета, выпускники. Но задания на турнире не только силу оценивающие, всякое может быть — и лабиринты, и на смекалку, и артефакт какой-нибудь создать. Поэтому сейчас профессор Тоскан все курсы и факультеты просматривает, выбирает. А потом в течении года будет натаскивать тех, кто ему приглянулся.

— А турнир когда?

— В середине второго семестра, весной.

Я кивнула Яну, и чуть-чуть отстала. Значит весной к нам придут эльфы. Интересно, Литманиэль тоже заявится? Мне почему-то казалось, что непременно. Очень уж он выглядел заинтересованным, когда дарил мне перо. Что ж, вечером и спрошу.

Пробежала я максимум 2 круга, один из которых проболтала с Яном. И больше просто не могла. Поэтому, наплевав на все правила, срезала угол и нагло со спины подкралась к декану.

— Профессор Тоскан, разрешите туфли снять, — от боевого настроя за 2 круга пробежки в неудобной обуви ничего не осталось. Поэтому всю фразу я жалобно проскулила.

— Твоя форма в третьем корпусе в раздевалке на 1 этаже. Я за 20 минут до занятия все туда принес. А ты мало, что туда не заглянула, да еще и на урок опоздала, — он все это проговорил даже не обернувшись.

— Меня профессор Ноэль задержала. Искали время для дополнительных занятий.

— Так и знал, что она сразу в тебя вцепится, — может и показалось, но пробивалось в этом его недовольстве что-то теплое. Будто нежность к тому, что Ноэль в меня «сразу вцепилась». Я даже головой мотнула, прогоняя наваждение. Тоскан и нежность — бред.

— Так я могу переодеться? — наглела, конечно. Но бегать в туфлях на каблуке точно больше не могла.

— Иди уже, недоразумение ходячее. Потом только сразу сюда, будешь наверстывать.

Я, как могла быстро, двинулась к 3 корпусу. И что-то радостно подпрыгивало в душе, азартно порывивая.

Вернулась в общежитие я усталая, но довольная. В комнате за день произошли изменения. На окне появились тяжёлые алые шторы, на полках — нужные в учебном году книги. Небольшой письменный стол рядом с кроватью. Здесь стало уютно, хоть и немного тесновато. Но мне нравилось. От того ли, что приняла, наконец, ситуацию, и смирилась провести ближайшие несколько лет в академии. Или просто пришло осознание, что так правильно. Ведь 3 года назад была произнесена клятва, скрепленная кровью, и магия этого обряда так или иначе привела бы меня в Академию Эдарон.

Я вынудила Лира. Он трепыхался как мог, но чувство вины победило. За то, что оставил одну тогда, после цирка.

— Ты все узнал? — на меня посмотрели недоумевающе. — Богиня! Лир, ну про обряд. Мы же вчера договорились.

— Я прочел, но там много не понятного. Нужны более углубленные данные...

— Ты мне врешь! — я отвернулась от него, как всегда делала, когда обижалась. — Хоть наберись смелости и скажи все честно, без этих вот отговорок.

Я снова заглянула ему в глаза, вмиг превращаясь в «Око Возмездия».

— Давай, говори: Я, Лириан Веридан, лорд рода Конендаль, хочу по окончании школы этим летом поехать в столицу для поступления в Академию магии Эдарон. Камелию Деронвиль я дожидаться не собираюсь, ибо за эти 3 года, пока она тут учится, уже стану настоящим магом, — я втянула побольше воздуха и продолжила все тем же замогильным голосом. — Мне надоело быть ей нянькой, хоть я раньше и говорил обратное.

— Ками... — Лир попытался меня обнять, но я вырвалась.

— Мне теперь интересны девушки постарше, а не эта надоедливая мелочь. Поэтому я, Лириан Веридан, лорд рода Конендаль, хочу снова бросить Камелию Деронвиль, пусть ее подальше увезет цыганский табор с жуткими гадалками и магическими котами.

Он все-таки поймал меня в объятия, и теперь прижимал, поглаживая длинные вьющиеся волосы. Я ему рассказала про цыганку, как только смогла отойти от обиды. А сейчас она снова рвалась наружу.

— Ты же знаешь, что это все не так. Я искал тебя тогда, и с девушкой той и двумя словами не перекинулся, — он вроде и говорил искренне, но не верилось ему. Что-то свербело в груди, не давая принять эти слова полностью.

— Если все не так, давай мне книжку с обрядом, я сама все выясню.

Он принес книгу вечером, и я всю ночь изучала написанное. Сам обряд не особо тяжелый. А вот последствия от него. В случае не исполнения обязательств, пострадавшая сторона имеет право призвать виновника к ответу. Наказание любое, вплоть до смерти. Насколько фантазии хватит. Но также интересен был тот факт, что магия все равно будет подталкивать участников обряда к закономерному итогу.

Я Лира с одной стороны понимала, он уже взрослый. И терять целых три года, прозябая в глуши и таскаясь за малолетней подругой, ему не особо хотелось. Но держало его все-таки обещание, данное давным давно, что будет заботиться и поедем поступать в Академию вместе.

А я все настаивала, прекрасно понимая, что за эти 3 года в столице он меня позабудет. И я останусь одна, без огромного куса своего сердца.

Я поняла, что сижу на массивном резном подоконнике, уставившись в одну точку. Опять. Плетение, которое помогало мне выжить последние полгода, слетело с пальцев автоматически.

Не желаю думать о нем. Нужно было отпустить еще тогда, когда мне было 14, а он окончил школу. Я ведь еще не понимала, что чувствую к нему, не могла осознать, почему тянет так постоянно быть рядом. И отъезд друга не задел бы так сильно. Пострадала месяц, а потом нашла себе другого знакомца, с которым можно было исследовать гроты. Того же Рика, например.

Но я вынудила Лира на этот обряд, привязав к себе еще на 3 года. За которые чувства обрели осознанность, а его побег выжег мне душу. И пепел этот сейчас оседал на плечи

осознанием, что даже возможная смерть за нарушение клятвы была ему милее, чем обязанность опекать меня еще несколько лет в Академии.

Еще одним приятным событием этого дня стало возвращение ко мне коричневого чемоданчика. А с ним и ночной сорочки, любимой щетки для волос, пахнущего лавандой мыла... Да бесконечно можно перечислять маленькие, радующие каждую девушку мелочи.

Я засобиралась в душ, который после пробежки был мне просто необходим. Смущало, конечно, что придется идти в халате через весь мужской этаж, но пусть привыкают. И пусть только попробуют выкинуть нечто подобное, утреннему происшествию.

Я благодарила Богиню, за пустоту коридора. Хотя время еще не позднее, и по общежитию должны сновать толпы адептов. И как же это здорово — помыться с мылом, а уж от чистки зубов такого удовольствия я давно не получала.

Смотря в зеркало отметила, что выгляжу лучше. Но с волосами нужно было что-то делать. Может я и оставила бы их расти дальше, но едва достигая плеч, они сразу начинали виться. А значит — и путаться. Решила ненадолго отложить стрижку. Недели две до критической длины у меня имелось. А еще радовало, что пустой резерв так быстро восстанавливается, меньше суток же прошло.

Так что возвращалась в свою комнату я расслабленная и умиротворенная. Пока не заметила Щетинистого, вальяжно привалившегося к стене коридора, и явно кого-то поджидающего. Надеюсь не меня. А то я по отношению к нему нехорошо настроена.

Могу и сорваться.

Подняла подбородок повыше, и гордо двинулась в конец коридора. Вот она моя дверка родненькая, так близко уже.

— А ну стой, рыжая!

Это вот он что? Про меня? Я? Рыжая? Ну гад!

— Слушай, Щетинистый, не задирай меня, я такого не люблю.

Повернулась к нему, не дойдя до спасительной двери всего 2 шага. Но отношения надо было выяснить прямо сейчас.

— Не ты ли сегодня меня телом соблазнила, а потом ударила?

Он опять подошел слишком близко, давя и раздражая. Но отступать не в моих правилах. Поэтому с места не тронулась.

— Меня поселили тут, понимаешь? На мужском этаже. Профессор Тоскан говорил, что нужно идти на третий, а я забыла, устала очень вчера. Неужели позволено оскорблять девушку скабрзными кличками лишь потому что она что-то перепутала? Про приставания я вообще молчу. Поэтому извиняться за удар не буду, и прошу ко мне больше так близко не подходить.

Лишь высказавшись, я отступила от него, давай понять, что разговор окончен. И надеясь, что смогла донести нужную информацию.

— Так это ты, новенькая? — он еще раз внимательно меня осмотрел, будто что-то проверяя. Видимо мой утренний наряд его очень впечатлил. Но сейчас халат оставлял открытыми только икры и ступни, а запа'х на груди я еще до выхода из душевой тщательно проверила. Поэтому что бы он там не разглядывал, не найдет.

— Я же еще утром сказала. Или у тебя мозг при виде раздетого женского тела вообще отключается? — не хотела дерзить, но какой-то взгляд у него был нехороший, тяжелый.

— Слушай сюда, колючка, — он снова неприятно близко подошел и наклонившись вперед, зашипел мне на ухо. — Не смей в таком тоне разговаривать, поняла? День тебе на

акклиматизацию. А завтра придешь в мою комнату, ночью, — он чуть отклонился, проведя пальцами по отвороту моего халата в районе груди. — Одна. И мы с тобой... поговорим.

И прежде чем я смогла вымолвить от такой наглости хоть слово, развернулся на каблуках, и насвистывая, пошел в свою комнату.

Честно сказать, я даже не злилась. Была в полном, неконтролируемом бешенстве. Это ж надо быть таким самоуверенным. Да мне подобных слов раньше и слышать-то не приходилось. Чтобы к девушке из высшего общества, да с такими предложениями.

Ух-х-х-х-х. Да чтобы на него тролль сел и не заметил. Да что б его фея пылью окатила. Да чтоб. Так, надо успокоится.

Я тут же полезла в коробочку, где хранился небезызвестный цыганский сбор. А то сейчас случится у меня выброс, и будет Тоскан потом только кирпичики считать. Ну может еще косточки, оставшиеся от всяких щетинистых личностей.

Я накрыла кувшин с водой ладонью, чтобы подогреть воду. Но немного перестаралась, и вспыхнул лист бумаги, лежащий рядом. Пришлось заливать.

Зато отвар быстро заварился. Вкусно. В сон провалилась незаметно.

Меня будто что-то подбросило, и я в панике никак не могла сообразить, что происходит. Темно было, хоть глаз выколи. Зажгла пульсар, и сразу успокоилась. Никого. А то показалось, что звали меня.

Сколько же я проспала. Время, наверное, к полуночи движется. И тут снова этот зов. Как тяга какая-то.

Быстро собравшись, я побежала на улицу. Остановилась только у стены, ограждающей Академию.

— Ка-а-а-арл, — звала тихо, но знала, что услышит и мгновенно определит мое местоположение. Магическая связь давала о себе знать.

— Ками, сестренка, я тут, — я увидела подпрыгивающую над высокой оградой руку.

— А перелезть сможешь? — Карл ловкий, и я на него в этом плане очень рассчитывала.

— Ты что? Тут вся стена светится, заклинаний навешено. Я уже три круга навернул, ни одного свободного пятна, чтобы зацепиться можно было, — тут Карл задумался. — А ты не видишь, что ли?

— Я же адепт, магия академии приняла как свою дитятку, — мы с ним одновременно прыснули, но громко смеяться было нельзя, поймают. — Это от внешних вторжений стена защищена. Ты вроде как чужой.

— Я соскучился. Правда, — он немного помолчал. — Не знал даже, что так бывает. Прямо тянет сюда, к тебе... Днем приходил, но меня не пустили, только чемодан забрали.

— Мне тоже постоянно о тебе думается. Перенес свои вещи в новую квартиру?

— Перенес. Только не по себе мне там. Я привык к простоте. Да и скучно... Каа-а-ам, а может дело замутим?

Я лишь хмыкнула. Понятно, что деятельному Карлу, за полтора месяца привыкшему к постоянному движению, сейчас было тоскливо. Да и я тоже привыкла, и к нему и работе постоянной с артефактами. Только вот за сегодня столько событий произошло, что на скуку времени не оставалось. Карлу тяжелее. Поэтому я и согласилась.

— А давай, — и услышав его радостный возглас, заметила. — Я сегодня попробую сделать амулетик. Такой, знаешь, простой. Закину туда силы своей сгусток, да крови капну. Может и пропустит тебя тогда Академия. Ты же мне по духу — брат, и кровь моя будет. В общем, завтра ночью приходи, попробуем. Заодно тогда и идеи твои обсудим.

— Доброй ночи, сестра.

— Не скучай, Карл.

В общежитие возвращаться не стала. Решила, что в качестве амулета подойдет кулон, висящий сейчас на моей шее. Он еще и открывался, образуя 2 створки. Такое сердечко с половинками.

С ритуалами на крови у меня были не очень приятные ассоциации, но это же немного другое. Поэтому, отбросив все сомнения, пошла в читальный зал библиотеки, открытый для адептов круглосуточно.

Тут было пусто. Совсем. И темновато. Поэтому мой пульсар оказался очень даже кстати.

Прямоком отправившись в секцию — ритуалы на крови, клятвы на крови, амулеты и артефакты крови, набрала книг десять, вроде бы мне подходящих. Информации было очень много, но читать я любила, а ставить эксперименты еще больше.

— А чем это вы тут занимаетесь, адептка Деронвиль? — я от этого интересующегося голоса над ухом подскочила на добрых полметра, что тебе кузнечик.

Зато умудрилась заехать декану по лицу, исключительно случайно, конечно. А пока сей, ночами не спящий, человек, растирал ушиб и накладывал восстанавливающее плетение, я успела спрятать амулет в рукав мантии.

— Так вот — доклад готовлю, профессор Тоскан, — я самыми честными глазами посмотрела сначала на раскрытый учебник, а потом на пришедшего в себя декана.

— Ага, еще, наверное, и по моему предмету.

Какой догадливый немолодой человек! Хотя тут не совсем, конечно, все однозначно. Но так получилось, что нужное мне плетение оказалось в книге «Боевая магия. Методы проникновения на вражескую территорию».

— Так точно, профессор, — я вытянулась в струнку, и даже готова была козырнуть приготовленной правой рукой.

— Ой ли, — мне явно не верили. И Тоскан уже внимательно всю меня оглядывал в поисках того, чем я по ночам в библиотеке занимаюсь. Даже книгу перевернул, и прочитав название, понимающе хмыкнул.

— Пропущенный материал нагонять нужно, как — никак месяц потерянного времени, — я продолжала изображать солдата, стоящего по стойке «смирно». Знала, что он оценит.

— Адептка, не заливайте мне в уши магический раствор. Я от ваших сказочек раньше времени оглохну, но скорее всего поседею...

— Так Вы уже это, посе. — заметив насмешливо поднятую бровь, я осеклась, и вовремя смогла заткнуться. — То есть, до седины Вам далеко, профессор!

Взрыв хохота огласил пустой, а от того отзывающийся эхом, читальный зал библиотеки.

А я что? Так и продолжала стоять, немного отведя левую руку назад. Очень переживала за амулет, который мог легко выпасть.

— Давай уже, показывай, что там у тебя, неугомонная, — мужчина протянул руку, ладонью вверх, глазами показывая на мою спрятанную конечность.

Ага, конечно. Как выпрашивать, так «адептка», да на «Вы», а как требовать, сразу «Давай сюда, неугомонная». Хотелось еще с ним поспорить, ведь профессора я отчего-то совсем не боялась. Но понимала, что так просто он не отстанет, и все равно придется отдавать амулет.

Вытащила из рукава кулон и протянула этому вымогателю. У которого тут же на глазу появился монокль. Наверняка магический, а еще вернее позволяющий различать любые магические потоки, даже самые тонкие. Хорошая штука, дорогая.

— Хм... это ты сама все наплела? — один глаз профессора воззрился на меня, а второй продолжал изучение предмета. Ну надо же, какое чудесное свойство.

— Чего молчишь? И так вижу, что сама. Вопрос кому и зачем понабилась сея игрушка?

Это он меня «игрушкой» задеть решил, чтобы я вспылила и все ему выложила. Не на ту напали, профессор.

— Ну-ка, руку покажи, молчунья, — Тоскан не дожидаясь моих действий, схватил за руку и внимательно рассмотрел выгравированную «К».

— У нас связь магическая с братом, хотела ему доступ в Академию сделать, — молчать стало больше не на руку, так как профессор уже частично меня раскрыл. Нужно было только повернуть все в свою пользу. — Мы друг по другу тоскуем, — я старательно хлюпнула носом.

— Спектакли отставить, у тебя все равно не выходит, — мне нагло так подмигнули. — А брат, значит, тоже маг?

— Не совсем, — не стала врать я. — У него при ритуале магия проснулась, но там ее крупницы. Только видеть и может.

— Ммммм, то есть побратим? — теперь на меня профессор смотрел еще более внимательно.

— И тоже сама?

Я поняла о чем он, и спорить не стала, кивнув.

— Ты меня все больше радуешь, адептка, — декан легко щелкнул меня по носу, и отдав амулет, продолжил. — Брату твоему сделаем официальный пропуск, пусть посещает общие лекции, как слушатель, лишним не будет. Магия может долго спать, а потом от эмоционального выброса, город по камушкам не соберешь. Поэтому знания ему понадобятся. Заодно и вы видеться будете, раз тоска замучила, — да, да, по ироничному тону было понятно, что мне не верили ни на грамм.

Ну и ладно, за амулет не ругались, пропуск Карлу выпишут. Что еще для счастья нужно?

— Ах да, завтра подпишу приказ о твоем переводе, — Тоскан остановил себя уже в дверях, и на мой вопросительный взгляд, выдал. — Забираю тебя на боевой факультет, Деронвиль. Готовься к труду и дисциплине.

Декан этого самого боевого факультета ушел, насвистывая какую-то веселую песенку. Оставив меня в сумасшедшем раздрае.

Глава 14. Про тайны, секреты и подслушивания

Я так и не добралась до пера эльфа, так как пришла в комнату глубоко за полночь. Хоть и очень хотелось попробовать такое изобретение. Ну надо же, общаться можно даже между королевствами.

А утром долго лежала, думая, куда мне идти. Расписания боевого факультета на руках все равно не было, а в новый деканат забежать уже не успевала. Так что все решилось само собой. И я с легким сердцем потопала на лекцию по артефакторике.

Было такое ощущение, что за месяц здесь не успели пройти ничего существенного, и до сих пор адептам давали вводный материал. Никакой конкретики, только общие знания.

Что плетения нестабильны, амулеты требуют подпитки, а артефакты настолько тяжелы в изготовлении, что только долгие годы кропотливой работы способны принести нужные знания и умения. Эксперименты с кровью опасны, и мы, в силу своих малых знаний, рисковать не должны.

Кровь... Вертелось что-то в голове, в мысль так и не формирующееся. А потом, будто вспышкой. Амулет для Карла мне Тоскан обратно не вернул. Вот пройдоха, а еще профессором называется.

Открытие двери посреди лекции стало сюрпризом. А стоящий там Тоскан, злющий кстати, привлек внимание каждого адепта в аудитории.

Он безошибочно отыскал меня глазами, и я в них прямо кару свою увидела. Ой, что будет.

— Деронвиль, на выход. Я жду.

Тут за меня решила вступить профессор Ноэль. Не ошиблась я в ней. Чудесная женщина.

— Профессор Тоскан. А по какому праву Вы забираете мою адептку? Сейчас лекция. А она и так не с начала года занимается.

— Ее на плацу 30 человек ждет, познакомится хотят, — он скабречно ухмыльнулся.

— Адепты, вы посидите пожалуйста тихо. Мы с профессором на минуточку выйдем, — Ноэль величавой походкой прошла мимо театрально поклонившегося Тоскана. И судя по пробежавшей по двери оранжевой стрелочке, они там заклинание тишины активировали. Жаль. Я бы послушала.

Зато на меня разом повернулся весь поток. Но никто не решался подойти. Кроме Яна. Раз, и он уже сидит рядом со мной. Распахнув свои большие глаза.

— Давай, рассказывай, зачем ты Тоскану понадобилась. Это ведь не просто так затеяно.

— От любопытства, кошка к некрмантам попала... Хотя, мне вот тоже интересна одна вещь. Давай тайну на тайну?

Глаза Яна стали еще больше. И он согласно кивнул.

— Почти все маги-мужчины по телосложению мощнее обычного человека. По крайней мере после окончательного пробуждения магии. А ты не такой. Магия не проснулась, или причина в ином? — меня этот вопрос со вчерашнего дня мучил.

— Смесок я. Пусть и не в первом поколении, но все равно на внешности сказалось, — Ян погрузился. — Но я вообще об этом не распространяюсь. Так что, рот на замке, — он провел по губам, изображая, что тянет бегунок.

— Мы же тайнами обмениваемся. Поэтому все только между нами.

— Ну так говори уже, не тяни, зачем Госкан пришел?

— Меня на боевой факультет переводят.

— Тролльи кишки...

— И не говори, сама еще не привыкла. А какая раса отметилась у тебя в роду?

Ну правда же, жутко интересно. Но ответить мне Ян не успел, быстро ретировавшись восвояси. Потому что на кафедру фурией взлетела Ноэль. И я поняла — они поругались. Из-за меня. И судя по убийственному выражению лица профессора артефакторики, все плохо.

— Адептка Деронвиль, Вас на выходе из аудитории ожидают, — ну как я и думала, Госкан победил.

Я собирала вещи и выходила медленно. Так как желанием засвечиваться перед отрядом боевиков, не горела.

— Вот скажи, адептка, ты сейчас специально меня из себя вывести пытаешься? С утра ведь по моим нервам топчешься.

— Никак нет, профессор, — голос звучал вяло. Пререкаться с ним настроения не было. — Просто так все достали меня за эти 2 дня, что сил уже нет. Думаю, может Литманиэлю наябедничать.

— Вот что у тебя за язык, Деронвиль? Зубами не прикусывается? Как у змеи ж!

— Не, я не ядовитая, хоть иногда и хочется. Вот чтоб раз, и враг уже на лопатках. И ножкой так потешно дрыгает в судорогах, и.

— Ой, молчи!

Он меня тащил буксиром. На полигон. А оно мне надо?

Студенток на боевом факультете было мало. И теперь я отчетливо понимала, почему. Им просто не хватает выносливости, а жалость у профессоров представлена исключительно в виде фантома. Вроде бы и была когда-то, а сейчас вся истаяла, да выветрилась. Не могли же они такими бесчувственными родиться.

На первых курсах разделения у боевиков нет. И общие дисциплины для всех. А вот на третьем уже шли кто на силовой, кто на природный, а кто-то становился некромантом.

И сейчас в расписании у меня красовался такой набор предметов, что становилось понятно — просто не будет.

Всего в группе со мной — 31 человек. Число неправильное, должно быть 30, чтобы делится на ровное количество пар. Но меня привел декан, поэтому обсуждению его самоуправство не подлежало.

— Не переживай, Деронвиль. Тут постоянно кто-то в лазарете отдыхать будет, так что пару тебе същем.,- сказано было громко, чтобы все слышали, и вопросов мне не задавали.

Девушек в группе было четыре. Одна из которых, явно полутроль. Потому что и телосложение богатырское, не хуже некоторых магов, и цвет лица с зеленоватым оттенком.

Вторая — очень красивая брюнетка. Высокая, худая, но видно, что сильная. И имя такое говорящее — Скура.

Вот третья красotka, с волосами платинового отлива почему-то меня немного отталкивала. От нее исходила такая тонна высокомерия, что можно было под тяжестью задохнуться. Сразу видно, что аристократка, голубая кровь. Но тут другие порядки, и мне хотелось посмотреть, как быстро ее обломают.

А четвертая я, прошу любить и жаловать. В общем, все как на подбор — брюнетка, блондинка, почти рыжая и... пусть будет, красная. Хотя я знала про обычаи троллей менять цвет волос, в зависимости от количества забранных жизней. Такие уж они воинственные.

Меня сегодня жалели. Но даже при этом все было плохо. Нормативы я не осилила, дохлую муху не подняла, ветром стул в окно корпуса зашвырнула. На всех занятиях незримым шпионом присутствовал Тоскан, но сейчас, оглядываясь, я его не замечала.

Поэтому просто решила сбежать и навеститься к профессору Ноэль. Заранее у ребят узнала в каком домике она живет.

Само жилье было мрачновато — тяжелый, покрытый мхом кирпич, совсем маленькие окна, грустно съезжающая черепица. Зато крыльцо, просто загляденье. Резные поручни, гладкие камни, обтесанные миллионом ног, небольшая подсветка, работающая только ночью.

Я постучала несмело, и услышав голоса, решилась войти. Коридор был темным, но впереди виделась комната, где продолжали ругаться 2 знакомых мне человека.

— Ты понимаешь, что жизнь девочке загубить можешь? Соппротивлением бессмысленным.

— Роберт, перестань. У девочки талант, а ты своим переводом вот действительно не туда ее тянешь. Что ей у боевиков делать? Маленькая, хрупкая, да ее поломают и не заметят.

— На посмотри-ка, амулет на крови. Знаешь кто сделал? Адептка твоя. Сама, понимаешь? Никто ее не учил, поставила перед собой цель, нашла книгу и сделала. Она такими темпами скоро и артефакты клепать начнет, помани мое слово, — профессор Тоскан очень взволнованно говорил, быстро и как-то отрывисто. — Да, вижу, как твои глаза загорелись, хорошая девочка, талантливая. А теперь расскажи мне, что вчера на практике у вас было, как себя Деронвиль проявила.

— Отлично проявила. Плетение такое интересное сделала, хотела, чтобы перо само в чернильницу окуналось.

— А как другие адепты на это отреагировали, Рин?

— Вот и я понимаю, что на первом курсе такие способности не встречаются, и многие ее сокурсники заинтересовались. А дальше — хуже. К ней ходить начнут. Сначала за помощью, потом чтобы амулет незаконный сделала. И это все быстро очень за пределы Академии выйдет. И заберут у нас эту хорошую девочку, глазом моргнуть не успеем. Посадят в застенки Департамента, и будет она всю жизнь на сыночка твоего работать.

— Роберт...

— Я все понимаю, он и мне дорог, почти как сын. Но скажу тебе, что именно Стешский ее сюда и упек. Чтобы эльфам не отдавать. Он ее уже заметил, и любой следующий раздражитель с именем Деронвиль, будет последним. А ей 17 лет всего. Жизни еще не видела, чтобы в 4 стенах сидеть, — я слышала, как вышагивал по комнате профессор Тоскан, и как вздыхала тяжело Ноэль.

— У нее есть сила духа, умение достигать цели нестандартными способами, находчивость. Чем не качества для боевого факультета? Она сырой силой отряд Особого реагирования уложила, — не знаю кого он старался убедить, но я уже точно на его стороне. — Я вчера ее 10 кругов прогонял, проверил. Ни разу не пискнула. В общем, я уже подписал приказ о переводе. Не место ей на исследовательском. Надо девочку прятать.

— Ну хоть на дополнительные занятия ее мне отдай. Я очень прошу, Роберт. Будем по вечерам с ней заниматься, никто не узнает... И Петру я ничего не скажу, обещаю.

— Хорошо, Рина. Пусть это вам обоим доставит удовольствие.

Я слышала радостный визг, совсем не сочетающийся с обликом серьезной Ноэль. А потом и долгую возню, которая могла означать только одно.

Я тихо вышла на крыльцо, аккуратно закрыв за собой дверь, и опустилась на ступеньки. Было тепло, и солнце чудесно грело кожу, должно быть, нагоняя мне еще веснушек. Скоро и правда рыжей стану, не зря меня так Щетинистый обозвал.

Не хотела про него вспоминать, но все равно о чем-то нужно было подумать. Чтобы перестать возвращаться к роману двух профессоров. Ну Тоскан еще очень даже ничего выглядит, а Ноэль, вообще красотка, хоть волосы уже давно серебром украшены. И сын у нее вон какой взрослый. Степский... ну надо же. Никогда бы не подумала. У такой хорошей женщины и вдруг такой противный сын.

А сегодня ночью меня в своей комнате будет ждать Щетинистый. Интересно, как он ждать собирается, если они вчетвером живут. Кто ж на свидание при свидетелях ходит? Да и свиданием такую похабщину назвать очень трудно.

Среди магов, получается, вообще правил приличия не существует. Вряд ли парень действовал так впервые. И вид у него был очень уж самоуверенный. Словно знал, что стоит приказать, и к нему любая девушка ночью явится. Может их чем-нибудь запугивает? Ведь нет в нем ничего неотразимого, чтобы по мановению пальца бежать, теряя юбки.

Глава 15. Ночное рандеву, или мальчик по вызову

Вылетевший из дверей профессор, конечно, не заметил препятствия на ступеньках. И только навыки боевого мага высшей категории спасли его от опрокидывания меня и себя заодно. И надо отдать ему должное, даже к троллям не послал.

— Меня уже 2 дня преследует такое чувство, что ты дана нашей Академии в наказание, — Тоскан, который оказывается Роберт, присел рядом со мной на ступеньку.

— Не Академии, а лично Вам, — я ему улыбалась, а в душе было отчего-то неспокойно.

— Подслушивала? — он видимо оценил мою задумчивую физиономию, и все понял правильно.

Я покрутила перед его носом кистью руки, показывая, что не совсем.

— Вы мне или амулет отдайте, или пропуск на брата выдайте, потому что он ночью придет.

Тоскан протяжно вздохнул, и без слов двинулся в сторону корпусов. Даже руку не подал. Ах, да, я же теперь адепт боевого факультета. То есть пола как такового не имею. Прекрасно, что тут сказать. Просто прекрасно.

На улице уже вечерело, а у меня столько дел не поделанных. Самое важное из которых, придумать что-то с ночным свиданием. Ведь если я не явлюсь, примчится Щетинистый собственной персоной. И будет под дверью танцы выплясывать, соседей всех веселить. А я теперь боевой маг, у меня репутация.

Здание, отведенное для моего нового факультета, было... боевым. Вот правда, ни тебе цветочков в клумбе вокруг корпуса, ни ярких плакатов, зазывающих адептов на всевозможные дополнительные занятия. Все скупое, мрачное, строго. Даже секретарь у Тоскана была такая же. Высокая, сухопарая женщина, некогда не лишённая привлекательности, но сейчас выглядевшая как старая больная ворона. Наглухо застегнутое сине-черное платье, закрученные в тугий узел волосы с проседью, губы, поджатые до синевы. Бррр. Как он с ней работает?

— Лорейн, будьте добры, начните готовить приказ на вольного слушателя. В имени пока оставьте пробел. По готовности занесите.

Лорейн... Не засмеялась только огромным усилием воли. Да уж. Более сильное несоответствие представить себе сложно. Нежное волнующее имя, в моей ассоциации — нечто пенно-морское, с тонкой ноткой романтики, и вот эта, более похожая на подчиненное умертвие, женщина.

Конечно, поднятой нежити я еще толком и не видела, так, одним глазком сегодня на уроке некромантии подсмотрела. Но мне казалось так оно и есть — полностью подвластное магу существо, безмолвно выполняющее все приказы.

— И так, невоспитанная девчонка, что мы имеем? Декану своему дерзим, под дверью подслушиваем, а может и подглядываем.

Он внимательно посмотрел, но я виду не подала, что смущена, и внутри все кричит от неудобного положения, в которое попала. Взгляд профессора встретила нагло, огромным усилием воли заставляя щеки не краснеть. Он удовлетворенно кивнул. Фух.

— Я надеюсь, ты усвоила некоторые вещи из услышанного? Например: — не лезть вперед, даже имея явное преимущество;

— не делать всем подряд амулеты, тем более на продажу;

— не выставлять напоказ запрещенные знания;

— не связываться с личностями, находящимися вне закона.

Он говорил без тени улыбки, и я сейчас понимала всю степень своего попаданства. Мне предстояло как минимум 3 года сидеть и не отвечивать. А боевики вообще 5 лет учатся, в отличие от остальных. Наверное, эта цифра была для меня слишком существенной, потому и не выдержала:

— Профессор, по Вашим словам, я какое-то исчадие бездны с плохими знакомствами. Нет у меня никаких запрещенных знаний, и с личностями вне закона не знаюсь! Я 17 лет под боком у папы-фермера прожила в провинции. Какие умения? О превосходстве над остальными вообще молчу, — я даже вскочила с места, и начала метаться по кабинету. — Вы меня не за того принимаете. И Стешский ошибается. Богиня помощи! Как же Вас убедить-то?

Я видела с каким умилением взирает профессор, и от того злилась. Как мартышка на сцене цирка. Выкладываюсь на полную, а все вокруг лишь посмеиваются, и конфетками дразнят.

— Если ты не видишь очевидного, поясню. Тобой заинтересовался Департамент контроля. Не важно почему, главное, что ты оказалась в сфере их интересов. Эльф свою лепту тоже внес. Поэтому за тобой будут наблюдать, пока ненавязчиво. Но что будут, точно, — он чуть наклонился вперед, сцепив руки на столе в замок. — Я совет даю, как человек, который к тебе расположен крайне положительно. Не высовывайся вперед. Станет у тебя получаться что-то, прекрасно, но будь второй или третьей. Не лучшей. Потому что чувствую я в тебе это желание — добиваться преимущества.

Да, он прав. Вот слушаю сейчас, и понимаю, что так бы и делала в новых условиях. Не из желания блистать или хвастаться, а просто затем, чтобы не смеялись вокруг над «малявкой», «гномкой», «магиной ущербной». Это все было в школе, потому что многое не получалось, и ростом я не задалась. Но там в трудную минуту появлялся Лир и быстро затыкал недовольных. А тут ведь никого из родных нет. Вокруг не обычные люди, которых можно припугнуть боевым пульсаром. Тут все маги, и умеют они гораздо больше меня.

— Вижу, что поняла, — профессор мне улыбнулся. — По поводу криминала. Я не обвиняю тебя в каких-то связях. Предупреждаю просто, что любая продажа незаконных амулетов, порошков... да чего угодно, в Академии многому учат, привлечет представителей темной стороны нашего общества. Это столица, тут такие на каждом шагу. А за тобой следят. Как думаешь, быстро доложат Стешскому, что Камелия Деронвиль встречалась с местным криминальным авторитетом?

— Каким еще авторитетом? Не знаю я никого... — и, заметив, как Тоскан скривился, продолжила. — Услышала я Вас. Поняла и приняла. Буду стараться.

Он засмеялся. Понял ведь, что прямо пообещать такого я не могу, потому что не уверена, что неприятности сами меня не найдут. Я буду стараться, но в любом случае все может закончиться плачевно.

В комнату бесшумно вплыла Лорейн, и Тоскан заметил, что я за ней наблюдаю.

— Она немая, — сказал он, когда дверь за женщиной закрылась. — Еще и выгоревший маг. Долгая история и тяжелая. Но Лорейн старается, не сдастся.

Я смотрела на него во все глаза. И меня буквально затопило волной стыда, жалости, жизненной несправедливости. Так бывает. Видишь ты котенка, например. И такой он худенький, блохастый, невзрачный. Но вроде же живет где-то, не бездомный. Значит и

хозяин у него есть, и не твоя это забота, не твоя и ответственность. Но тут, уже проходя мимо, замечаешь, как жестоко человек, этот самый тщедушный комочек за шкуру кидает, да прямо за ворота. И вроде бы, все равно не твое дело, но усмотрев беду, повернуться спиной уже не можешь. И жалость накатывает, и облегчить жизнь этого котеночка хочется. Сразу видится он не таким уж страшеньким, а если откормить — так вообще будет прелесть.

У меня сейчас сработала такая же установка на жизненную несправедливость. Как так? Женщина же еще не старая, видно, что когда-то очень красивая. Но сломленная. И как бы она воспрять не пыталась, не получается. И случилось с ней должно быть что-то жуткое, раз не только магию потеряла, но и голос. Но надежда еще в ней теплится.

— Имя, Камелия, — попытался вывести меня из тяжелых раздумий профессор. Но я так погрузилась в себя, что вынырнуть не получалось. Пока он не рявкнул, в своей излюбленной командной манере. — ИМЯ!

Я вскочила на автомате, и теперь пялилась на него вытаращенными глазами, чем привела Тоскана в неопишуемый восторг.

— Как ты меня развлекаешь, адептка Деронвиль. Давненько не получал такого удовольствия от издевательств над ближними, — он оскалился. — Имя назови уже, которое вписывать.

— Карл Норский, — быстро отрапортовала я.

— Что? Карл? Ты издеваешься? Только что говорили о том, чтобы не лезла никуда, — если бы люди могли кипеть, у Тоскана из ушей точно пар пошел.

— А при чем здесь мой брат, собственно? — да, я за Карла грудью встану и в обиду не дам.

Посверлив меня взглядом минуты две, профессор, скрипнув зубами, вписал нужное имя и поставил размашистую роспись.

— Ладно. Лучше пусть на виду у меня будет этот твой Карл. Хотя бы не натворите ничего. Лекции может посещать любые, вход свободный.

Тоскан протянул мне маленький значок с вензелем КН, и я, радостно пискнув, скорее ретировалась из кабинета.

В приемной, правда, задержалась, более внимательно разглядывая Лорейн. Но наглеть с расспросами не стала, забрала лишь новое расписание. Да и как ее расспрашивать, если она не говорит.

Через коридор общежития не шла — кралась. И ругалась, что веду себя, как нервный подросток. Но если сейчас мне встретится Щетинистый, я сорвусь, буду злиться, а нужна трезвая голова.

Весь вечер провозилась над таким же амулетом, что делала для Нарина. Отвод глаз с особым эффектом в темноте. Ох, зря ты мне свидание ночью назначил, Щетинистый, очень зря.

— Ка-а-арлу-у-уша, — я звала брата протяжно, и почти не таясь. У нас теперь пропуск есть официальный, можно расслабиться.

— Тут я, — послышалось очень приглушенное из-за стены.

— Лови пропуск, потом можешь через ворота зайти.

Я как могла сильно подбросила значок вверх. Лишь бы через ограду перелетел, потому что она была высока. И не успела подойти к воротам, как на меня налетел лохматый, но такой родной вихрь.

— Карлуша, — прогнусавила я, потому что сдержать эмоции было вообще невозможно.

— Как же я скучал, Кам, — он еще сильнее стиснул в объятиях, и даже приподнял над землей.

Да, хорошо живется высоким и сильным...

— Пойдем ко мне в комнату, дело есть!

Я тащила Карла на буксире, стремясь как можно скорее добраться до общежития. И совершенно не ждала, что нас таки остановят.

— Цель визита, в какую комнату, — бодрый голос коменданта показался мне каким-то странным. Может эликсира какого перебрал? Ну, чтобы не спать.

— Камелия Деронвиль, 218.

— Ты то понятно, а этот куда намылился? — старик подслеповато щурился. Но я ему не верила. Слышала, как с Тосканом переговаривался и понимала, что видит, слышит, и чувствует он себя гораздо лучше всех нас вместе взятых.

— Брат мой, на правах вольного слушателя. Карл, покажи пропуск.

Парень важно продемонстрировал значок, который успел прикрепить к лацкану кожаной куртки. Горд. И это осознание разлилось в душе не свойственной мне щемящей нежностью. Скорее всего так действует на нас ритуал — сближает, словно родных.

— А что, вольных слушателей теперь разрешено в комнаты водить?

— Ну вот что Вы вредничаете? Ненадолго он, туда, обратно и назад, — и пока смотритель высчитывал траекторию сказанного, я утащила брата к лестнице.

Пока шли, смеялись, словно объелись травы высокоряды, и постоянно друг друга одергивали. Вообще данное растение использовалось крайне редко, потому что трудно найти, ведь растет, согласно названию — высоко в горах. Да еще и вызывает эффект эйфории, к которому очень быстро привыкаешь. Ну и стоит дорого, конечно.

Карл с удовольствием осматривался в комнате, пока я доделывала амулет. Ну а потом решила признаться:

— Нужно проучить одного индюка, Карл.

— Он что, приставал к тебе? — сразу встрепенулся брат, и как-то весь ошетинился.

— Ну не то, чтобы сильно... — я замялась. Ведь открытого конфликта Карла с этим самоуверенным, не хотела. — Но проучить надо.

Мы еще долго с ним хихикали, обсуждая план наказания сильно зарвавшихся. Но как только все звуки в коридоре стихли, и магические огоньки стали едва заметными, выдвинулись на ночное randevu.

Нужную дверь нашли быстро. Специально у коменданта узнавала. Сам то Щетинистый был о себе слишком высокого мнения, чтобы назвать номер. Такое ощущение, что он не адепт академии, а королевский сыночек.

Сжав в руке амулет отвода глаз, я осторожно постучала.

— Колючка, ты? — раздался из-за двери томный голосок человека, как никогда близкого к смерти. Потому что на зверскую физиономию Карла лучше было не смотреть. — Заходи, малышка, что-то ты задержалась.

— Мы с тобой на эту тему потом поговорим, сестра, — прошипел парень.

Я хихикнула, и выдала, тоже шипящим шепотом:

— Хорошо, сестра.

Ой, что сейчас будет.

Чуть приоткрыв дверь в комнату, я практически выдохнула, примешивая горькую

хрипотцу:

— Ну я же готовилась, милый. Не могла же прийти в старом пеньюаре.

Странно, но я услышала стук, характерный для падения большого предмета на пол. Это он там что, свалился? Не ожидал от меня такой покладистости?

— Пригаси немного свет, я не совсем одета и стесняюсь.

Свет потух так резко, что я суть в голос не засмеялась. Зато Карл посмотрел на меня такими глазами, что веселиться расхотелось. Нет, ну не виновата я, Щетинистый сам позвал.

Отодвинув меня к стене, в комнату к потенциальному умертвию вошла высокая девушка с пушистой бахромой вместо волос, и халате, явно ей сильно жмущем. И я очень сейчас надеялась, что у Щетинистого нет такого магического бонуса, как ночное зрение.

Повесив амулет на ручку двери, я бегом кинулась к комнате. Мне нужно спать, когда явится этот индюк, или хотя бы отчаянно делать вид.

Когда скрипнула входная дверь, я попыталась рассмотреть, прослушать, унюхать... в общем всячески напрягала все органы чувств. Ничего, вообще. Ай да я, какой амулет сделала полезный.

Карл, как и было обусловлено, спрятался в самом темном углу, рядом со шкафом. Там всегда лежит тень, на случай, если Щетинистый заставит включить свет.

И трех минут не прошло, как дверь начали практически выносить. А тут я, вся такая заспанная, лохматая, и в одной ночной сорочке, хоть и длинной до пят. Впечатление вроде произвела нормальное. Но как он так быстро освободился, понять не могу, Карл должен был его веревками к кровати привязать. А тут три минуты всего прошло, как брат вернулся.

— Богиня! Щетинистый, ты чего здесь забыл? — сказала я, старательно имитируя зевок, и даже ладошкой прикрылась. Правила приличия, будь они не ладны. Лучше бы он на мой открытый рот любовался, чем так пронзительно обсматривал. Видимо сорочка все-таки обрисовывала контуры тела.

— Рыжик, а ты почему спишь? Я же ждал... — он выглядел паршиво, что сказать. Весь взъерошенный, потрепанный, с синяком, уже проступающем на скуле. Зато одет, в отличие от меня. Но роль есть роль.

— А ты правда полагал, что я, девушка из приличной семьи, в первый же день знакомства побегу к тебе в комнату ночью? Совсем очумел, да? — я даже участливо это спросила, заботливо так.

— То есть, если я позову через неделю, ты придешь? — и главное вид такой трогательный, взгляд доверчивый. Тьфу ты, как он манипулирует людьми мастерски.

Я наклонилась к нему поближе, потянув за рубашку. И выдохнула, почти в губы:

— Слушай сюда, ежик недоделанный, я тебе последний раз повторяю — не лезь ко мне. Иначе все зубы растеряешь! — и хотела было закрыть дверь, но, конечно, мужская нога успела помешать. Как предсказуемо.

— И ты меня слушай, Рыжая. Плевать из какой ты семьи, хоть даже и леди, согреешь мою постель еще до конца года. И чем раньше, тем лучше. А теперь брысь с дороги, пока комнату твою не проверю, не уйду.

Я, конечно, посторонилась, изображая оскобленное достоинство. Выглянула даже в коридор, но любопытствующих не нашлось. Видимо Щетинистый часто так буйствует.

Честно сказать, я немного волновалась. Все-таки он маг, скорее всего старшекурсник. Уж очень был мощный телом и аура сильная. Значит магия давно с ним в ладу и он ей пользуется свободно. Но обошлось. Покрутившись немного, эта помесь индюка и дикобраза,

нервно потирая колючую щетину на подбородке, удалилась восвояси. А я выдохнула. Громко и с наслаждением.

— Никого другого в комнате не было, хотя кровати стоят. У этого твоего, видимо, место самое лучшее — у окна. Возлежит, понимаете, в едва различимом свете лампы. Весь такой расслабленный, едва одеялом прикрытый, — Карл прыснул, но не засмеялся, как мы и договаривались. Потому что уже довели друг друга до слез и колик в животе. И останавливаться после каждого нового приступа все сложнее. — Я подкрался осторожно, и шепотом ему: «А давай поиграем немного». Он сразу заинтересованно приподнялся, расслабленность как ветром сдуло. «Давай, колючка», говорит. Но тут я веревки вытащил, а он как вскочит. И орет главное: «Ты что за придурок? Где рыжая моя».

Я застонала. Значит все-таки ночное зрение у него присутствует. Раз быстро в Карле мужчину разглядел. И зря я бахромой со штор жертвовала, чтобы брату волосы длинные изобразить. Ну вот почему так ему везет? Ночное зрение — мечта всей моей жизни. И Лира...

— А я как услышал, что он тебя уже своей называет, и меня как выключило. Задал ему знатно, но и он в этом деле хорош, признаю, — Карл потер заплывающий глаз. Я ему как могла посодействовала, плетение целительское наложила. И к утру должно все пройти, но сейчас смотреть было страшно, и жалко братика, да.

Приложили они друг друга хорошо, это по виду обоих было понятно. И Карл лишь чудом выбрался из комнаты раньше оппонента, и успел схватить амулет, который я повесила на дверь. Поэтому Щетинистый и не заметил никого в темном коридоре.

Карл засобирился домой. Мне его отпускать, конечно, не хотелось, но и тут ночевать неудобно. Кровать узкая, на полу даже коврика нет. Но зато, с таким амулетом, брату ночные воришки и хулиганы не страшны.

Засыпая, я подумала, что опять не написала Литманиэлю.

Глава 16. Неожиданная встреча, или ногой в прошлое

Утро выдалось добрым. Все-таки ничего так не улучшает настроение, как победа над врагом. Пусть не полная, но выигранный бой очень важен в расстановке сил.

Новую форму вчера я не рассматривала. Положила в нижний ящик шкафа, и благополучно забыла. Зато сейчас застыла в немом изумлении. Брюки чернильно-синего цвета, две рубашки на выбор — белая с алым знаком боевиков на груди и почти черная, более легкая, тянущаяся. Как я поняла — первый вариант повседневный, а второй для вылазок и походов. Ну и плащ, в который я влюбилась еще в кабинете Стешского, при первом знакомстве с профессором Тосканом. Все-таки изумительное сочетание темносинего и алого делает боевой факультет самым запоминающимся.

Для меня оставалось вопросом, зачем ставить тренировки, особенно в сочетании с силовыми нагрузками на первые пары. Во-первых, оттуда все выползали, уподобляясь огромным ящерицам, и на дальнейшие умственные подвиги оказывались не способны. А во-вторых, ну грязные же все, потные. Помыться хочется, а не бежать на очередной семинар.

Сегодня занятие начинали не с разминки. Нас просто выстоили в рядок, и старались внедрить хоть какие-то знания. Но такая погода хорошая, солнышко пригревает. Думаю, что не я одна стояла, блаженно подставив лицо ласковым лучам.

— Перед вами, адепты, воображаемый противник. Вы то его, конечно, видите, но все не так просто. Вот давай, Деронвиль, топай сюда.

Я лишь закатила глаза. Кто бы сомневался, что Тоскан оставит меня в покое.

— Тебе нужно поразить цель боевым пульсаром. Попробуй оценить на глаз расстояние и величину самого противника, — он прищурился от ярко светящего солнца. — Покажи, что можешь.

Вот уж чего-чего, а пульсарами в цель я бить умела и очень любила. Мы с Лиром могли до полного изнеможения у него во дворе соревноваться. Поэтому, как и было сказано, создала стандартный магический огонек, а потом вбухала туда побольше силы. Ну чтобы наверняка. Цель-то вон где, далековато. Пока летит, может и подрастерять мощности.

Запустив магической вертушкой полученную сферу, я и глазом моргнуть не успела, как раздался взрыв. Мощный, полностью уничтоживший предполагаемого противника. И я даже почти успела обрадоваться, но тут увидела, что на поле лежит вовсе не пугало.

Тело сковало холодом, который медленно стекал вниз к стопам, оставляя после себя жуткую опустошенность. Там лежал человек — руки, ноги, голова... Вроде все целое и крови ни капельки, но откуда-то пришло осознание, что жизни там нет. Даже малой толики. И едва мое тело снова смогло двигаться, я побежала к поверженному. Вокруг стояла тишина, какая-то глухая, будто набитая ватой.

Страшно было к нему подходить, особенно сделать последний шаг. Еще страшнее переворачивать огромное мужское тело в потрепанном сюртуке на спину. Я даже зажмурила глаза, и лишь огромным усилием воли заставила себя посмотреть. Он будет приходить ко мне во сне. С этими своими огромными ручищами, которыми можно расколоть голову человека, словно орех. Маленькими тролльими глазками, теперь навсегда закрытыми. Синюшными, будто поеденными червями, губами.

Стоп. Погодите-ка. Да его б таким взрывом на части разорвало, несмотря на явно

тролле происхождение. Я присмотрелась, и поняла, что трупные пятна покрывают кожу везде в зоне видимости. А во многих местах началось, но было остановлено гниение плоти. Умертвие! Паршивое, подчиненное умертвие...

Облегчение нахлынуло волной, подгибая и без того согнутые ноги. Я не убийца. А потом поднялась в душе волна ярости, и не успела я осознать, что делаю, уже летела на всех порах, с раздуваемым за плечами плащом.

Покусаю Тоскана, а еще пару раз ногами пну.

— А вот и наша героиня, — глумливо протянул профессор, а потом, увидев мои глаза, как-то резко посерьёзнул. — Расскажите нам о своей ошибке, Деронвиль.

— Неправильно рассчитала вливаемую в пульсар силу, — обреченно выдохнула я. Драться расхотелось. Это был урок. Жестокий, заранее спланированный, мерзкий до невозможности, но все-таки урок. И как бы я не была обижена, напугана недавними событиями и опустошена, понимала, что это все правильно.

— Ой ли, — Тоскан чуть приобнял за плечи, не обращая внимания на открыто глазевших на нас адептов. — Ошибок масса, и мы сейчас все их разберем.

Профессор меня отпустил, точнее поставил на положенное, последнее место. И прошел чуть вперед, чтобы его могли видеть все.

Честно сказать, я и среди адептов исследовательского факультета чувствовала себя ущербной, потому что уступала и в росте, и телосложением была хрупка. А уж тут... Это издевательство какое-то. Они все огромные. Первый курс. Что с ними до пятого будет, подумать страшно.

— Итак, внимание сюда, адепты, — мы все, в один миг воззрились на профессора. Он сейчас выглядел потрясающе — высокий, в ореоле солнечных лучей, мягко обволакивающих статную, затянутую в черное фигуру. — Ошибка первая, и сама грубая из возможных. В любом бою будет стоить вам жизни. Шаг вперед те, кто перешел на магическое зрение перед тем, как адептка Деронвиль сформировала пульсар.

Вперед вышли трое из тридцати. Остальные стояли и думали — до чего же мы тут глупые. Ну это же естественно. Даже в обычной жизни к такой хитрости прибегает каждый из нас по много раз на дню. А тут расслабились, потому что видели мишень, и думали, что это сама простая цель на свете.

— Ошибку номер два адептка Деронвиль любезно назвала сама. Она перестаралась с силой, вливаемой в пульсар. В реальном бою, когда цель не одна, а десятки, магию нужно экономить, а не вливать половину резерва, чтобы добить одну.

Все закивали. Это понятно. Я просто перестраховалась. Больше не буду.

— Третье, будь на моем месте враг, адептка Деронвиль, смерть настигла бы Вас в ту минуту, когда был замедлен шаг при разглядывании умертвия. Оно подчиненное, и выполнит любой мой приказ, — взгляд такой пристальный, а потом как рявкнет. — Жалости не место на боевом факультете!

Я устало прикрыла глаза. Все так и есть. Глупая, жалостливая, недалёковидная. Так какого фея я делаю на боевом? Кто мне расскажет?

За 15 кругов быстрого бега мысли встали на место. Мне выбора не дали, да и в будущем его не предвидится. А значит — я научусь. У меня есть 5 лет на приспособление к имеющимся условиям. И нужно просто выбросить из головы мысли о неживом теле, покореженном взрывом. Лопухом лице с большими губами, отмеченном смертью, и от того совершенно беззащитным. И то, что именно я, не разобравшись, зарядила по троллю

пульсаром.

А когда шли с полигона, все какие-то подавленные, и даже поговорить друг с другом не стремящиеся, наткнулись на старшекурсников. И если обычная реакция молодых девушек на такое количество красивых парней — волна восхищения, стрельяние глазками и неуместные смешки, то сейчас мои сокурсницы, шли мимо, глядя совершенно равнодушно и как-то вскользь.

Скоро же вообще меня за руку цапнула, и постаралась увести быстрее. Я не противилась, и даже была ей благодарна. Хорошая девушка, не лишенная сострадания к ближнему. Видела, как я подавлена, и стремилась защитить. Но не помогло.

Я заметила его слишком поздно, когда обернулась на оклик профессора Тоскана. Щетинистый выделялся даже среди этих огромных, уже состоявшихся боевых магов. Более светлой аурой, какими-то дергаными движениями. А еще тяжелым горячим взглядом, следовавшим за мной, похоже с момента их появления на плацу. И я поняла причину, заставившую Скору оказать поддержку. Интерес этого мага был слишком явным и от того пугающим.

— Деронвиль, иди сюда, можно вместе с подругой, — профессор стоял на выходе с плаца, и был хмур, а когда мы подошли, его напряжение стало еще сильнее — Ты когда успела Арону дорогу перейти?

Вот нельзя же так, прямо в лоб. Я теряюсь от такого напора, между прочим. Не могу придумать быстро чего бы соврать.

— Ну он...эээээ...он был не прав, — конечно, я сразу поняла, что речь о Щетинистом, но выдавать всю информацию о нашем знакомстве не спешила. Себе дороже. — И я указала ему на ошибки, вот.

Профессор аж руки на груди сложил, видимо так удерживаясь от того, чтобы их не применить по другому назначению.

— Нет, ну я не виновата, что он такой болван самоуверенный. И если еще раз полезет, будет только хуже!

Тоскан перевел еще более мрачный взгляд на Щетинистого. И как-то даже передернулся. Видать там тоже громы и молнии метали.

— Ладно, поговорю с этим самоуверенным, — он уже в привычной манере потрепал меня по волосам. — И не переживай за ошибки на уроке, это только начало.

Да уж, успокоил. Ну хоть отпустил быстро, и мы успевали без опозданий на семинар по этике поведения. И я готова была взвыть, ведь все эти манеры, принятые в высоком обществе, порядком раздражали. Да и знала я все, благодаря Эрре на зубок.

Но оказалось, что тут все иначе. Предмет рассказывал об этике поведения со стороны магов, и как следует обращаться к ним самим. Так, например, закончивший академию одаренный, имел право быть принятым в высшем обществе, а имеющий заслуги перед короной мог быть пожалован титулом. Поэтому все и стремились учиться именно в Академиях, а не брать платных преподавателей. Ведь маг, родившийся в крестьянской семье вполне мог стать впоследствии лордом. А одаренная девушка, не блещущая родословной, могла на одном из приемов повстречать аристократа, и такой союз не считался зазорным.

Скоро сама предложила сесть вместе, чем вызвала во мне еще более теплые чувства. И я постоянно засматривалась на ее волосы — черные как вороново крыло, гладкие, с зеркальным отливом. И худоба девушку не портила. Просто делала облик строже и недоступней. Я бы сама к ней никогда не подошла.

— Ты с Ароном не связывайся. Это добрый совет, а не приказ или предупреждение, — она действительно смотрела участливо. — Он просто бывает груб и делает много чего неправильно. Может обидеть и даже не понять этого. Но все-таки, он не плохой.

— Твой родственник? — догадалась я. Так не говорят о чужом человеке.

— Кузен. Не по крови, но это у магов и не важно, — я согласно кивнула. Ведь знала не понаслышке, и сама недавно так породнилась с Карлом. — Моя мать умерла при родах, а тетя Арона приняла в семью. Принесла клятву на крови, что будет заботиться и оберегать, как родную.

Мы немного отвлеклись и получили осуждающий взгляд преподавателя, поэтому почти до конца семинара больше не разговаривали.

— Он в детстве был еще хуже, — снова заговорила Сора, когда мы уже пробирались к выходу. — Задирал всех подряд, кичился семьей с магами в каждом поколении. Но сейчас меняется, — я лишь недоверчиво хмыкнула на это.

— Твой кузен лез ко мне с приставаниями, а когда получил весьма болезненный удар, приказал явиться ночью в его комнату. Так что ничего он не меняется.

Девушка на меня посмотрела внимательнее. А потом выдала невероятное:

— У него девушек, которые в комнату добровольно ходят, пол общежития, да и в городе, я уверена есть. А ты не такая, это сразу видно, и скорее всего зацепила чем-то. Я и сама отлипнуть от тебя не могу, а мы из одной семьи, значит магические предпочтения схожи, — наверное смотрела я на нее странно, раз дальше пошли подробные разъяснения — Ты какая-то невероятная, лучишься вся и хочется быть поближе. Чтобы этим солнышком и теплом напитаться, урвать побольше. А еще не хочется всем этим делиться. Тобой делится, понимаешь?

Я мотнула головой, потому что не понимала. Нежелание делиться, это уже другой уровень чувств. Когда ревность затмевает любовь и доверие. А внимание, уделенное другому человеку, вызывает в душе бурю, и желание поставить стену, лишь бы твой избранный по сторонам не смотрел. А мы со Скорой знакомы всего ничего, тем более обе девочки.

— Твоя аура для меня будто золотом светится, и тепло рядом, — она заозиралась по сторонам, и когда убедилась, что никто не смотрит, продолжила. — Я склонна к некромантии. Наверное, потому что смерть рядом со мной с рождения ходит. И в душе часто холодно очень и морозит, — девушка вновь уцепила за руку, и я осознала, что она действительно холодная. — А с тобой отогреваюсь. Еще вчера заметила.

Я кивнула. Вот теперь понятно. Некромантка значит, и цвет волос черный как сама ночь.

Я к ней тоже чувствовала расположение, но не такое всепоглощающее, какое она нашла во мне. Сора видит чистый свет, и тянется к нему, чтобы чуть согреться, поэтому и делится не хочет. Вдруг самой окажется мало, а тут и другие претендуют.

Я же ощущаю ее холод едва-едва. Мне не хочется туда занырнуть с головой, и принимать ледяные ванны. Разве что иногда, когда жутко будет печь, или огнем разъедать внутренности. И она обязательно поможет в такие минуты, я не сомневаюсь.

— Арон тоже некромант? — это тогда хотя бы объяснило, почему он ко мне прицепился.

— Нет, хотя эта сторона магии ему тоже вполне удастся.

Уж да, куда нам, простым магам до Божественного Арона. Все ему удастся, все получается. Наверное, и боевик он, один из лучших.

— Сора, давай договоримся. Я согласна работать твоим обогревателем, но о кузене Ароне мы забываем. И в случае обострения конфликта ты будешь на моей стороне, — последний пункт очень важный, я может только ради него готова подружиться с этой девушкой.

Сора от всей души разулыбалась. А я не стала просить словесного подтверждения. Все-таки людям нужно учиться доверять.

В огромную лекционную аудиторию для всего потока мы добрались довольно быстро, и заметив улыбающегося Яна, я махнула ему рукой. Рядом с ним было уже занято, поэтому мы начали озираться в поисках свободного места. И тут меня словно кольнуло что-то, а потом накрыло волной чистой радости. В дверях показался растерянный Карл. Он явно не ожидал такого столпотворения и казался потрясённым.

Не помня себя, я кинулась в уже раскрытые объятия. Такой он родной и близкий, что прямо бы затискала, как котенка. Но на нас и так пялились, поэтому пришлось чувства попридержать.

Схватив парня за руку, я потянула его к последнему ряду, где нам заняла места Сора. Но познакомить их не успела, так как явился преподаватель.

Все-таки лекции — это не мое. Скучно, зевать хочется. И знания не усваиваются совершенно. Я бы лучше книгу почитала. Да еще и Карл подсунил записочку: "Взял заказ на амулет. Срок — 2 дня."

Я же в ответ писать не стала, а зашипела ему:

— Мы с тобой только 3 дня как из кабинета Стешского. Мало?

— Кам, это знакомый. Он точно никому не сдаст. А мне одежду на осень покупать нужно, да и тебе пару новых платьев не помешало бы.

Я задумалась. Оно, конечно, правильно. Не всю же жизнь меня выпускать за стены Академии не будут. А одежду кое-какую обновить хочется. Тем более, что заказ от знакомого человека, значит огласки можно не опасаться.

— Пиши чего нужно. Постараюсь сделать побыстрее.

— В субботу ярмарка. Пойдем? — я, конечно, Карлу о всех ограничениях не говорила. Но можно ведь понять, что не просто так меня сюда упекли.

— Мне запрещено выходить.

— Ну Кам, ты же девочка. Скажи расческу купить, мелочь всякую, белье нижнее, на крайний случай. Неужели не разрешат?

А ведь он снова прав. Если мелочь еще могли предложить купить за меня, то как быть с интимными вещами. И на ярмарку хотелось жутко.

— Ну профессор Тоскан, ну пожалуйста, — канючила я. — Столько всего купить нужно.

— Одну точно не отпущу. А самому таскаться с тобой некогда, — он озадаченно почесал заросший подбородок. Надо сказать, что выглядел мужчина порядком усталым. — О, придумал. Кого-нибудь из старшекурсников снаряжу, — а потом уже конкретно мне. — Все, иди, Деронвиль, с конвоем поедешь.

Я уходила от него довольная до безобразия. И даже поджидающий в общежитии Щетинистый не раздражал. Я только выдохнула "Арон", проходя мимо, и чуть-чуть скользнула пальцами по его руке. Вуаля! Парень в глубоком шоке, даже остановить не попытался. Так и стоял, глазами хлопая. Да я его, чтобы отстал, и поцеловать могу. Правда исключительно в щеку.

Как же здорово все складывается. И утреннее занятие перед предстоящим походом на ярмарку поблекло. И тяжелые мысли куда-то делись. Поэтому разворачивала записку от брата с указаниями по заказу я очень воодушевленная. Амулет, позволяющий расширять пространство. В простонародье, потайной карман.

Я даже вскочила от такой удачи. Ведь у меня есть не только знания на эту тему, но и опыт. Я же перед отъездом из родительского дома такой смастерила, точнее не сам амулет. Просто наложила плетение на свой чемодан. Иначе бы такое количество вещей в ограниченное пространство не влезло.

С амулетом, конечно, немного сложнее. Так как нужно было, чтобы при попадании, например, в карман, безразмерным стал сам карман, а не весь пиджак. Провозилась до вечера, постоянно что-то исправляя, но в целом, справилась довольно быстро. А вот с письмом родителям пришлось попытаться. Старалась писать правду, лишь немного видоизменяя события. Так, например, резкий переход на боевой факультет у меня в письме выглядел вполне правильным, ведь открывшиеся способности по работе с сырой силой, не оставили других вариантов.

Спать ложилась опустошённая до основания. Поэтому сон воспринялся так ярко.

По огромной поляне, освещенной солнцем, бежала девочка. Вокруг мелькали заросшие мхом стволы высоких деревьев. Сочные зеленые кроны, перемешивались с яркими красками золотых и сиреневых цветов. А мягкий ковер из травы щекотал маленькие ножки, которые сегодня опять остались без туфель.

— Анэлия, я все папе расскажу! — кричал мальчик лет 13, безуспешно стараясь догнать малышку. — Еще и туфли опять сняла, поганка мелкая!

Ему ответом был такой залиvistый смех, что и сам парень невольно улыбнулся.

Девочка вдруг остановилась посреди полянки, тряхнув очень длинными, достигающими колен волосами цвета темного золота, и начала подниматься над землей. Но она летела не сама, это цветок, повинувшись вливаемой в него магии, все увеличивался в размере. И достигнув высоты двух метров вдруг остановился, и будто бы начал клонить свою великолепную голову.

Анелия с веселым криком покатила с цветка вниз, словно с детской горки, прямо в руки чрезвычайно недовольного мальчика.

— Лит, отпусти, еще хочу кататься, — заканючила чрезмерно активная девчонка, пытаясь вырваться из цепких рук.

— Сколько раз говорить, не называй меня так! Я Литманиэль, и права сокращать мое имя не дано никому, — он злился, выговаривая это, а еще пытался удержать ребенка, и поправить растрепавшиеся волосы. Они у него были как лунный свет, завораживая особенным блеском. Тогда-то и стали видны острые уши, буквально кричащие о принадлежности к расе эльфов.

— Отец в этот раз накажет тебя или выпорет, наконец, — злорадно продолжил мальчик, норовя шлепнуть малышку по вертящейся попе.

— А вот и нет, папа меня больше всех вас любит, — малышка показала брату острый язычок. И она очень старалась вывернуться так, чтобы Литманиэль его увидел.

Мальчику последняя фраза была неприятна, но он промолчал. Лишь больно дернул за свисающие почти до самой земли волосы сестры, теперь казавшиеся сиреневыми.

Я подскочила как ужаленная. Литманиэль. Опять забыла написать ему. И пусть была глубокая ночь, но это отчего-то не останавливало. Этот сон был отголоском прошлого, и я

себя ощущала его частью. Не удивлюсь, если наведенный, и так эльф пытался напомнить о себе.

Странно, конечно, что выбрал такой неприятный для себя момент общения с поганкой-сестрой. Но зато я про него вспомнила.

Достав из футляра перо, поразила. Чистое золото, а на ощупь очень приятное, прямо из рук выпускать не хочется. Взяв пустую тетрадь, вывела:

— Доброго времени суток, Литманиэль Артонадар Анаррима.

Я даже не собиралась ждать ответа, ночь ведь. Да и вообще, как он мне ответит-то? Плохо представляла себе данную систему связи. И потому была очень удивлена ответом, высвечивающимся в той же самой тетради.

— Счастливого лунного света Вам, мисс Камелия Деронвиль, прекраснейшая из смертных.

Я даже присвистнула. Ну у них и обороты речи. Нормально вообще что ли общаться не умеют? Хотя, о чем это я, во сне он очень даже нормально ругался на свою сестренку.

— Как я к Вам могу обращаться?

Ну вот правда же, не полным же именем его звать каждый раз. Но и на Лита я бы после недавно увиденного никогда бы не решилась.

— Просто Литманиэль. А Вас могу называть Камелией?

— Да, конечно. А как работает этот артефакт, очень интересно. Вы ведь первым не писали, потому что не могли?

— Все верно. Вы очень наблюдательны, лунолика. Артефакт состоит из разделенных блокнота и пера. Как Вы уже поняли — один предмет у меня, второй у Вас. Выведенное пером отображается у меня в блокноте. А то, что я напишу у себя, должно попасть к Вам. Теперь я смогу отправить сообщение первый, но для этого у Вас должна быть отдельная тетрадь. Желательно та, в которой общаемся сейчас.

— Все поняла. Литманиэль, мой вопрос может показаться странным, но Вы как-то зачаровали мой сон?

Он ответил не сразу. И я уже подумала, что придется прерваться до завтра, как пришло новое сообщение.

— Насколько понимаю, Вам снился я?

- Да.

Подсказывать ему ответы я не собиралась. Поэтому отвечала как можно более односложно. До истины докопаться очень хотелось. Про наведенные сны я знала. Но там уровень силы для такого должен быть мощнейший. Хотя в министры, наверное, только таких и берут.

— Я бы не стал действовать столь бесчестно, чтобы привлечь внимание девушки, прекраснейшая. Можно ли уточнить, специфику сна?

Я очень хотела пошутить, и написать, что он непристойного содержания, но тут же себя одернула. Все-таки эльф меня спас, и старался защитить, поэтому неблагодарности он не достоин.

— Вы были в лесу с маленькой сестренкой... И не особо ладили.

Я подумала, что подобных сцен с непоседливой малышкой было до безобразия много, поэтому уточнять не стала. Главное — обозначила сам факт этих знаний.

А вот ответ эльфа вогнал в ступор.

— У меня нет сестры, Камелия.

Дааа. Ну что тут сказать. Видимо мое подсознание подсунуло очередную пустышку. Я чувствовала вину за то, что так и не написала Литманиэлю. Вот он мне и приснился. А отчего так необычно, это уже не ко мне, а разыгравшемуся воображению.

Мы с ним еще немного пообщались о моей учебе и его закончившейся миссии. И очень тепло распрощались. Хороший он все-таки чело...эльф. И встретится еще раз с ним мне бы тоже хотелось.

Глава 17. Ярмарка разбившихся надежд

За заказ Карл получил 150 куинов, и этого с лихвой хватало на нашу одежду. И даже около 50 оставалось, чтобы потратить в ярмарочный день. Хотя по расценкам в салоне мод я и могла ошибаться, потому что здесь столица. Но все равно добраться до туда и проверить, могла лишь в субботу.

В пятницу на плацу с Тосканом пробовали управлять сырой силой. Это не его предмет, но профессор курировал набор адептов на турнир, а также отвечал за их подготовку. Поэтому все курсы под его строгим надзором пробовали себя во всех возможных областях.

Мне очень трудно было переходить от управления тонкими внутренними потоками до взаимодействия с внешней природной силой. Сразу перестроится не получалось. Поэтому сегодня мои попытки договорится с ветром натыкались лишь громкий хохот сокурсников, да на яростную ругань вконец распоясавшегося профессора. Он меня даже косорукой обозвал. Каково, а?

— Адептка Деронвиль, еще раз — это ветер, а не котенок, и на твою ласку, он не откликается. И вот это вот: "ну миленький...ну хорошенький...ты же такой пушистенький...", тьфу. Я б на его месте, чтобы такой бред не слушать, давно уже в канаву тебя снес, и листьями засыпал!

Ржали все. Потому, что я это бубнила тихо и себе под нос. Никто, кроме стоящего рядом профессора разобрать бы не мог. А он взял, и вынес на всеобщее обозрение мои скромные потуги.

Ну я поэтому и продолжила, все также тихо, но очень мстительно договариваться с ветром:

— Ну ветерочек, я же понимаю, что ты просто слушаться не хочешь, я и не претендую командовать. Давай просто отомстим, а? Вот этому противному седому профессору. Он над нами смеется.

Я еще раз, уже без всякой надежды взмахнула рукой, стараясь дать направление упрямой стихии. И Тоскана снесло. Огромной волной неконтролируемой силы, переворачивая в воздухе, будто играючи. И если бы не мощнейшие щиты, выставленные профессором, его, наверное, расплющило о высоченную каменную ограду.

Помня об уроке с умертвием, помогать Тоскану не побежал никто. А что, он сам говорил, что "жалость на боевом факультете не уместна", вот пусть пожинает плоды.

Когда к нам, уже стоящим в шеренге, вышагивал профессор, во мне даже толики страха не наблюдалось. Он сам сказал — нужно швырнуть снаряд в мишень. Я все сделала. Правда со снарядом накладочка вышла, да и мишень немного сместилась.

Остаток занятия Тоскан меня игнорировал. И это не тяготило. Видимо потому, что в душе жила твердая уверенность, что он получил по заслугам. И был не прав, ведь ветер очень похож на котенка.

Вечером в мою комнату постучали. И открывать, если честно, совсем не хотелось. Потому что там с 50 % вероятностью мог быть Арон. Еще 50 % уходило на его кухню. А больше я ни с кем и познакомится не успела, не то, что подружиться. Ян, как оказалось, проживал в городе с родителями.

Но, услышав возмущенное: "Деронвиль, или сама откроешь, или дверь выломаю", поплелась открывать. И что ему здесь почти ночью понадобилась. Не будет же ругаться со

мной за метание профессора в изменившуюся цель. Или все-таки будет?

Но вот увидеть рядом с Тосканом Арона вообще не ожидала. Это что за подстава со стороны любимого преподавателя?

А тем временем наглая, уже совсем не щетинистая, рожа по-хозяйски прошла в комнату. Чтобы усесться на малюсенький стульчик, рассчитанный на меня, а никак не на этого, с комплекцией тролля. Сломает же...

— Камелия, нужно серьезно поговорить, — профессор тоже зашел, раз уж его сопровождающий тянуть с этим не стал.

— А давайте. Чего уж. Приляжете? — картинно развела руками, давая понять, что все в их распоряжении, но лично я вторжению не рада. Потому что в комнатке не то, что находится стало тесно, дышалось теперь с трудом.

— Не начинай. И так еле с вами со всеми сдерживаюсь, — а потом уже не мне. — Арон, не наглей.

Это, кстати, было сказано очень вовремя, потому что загребушие ручонки неЩетинистого, уже нагло шарили по моим тетрадам. Благо блокнот, в котором переписывались с Литманиэлем был спрятан. И если Арон не угомонится, я все-таки сорвусь. Ветерок теперь мне друг, от помощи во имя мести не откажет.

— Камелия, как сегодня выяснилось на практическом занятии, в работе с сырой силой ты оперируешь немного другими материями. И тебе нужно обязательно заниматься. Из-за подготовки к турниру я сейчас ограничен в возможностях, а нужен именно индивидуальный подход. Тратить половину занятия только на тебя неприемлемо, — профессор посмотрел на меня. И ему очень хотелось, чтобы я все поняла правильно. Он бы занимался со мной сам, но сейчас этого позволить себе не мог. Поэтому ищет варианты. — Арон предложил помощь. Он лучший в выпуске. И это было бы наилучшим сейчас решением.

Я просто смотрела. Сначала на профессора, потом на этого — лучшего в выпуске. И если бы он сейчас глумливо улыбался, или скабрёзно что-то говорил, я тут же отказалась. Но парень сидел прямо и после окрика Тоскана, вел себя безупречно. На выбритом лице полнейшая участливость и ни грамма наглости. Я знала, как он может манипулировать людьми, но сейчас конфликтовать не хотела.

— Я соглашусь лишь в том случае, если он поклянется не приставать.

Профессор на него обернулся в то же мгновение. И я поняла, за что получают звание "Маг Высшей категории". Молниеносное плетение заклинания и Арон уже висит в воздухе, лишь бултыхая ножками. Лучший адепт на курсе даже понять не успел, что с ним сотворили.

— Мальчик мой, — профессор чуть подвигал пальцами, и парень спустился, едва не касаясь ногами пола. Наверное, чтобы нам его лучше видно было. — Я же спрашивал о причинах столь альтруистического настроения. И ты посмел мне лгать!

— Да не собирался я ее насиловать. Припугнуть хотел только. А Ваша скромница мужика какого-то ряженого ко мне в комнату прислала! Святая невинность, правда?

— Да я тебя сейчас прямо тут расчленять начну, Бритый! — я зло схватила первый попавшийся предмет. А он в ответ лишь хохотать начал. То ли на "Бритого" так отреагировал, то ли... золотое перо не впечатлило. Это надо же было схватить именно его.

Но я сдаваться не собиралась, и подойдя к подвешенному, задрала на животе рубашку и начала щекотать перышком. А что — изощренная пытка, кстати. Надо мной так Лир часто измывался.

Арон сначала дергался, как в конвульсиях, а оптом начал выть. Да-а-а-а, видеть мучения

врага приносит невыносимое удовольствие.

— Камелия, достаточно, — Тоскан попытался меня утихомирить, когда парень уже даже выть не мог, и начал рыдать. Но я дорвалась до чужого тела, пребывающего в полной моей власти. Поэтому успокоилась, только когда перо отобрали.

— В общем, я свое слово сказала. Пусть клятву приносит. Мне проблем и так хватает, чтобы еще на его домогательства отвлекаться.

— Я согласен, — Арон не говорил, хрипел. Видимо голос сорвал.

Профессор счастливо улыбнулся. Все-таки решил сразу две проблемы, свою и мою.

Когда, после принесения клятвы они выходили из комнаты, Тоскан обернулся и проговорил:

— Завтра с тобой и Карлом Арон пойдет, — и на мою скривившуюся физиономию, добавил.

— Все равно тебе с ним работать, малышка, так что привыкай.

Дождавшись взъерошивания моих волос, активно догоняющих плечи, молча закрыла дверь.

С каждым днем все интереснее и интереснее. Лучший адепт боевого факультета моя нянька...

Арон Карла встретил недружелюбно. И на наши теплые объятия отреагировал вообще из ряда вон — просто вырвал меня из рук брата, будто бы имел на это право. И всю дорогу до ярмарочной площади смотрел волком.

Карл даже подходить ко мне опасался. И я его, честно сказать, понимала. Такой если приложит, пусть и без магии, не поднимешься. А я подумала, что в лице Щетинистого приобрела отличного телохранителя. Надо только его научить на своих не гавкать.

Мы сначала зашли в салон, где 2 платья, порекомендованных хозяйкой салона, обошлись в 70 куинов. Конечно, жалко столько тратить, но приличная одежда в моем гардеробе должна быть. Поэтому пришлось урезать расходы на ярмарку. А я уже мечтала о старинных магических книгах, в потрепанных переплетах. Хотя у нас такая библиотека в Академии шикарная, что и без книг обойдусь.

Когда свернули с переулка на площадь, я остановилась, как вкопанная. Тут творилось волшебство. И контраст с провинциальной ярмаркой был настолько разительный, что рот закрывать мне помогал любимый братик. В воздухе летают акробаты, по центру кукольный театр, собравший немало зрителей, благодаря магическим спец. эффектам, и десятки рядов со всевозможной мелочью. И к каждой палатке хотелось подойти, а всё, что предлагают, попробовать и потрогать. Разгул красок, предметов, лиц.

Голову кружило от невероятной атмосферы общего праздника. И схватив за руки обоих своих провожатых, я кинулась в самую гущу.

От очередной лавки, где продавали совершенно бесполезные для меня гребешки с цветными камушками, оттаскивал Карл. Арон уже ничего не говорил, просто наблюдал за нами со стороны. Он понял, что Карл мой родственник, и ожидаемо успокоился. Ни о чем не спрашивал, но, видимо в разговоре часто мелькали "брат" и "сестренка". Мы в таких нежностях с Карлом не сдерживались, и за руки держались постоянно. Было видно, что нас связывает родство, а не любовные узы.

Когда занесло на очередном крутом вираже, подхватить успел почему-то Арон, хотя вроде бы и стоял далеко. И я рассмеялась, как-то заливисто и открыто, привлекая ненужное внимание. Пришлось брать себя в руки, ведь Тоскан отпустил на свой страх и риск, не

докладывая Стешскому. И я почти утомилась, когда в толпе разношерстных людей глазами зацепила фигуру мужчины. Высокенький, как и все маги, широкий в плечах, да еще и брюнет. Растрепанное мимоходным сходством сердце тут же пропустило удар.

Он же совсем другой, этот парень. И двигается так, будто танцует, не чета тому, другому брюнету. Который постоянно оттаптывал мне ноги, пытаюсь разучить очередное па.

Но единожды зацепившись, взгляд отлипнуть обратно не желал. Словно замороженная я смотрела на то, как он обнимает девушку. Красивую, похожую на утренний свет. Очень тепло, и нежно. И от этой нежности, чужой и ненужной, мое сознание начинало все болезненнее сжиматься. Нужно было убираться отсюда, как можно скорее.

Арон будто почувствовал изменение моего настроения, и объятия из поддерживающих стали стальными. А когда я начала еще активнее вырваться, тот, на кого так отчаянно старалась более не смотреть, повернулся. Безошибочно точно определяя в огромной толпе мою фигуру, как несколько минут назад это сделала я. И взгляд его тут же выхватил и крепко обнимающего меня Арона, и отголоски веселого смеха, еще не покинувшего лицо. И готова поклясться, что он также отметил теперь короткие золотые волосы, с отблеском рыжины, и черную обтягивающую форму, и даже алую подкладку наших с Ароном плащей.

Мы смотрели друг на друга, впитывая все произошедшие за много месяцев изменения, совершенно позабыв про своих спутников. Жадно, настойчиво, с каким-то надрывом. И когда Лир метнулся в нашу сторону, я успела лишь просипеть Арону: "Бежим".

Мы неслись с невероятной скоростью, петляя, словно зайцы на охоте. И мой новый партнёр, определенно знал, что делает. А я благодарилась свою хорошую физическую форму, позволившую выдержать просто нечеловеческие нагрузки.

За воротами Академии я поняла, насколько близка к обмороку от кислородного голодания. Легкие горели так, что вздохнуть не получилось ни с первого, ни со второго раза. Из горла вырывались только судорожные всхлипы.

Арон дожидаться моей смерти не стал, схватил в медвежьих объятиях и поцеловал. Сильно, страстно, горячо. Даря мне свое дыхание, вливая живительный поток воздуха. Отдавая какую-то частицу себя, и жадно вылизывая, исследуя языком. И нужно было остановиться, оттолкнуть, когда уже могла дышать сама, но отчего-то не хотелось. А поцелуй все длился, постепенно сбиваясь на стоны. Мои и его. Желание утонуть в этой близости теснило недавнюю боль. И живительный поцелуй перестал таковым быть, теперь нагло воруя кислород у нас обоих.

Он не хотел отпускать и после, прижав к стене у моей комнаты. Продолжая свои пытки с настойчивостью бывалого садиста. А я не отталкивала, поглощая чужие эмоции. Выжигая черноту, что уже начала расползаться в душе. Арон будто это знал и использовал, как важнейший аргумент, положивший конец нашему противостоянию.

А вот когда зашла в комнату, все же наступил откат. Настолько болезненный, что внутренности жгло каленым железом, выкручивало до потери ориентации. И я не знала, как это унять. Потому что слезы мне давно недоступны, а на плетение тишины, чтобы можно было кричать, сил не хватало.

Грохот открываемой двери восприняла отстраненно. Карл ко мне, видимо прорывался с боем, потому что за ним следовал комендант. Но увидев, что "сестре и правда плохо", ушел восвояси. Брат разделил со мной эту боль, поглаживая по полосам, протирая плавающую кожу влажным полотенцем. Нашептывая ободряющие слова, удерживая мечущее в горячке тело.

Поэтому к утру я не умерла. А на рассвете шла за руку с братом на первую индивидуальную тренировку, предварительно наложив на себя все имеющиеся в арсенале целительские и блокирующие чувства плетения.

Глава 18. Моя опасная находка

Увидев Карла, Арон нахмурился. Но было плевать. Что-то в моей душе вчера окончательно погибло. То, что еще продолжало тлеть даже после отъезда Лира. Я ведь верила сама не зная чему, надеялась на встречу. Ну вот она и случилась. Только принесла лишь еще большее разочарование и боль. И ведь до сих пор перед глазами то, как заботливо он обнимает ту девушку. Так, как никогда не обнимал меня.

И я не имею права ревновать. Не должна даже думать плохо. Ведь я всегда была для него лишь другом, и совершенно не важно кем он был для меня.

Арон не сделал даже поползновения в сторону возобновления вчерашних отношений. Хоть я и ожидала нахрапистого напора. Что стало тому причиной — присутствие Карла или быстро перегоревшие желания? Во второе не верилось, уж очень он был настойчив, а такие люди на полпути не сворачивают. Да и Карл бы его не остановил. Значит чувствует во мне несогласие и все растущую внутри червоточину.

— Профессор сказал ты не можешь направлять стихии. Пытаешься договорится, — Арон как-то криво улыбнулся. Совершенно ему несвойственно. Да и вообще он был слишком притихшим сегодня. — Внешняя сила не имеет аллегорий, это такие же потоки энергии, которые ты ощущаешь внутри себя. Вообще умение работать с обоими видами потоков встречается редко. Потому что внешние стихии требуют размаха, а внутренние — капризной точности. Но раз у тебя получается, нужно развивать.

Парень картинно напустил на меня волну ветерка — легкого, ласкающего.

— Я не прошу ветер, не договариваюсь. Вижу поток, и направляю в нужную сторону, легко меняя силу и напряжение, — он тут же сильнейшим порывом ударил в стоящую поодаль стену.

— Теперь попробуй ты, Камелия, — Арон смаковал на языке мое имя, перекатывая буквы, словно маленькие ягоды. И это было настолько интимно, что я покраснела, и разозлилась на него за провокацию.

Потоки я видела, но ухватить не могла. Всё, как и раньше. Они не слушались, даже наоборот, стремились ускользнуть подалее и повыше, чтобы я не достала. Промучилась минут 20. Уговаривать Ветерок при Ароне не хотелось, он и посмеется, и запретит. Мы тут как раз, чтобы помочь мне освоить управление без попыток подружиться со стихией.

Я только понять никак не могла, как они все не видят этого. Что ветер не пустой поток силы, и даже не скопление линий. Он живой и управлять таковым не получится.

Уходила я с полигона злая. Потому что толку от меня, как от тролля в вальсе. И когда Карл предложил себя в качестве мальчика для битья, отказалась. Пусть идет домой. Хоть отдохнет после бессонной ночи.

Около комнаты уже ждал Арон. Я с утра не заметила, а сейчас поняла — опять чисто выбритый. Теперь даже Щетинистым его про себя звать не получалось. Какой-то разрыв шаблонов. Специально что ли так делает? Гад.

— Поговорим, Колючка? — он отлепился от стены, и теперь загораживал мне проход.

— Давай здесь. Не хочу приглашать в комнату, — я была честна перед нами обоими. Надеюсь он оценил.

— Боишься? — и улыбка, больше похожая на хищный оскал.

— Нет. Просто не хочу выходить за рамки деловых отношений. И тебе нужно это

уяснить. Клятву давал как-никак.

— Мне кажется, вчера наметился сдвиг, — вот теперь мы говорили серьезно и напрямую, без заигрываний и прочей ерунды.

— Арон, ты же все понимаешь. Я вчера была не в себе. Ты помог. Спасибо большое. Очень благодарна. Правда. И ты эту грань хорошо понимаешь — когда можно подойти ближе, а когда любая попытка будет воспринята в штыки. Тебе принесенная клятва не даст сделать шаг в неправильном направлении. Вот поэтому сейчас и стоишь тут, скрестив руки на груди, а не пытаешься их распускать.

— В том то и затык, Камелия. Я не слепой и вполне осознаю произошедшее вчера на ярмарке. Понятно и то, что этот парень для тебя был значим. Но он сейчас не один. А ты прячешься за выставленными стенами и даже подобраться поближе не даешь. То, что было между нами вчера проигнорировать не удастся. И если хочешь снова закрыться — давай. Но ты меня уже один раз за эту стену пустила. Будет и второй, и третий. Пока эта тролля стена на рухнет! — Арон старался говорить в нормальной тональности, не повышая голос. Только руки в кулаки постоянно сжимались. — Или я ее разобью, готов хоть по кирпичику разбирать. Так что решать тебе. Добровольно сдашься или нужно будет идти на штурм.

Он развернулся и ушел. Вот так просто. Разбередил былые раны, высказал правду и ушел. До чего же неприятный тип. В голове правда плыли образы наших сплетенных в поцелуе тел, мои стоны и его шепот...

Р-р-р-р. Как там Арон сказал — построила стену? Да. Он удивительно точно поймал суть. Но сдаваться я не собираюсь. У него клятва, так что напрямую действовать не удастся. А я буду свою оборону только укреплять. Хватит мне одной несчастной любви на всю оставшуюся жизнь.

Воскресенье выдалось замечательным. Только я после утренних тренировок больше никуда идти не хотела. Не отпускала пустая злость на свою неспособность нормально работать с внешними потоками. Поэтому я отдалась способности точно направлять внутренние. Сделала амулет тишины. Потому что мало ли как дальше жизнь сложится и захочется покричать — громко, с полной самоотдачей, а сил опять не останется. А так достал амулет, активировал, и кричи на здоровье.

Плетение сделала, а куда его закрепить думала долго. И решила, что подойдет тоненькое колечко, подаренное когда-то давно папой. Если его носить постоянно — мешаться не будет, потому что гладкое и почти на пальце не чувствуется.

Все свои украшения я держала в застенке чемодана. Их было немного, но все памятные, поэтому пропажи я боялась. Вот и чемодан буквально нашпиговала заклинаниями — тут и потайной карман, и открытие по коду (простейшему правда). А увлекшись сложными плетениями, сделала открытие второго дна только по капле моей крови.

Оттого и удивилась так сильно, обнаружив в мешочке кроме привычных золотых украшений маленькую коробочку. Залезть сюда никто кроме меня не мог. Тогда откуда такое чудо?

Коробочка была удивительно красивой. Из розового дерева, лакированная, с вырезанными на ней символами неизвестной тематики. Надо признаться, что и подобного языка я не знала. К ней хотелось прикоснуться. А уж о желании заглянуть внутрь и говорить нечего. Оно буквально раздирало на части. Но увы. Я даже магически пробовала, когда не удалось это сделать руками.

Вывод напрашивался сам собой — нужно прочитать, что на ней написано, тогда

возможно коробочка и откроется. Спать ложилась с четким планом раздобыть завтра нужный для изучения материал.

Я хотела летать. Совсем как феечки на цирковом представлении. Они очень красивые, с разноцветными волосами и такого же оттенка крыльями. Но папа опять пришел за мной на крышу и все испортил.

— Ты разбиться можешь, чудо мое голубоглазое, — отец журил всегда ласково, в отличие от мамы. Она отчего-то предпочитала строгость. — Вот возьмешь себе в подмастерье ветер, тогда и летать сможешь и обидчикам отомстишь — он мне подмигнул.

Но в теплых объятиях папы, было так сонно, что глаза уже закрывались, а рот зевал практически каждую минуту. Поэтому я спросила, но ответ так и не дослушала:

— А как его можно взять в подмастерье?

Сон снова был живым. Будто все это происходило со мной в реальности. Только вот вспомнить лицо папы из сновидения не получалось. Хотя крышу я могла воспроизвести в мельчайших подробностях, даже маленьких дракончиков на козырьке. И самое удивительное, что он до сих пор ощущался близким, как мой родной отец.

Может проживаю чужие жизни во сне? Тогда по какому критерию идет выбор участников такого квеста? А если завтра мне приснится убийство? И самое страшное — что если душегубом буду я? Снова в душе поднималось немного забытое чувство непоправимого. И вставало перед глазами губастое лицо мертвого тролля.

Проходила по комнате полночи, но заснуть так и не удавалось. В голове крутилась мысль, что не просто так мне был дан этот кусочек знания — ветер можно взять в подмастерье.

Это не обычное управление потоками, как объяснял Арон. О ветре говорили, как о вполне одушевленной сущности. Поэтому я решила пойти в читальный зал. Он же круглосуточно открыт, чего драгоценное время терять?

Сначала решила поискать информация в разделе языковедения, а потом уже перебираться в управление стихиями. Отдел с древними языками был огромен. Никогда не думала, что у нашего королевства такое богатое историческое наследие. С головой зарывшись в учебники, я тем не менее ничего не нашла. Это оказалось трудно, искать то, не зная что. Отдаленное сходство прослеживалось с эльфийскими письменами, но точно таких же символов не было.

От шкатулки шел устойчивый магический фон, достаточно светлый, чтобы не бояться, но с четкими бардовыми линиями, чтобы понимать — если попробуют взломать силой, мало не покажется. Я поэтому и не перегибала с попытками открыть, действуя крайне осторожно. Вновь проводя пальцами по тонким вырезанным линиям, чувствовала тепло и легкое покалывание. Будто бы магия шкатулки пыталась меня прощупать.

Я от осознания этого чуть на стуле не подпрыгнула. Только древний артефакт может быть наделен самостоятельной волей. Просуществовав огромное количество лет, а то и веков, он переставал зависеть от владельца. Просто начинал тянуть магию ото всюду — окружающее пространство, одаренные, что находились рядом, даже амулеты. Артефакт становился самостоятельной магической сущностью, с зачатками разума и мог даже вступать в прямое противостояние со своим владельцем.

То есть передо мной артефакт, при чем древний. Который просто много лет тихорился и был невидимым. А сейчас, по каким-то причинам, решил себя объявить. И то, как он сейчас меня прощупывал, откровенно пугало. Но мысли рассказать о находке тому же

Тоскану, даже не родилось. Ведь артефакт открылся именно мне, значит и догадаться обо всем, должна самостоятельно.

После ночи копания в книгах, я нашла один похожий символ в языке фей. Какое-то пограничное понятие между взрослением и совершенством. Я так и не поняла его точную суть. Вообще, оказалось, что феи народ загадочный со множеством кланов и маленьких королевств в одном государстве. И как таковой иерархии подчинения у них нет. Может быть они все по-своему совершенны. Или, например, по достижении какого-то возраста у них открываются новые грани красоты и магии.

От переизбытка информации разболелась голова и глаза как-то незаметно начали закрываться.

Глава 19. Лунный свет или ночная встреча

— Деронвиль, подъем! — сказано было, конечно громко, но все-таки шадя мое сонное состояние.

— Профессор Тоскан, скажите честно, вы за мной следите? — от неудобной позы затекла шея и руки. Видимо я уснула прямо на горе книг.

— Действительно! А что еще мне прикажешь делать, когда некоторые на занятия не являются, — я наконец-то смогла продрать глаза, и увиденное мне не понравилось. Тоскан стоял, хмуро на меня посматривая, даже руки на груди сложил.

И тут словно током прошибло. Шкатулка! Он же сильный маг, наверняка почувствует ауру артефакта. Я в ужасе заозиралась по сторонам, но шкатулки не обнаружила. Уже забрал кто-то? Или она просто опять спряталась?

Мой декан, видимо оценив испуганное выражение лица, немного оттаял. И хотя бы стало понятно, что артефакта он не видел и не чувствовал. Иначе сейчас бы рвал и метал.

— Ладно, вижу, что занималась, а не просто так не пришла. Чем, кстати, интересуешься? — он взял первую попавшуюся книгу и в удивлении приподнял бровь. — Языковедение?

Тоскан принялся таскать по одной все книги, лежащие рядом со мной и просматривал названия, комментируя при этом:

— Эльфийский для начинающих, структура наречий фей, языки пяти королевств... Ты во что опять ввязалась, девочка? — да, он быстро отошел от первого удивления моим выбором, и сразу ухватил суть. Я бы не стала копаться в языках просто ради расширения кругозора.

И я даже не знала, что придумать, как вывернуться. Про общение с Литманиэлем он знал, но оно не объясняло интерес, например, к языку фей. Это Тоскан еще до гномов не дошел. Я как раз перед тем как заснуть читала. Очень сложный для человека язык, кстати. С гортанными, трудновыговариваемыми звуками. У гномов, видимо, немного другое строение носоглотки.

А раз придумать ничего не получается, буду молчать. А что? Как он собирается из меня правду вытаскивать. Клещами?

— Нет, я знал, что с тобой проблемы могут быть, но вот так сразу. — он видимо про себя ругался, а вслух лишь губами шевелил, и глаза вытаращил, как лягушка. Каюсь. Не удержалась и хихикнула. Он смешной такой сейчас был.

Тоскан на мою реакцию отреагировал неожиданно — взял стул и подсел рядом. А потом повернулся, подпер рукой подбородок, и выдал:

— Ну вот как с тобой общаться, а? Я тут громы метаю — ты смеешься. Арона приставил, думал убережет тебя, так случилось что-то на ярмарке, а он не рассказывает ничего, молчит рыбой. Запал ведь на красивые глазки, словно первокурсник, хоть меняй его теперь, толку ноль. В Академии заперли — умудряешься найти себе на голову новые проблемы, — он как-то тяжело вздохнул, но продолжил. — И я бы, может уже сдал тебя Стешскому, потому что прощупать не удастся, и чувствую, что грядет пакость какая-то. А у меня проблем сейчас с этим турниром выше крыши, возится с другими тайнами некогда... Но я видел твою реакцию на мертвые. И что-то в моей душе дрогнуло. Разбредила своей жалостью и отзывчивостью к окружающим старое очерствевшее сердце. Глаза твои, полные

ужаса и обреченности до сих пор перед собой вижу. Вот такие дела, Деронвиль. Как хочешь, но за тебя теперь я в ответе.

Я молчала. Что тут скажешь, когда душу вот так нараспашку перед тобой выворачивают. Знала всегда, что он хороший и справедливый, а теперь вот еще больше к нему прониклась. Я его сердце разбередила, а он в мое сразу попал. Поэтому просто обняла, благодаря.

— Я ведь не специально. Честное слово. Со мной до приезда в столицу вообще ничего такого не случилось. Я сама искала порой куда влипнуть можно, так только смех один выходил, а не приключения. А тут — все и сразу. И друзья нашлись отзывчивые, и брат по духу, ставший родным, и Вы вот всегда на помощь приходите, в отчаянье упасть не даете. И рада бы я, чтобы все тихо вокруг было, да не выходит, — подумала, говорить или нет, но все же выдала. — Мне сны снятся, будто реальность вторая.

Тоскан чуть отстранился от меня, заглядывая в глаза.

— Что там со снами, расскажи-ка подробнее.

— Кусочки жизни чужой, и всякий раз лица разные. И люди, и эльфы. В одних я будто со стороны наблюдаю, не вмешиваясь. В других вижу себя другим человеком и общность чувствую, проникаюсь.

— У тебя в роду маги еще были? — он выглядел теперь еще более обеспокоенным, чем когда книги у меня по языковедению обнаружил. Я помотала головой.

— Нет. Папа фермер, мама при моем рождении умерла, здоровьем слабая была очень. И тоже не маг. В папиной родне ближайшей нет никого точно, а вот про маму не скажу. Но она из просто семьи тоже. Откуда там магам взяться?

— Если из простой, то скорее всего ты права. Как же ты у них такая талантливая уродилась? — он меня засмутил. К лицу сразу прилила кровь.

— Не правы, Вы, профессор. Вот Лир, тот талантливый. Это друг мой лучший, мы росли вместе. Ему все играючи удавалось. А мне тяжело. И если бы не было рядом его, я бы затухла в глуши нашей со своей магией. А Лир всегда пользовался моим азартом, и заставлял в пари участвовать, пульсарами швыряться, цель добивать. Все, что я сейчас могу, не за пять минут получилось, а за годы долгие тренировок, на чистом упрямстве. Да и с плетениями и амулетами начало получаться только полгода назад. Поэтому не хвалите, пожалуйста, я того не заслуживаю.

— Ох, Ками, Ками, — Тоскан снова, уже привычным жестом потрепал по голове. — Какой же ты ребенок еще несмышленный. Ни у кого с первого раза не получается. Потому что магия просыпается в человеке постепенно, а полное раскрытие и принятие дара обычно приходится на 16–17 лет.

Не стала его переубеждать. Я свое мировоззрение ему на блюдечке принесла, а не хочет он его принимать, так и пусть. Мое мнение от этого не поменяется. Мне было с кем сравнивать, поэтому силы свои оценивала адекватно.

Тоскан собрался уходить. Бросил мне на прощание, чтобы была осторожна, и что сегодня у меня первое индивидуальное занятие с Ноэль после основного расписания. Окрикнула его почти у двери.

— Профессор... не нужно менять Арона, пожалуйста. Мы, кажется, сумеем сработаться. Он улыбнулся по-доброму и немного лукаво, снова вгоняя меня в краску.

— Ох и тяжело ему с тобой будет, Деронвиль.

Я лишь хмыкнула. Это мы еще посмотрим. Он, знаете ли, тоже не эльфийская дева.

День сегодня очень быстро заканчивался, видимо потому что поздно начался. Карл на

лекции не появился, видимо до сих пор отсыпается, а может быть появились какие-то дела. Я его даже винить не могу, потому что войти в нужную колею и настроиться на учебу не так-то просто.

Мне не терпелось попасть в комнату и проверить наличие шкатулки, но было назначено еще дополнительное занятие у Ноэль, чему я искренне радовалась.

Она ждала меня в пустой аудитории, где у нас проходил семинар по артефакторике.

— Камелия, проходи скорее, не терпится проверить твои знания.

Я немного напряглась от такого заявления, но поняла, что она не будет заставлять разгадывать тесты, а просто прощупает на знания категорий плетений.

Мне теория всегда была не особо интересна. Узнавая что-то новое, я старалась это сразу воплотить в жизнь. Проверяла обычно на себе или Лире, и от того не боялась последствий.

— Работала с целительскими, влияющими на эмоции, блокирующие, пространственные, следилки... еще изменение внешних параметров пробовала, но не полноценно, конечно, просто наложение образов, — я замолчала, стараясь припомнить какие амулеты делала на заказ — на днях с амулетом тишины работала, но не проверила еще насколько удачно.

— А вот мы сейчас и попробуем! — Ноэль предвкушающе потерла руки.

Мы разошлись спустя полтора часа. Амулет не работал так, как я хотела. Он глушил звуки в радиусе двух шагов, но любой, кто находился ближе, вполне мог стать свидетелем происходящего. Ноэль научила как экранировать звуки внутри налагаемого купола тишины. И это было здорово.

Шкатулка нашлась в комнате на столе. Целая и невредимая. Как она сюда перенеслась? Мне стало даже жутковато от осознания ее возможностей. И рассказывать кому бы то ни было о такой опасной находке расхотелось вовсе. Точно Стешскому сдадут — и ее и меня. Бррр.

Поспать ночью очень хотелось, но понять, как открыть этот умный артефакт хотелось еще сильнее. Можно, конечно, попробовать спросить...

— Шкатулочка, миленькая, а как ты открываешься? — эффекта такая фраза не возымела, но я не унывала. Отчего-то казалось, что данная вещичка с характером, при чем вредным.

— А если я тебя поглажу, будешь со мной дружить? — казалось бы, несу бред, но сработало. Крышка едва заметно засветилась. Если бы не ждала какого угодно знака от нее, не заметила бы.

С радостным возгласом я начала гладить шкатулку со всех сторон, повторяя беспрестанно какая она красивая, вся такая нежная, деревянная, гладкая, древняя, но выглядит отлично, гораздо моложе своих лет. В общем, говорила все то, что может понравится женщине, проживший долго без общения и комплиментов. И она мне поддавалась — сияла все ярче, да крышка заметно потеплела.

Так-то! Соскучилась шкатулочка. Интересно, кто ее истинный владелец, и от чего она решила показаться именно мне.

Но открываться, однако, вредина не спешила. На мой закономерный вопрос, засветилась всеми вырезанными символами. Посыл понятен без слов — прочитай и откроюсь. Пришлось снова плестись в библиотеку.

Стоит ли говорить, что следующие пару месяцев я почти не спала. Постоянные тренировки с Ароном, абсолютно бесполезные, кстати; дополнительные занятия у Ноэль,

взявшейся за меня с удивительным энтузиазмом; общая подготовка с Тосканом, который вовсе не собирался жалеть первокурсников. И бессонные ночи в библиотеке.

Сил не оставалось даже на брата, который приходил на лекции каждый день. Не знаю, насколько ему была интересна сама учеба, но вот от Скоры он глаз оторвать не мог точно. Мне даже иногда приходилось его тыкать локтем под ребра, когда зависал, рассматривая ее. Девушка к Карлу тоже проявляла интерес, правда менее явный. Но узнав, что они вечером выбрались на прогулку, я была рада. Скоря хорошая, сильная, и сможет в случае чего помочь моему братику. В том, что он еще куда-нибудь обязательно вляпается — не сомневалась.

Как к адептке ко мне претензии были, хоть и не у всех. Некоторые преподаватели будто нарочно привязывались, давая дополнительные задания, доклады. Словно пытаюсь доказать всем, и мне в первую очередь, что не тяну я боевой факультет. Виной тому, видимо, особая опека Тоскана. Я не высовывалась, как он и просил, но меня все равно выделяли. Адепты — из-за «отношений» с Ароном. Тут был замечен в первую очередь он, а мне прилетало заодно. Хоть отношений как таковых у нас и не было, но доказать это сначала не получалось, а потом я просто махнула на всё рукой. Ну считают все вокруг, что я его девушка, пусть, мне же лучше. Потому что Арона бояться, а значит ко мне с букетами и конфетами не лезут. Хоть в первые недели и пытались, но пару фингалов, поставленных Ароном на наглых лицах старшекурсников, полностью решили проблему.

Преподаватели выделяли, потому что я старалась и подходила к любому занятию основательно. Но почти всегда, при подведении результатов допускала мелочную ошибку. Меня сначала пытались жалеть, немного вытягивали отметки до отличных, но видя, что я совсем не огорчаюсь, а отношусь к итогам ровно, быстро привыкли. Мне хватало «хорошо» в учетной ведомости, а им хватало старательной адептки, которая не стремится в лидеры.

Но Тоскан, сам того не желая, настроил некоторых преподавателей против. Он слишком часто забирал с занятий, которые считал не такими важными, чтобы позаниматься со мной лично. Ведь Арон постоянно докладывал об отрицательных результатах тренировок. Да, становилось только хуже. От этого нервничала я, ругалась Ароном, который слишком твердо настроен был мне помочь. И на чистом импульсе, прикладывала его пульсарами, заклинаниями — парализаторами, жалящими плетениями. Он мог бы прикрываться щитами, все-таки адепт старшего курса, но этого не делал. Потому что потом заставлял его лечить и требовал возмещения ущерба поцелуями.

Но среди многочисленных минусов, я все-таки находила и плюсы. Ведь методика Арона заставляла меня сдерживаться в своих импульсах и учила терпению. Особенно после того, как пару раз приходилось идти на занятия с опухшими после поцелуев губами. И видела это не только я — глумливо хихикали в след девчонки, скабрёзно ухмылялись парни. Было неприятно, и хотелось скорее помыться. И казалось бы — какое им дело до чужой личной жизни, если у всех своей в избытке? Но наше противостояние с Ароном отчего-то интересовало всю Академию, а значит и перемирие привлекало немало любопытных.

На шкатулке я расшифровала только 3 символа, и то потому, что теперь знала где искать.

В старинных рукописях фей. Шкатулка видимо, ранее принадлежала им. И почему попала в наше королевство оставалось загадкой. Слова между собой никак не вязались — «совершенство», «пыльца», «лунный свет». Я также старалась найти информацию по самому артефакту, к сожалению, безрезультатно. Было очень обидно, ведь времени потрачено масса, но я слишком устала, чтобы переживать.

Ночь сегодня выдалась яркая и полная луна очень мешала спать. Сквозь тяжелую пелену ко мне пробивался Волчонок. Он звал, давая понять, как ему плохо. Без меня. Эта тоска постепенно проникала в сердце, и желание облегчить ее становилось нестерпимым. Он ластился и терся о ноги, а я понимала, что за время моего отсутствия Волчонок вырос. Он и раньше был мощным, но теперь казался огромным. Я его гладила, давала облизывать руки, а в ответ получала довольное урчание и понимание, что зверь выбрал своего хозяина.

Проснулась под утро успокоенная. Я ведь за него переживала. Боялась, что поймают моего Волчонка, сделают больно. И он казался таким потерянным в нашу последнюю встречу, хоть и все понимающим.

Сегодня суббота и мой единственный выходной, поэтому отвернувшись к стене, хотела продолжить спать, но услышала вой. Тело прошибло холодным потом. Неужели? Как он мог добраться до столицы?

Даже не заметила, как оделась. Идти на улицу не стоило — не безопасно это, да и декану сразу доложат о том, что я выходила за ворота. Но остаться и спокойно сидеть, когда там может быть мой Волчонок, просто не могла.

Вокруг темно, как и должно быть в 4 утра поздней осенью, но тепло, ведь на территории Академии погода всегда регулировалась. Исключением были полигоны, там все настоящее, включая первые морозы. Потому что адепты боевого факультета должны быть готовы к любым погодным условиям. Мы на себе это уже неделю как прочувствовали — холодно, слякотно, да еще и мокрый снег периодически «радовал».

Но сейчас я бежала раздетая, облаченная только в форму. Потому что тело кидало из холодного озноба в жаркую лаву. Меня раздирала такая паника, что становилось физически больно. Это не наше захолустье, в столице патрулей на улицах во много раз больше. А оборотни, которые не могут вырваться из звериной ипостаси подвергаются уничтожению.

Ворота поддались беспрекословно, и вылетев на середину улицы, я позвала в отчаянье: — Волчо-о-о-оно-о-о-к, — говорила не тихо, чтобы точно услышал. Ведь он не понимает до конца опасности. — Иди сюда, маленький, не бойся!

Вой тут же прервался, и я почувствовала мурашки, которые расползались по рукам.

Только сейчас накрыло мыслью, что это может быть не мой оборотень. И я уже было хотела метнуться обратно, как увидела надвигающегося на меня хищника. Огромный, сильный, со светящимися в темноте зелеными глазами.

Глава 20. Хитрые феи или эльфы тоже в деле

Я облегченно выдохнула — зеленые! Значит точно мой.

А оборотень стоял чуть поодаль, и просто принюхивался. У них же обоняние на очень высоком уровне, узнать меня должен был за много миль до Академии. А он до сих пор — будто узнать не может.

— Ну же, Волчонок. Это я, Ками, — на голос зверь отреагировал молниеносно, я и моргнуть не успела, как он уже был около меня, и повалив на землю, начал обнюхивать и вылизывать. Это все, конечно, очень мило, если бы не было так противно. Ладно руки, как во сне. Но лицо-то и шея в чем провинились?

— Так, все, перестань. Я же мокрая вся буду, в слюнях твоих, — попыталась его оттолкнуть, но не тут-то было. Он был готов обернуться вокруг коконом, лишь бы не отпускать от себя ни на шаг.

— Ты зачем сюда пришел, дурень? — я наконец смогла чуть-чуть от него отстраниться, и заглянуть в глаза. — Тут патрули, полиция, отдел контроля серьезный. Поймают быстро!

Волчонок в ответ лишь сильнее начал тереться. И я не утерпела — погладила. Не хотела этой ласки, ведь не отвяжется теперь, но он был очень трогательный. Огромный, опасный, но такой беззащитный и привязчивый.

— Давай мы так договоримся. Ты возвращаешься в пещеры. А я приеду домой на зимние праздники, и мы чудесно проведем целую неделю. Пойдем в лес на охоту. Я теперь столько всего умею — и бегаю быстро и прыгаю высоко. А пульсарами стреляю как замечательно, точно в цель. Меня профессор Тоскан хвалит, — я оборотню просто заговаривала зубы, памятуя о том, что он все понимает, и по доброй воле от человека, признанного хозяином не уйдет. Вот если бы у него вторая ипостась была активна, там проще. И как такового понятия хозяин вообще не существует, точнее волк признает им свою вторую сущность, делая своеобразным альфой. А тут просто без вариантов — ему требуется тот, кому можно подчинится, и он зачем-то выбрал меня. Наверное, больше вообще ни с кем из людей не общался, а законы магического мира настойчиво требовали найти этот необходимый фактор жизни.

А раз альфа я, то и задала нужный вектор — дорогу домой. Еще раз ласково погладила теплую шелковистую шерсть и сказала твердо:

— Иди, Волчонок. Встретимся дома на праздники. Всего-то осталось месяц подождать.

И он ушел. С неохотой, постоянно оборачиваясь, но все-таки послушался. Я с облегчением выдохнула, теперь можно пойти досыпать законные 5 часов. И это еще по минимуму, я рассчитывала на большее.

Где-то в 11 дня в дверь постучали, чтобы почти сразу бесцеремонно войти. Личность можно было угадать, даже глаз не открывая. Что я и сделала.

— Арон, ну суббота же, дай поспать, — я плотнее закуталась в одеяло, образуя плотный кокон и попыталась перевернуться. Но мне не дали, поднимая вместе с одеялом, и переводя в сидячее положение.

— Тоскан просил привести тебя в его кабинет как можно скорее.

Я лишь поморщилась, все также не поднимая век, и ощутила влажный поцелуй в кончик носа. Фыркнула, и получила еще одно такое же прикосновение к щеке. Пришлось просыпаться, а то он так и до губ дойдет.

Арон лишь улыбался, глядя на сонную и растрепанную меня. Чем выводил еще сильнее. Ну вот зачем он так прицепился. И главное данная клятва его теперь до меня допускала, отчего-то не относя поцелуи к приставам. А я слишком к нему привыкла, чтобы активно сопротивляться. Более откровенные действия, конечно пресекаю, а вот такую заботу от лучшего адепта боевого факультета принимать лестно. Вывод дается как никогда легко — я страдаю от своего собственного тщеславия.

— Выйди, будь добр, я хотя бы оденусь, — идти не хотелось, но выбора не было. Я знала, что мой ночной выход за ворота так просто не оставят.

— А я не добр, ты же знаешь, — Арон в ответ лишь поудобнее вытянулся на стуле, вольготно расставив ноги. Медом он ему что ли намазан?

— Я сейчас на тебе новое плетение опробую... — промурлыкала я как можно мягче.

— К твоим услугам, Колючка. Неделю ведь без поцелуев. Скучаю, — он мечтательно закатил глаза. Будто бы уже их принимал от меня.

— Я как раз в библиотеке книгу новую взяла с целительскими плетениями, — рукой махнула в сторону шкафа. — Всю ночь об эректильной дисфункции читала.

Арон вылетел из комнаты со скоростью арбалетного болта. Прямо смотрела бы и смотрела. Хоть этой ночью я и занималась несколько другим, и про плетение приврала, но выучу его обязательно. И применю тоже, а сниму не сразу. Готова даже к расплате поцелуями, лишь бы посмотреть, как Арон к целителям с такой проблемой пойдет.

Одевалась быстро, злорадно ухмыляясь. Мы еще с тобой повоюем, лучший адепт боевого факультета. А то уже совсем совесть потерял, в мою комнату как к себе ходит.

Арон вызвался проводить до кабинета. Не то, чтобы я не понимала зачем ему это, но постоянное вторжение в личное пространство тяготило. Он так и не смог добиться от меня полной взаимности, вот в порыве азарта и ищет как бы подобраться еще ближе.

Даже в деканскую дверь постучал сам, проговорив:

— Профессор Тоскан, можно?

Я глаза закатила от такой самонадеянности, но высказывать не стала. Мы это уже проходили. На любую агрессию или язвительность, он отвечает еще большей обходительностью и заботой. Скорее всего не совсем искренней, но крайне показушной. А все потому, что опытным путем выяснил — любое проявление чувств на людях доводит меня до кипения. Так и живем, я — старательно обходя углы, он — также старательно меня на эти углы толкая.

Поэтому нисколько не удивилась, когда поняла, что в кабинет Арон также прошел, едва я переступила порог. Декан его пока выгонять не собирался, подозрительно сильно ему доверяя. С чего вдруг? Напрямую же Тоскану сказала, что нет между нами отношений, кроме партнерских, и то с натягом.

— Деронвиль, у нас проблема!

Профессор был разражен и крайне хмур. Сжимал виски, в попытке унять постоянную боль. Целительские плетения у него не выходили, я это знала, потому что на одном из индивидуальных занятий спросила напрямую. Тоскан тогда был очень агрессивен в общении, хотя ранее всегда держался корректно, даже если у меня что-то не выходило. Оказывается, в последнее время у него наблюдается мигрень, а ходить постоянно к лекарю не хочет.

Поэтому сейчас я на автомате прошла за его спину и положив пальцы на виски, влила живительную силу. Плетение было сложное, и около недели я ходила в лекарскую для

тренировок, но оно того стоило. Теперь я могла быстро унять боль любой силы.

В благодарность за помощь, Тоскан сжал мою ладошку, и показал на кресло по другую сторону стола. Арон выглядел ошарашенно. Не ожидал от нас с деканом таких нежностей? Ха, это он еще нашей ругани не слышал, там даже у бывало матроса уши завянут.

— Делегация эльфов пребывает на этой неделе. И хотя посмотреть на место проведения турнира, — профессор внимательно следил за моей реакцией. Видимо хотел понять знаю ли я. Ну так я не знала. Литманиэль ничего такого не писал. — Защитник твой тоже будет.

Я не выдержала и заулыбалась. Буду рада его видеть. Честно. Пообщаться в живую гораздо увлекательнее. Потому что в переписке теряются все эмоции. Эльфы в принципе очень сдержанные, а уж в присланных сухих строках даже капли настроения собеседника не разобрать. То ли действительно интересно ему как у меня день прошел, то ли из вежливости спрашивает.

— Камелия, не надо таким энтузиазмом фонтанировать. Он тебе даже о визите не сообщил...

— Значит на то есть причина. Если захочет встретится, отказывать не буду! — вот еще, будут мне всякие деканы указывать с кем общаться. И так сию тише воды.

— Кто это ОН? — Арон не выдержал наших загадочных переглядываний с Тосканом, и взорвался.

Вот вроде бы стоял нормальный, адекватный человек, сдержанный, воспитанный. А вот перед тобой уже огнедышащий дракон, который нависает мрачной тучей. Достал!

— ЛИТМАНИЭЛЬ, — имя выкрикнули с Тосканом одновременно. При чем именно выкрикнули, потому что оба были уже взволнованы перепалкой.

— Кто это? — не хотел успокаиваться Арон.

— Эльф, который приедет с делегацией, — нагло ухмыльнулся профессор. Дразнит ученика, пакость такая. И не стыдно ему. Вроде же и относится к Арону хорошо, но от соблазна довести отказаться не может. Да, характер у моего любимого преподавателя тот еще.

— Профессор Тоскан. — голос парня звучал уже с рычащими нотками. Интересно, у него в роду оборотней не было? А то перекинется сейчас ненароком, а нам страдай.

— Ухажер ненаглядной твоей, — в меня тыкнули пальцем. — Мало того, что клинья к ней активно подбивает, так еще и увезти к себе пытался. Еле отбили. — и вздох такой участливый, что прямо театр одного актера о нашем профессоре плачет.

Такого взгляда от Арона я давно не удостаивалась. В нем была злость, ревность, дикая жажда обладания. Хотелось сбежать и запереться у себя в комнате. Чтобы он в своем эмоциональном состоянии глупостей не наделал.

Тоскан сидел ухмылялся. Он своего добился, можно и повеселится. Интриган старый. Ведь понятно, что теперь Арон меня и близко к эльфам не подпустит. Не то что поговорить, даже посмотреть.

— Я Вам это припомню, так и знайте! — я обиделась, и скрывать это не собиралась. Потому что теперь нужно ко всему прочему еще и от Арона отбиваться. Да и с Литманиэлем очень хотелось увидится.

— Переживу, — непробиваемый человек все-таки. И от того обиднее. Я ведь к нему как к родному, а он действует, лишь бы себе задачу упростить. Потому что за мной уследить во всей этой канители не сможет.

— Но это еще не все, — Тоскан посмотрел на все еще злого парня. — Арон, выйди пожалуйста, нам с Камелией нужно наедине поговорить.

И что интересно, Арон ни слова не сказав вышел, напоследок только тяжелым взглядом меня наградив. Вот что значит дисциплина на боевом. Раз декан сказал, делается все на счет «раз», без вопросов. Я даже позавидовала, ведь тоже не боевом, а так не умею.

— С эльфами все понятно. Если им что-то и нужно у нас в королевстве, они этот интерес отлично прикрыли необходимостью оценить территорию проведения турнира. Но почти одновременно с ними прибывает еще делегация от фей, — на меня посмотрели многозначительно. Но я точно ничего не понимала. — Король в недоумении, но отказать не может. Они ведь живут очень обособленно и скрытно, и на контакт идут неохотно. А тут такой явный интерес, да и договор предлагают торговый, упустить который корона не может.

— Вот тут я точно ни при чем. Даже не смотрите на меня так, — я не выдержала такого явного намека.

Еще и фей мне приплести хотят. Эльфов через пень колоду еще можно за уши притянуть, может и правда Литманиэль все устроил, хотя зачем ему это нужно, не понимаю. Но меня цепануло то, что он не предупредил о визите, хотя будет присутствовать лично. Такая скрытность необычна, и не в его духе. Он если не желает отвечать, говорит об этом прямо, и указывает причину. А тут — замалчивает, хоть и понимает, что мне рано или поздно расскажут, и я буду его пытаться.

— Называй это все как хочешь, но интуиция старого вояки вопит мне о том, что грядет что-то мощное и неуправляемое. И каким-то непостижимым образом ты будешь причастна. Маленькая песчинка, попавшая в водоворот. Я ведь помню какие книги ты просматривала по языковедению! — он устало потер переносицу. — Феи хитры, но и эльфы тут тоже в деле. В общем так — старайся не высовываться на следующей неделе из комнаты, помимо занятий. Я тебя ни о чем не спрашиваю, потому что вижу, что не ответишь. Но пожалуйста, будь осторожна.

Я кивнула. Когда он так просит — отказать трудно. Потому что перед тобой уже не преподаватель, а человек, который искренне переживает и желает защитить.

Выйдя из кабинета, я сразу предостерегающе подняла руку. Ведь Арон только того и ждал, чтобы набросится с расспросами.

— Не смей! — еще большего прессинга с его стороны я не выдержу. Укусить что ли, чтобы понял. — Я не твоя собственность, чтобы ты там себе по этому поводу не надумал.

Он словам не внял, и резко дернув за руку, буквально впечатал в свое тело. И не взирая на мое сопротивление, больно впился в губы. Но все-таки я адепт боевого факультета, хоть все и смеются, глядя на мою скромную фигурку рядом с массивными парнями. Поэтому совершенно без угрызений совести, впечатала по его голени. Он не выпустил, но немного отстранился, и я заметила красные струйки крови, потекшие из носа Арона.

— Если ты думаешь, что я с тобой играю, и мне все это по душе, полюбуйся на свою физиономию. Клятва помогает разглядеть правду в мареве сомнений.

Что за человек? Наверняка же почувствовал боль сразу, как схватил. Зачем было продолжать, понимая, что мне действительно неприятно. Магию не обойдешь, все-таки не зря я тогда заставила его дать клятву.

А вот придя в комнату, хотела было написать Литманиэлю, но вовремя себя одернула. Он наверняка найдет способ увидится, тогда и выведаю правду.

А вот посмотреть на фей, жуть как хотелось. А особенно на их чудесные крылышки. В тон волосам, мм... Должно быть красиво до умопомрачения. А еще аккуратно распросить про древние наречия. Ведь полностью шкатулку я так и не расшифровала.

За всеми хлопотами я упустила очень важную дату. Даже не кольнуло ничего, хотя день был знаменательный.

С утра встала на удивление легко. Очень быстро приняла душ, и по привычке слегка мазнув в зеркале взглядом, собиралась уже уходить, но что-то дернуло посмотреть туда еще раз.

Я снова изменилась. И теперешнее отражение немного шокировало. За ночь я будто бы еще больше похудела, и теперь казалась хрупкой, как фарфоровая статуэтка. Этому сходству также способствовала посветлевшая кожа. Никаких веснушек на лице больше не наблюдалось. А уж говорить о копне рассыпавшихся по плечам до самой талии волос и вовсе не хотелось. Ушла в небытие легкая рыжина, оставив мягкие волны сверкать золотом.

Я в шоке опустилась на корточки, привалившись к стене. Внутри поселилась уверенность, что это все, окончательный облик. И нужно как-то его принять.

С худобой, ладно. Разберемся, все-таки ко мне, и так маленькой, уже привыкли, и пару килограмм роли уже не сыграют. Веснушки тоже — хоть я их и любила, но смиренно принимаю новую истину и бледную кожу. А вот преобразование волос было лишним. Я же только неделю как их постригла, укоротив до ушей. Тоскан еще смеялся, что похожа теперь на мальчика-подростка. И вот пожалуйста! Что с ними такими делать теперь?

Но время поджимало, и едва расчесав волосы, сплела их в неряшливую косу. Вечером обрежу заново, будут знать, как пугать свою хозяйку.

На полигоне было пасмурно, и шел мокрый снег. Да, погодка так себе. И я все ждала, когда дорожки покроет ровный слой белого снега. Зиму не очень любила, потому что быстро замерзала, хоть в сто шуб меня наряди, но это лучше, чем грязь под ногами, и постоянно мокрая одежда.

Махнув одноклассникам рукой и быстро встав в строй, я уже готова была бежать на разминку. Стандартные 20 кругов теперь давались легко, и даже немного страдалось без таких нагрузок по выходным. Но прошло несколько минут, а все продолжали стоять. И тут я внимательнее осмотрелась, чтобы отметить — Тоскана не было. Поэтому все и стояли просто так, в строю, но не решались приступить к упражнениям. В сердце закрался червячок не очень хорошего предчувствия, уж не случилось ли чего с профессором.

Мы простояли минут 10, даже не перешептываясь, каждый пребывая в своих мыслях. Все-таки учеба на боевом очень дисциплинирует. Но заметив вдалеке темную фигуру, все дружно выдохнули. Ведь подсознательно уже себя накрутили.

Увы, это был не Тоскан. У меня даже волосы на голове зашевелились. Мегера. Быть того не может.

— Доброе утро, адепты. Прошу извинить мое опоздание. С сегодняшнего дня вашим куратором назначена я — Леди Айрина Стоун, маг высшей категории, теперь и преподаватель боевой подготовки адептов первого курса. Можете обращаться ко мне леди Стоун.

Лично я кроме как Мегера мысленно к ней обращаться не собиралась. Озвучивать, конечно чревато, один раз уже пробовала, реакцию данной леди помню. Но сколько пафоса — Леди Стоун... Никто своим титулом тут не кичится, ну видимо, кроме нее. Она не изменилась. Такая же стройная, до худобы, с красивыми, но какими-то хищными чертами

лица. Темные волосы собраны в строгий пучок. Видно по ней, что работать с детьми не умеет, потому что сразу начала задира́ть нос. Конечно, я утрирую, и детей здесь нет. Но первый курс — это не пятый, когда перед тобой уже сформированные маги, а даже не третий, когда уже каждый выбрал свою специальность. Мы еще очень зеленые, неопытные, и свою магию не до конца постигшие. У меня вот только сегодня полное раскрытие и принятие дара произошло, а у кого-то еще даже этого не случилось. И тут она, леди Стоун, такая вся резкая, наглая, но еще очень молодая. Поэтому, хоть она вся значками «маг высшей категории» обвешается, ее воспринимать как опытного преподавателя никто не будет. Тем более с подобным отношением к окружающим.

— Пробежка 20 кругов в быстром темпе, потом разделимся на пары для финальной тренировки воздушных потоков, — звонкий, стальной голос Мегеры разносился по всему полигону, будто усиленный магией.

Я мысленно застонала. Финальная тренировка. Если Тоскан меня жалел, то эта мерзость уж точно возможности поиздеваться не упустит, да еще и неуд наверняка впяет. Поэтому бежала на чистом автомате, отсекая ненужные эмоции. Иначе разволнуюсь окончательно и с ветром вообще ничего не выйдет.

Когда пришла пора строится по парам, мне стандартно не досталось партнера. И если ранее это было только плюсом, потому что я тренировалась с профессором, то теперь мне предстояло одна на один схлестнуться с, не побоюсь этого слова, врагом. Иначе Мегеру я воспринимать отказывалась. Она брата моего едва не убила!

— Ваше имя, адептка? — строгий голос нового преподавателя врезался в мои размышления, словно дробилка.

И я зависла от осознания, что она меня не узнала. Прошло, конечно, почти три месяца с момента нашей эпической встречи, но у нее должна быть отличная память на лица. А как иначе в Отделе магических нарушений работать?

— Камелия, леди Стоун.

— Сначала будете нападать Вы, потом попробуете отразить мои атаки.

Да-да, я не ослышалась. Именно «попробуете отразить». Она не сомневалась, что у меня атаковать сносно не получится, а значит сама потом будет бить на поражение.

Вот... мегера!

Поэтому, вставая в стойку, я даже не задумывалась над своими действиями. С Тосканом и Ароном я действительно старалась действовать по правилам управления потоками. А сейчас выбора просто не было. Или мы с ветром ее опрокинем на спину, или она меня в порошок сотрет.

Я зашептала:

— Ветерочек, миленький, эта ведьма очень злая. Она на братика руку поднимала и оклеветать меня пыталась, — я почувствовала ласковое прикосновение к руке, и продолжила более радостно. — Давай мы ее накажем. Я рукой направление задавать буду, а ты уж приложи ее по максимуму, чтобы запомнила с кем связываться не стоит.

Ветерок озорно взметнул мои волосы, чтобы примостится рядышком. Я теперь его видела каким-то монстриком с маленькими рожками на лохматой голове, виляющим собачьим хвостом и множеством разбросанных по пространству конечностей. Но тем не менее негатива он не внушал, скорее воспринимался преданным домашним животным.

— Приступайте! — скомандовала Стоун и вальяжно активировала вокруг себя слабенькую щитовую защиту. Ха и еще раз ха! Тоскан тоже был когда-то так самонадеян, а

теперь, даже не добившись от меня сносного результата, всегда щит заряжает на полную. Потому что, мало ли, что на меня найдет.

Едва сдержала злорадную ухмылку, рукой подав сигнал Ветерку. Но видя его серьезный настрой, прошептала:

— Только не калечь сильно, пожалуйста.

Это я вовремя сказала. Потому что Мегеру снесло к стене полигона с такой скоростью, что она даже не успела выставить более мощную защиту. Просто не ожидала от первокурсника хорошего умения регулировать потоки. А я и не умею регулировать, зато отлично договариваюсь.

Голову на отсечение готова дать, что Мегера уже мысленно приготовилась к смерти, но мой Ветерочек, ловко подхватив девушку под поясицу у самой стены, опустил на пол. Аккуратненько, как она того не заслуживает. Можно было просто отрикошетить ее на землю, пусть бы повалилась.

Стоун метнула на меня яростный взгляд, и я оглянуться не успела, как она уже стояла рядом.

— Дер-р-р-ронвиль! — прорычала ужасно злая Мегера. Надо же, как быстро вспомнила. Всего-то и надо было разок на волоске от смерти побывать. Как Карл когда-то.

А я, сделав каменное лицо, встала по стойке и отрапортовала, как положено.

— Задание выполнено, леди Стоун. Прикажете обороняться?

Как она сейчас ядом своим не захлебнулась, загадка. Но сдержалась. Правда напала без предупреждения, наслав на меня скрученную воздушную спираль. Если бы я заранее не выставила щит, была бы сметена в ту же секунду, а уж как таким вихрем меня бы в воздухе покувыркало, вообще молчу. Обычным сотрясением мозга тут явно не отделаешься. Но, естественно, моя защита сдержала только первый удар. Делать по-настоящему устойчивый щит адепты едва ли к третьему курсу могут научиться, и она, как выпускница боевого факультета прекрасно это знала. Второй волной многоярусного вихря, гораздо более забористого, чем предыдущий, меня понесло в воздушные дали. И даже начало переворачивать.

Ветерок подоспел вовремя. Обвивая меня многочисленными лапками, притянул к себе. Я его ощущала, как пушистого и мягкого зверька, упругого, как мой любимый пудинг. Лапки настойчиво вырывали меня у вихря, и тянули к земле. Силы были не равны, и я, немного придя в себя, начала помогать. Вливая в моего Ветерка побольше собственной силы, чтобы у него получился задуманный маневр.

На землю свалилась кулем. Но винить тут было некого. Ветерок и так приложил все усилия, чтобы вытянуть меня из воронки, а я похоже потратила целый магический резерв, чтобы ему в этом помочь. И напади Мегера сейчас еще раз, даже сопротивляться не получится.

Но она молчала. А я, воодушевленная такой реакцией, с трудом поднялась, и быстро отряхнувшись, встала по стойке смирно.

— Атака отражена, задание выполнено! Прикажете встать в строй, леди Стоун? — даже голос ни разу не сорвался. Можно смело себя хвалить.

Подняв, наконец, глаза, я чуть не поперхнулась. На меня взирала эльфийская делегация в полном составе — пять красивейших мужчин, от которых глаза слепило. Ну и Тоскан с Мегерой, куда ж без них. При чем профессор сверлил таким прожигающим взглядом, что закопаться в землю хотелось, по самую макушку.

Глава 21. О шуточках артефакта и обретении помощника

За представление, которое мы с нашим новым преподавателем устроили, меня четвертуют, и это еще в лучшем случае. Что там Тоскан внушал?

— "Не привлекай внимания". Ага. Да это вообще не я начала. Мегера первая нас с братиком задела.

— "Сиди в комнате, не высовывайся, пока у нас иностранные делегации". Так мне что, на занятия не ходить вообще? Все в рамках выданных инструкций, ни шага вне урока не сделала.

— "Управляй внешними потоками, а не пытайся договариваться с ветром". Кто там утверждал, что это провальная стратегия? Да если бы не Ветерок, меня с полигона лекари на носилках унесли, и вопрос — живой ли.

Поэтому к словесной дискуссии я готова, главное, чтобы рукоприкладства не было. А то Тоскан обещал уже неоднократно, да все жалеет.

— Только что мы с вами наблюдали занятие по боевой подготовке адептов моего факультета, — разорвал тишину звучный голос Тоскана. — Сегодня у нас прием промежуточного зачета по предмету, на тему «Управление стихией воздуха». Разбившись на пары, адепты поочередно нападают и обороняются.

— Восхитительно! — один из эльфов выступил вперед, намереваясь подобраться ко мне поближе, но путь ему тут же загородил Литманиэль.

— Раданэдэль, друг мой, здесь не принято обращаться к учащимся напрямую. Если нужно задать вопрос, следует обратиться к преподавателю.

Я ему благодарно улыбнулась. Еще не хватало засветить интерес эльфов перед Мегерой. Она то уж быстро Стешскому доложит. А кстати, не для этого ли здесь леди Стоун?

— О, прошу извинить столь неуместное проявление любопытства, — как всегда витиевато высказался мужчина. — Но, профессор, Вы же говорили, что сейчас занимаются первокурсники и не будет ничего интересного.

— Я и не солгал, — Тоскан уже стоял вполоборота, намекая, что пора двигаться к выходу. — Стандартное занятие.

Эльф в ответ лишь хмыкнул, и посмотрел на меня еще более заинтересованным взглядом.

— Я понял. Вы не хотите раскрывать уровень и способности участников турнира, — Раданэдэль склонился в поклоне сначала в сторону Мегеры, потом почему-то в мою. — Надеюсь увидеть столь прекрасный цветок при следующем посещении Академии.

Я видела, что эльф хочет подойти, но Литманиэль положил руку на плечо друга, предостерегая от этого шага. И он подчинился.

Раданэдэль несомненно был очень хорош. Без всяких преувеличений. Молод, красив, наделен немалой силой. Аура у всех эльфов была мощнейшей. С учетом того, что их королевство наполнено магией, это и не удивительно. Но мне его внимание отнюдь не льстило. Я сейчас вообще любой интерес со стороны противоположного пола воспринимала в штыки. Отчасти, потому что внутри до сих пор свербело после встречи на ярмарке. Постоянный зуд, который требовал выхода — увидеть Лира еще раз. Хорошо, что Тоскан запретил любой выход в город, иначе я бы рано или поздно сорвалась. Хоть и знала, что еще

одна встреча увеличит незатягивающуюся рану как минимум вдвое.

А еще — мне хватало Арона. Его настойчивость напрягала и сбивала с толку. Еще одних подобных ухаживаний я не переживу. Лучше уж быть одной, чем постоянно отбиваться. Тем более мне всего 17...

И тут накатило понимание, что уже не 17. Вот так день сегодня. И ведь совсем не думалось о празднике Рождения. Значит магия выбрала день моего совершеннолетия для полного раскрытия. Умно, не поспоришь.

Дождавшись, когда делегация скроется из виду, Мегера махнула мне, награждая возможностью пройти в строй.

Финальная пробежка в 5 кругов выбила из меня последние силы, но грустно не было. Вся группа получила отметку «зачтено» и ребята собирались вечером отметить данное событие. Шутка ли — первый наш удачно сданный предмет. И мне тоже очень хотелось пойти. Это здорово сближает, хотя мы и так отлично со всеми сработались.

Да и для меня день сегодня особенный — инициализация. Рождение отмечать не хотелось, я данный праздник не любила. Потому что этот день не столько мне дал, сколько отнял. И в прежней жизни родные такую инициативу поддерживали. Просто дарили подарок, без шумных празднеств и нарядов.

Дождусь вечера и попробую отпроситься у Тоскана. Хотя и была уверенность, что он не отпустит.

В комнате первым делом проверила блокнот. Пусто. Ну Литманиэль, мы еще поговорим с тобой. Трудно было что ли пару строк написать, во избежание неправильного понимания ситуации?

Я хотела быстро бежать в душ, чтобы успеть потом на лекцию, как заметила на столе горящую шкатулку. Будто подмигивает мне, честное слово. Богиня, помощи! Неужели благодаря полному принятию магии, мне удастся открыть это чудо.

На негнущихся от волнения ногах, я подобралась к артефакту. Так и есть — крышка то загоралась алым с золотым, то потухала, с явным намерением привлечь к себе внимание.

И легко поддетая пальцем, крышка поднялась. Я забыла, как дышать, когда заглядывала внутрь. И от увиденного закружилась голова.

На аккуратно вышитой подушечке находилось кольцо — из золота и явно женское, с довольно крупным белым камнем по центру. Красивое и нежное. Я осторожно протянула руку, чтобы потрогать. Теплое, и будто мое, поэтому прежде чем принять решение, уже натягивала кольцо на указательный палец. Ему тут было самое место, и размер подходящий.

Я с удовольствием любовалась находкой, когда оно начало таять. Вот так, прямо на пальце. Я даже пощупала, и разочарованно застонала. Вот это шкатулка надо мной подшутила. Подкинула пустышку, которая просто истаяла.

— Вредная, нехорошая, противная древность! — я проговорила это вслух, чтобы артефакт точно знал, что я о нем думаю.

Мне в ответ засигналили еще активнее. Ага, конечно, второй раз я на данную уловку не куплюсь. Но подойти подошла, интересно все-таки, что шкатулка задумала.

Внутри сверкало и переливалось. Воздушное нечто заполняло шкатулку до краев. Осторожно потрогав кончиком пальца, поняла, что это какая-то мелкая пыльца. Очень странная пыльца. Потому что, едва оказавшись на пальце, растворилась. То есть надо мной продолжали издеваться.

Поняв, что опаздываю на лекцию, погрозила шкатулке пальцем.

— Ладно, вредина, я побежала. Если ты захотела проверить меня на вшивость, экзамен я не прошла. Просто любопытство сильнее расплаты, и на будущее — кольца девушкам подсовывать не стоит, тем более такие красивые, слишком велик соблазн примерить. С пыльцой вообще не поняла. Поэтому придумай пока что-то получше. Погладив по деревянной крышечке, я аккуратно закрыла шкатулку. Подсказывать, что рассчитывала найти карту сокровищ, не стала. С нее станется, подсунет и не дав рассмотреть толком испарит. А карта не кольцо, я сильно расстроюсь. Все-таки детская мечта.

На лекции, за любимой последней партой, уже ждали Сора и Карл. Они увлеченно разговаривали, глядя друг другу в глаза. Я с замиранием сердца ощутила волну тепла и нежности. Надеюсь, братик найдет свое счастье в этой девушке. А еще больше надеюсь, что его чувства взаимны.

— Привет, друзья, — я поздоровалась намеренно громко, чтобы немного отвлечь их.

Потому что лекция вот-вот начнется.

— Ками, я как раз Карлу рассказывала, как ты сегодня с леди Стоун сражалась. Это было впечатляюще. Я такого еще не видела. Вихревые потоки в сторону адепта первого курса... Но ты хороша! — Сора вся светилась от радости за меня, и это было приятно.

— Кам, это же тварь эта да? Стоун, которая на Стешского работает? — Карл восторгов подруги не разделял, и сидел, сжимая кулаки.

Я погладила его по руке и молча кивнула.

— Так и знал, что дело на том собрании не закончится. Я же иногда слезку чувствую, и так грамотно ее ведут, что обнаружить нереально. Знаю, что следят, стараюсь не делать ничего такого. Но тебя-то и так сюда упекли под постоянный контроль, так еще и Стоун отправили, — он едва успевал переводить дух, так быстро говорил. — Если она что-то тебе сделает, я ее порву, сестра. Пусть меня потом хоть в тюрьму, хоть жизни лишают, но больше она никого не замучает.

— Я справилась, Карл, успокойся. Здесь Академия, поэтому ничего серьезного, даже если и будет пытаться, она мне не сделает.

— Но Сора рассказала, как тебя вихрем на огромную высоту подняло. Они все очень испугались.

— Я тоже, братик. Но удалось позвать ветер, — не хотела при Соре говорить какими методами получилось выкрутиться.

— У тебя получилось? — Карл прямо-таки засиял. — Я знал, что ты у меня умничка! — от порывисто расставленных объятий спас только магистр Каро, и его более чем негодующий взгляд. Как будто я права на разговоры не имею вне лекции. Преподаватель меня невзлюбил и в ответ получал полную взаимность.

После лекции направилась к Тоскану, оставив брата и Сору обсуждать эльфийскую делегацию и вечерний поход в таверну. Карл тоже собирался с нами, не желая оставлять дорогих ему девушек без присмотра. К нему наши однокурсники уже привыкли, и воспринимали как своего.

Около кабинета декана я немного замешкалась, но все-таки постучала. Если не разрешит, так тому и быть, посижу в библиотеке. Но внутрь приглашать меня никто и не собирался, хотя я отчетливо слышала негромкие голоса.

Ну раз полог тишины не применяется, значит разговор не так и важен. С этой мыслью я нагло распахнула дверь. Потому что ждать сил моих не было.

В кабинете с важным видом восседал Тоскан, а напротив, с не менее важным —

Литманиэль. Но едва увидев меня, оба подобрались, словно гончие, почуявшие след.

— Деронвиль, что за манеры! — это Тоскан.

— Камелия, радость очей моих! — это Литманиэль.

— Вы уж определитесь, радость я или безманерщина, — а это, собственно я.

Манерами я обделена не была. Но сейчас, если дам слабинку, никаких мне посиделок с друзьями не достанется. Надо брать нахрапом.

— Профессор Тоскан, у нас группа собирается отмечать сдачу сегодняшнего зачета. Разрешите пожалуйста пойти вместе с ними.

Я выпалила это быстро, но глядя ему в глаза. Чтобы можно было отследить реакцию. Декан держался строго и невозмутимо. Но я уже видела ответ во всем его недружелюбии.

— Ты же понимаешь, что нельзя, — а потом немного запальчиво — Только не реви, Деронвиль.

Но я уже отвернулась, чтобы скрыть обиду. Конечно, понимаю. Конечно, не буду реветь. Давно уже разучилась, и заново науку осваивать не собираюсь. Но вот Литманиэль — не Тоскан, который читал меня словно открытую книгу. Он воспринял ситуацию острее, чем непосредственные ее участники. И не успела я опомниться, как уже оказалась в бережных объятиях невероятного мужчины. Он пах точно также, как я запомнила с нашей первой встречи. Чем-то тонким цветочным, но с заметной горчинкой.

Очень хотелось обнять его в ответ, но я себя сдержала. Ни к чему это. Он мне даже, что приезжает не сообщил. Прав Тоскан, ой как прав. Все себе на уме, доверять можно только самым близким.

Решительно отстранившись, я кивнула Литманиэлю и профессору.

— Разрешите идти? Пойду отсыпаться, раз в таверну попасть не судьба.

— Можно мне проводить?

Богиня! Какой он в этот момент был трогательный и открытый. Вот прямо душа к нему потянулась. Поэтому также умоляюще, как сейчас это сделал эльф, я уставилась на Тоскана.

— Только до общежития. Дальше Вас не пропустят, — буркнул недовольный профессор.

А дальше и не нужно, едва не сказала я, но вовремя прикусила болтливый язык.

Оказавшись на улице, Литманиэль заговорил.

— Я понимаю, что Вы обижены. Но я не мог сообщить о приезде. Это была информация, которую мне запретили разглашать. И даже, если я хотел, не смог бы.

— Не оправдывайтесь. Оно того не стоит. Мы с Вами и знакомы-то постольку поскольку.

С чего Вам вообще мне что-то объяснять?

— Камелия, меньше всего я хочу, чтобы Вы отдалялись. Общение с Вами для меня очень важно, — он немного помолчал. А потом выдал то, от чего у меня засосало под ложечкой от волнения. — Вы сегодня на тренировке показали очень высокий результат. Не думал, что уже обзавелись помощником.

После его слов я почувствовала приятное тепло, обвивающее мои ноги. И опустив глаза, увидела Ветерка. Он лежал прямо на ботинках, раскинув свои многочисленные лапки, и очень хотел согреть.

Литманиэль тоже смотрел на мои ноги. Чем вызвал закономерный вопрос:

— Вы его тоже видите?

Он посмотрел в ответ недоуменно. Будто я глупость какую сморозила.

— Я могу видеть только энергетический сгусток, облик своего помощника знает исключительно его хозяин. Это же базовые знания, отчего столько недоверия в Вашем лице? — он действительно не понимал, и я решила пояснить.

— Оттого, что последние пару месяцев из меня выбивали неправильные виды взаимодействия со стихией воздуха, заставляя работать с ветром, как с элементарными потоками.

Эльф растерянно мотнул головой. Будто полученная информация его шокировала. Но как-то быстро вник в ситуацию.

— Если такова политика вашего королевства, следует скрывать имеющегося помощника, Камелия. Он легко подчинится. Чтобы не было видно явной концентрации энергии в одном месте, помощника можно немного растянуть. Тогда он будет выглядеть как более яркие потоки внешней силы. Попробуйте.

Я чуть слышно попросила Ветерок растянуться, чтобы не бросаться в глаза. Это было забавно. Монстрик теперь походил на очень длинную толстенную веревочку со множеством ножек. Смешной, но очень послушный. Он уже стал моей частью. Родным питомцем.

— Не обязательно разговаривать. Ваша связь уже сформировалась, когда он обрел для тебя облик. Теперь общение может проходить ментально.

Мысленно сказала озорному Ветерку идти гулять, ведь было совсем не холодно, и в подогреве ног я не нуждалась. И он с радостью подчинился.

— А у Вас тоже есть помощник? — это было очень интересно. Понимать, что я такая не одна, и не так уж и отличаюсь от окружающих магов. Видимо эльфы в этом плане более продвинуты, а в нашем королевстве другие основы.

Литманиэль на секунду закрыл глаза. И я тут же увидела достаточно большое серебристое пятно, приблизившееся к нему справа. Покрутившись вокруг эльфа, оно быстро взмыло вверх, исчезая среди шпилей корпуса.

— Спасибо, — только и смогла вымолвить я. И он понял за что благодарю, сжав мою руку.

— Мне бы хотелось иметь возможность называть Вас на «ты».

Это было, конечно очень личное, но отторжения данная идея в моем сознании не получила. Поэтому я согласилась. Он мне уже не в первый раз помог, так что подобная просьба — мелочь.

В комнате меня ждали, и их грустные мордашки были лучшим лекарством. Значит друзьям действительно хотелось, чтобы я пошла. Но складывалось все так, что не изменить. Расстроенная Скоря ушла переодеваться и я выставила Карла из своей комнаты. Пусть на улице подождет. Мне очень хотелось отдохнуть, даже мысли отправиться в библиотеку выбросила из головы. Я сегодня слишком эмоционально и магически потратилась, организму требовалась передышка.

И как со мной уже не раз бывало, пришел сон, больше похожий на вторую жизнь.

— Девочка моя, я сделал все, что было в наших силах. Но то воля императора, — меня гладили по голове сильные руки отца, пытаюсь защитить ото всего мира. — Ты же знаешь, что замуж в нашей семье девушки выходят не раньше 50-ти. Да и 100 лет для эльфийки не возраст.

Я все это понимала. Но струна, натянувшаяся едва отец уехал во дворец, сейчас со стоном лопнула. И внутрь полился холод, наравне с обжигающей лавой. А в месте, где они встречались, образовывалась выжженная пустота.

Семья меня защищать больше не сможет. А как одной бороться с этим мужчиной, нагло вторгшемся в размеренную жизнь? Он ездил к ним каждую неделю, не уставая придумывать новые предлоги. И всякий раз пытался остаться наедине. Невинные разговоры уже переросли в грубые захваты. Он не стеснялся даже матери, а теперь сможет все это проделывать на правах жениха.

— Наш секрет ты должна сохранить, родная. Если кто-то прознает про твои способности, будет беда, — папа еще крепче прижал к себе, чувствуя, как я напряжена. — Но тебе скоро 18, и эльфийская магия возьмет верх, полностью выжигая чужеродную.

Я не могла этого больше слушать и бросилась в сад. Сила уже колола кожу, норовя вырваться в пределах жилого помещения. Вот тогда точно будет беда, и мама меня живьем съест. И так с прошлого выброса еще не все стены от цветущих выюнков очистили.

Едва добежав до розовых кустов, высаженных по периметру, упала на колени. Руки сами собой вспороли рыхлую землю, погружаясь туда до самых запястий. Облегчение накатывало волнами, сначала едва заметными, потом тяжелыми, приносящими желанное опустошение.

Вокруг насыщенно запахло розами. А золотые пряди, спускающиеся до самой земли, сейчас полыхали рубиново-красным.

Глава 22. Турнирная тоска, или я тоже умею кусаться

Когда через пару дней к себе вызвал Тоскан, я была к этому готова. Не покидало ощущение, что судьба преподнесла далеко не все сюрпризы.

— Турнир перенесли, — он устало вздохнул, и на мой порыв обезболить головную боль лишь мотнул головой. — Все нормально, просто вымотался. Феи проявляют небывалую активность, и тоже напросились участвовать. Привезут команду из лучших адептов. Хотя они все там природники, не понимаю, кто будет участвовать в некоторых соревнованиях, где нужна иная сила. Лорд Шешский предлагает тебя на период турнира вывезти к нему в поместье. Но я настаивать не буду — решай сама.

— Не хочу. Тем более, что с феями мне точно делить нечего. Они тут не по мою душу. Ищите что-то иное. А вот эльфы... Я не знаю, что задумал Литманиэль, но он мне нравится. И кажется, если поеду учиться к ним, будет лучше для всех.

— Ками, ты почему так говоришь? Раньше, я понимаю, у тебя не выходило с внешними потоками, но сейчас все видят огромный прогресс. У тебя произошло полное раскрытие силы. Аура очень яркая, — он даже поднялся с кресла, чтобы приблизиться ко мне. — В общем, можно много говорить и пытаться тебя переубедить, но я не буду. Скажу только, что никто не отпустит. Ноэль может казаться сколько угодно милой, но ты знакома с ее сыном. Яблоко от яблоньки... Ну ты понимаешь, — он потрепал мои волосы, заплетенные в тугую длинную косу и хмыкнул, внимательнее вглядываясь. — Смирись с ситуацией, Деронвиль. После окончания Академии видно будет. Но про эльфов забудь.

Он сел, но продолжал меня разглядывать, будто впервые видел.

— Что ты там говорила о матери? Из простых она?

Я понимала к чему он клонит, но что-либо подтверждать не хотела.

— Магии в ней ни капли не было, профессор! Я спрашивала у папы.

— Ну-ну. Бывает, что маг перегорает, полностью. После такого почти всегда проблемы со здоровьем. Ты говорила, что она болела, — я почему-то все эти расспросы воспринимала в штыки. Будто он меня обвиняет, а мне приходится выкручиваться. Я ведь правду говорю, даже ничего не приукрашивая.

— Она замуж вышла молодой совсем. Что такого могло произойти, чтобы магия выжглась полностью?

— Ладно, пусть тайны твоей семьи остаются тайнами. Я тебе верю. Но могло произойти всякое. Магия в таком возрасте нестабильна. Сильный взрыв эмоций, несчастная любовь, нападение... Но раз она скрыла это, значит была напугана. Отца не тревожь, вряд ли он в курсе.

Тоскан занес зерно сомнений в слишком благодатную почву. Она ведь всегда незримо рядом, моя мама. Я ее иногда чувствую, хотя в последнее время все реже. Простому человеку такое не под силу. Только сильный дух, зачастую ранее принадлежавший магу, может задержаться между мирами.

Неужели у мамы действительно был дар, который она потеряла. Тогда отчего молчала во время беременности, постепенно угасая? Ведь тогда вероятность рождения ребенка с магией можно было просчитать заранее, и она увеличивалась стократно.

Я ушла в себя настолько глубоко, что от голоса Тоскана не просто вздрогнула, чуть не

умерла, испугавшись.

— В общем так, Деронвиль, сидишь в комнате, как мы и договаривались. От настойчивого внимания эльфов уворачиваешься, насколько возможно. Участники будут съезжаться всю неделю, начиная с завтрашнего дня. В общежитии стартует перестановка, будем старшекурсников снова группировать по 5 человек, чтобы на всех комнат хватило.

Профессор махнул в сторону двери, отпуская меня, но все-таки проговорил то, о чем видимо, думал все время нашего разговора.

— Ты стала другой. Внешне, не внутренне. Раньше была просто хорошенькой, особенно с этой твоей стрижкой под мальчика и во все стороны торчащими волосами. Умиление какое-то постоянно вызывала. Как воробушек общипанный, но все равно нападающий на огромную ворону. Маленькая, смешная, больше похожая на ребенка. А теперь какая-то утонченность появилась, изысканность. Волосы золотые, ресницы длинные, глаза огромными кажутся. Уже не ребенок — девушка. А эльфы на такую хрупкость и тонкость падкие. У них все леди худенькие и воздушные. Поэтому аккуратней с ними. Литманиэль не тронет, мы с ним поговорили. Он к тебе такого рода чувств не питает, даже обиделся, когда я спросил напрямую. А вот другие участники их команды могут доставлять неудобства.

— А можно я амулет отвода глаз сделаю? Знаю, что незаконно, но так удастся оставаться незаметной. Тем более, что на территории Академии многое можно.

Тоскан смотрел на меня с доброй отеческой улыбкой.

— А ты еще не сделала? — увидев, как я краснею, он, не сдерживаясь, расхохотался.

— Я спросила, чтобы Вы в курсе были, если вдруг что.

Конечно, я пошла в наступление. С ним по-другому никак. Начнешь оправдываться, всех собак спустит.

— Если вдруг что, это что? — он продолжал веселиться.

— Если вдруг меня Меге. леди Стоун за руку поймает, и к Вам приведет. А Вы уже все знаете, и даже мне разрешение выдали.

— Хоть кого-то ты в Академии боишься, Камелия. Пусть Стоун тебя в тонусе держит, — и махнув на меня рукой, пробурчал. — Иди уже, несчастье ходячее, прикрою в любом случае.

Я радостно закивала и побежала на тренировку с Ароном. Он уже, наверное, заждался. Несмотря на мои успехи, парень рад не был. Он смотрел волком и постоянно придирался.

— Ты силу почему не считаешь, когда по мишени бьешь? Неужели трудно направить максимум по центру?

Обычно его эмоции не трогали, но сегодня такая агрессия нашла брешь в моей обороне. Потому что после разговора с Тосканом я чувствовала себя уязвимой. Как там он перечислял — маленькой, хрупкой, почти воробышком. Да и о маме думалось постоянно. Это какая-то цепочка событий, запущенная в момент моего рождения, или даже раньше, когда мама приняла решение скрыть от всех наличие ранее у нее дара. И нашу глушь она выбрала не спроста. Ведь папа рассказывал, что познакомились они в первый день ее прибытия, прямо в порту. Она не знала, как ей добраться, а отец как раз был на повозке, так как встречал груз.

Мама не оставила после себя даже маленькой записочки, чтобы объяснить ситуацию. И думается мне, причина в том, что я об этой тайне никогда не должна была узнать. Но нашей захудалой провинции посчастливилось стать колыбелью, вскормившей одновременно двух магов. Которые в юношеском максимализме и постоянном соперничестве слишком сильно развили свой дар. Могла ли мама просчитать, что однажды маленькая обиженная девочка

заставит своего друга дать кровную клятву о поступлении в Академию, и магия этого ритуала вопреки всем законам логики приведет ее к этому месту. Могла ли она знать, что слишком дотошный декан боевого факультета возьмет над ее дочерью шефство, и решится разбередить незаживающие раны, связанные с рождением одного магически одаренного ребенка.

— Ками! — окрик Арона заставил поднять голову. — Ты о чем так увлеченно думаешь?

Я не понимала, почему он злится. Ну отвлеклась, с кем не бывает. Я же не на пятом курсе, когда промедление на тренировке может стоять недели в целительском корпусе. У нас занятия учебные, а не приближенные к боевым условиям.

— Не кричи на меня, — не сказала, процедила. Достал-таки до и без него натянутых струн внутри.

— А то что? Швырнешь меня об стену? Я не леди Стоун, к атаке готов, — Арон и не думал шутить и заигрывать со мной, как это делал обычно.

Будто я провинилась и сильно его обидела, и он так на мне вымещает свое недовольство. На ум приходило лишь то, как пытался поцеловать около кабинета декана, и магия клятвы его за это наказала. Магия, а не я.

— А то, что ты смешиваешь личное и профессиональное.

— А что смешиваешь ты, когда по мановению пальца бежишь обниматься с эльфом? Каково это — дурить голову окружающим мужикам, и даже не задумываться об их чувствах? — и такой надлом в голосе, что отозвалось сразу тяжестью в моем сердце.

— Ты совсем что ли с головой не дружишь? С кем я кроме тебя еще обнималась? — он моих слов будто бы и не слышал. Смотрел только пристально, так что у меня все сжималось от этого взгляда. Будто бы его боль моей стала.

Подошла без слов к застывшему Арону. Обняла за мощный торс, прижавшись щекой к груди. Он дернулся, не нуждаясь в этой моей жалости и нежности. А я не пустила. Стояла, крепко стискивая, и слушала как быстро бьется беспокойное сердце боевика. Сурового, сильного, но сейчас передо мной невероятно уязвимо. Как совсем недавно и я перед ним.

И лишь когда стал ровнее дышать, я взяла его за руку и потянула в сторону общежития. А проходя мимо его комнаты, лишь ускорила шаг, направляясь в мою. Притормозив у двери, я обернулась к ничего не понимающему Арону и прошептала: «Поговорим».

Он набросился на меня с поцелуями, едва переступили порог. Совершенно не боясь своей же клятвы. Но сейчас сопротивления с моей стороны и не предполагалось.

На резкий напор губ я отвечала мягкими прикосновениями. На лихорадочные движения рук — тихим шепотом. Он сейчас не желал меня слушать, но постепенно успокаивался. Поцелуй из жалящего стал страстным, а пальцы в волосах больше не сжимали яростно, теперь даря наслаждение перебором прядей.

Я открылась ему навстречу, давая языку проникнуть так глубоко, как только он захочет. И стон Арона, утробный и какой-то рычащий, звоном прокатился по обнаженным окончаниям. Я дрожала в его руках, не понимая, что делать дальше. Ведь бездействие сейчас выльется в закономерное продолжение.

Я погладила его по лицу, давая привыкнуть к еще более легким движениям, а потом легко отстранилась.

Он дал мне отойти на безопасное расстояние, и только после этого, как зверь, втянул раскаленный воздух. Выдыхал намеренно медленно, окончательно приходя в себя.

— Теперь поговорим? — я улыбалась. Весь сейчас Арон уже выглядел адекватным.

Он прошел к стулу, тяжело на него опускаясь. И раскрытой ладонью провел по лицу, словно хотел стереть усталость и ненужные мысли.

— Я ведь с ума схожу... ты же видишь, — он говорил глухо, держа голову опущенной. Думая, наверное, что если посмотрит в глаза, сказать уже многого не сможет. — Дурею, когда рядом с тобой кто-то из парней трется. Выворачивает всего, и хочется крушить всё и всех. Ты же моя, понимаешь? И каждый чужой взгляд в твою сторону вот здесь отзывается! — он постучал кулаком по груди в районе сердца, наконец, решаясь взглянуть мне в глаза.

У него внутри плескалось море, сейчас затихшее. Но недавно его штормило до черноты и поднятых со дна кораблей. Оно еще раскачивало само себя, принося редкие волны. Но уже понимало, что опасности нет, и можно снова смириться, пусть и ненадолго. Не превратиться в стоячее озеро, нет. Просто на время сдерживать бурные, сейчас ненужные порывы.

— А я разве давала повод? — проговорила мягко, но твердо, показывая свою позицию. — Это у тебя от девушек отбоя нет, хоть каждый день меняй. А рядом со мной никого нет и никогда не было.

— Это ты намекаешь, что меня нет? — он криво усмехнулся. — Зачем тогда это все? — он картинным жестом обвел рукой маленькую комнатку.

— Потому что тебе плохо, Арон. А я этого не хочу. Твои муки находят отзвук и в моем сердце.

— Хоть что-то, Ками, — он внимательно, как недавно Тоскан, меня разглядывал. — Это здорово вдохновляет, знаешь ли. Уже не безразличен!

Он был прав. Мое безразличие кончилось в день ярмарки, когда Арон помог пережить нежданную встречу с Лиром. Он тогда поделился своим теплом, поселив во мне благодарность. И как бы скверно не вел себя в последующем, это тепло продолжало разрастаться в моей душе.

Я вдруг почувствовала, что жутко устала, и сама себе не веря, предложила:

— Хочешь остаться? — и видя, как вытягивается его лицо, быстро продолжила. — Кровать вполне выдержит и двоих. Только дай слово не приставать. И руки при себе держи!

Он рассмеялся. Уже как всегда, весело и с огоньком. Было видно, что его отпустило окончательно.

— Если я что-то сделаю против твоей воли, знай, что мне точно больнее. После предыдущего поцелуя мигренью 2 дня мучился.

— Вот и не делай, чтобы я лишний раз не переживала, — а потом спросила то, что хотела, но как-то забыла. — Тебя тоже в общую комнату селят?

— Тоскан сказал? — я кивнула, а Арон понимающе хмыкнул. — Ко мне подселить будут. Ребят из группы. Кстати, а Тоскан тебе кто?

— В смысле? — не поняла я. — Декан.

— Нет, я про родственные узы. Кем он тебе приходится?

Я даже рот открыла от такого предположения. Так вот что про нас говорят в Академии. Что мы родственники. Ну что ж, гулять, так на полную.

— Дед, — а потом, чуть подумав, добавила. — Двоюродный.

А то мало ли, вдруг у него и детей то нет. А тут вроде как родство, но проверить уже гораздо сложнее.

— Что-то такое я и думал. Только полагал, что ты племянница.

— Ладно, давай спать, если остаешься. А нет, так уходи скорее, у меня глаза уже

закрываются.

— Остаюсь, Колючка.

Я провела пальцами по его щеке.

— Отвернись тогда, я переоденусь, Щетинистый.

Разворачивались друг от друга мы с широкими улыбками. И этого уже не скрывали.

Арон не собирался строить между нами баррикады из одеял, и дождавшись, пока я заберусь на кровать, крепко прижал к себе.

На мне была длинная сорочка, очень плотная и полностью закрытая, но тем не менее, такая близость мужского тела волновала. Большая ладонь уютно примостилась на талии, а в шею уткнулся нос, щекоча тонкие волоски горячим дыханием.

— Ты пахнешь, как эльфийский нектар. Сладко и дразняще, — Арон смешно втянул воздух, вызывая щекотные мурашки.

— А ты его пробовал? — я хотела повернуть лицо, но парень не дал, сильнее надавливая подбородком на мою шею. — Это же такая редкость.

— Пробовал. Но ты вкуснее, — он легко мазнул губами по скуле. Когда только успел приподняться.

Я открыла глаза, чтобы понять — Арон меня рассматривает, изучая каждую черточку.

Резко стало горячо и как-то муторно. Я начала неосознанно ерзать.

— А вот так лучше не делай, — он прижался ко мне сильнее, чтобы я ощутила то, почему так делать больше не стоит. И я вняла. Как тут было не понять, когда в район попы упиралось нечто уж очень твердое.

— Не буду, — прошептала как-то сипло. — А ты перестань меня рассматривать!

— А вот это сложнее, — Арон ласково улыбнулся. — Ты такая красивая, что не смотреть невозможно, — он еще раз провел губами по скуле, приближаясь к уху, и я неосознанно дернулась. — Ладно, не закрывайся, Ками, это последнее на сегодня.

Его поцелуй был мягким, легким и сладким. Я еле удержалась, чтобы не обвить руками шею парня. И под мерное сопение мгновенно вырубившегося Арона, тоже очень быстро уснула.

Он разбудил меня на рассвете.

— Колючка, я ухожу, закрой за мной дверь.

— Мммм... Ты куда в такую рань? — открывать глаза очень не хотелось. — Иди, никто меня не унесет отсюда, даже если нараспашку дверь оставишь.

— Нет, — голос Арона прозвучал очень твердо. — Нам сказали до шести уже все вещи перенести, потому что с утра будут первых ребят из других Академий заселять. Они же не местные, могут что-то перепутать, ввалятся еще к тебе, — ему пришлось приподнять меня с кровати. — Давай же, Ками. Две минуты, и снова можешь спать. Сегодня суббота.

Я нехотя поплелась за ним, и поняла, что нахожусь уже в коридоре, когда ногам стало холодно от мраморной плитки. Да уж, надо было идти с открытыми глазами.

— Чудо мое, растрепанное, — Арон обнял, даря нужное сейчас тепло, потому что в коридоре было прохладно. — Люблю тебя.

Он сказал очень тихо, но я расслышала. Это было... неожиданно. Но ответное чувство, к сожалению, в груди не отозвалось. Хотя я была бы этому даже рада. Он же хороший, хотя и пытается казаться черствым негодяем.

Арон поцеловал быстро, едва коснувшись губ. Будто уже устыдился своего признания, и старался побыстрее от меня отделаться. Но едва я отлипла от живительного тепла его тела, а

сам парень, подтолкнув меня в сторону двери, быстро пошел в свою комнату, поняла к чему была такая поспешность. На другом конце коридора уже толпились прибывшие, значит нужно было освобождать комнаты.

И до меня дошло, что неодета, а тут чужие парни вовсю разгуливают, поэтому молнией метнулась к себе. Но зайти не успела. Предательский взгляд уже зацепился за высокого плечистого парня с темной копной растрепанных волос, не спускающего с меня глаз. И хотя сейчас смотрели все, еще бы, такое представление с утра, но волновал только этот прожигающий взгляд.

Я старалась сделать вид, что не заметила. Что меня совсем не волнует этот нестройный гул голосов, сейчас явно обсуждающих полуголую девицу, провожающего любовника из своей комнаты. Что совсем не трогает пристальное и ненужное внимание давно потерянного друга. Что сердце не разрывает на части от этой новой встречи и осознания — он почти месяц будет жить рядом, ночевать едва ли не за стенкой.

Я наложила все плетения моментально, едва добралась до кровати. Чтобы не успело разболеться. И также быстро, на автомате заварила успокоительный отвар. В сон погружалась какими-то рывками, но зато совершенно ничего не чувствую.

Утро было недоброе. Потому что стук в дверь не оставлял никаких вариантов. Но я честно попыталась, крикнув: «Я все еще сплю». И положила на голову подушку, а потом еще и одеяло. Стало душно, а в дверь продолжали стучать.

Нет, ну как это называется. Сам же сказал, что сегодня суббота, можно еще поспать, а явился в 10. Ну Арон, я сейчас все тебе выскажу!

Быстро щелкнув замком, настезь распахнула дверь и закричала:

— Ты обещал дать мне поспать! Поздно же легли. И с утра поднял чуть свет. Все, до обеда не мешай.

Но в дверях стоял не Арон, а тот, что заставлял мое сердце пропускать удар за ударом. Он просто смотрел, вновь отмечая изменения. Молча впитывая мой облик. И наверняка успел бы перехватить закрытие двери, если бы я это не проделала так неожиданно.

Сползая по деревянной поверхности вниз, я думала о том, что он здесь забыл. Не в Академии, с этим все понятно. Все-таки турнир объединял лучших, а в том, что Лир в лидерах, сомнений быть не могло. Вопрос был в другом — зачем он пришел к дверям моей комнаты, и смотрел так, будто все это время скучал.

Вот, наконец, и исполнилась данная когда-то клятва. Мы оба в стенах одной Академии.

Он может теперь быть спокойным, даже если захочу, не смогу потребовать магического ответа. Свободен от обязательств перед глупенькой девочкой, так иди уже вперед, не оглядываясь. Тогда почему я чувствую каждой клеточкой, что он до сих пор стоит за дверью, положив на нее руки и прислонившись лбом. Отчего ощущаю звериную тоску по безвозвратно утерянному?

— Я не буду с тобой разговаривать, слышишь? — сказала негромко, но в ответ донеслось:

— Я знаю.

Вот после этих слов он, наконец, ушел. А я так и сидела, сцепив пальцы замком вокруг поджатых коленей. И твердо решила наладить отношения с Ароном. Он будет моей защитой и надежным тылом. А большего сейчас и не нужно.

Эльфы приехали через 3 дня почти одновременно с феями. И все это время я трусливо пряталась. В субботу просто сидела в комнате, а воскресенье, отказавшись от тренировки с

Ароном, провела в обществе Скоры. Она рядом со мной грелась, а я сейчас очень нуждалась в ее обжигающем холоде.

Весть о прибытии делегации застала нас на уроке некромантии. У всех были успехи в этом нелегком предмете. У всех... кроме меня. И каждое занятие меня внутренне выворачивало, коробило и угнетало. Перед глазами вместо мертвых мышек, ежиков и бабочек постоянно был тот тролль, которого я приложила боевым пульсаром. Ничего не могла с собой поделаться. Данный вид магии мне не давался.

Преподаватель только ругался, что склонности может и не быть, но освоить азы я обязана, так как обучаюсь на боевом. И в рейдах на четвертом и пятом курсах очень часты стычки на кладбищах, где не будет такой вот мелочи. Сражаться придется с настоящими умертвиями — люди, оборотни, тролли, да кто придется. И задача боевика перехватить нити управления на себя. Сделать это невозможно без умения применить знания на практике.

И вот в разгар эпической ругани магистра Нориана, по строю адептов прошел шепоток, что феи уже на территории. Ну и, конечно, всем резко стало не до предоставленных в их распоряжение трупиков. А уж мне и подавно. Все равно не получается, зачем мучиться, когда можно помечтать о прекрасных феях. Мало кто видел их вживую, поэтому ажиотаж был ожидаем.

Магистр только рукой махнул на нас, отпуская. Хотя оставалась еще треть занятия. Дружной толпой мы ринулись в учебный корпус, чтобы пробраться на балкон. Ректор сегодня с утра сделал всем внушение, запрещающее позорить родную Академию и пялится на иноземных гостей в открытую. Но тайно то он любоваться ими не запрещал.

Вперед пропустили немногочисленных девушек, благо и я была в их числе, потому что с моим ростом рассмотреть что-то очень трудно. Даже сейчас было видно плоховато. Спасибо Атель, в которой я подозревала примесь тролльей крови, она меня просто приподняла, да так и держала. Я даже немного позавидовала ее силе и выносливости.

Их было десять, семь участников и трое сопровождающих, видимо являющихся преподавателями.

— Я не понял, а крылья-то где? — пробасил Перси, один из лучших адептов в нашей группе.

Все начали поддакивать, перебивая друг друга самыми нелепыми предположениями — что они снимаются, что у фей есть вторая бескрылая ипостась, что они невидимые, пока их не обработать пыльцой. И не знаю, до чего бы еще довело нас воображение, если бы не шикнувшая Атель.

— Вы что, книжек не читаете, бестолочи?

Со всех сторон слышались разномастные ответы, сводящиеся, впрочем, к одному — читаем-читаем, но такого там не написано.

— А я вот не читаю, — загоготала полутроллиха, вызвав смех и у присутствующих. — Но няня рассказывала, что крылья у фей очень эластичные, но легко рвутся, поэтому в путешествиях они их прячут под одеждой, чтобы случайно не повредить.

Вот это новость. А я то думала они похожи на крылья бабочки, такие же плотные и жесткие.

Утолив научный интерес, мы снова посмотрели на расшаркивающихся фей и деканат нашей Академии, в полном составе, кстати. Не только ректор и деканы, но и парочка профессоров старой закалки, видимо для массовости. Чуть в отдалении я разглядела эльфов и участников от Академии Родара, тоже нашей, столичной. А вот еще две команды должны

прибыть только к концу недели, так как турнир перенесли быстро, а им нужно было время, чтобы собраться и приехать. А эльфы с феями, как я поняла, перемещались порталами сразу в столицу.

Сразу бросалось в глаза, что они были очень маленькими, не более полутора метров. У девушек волосы спускались гораздо ниже талии, и были ничем не завязаны, в отличие от тех же эльфов, у которых длинные локоны были переплетены в многочисленные причудливые косички. Каких только оттенков тут не было — малиновый, маренго, лазурь, охра, коралловый. От обилия цветов пестрило в глазах, и хотелось к ним прикоснуться. Не только к волосам, а самим феям. Какие-то они очень волшебные.

Парней у них было 4, и все с короткими разноцветными стрижками. Зато одеты все одинаково, и девушки и молодые люди, в фиолетовые брючные костюмы.

И теперь я жалела, что мы не решились сбежать с занятия, чтобы посмотреть на эльфов, потому что решили, что их уже видели, когда они на занятие к Стоун навевывались. Но мы их видели обычными, а сегодня они скорее всего прибыли при параде. И если судить по форме, в которой находились сейчас, сверкающей, будто обсыпанной алмазной крошкой, парадные одеяния были великолепны до неприличия.

Вечером, после занятия у Ноэль, меня перехватил Арон. Быстро обняв и легко клюнув в щеку, проговорил:

— Нас вызвали в ночной рейд сегодня. Не ходи никуда, пожалуйста одна. Такое количество участников уже съехалось, что мне за тебя ужасно страшно. Влипнешь куда-нибудь обязательно.

— Тебе страшно, что влипну, или что кто-то уведет? — я озорно расхохоталась. Он в своей ревности не знает уже куда меня спрятать.

— Не зли меня, Камелия. Иначе я тебя накажу... — он, оскалившись, двинулся в мою сторону, широко раскинув в стороны руки. А я кинулась за дерево, немного повизгивая.

Но ему шутить было некогда, поэтому снова быстро меня поймав, и стиснув до хруста костей, ретировался.

Было уже темно — все-таки началась зима, и дни становились короче. Время не особо позднее, но никого сейчас на территории не было. Это ректор распорядился на неделю всех на комендантский час посадить, чтобы не травмировать иностранных студентов нашим разгильдяйством.

Поэтому все дальнейшее я восприняла как нападение. Нагло зажав рот, брыкающуюся меня понесли за ближайшее раскидистое дерево. Но я слишком хорошо помнила этого человека, чтобы быстро не узнать.

Укусив за ребро ладони, и дождавшись болезненного «Ой», промычала:

— Лир, ты что делаешь?

— Раз не желаешь поговорить в комнате, сделаем это в парке, — он даже не запыхался, хотя и нес активно извивающуюся жертву.

— Да меня выворачивает всю на тебя глядя, а ты еще и с разговорами лезешь. Ненавижу тебя, бывший друг!

По телу Лира прошла судорога, будто от холода. И он тут же поставил меня на ноги, но отпускать не спешил. Напротив, будто лианой обвился, не оставляя свободной ни единой клеточки моего тела.

— Отпусти меня! — шипела я, пытаюсь вырваться из стальных объятий. От более активных действий останавливало лишь то, что крики и возня привлекают лишнее внимание.

— Не могу. — не сказал, а почти простонал парень, продолжая все теснее прижимать к твердому телу. То ли все маги были такими — состоящими из сплошных мышц, то ли боевиков все-таки тренируют более усиленно.

С удовольствием бы приложила его парализующим плетением — оно уж точно желание распускать руки отобьет. Но меня сжимали так крепко, что возможности шелохнуться не было.

Поэтому, когда почувствовала горячие губы, пробирающиеся от уха по скуле, резко мотнула головой. Внутри поднималась волна негодования и ярости, а еще что-то горькое. Парень, однако, это воспринял как вызов — перехватив мое тело одной рукой, второй он теперь фиксировал затылок.

Прикосновение к губам я ждала с какой-то обреченностью и разочарованием. Когда он успел стать вот таким — наглым, напористым, не принимающим чужое сопротивление. Может это понимание своей силы так влияет на человека, или просто раньше кто-то умело притворялся, скрывая темные стороны.

Он сначала пытался нежно раскрыть мои губы, вызвать ответное желание. Но, наткнувшись на полное отсутствие энтузиазма, будто с цепи сорвался. Целовал напористо, жадно, с какой-то злостью. Мои плотно сведенные губы были красноречивее любого крика. Но это не остановило его, более того — завело сильнее. Он попытался добиться взаимности по-другому и больно дернув за волосы, вынудил запрокинуть голову. Я ахнула и разомкнула губы, он в ответ углубил поцелуй.

Такого наглого вторжения я уже стерпеть не могла, и просто сомкнула челюсти. Он с мычанием разжал объятия и выпустил из захвата волосы. Зажав ладонью кровоточащий рот, смотрел почерневшими от страсти глазами и пытался что-то найти в моих. А не найдя, обреченно выдохнул.

Мне всего этого казалось мало — боли, которая поселилась на дне его глаз; глухого недоверия, что более нас ничего не связывает; тугого разочарования от невозможности утолить свою жажду. Поэтому я все-таки запустила любимое плетение, вложив максимум силы. Пусть полежит тут до рассвета, подумает над своим поведением. В пять начинают подтягиваться из города повара и уборщицы, наткнется кто-нибудь обязательно.

Подумав немного, я поставила над полностью парализованным парнем защитный купол. Все-таки зима, и хоть на территории температура всегда поддерживается максимально комфортной, могла случиться осечка.

Проверив еще раз, что он дышит нормально, и в полном сознании, я не удержалась и провела пальцами по густым волосам. Сделала то, о чем отчаянно мечтала с самого момента нашей встречи. Жест совсем не интимный, даже скорее наоборот. Так сестра может погладить брата, или доктор, наконец успокоившегося больного. Но он в ответ прикрыл глаза, выражая без слов крайнюю степень довольства.

Он понял этот жест неправильно, но разубедить я не собиралась. В следующий раз я уже буду готова к встрече. И тогда он поплатится за каждое ненужное прикосновение.

Глава 23. О масках и лисах в поношенных шкурах

Добравшись до комнаты, сразу заперлась. Внутри все кипело — от обиды, брезгливости и непонимания. Он же друг мне! Неужели 14 лет, что мы провели бок о бок ничего более не значат? Можно просто схватить, зажать в углу и насильно целовать. Где уважение ко мне как к девушке, леди. Он же раньше обидеть боялся, и стоило пустить слезу, сразу летел утешать. Колени мне лечил, руки исцарапанные, после падения с дерева целовал. Вел себя как брат и очень близкий человек.

Тут же обожгло воспоминанием как он не далее получаса назад больно дернул за волосы, желая поцеловать по-взрослому.

ОН СДЕЛАЛ БОЛЬНО МНЕ.

И жить с этой мыслью было стократ тяжелее, чем с осознанием его недавнего бегства.

Это больше не мой Лир. Нужно с этим смириться.

Но самое удивительное, что тот самый поцелуй, о котором я с 16 лет мечтала, не принес никакого удовольствия. Даже малой толики тех чувств, которые я испытываю с Ароном. Всю любовь и привязанность к Лиру выжгла обида. Теперь осталось только объяснить все моему глупому сердцу, которое продолжает замирать при одной только мысли о нашей следующей встрече.

Нда... Раздвоение личности у меня что ли? Она половина готова послать Лира в земли к вампирам, а вторая рвется хотя бы одним глазком еще раз на него посмотреть. Что я там не видела? Нос с горбинкой, губы среднестатистической пухлости, подбородок... почти квадратный, волосы его темные, в привычной манере растрепанные, что так и тянет применить действенное заклинание по укорачиванию с покраской в зеленый, раздавшиеся плечи, возмужавшая фигура, литые, словно каменные мышцы.

Не хочу думать, не хочу вспоминать! Привычное плетение, и от раздрая в душе остается только легкое беспокойство за Лира. А как он там, бедненький? Скучно ему, наверное. А ничего, пусть помучается. Глядишь, порядочных девушек тискать в темноте парка разучится.

И тут привлекла внимание снова мигающая шкатулка. Ну я не гордая, подошла, да и открыла. Внутри лежало... перо. Мое, золотое, подаренное Литманиэлем.

— Это что же получается, ты так у меня прощения просишь? — понимаю, что разговариваю с неодушевленным предметом, но она же артефакт. Значит зачатками разума обладает.

Шкатулка мне в ответ мигнула. И вообще даже не извинительно, а я бы сказала заигрывающе. Типа — а чего мне извиняться, я ничего такого и не сделала. Ну подумаешь, пошутила над новой хозяйкой в ее день рождения, а это тоже вроде как подарок, смех же продлевает жизнь, верно? И ничего, что шутка вышла не смешная. Мне, как древнему артефакту виднее, у нас вообще в древности так было принято.

Я молча взяла перо и прошла за блокнотом. Шкатулка ничего просто так подкидывать не будет. В блокноте обнаружила приветствие от эльфа, и тут же написала ответ.

— Свет моего сердца, как я рад, что ты вышла на связь сегодня. Очень беспокоился, что завтра придется искать возможность встречи наедине.

— Что-то случилось? — он начал вызывать у меня беспокойство. Искать встречи со мной не нужно, я не знаю, как Арон может на такое отреагировать. Прошлый прилив ревности был очень показательным.

— Если я просто напишу, чтобы ты держалась как можно дальше от фей, что-то объяснять еще будет нужно?

Я даже от такого заявления перо выронила. Литманиэля что, подменили? Где витиеватость фраз, где творческие обороты речи?

— Я отлично уяснила, что если Вы не хотите отвечать, то и не будете.

— Это нужно для твоей безопасности. Феи не красивые куклы, они зубастые хищники!

— Хищники питаются мясом. А феечки растения выращивают, — жаль нельзя язык на бумаге показать. Может нарисовать?

И я старательно вывела рожицу с высунутым на бок языком. А сверху нарисовала малюсеньких фей, будто кружащихся над этим человечком. По-моему, отлично получилось. Однако, Литманиэль замолчал. Я даже думала сворачивать уже блокнот, как появилась очередная строчка, выведенная изумительно красивым подчеркиком. Мне порой кажется, что эльфы идеальны во всем.

— Почему ты до сих пор говоришь мне «Вы»? Мы же пришли к соглашению.

— Я так просто не могу. Вы же старше. Да и знакомы мы не так долго.

— Понимаю, и более не тороплю. Приношу глубочайшие извинения за настойчивость. А с феями действительно стоит быть настороже. Запомни, Камелия, если они хотят пойти на контакт, значит что-то от тебя нужно. Приятных снов, радость моей жизни.

— Доброй ночи, Литманиэль.

Я улыбнулась. Его пожелание звучало так тепло, будто мне писал не едва знакомый эльф, а очень близкий человек. Радость жизни. Сразу подумалось про папу, и я поспешила писать уже обычное, а не магическое письмо. Папа и Эрра просили сообщать о моих успехах каждую неделю, чем я и занималась.

Обычное утреннее построение удивило, так как компанию нам составляли феи. Что им нужно на занятии боевого факультета? Они же такие мелкие, что и до турников не допрыгнут. Громкий голос Мегеры вывел из задумчивого состояния:

— Адепты, на время сборов перед соревнованиями, с нашей группой будет заниматься сборная команда королевства Сайнотруд. Так как они участвуют в международных турнирах впервые, было решено объединить занятия первого курса. Боевой факультет был выбран нашими гостями самостоятельно. Приступим к разминке. 20 кругов по полигону, марш!

Мы по очереди оборачивались на фей. И надо сказать — они удивили. Подготовка у хлипких на вид адептов была на высоте. На финальном круге, когда мы все уже дышали через раз, они даже не вспотели.

— Приступим к освоению нового материала. Деронвиль, прошу! — Стоун мстительно вытянула руку, указывая мне на центр полигона. Вот же... мегера!

Встав на нужное место, я демонстративно выставила вперед ногу, давая понять, что уже скучаю. Но что там за новый материал, было интересно. Мысленно сразу возвала к Ветерочку. Если что, мне есть кому помочь.

— Боевая подготовка состоит прежде всего из освоения всех четырех внешних стихий. На первом курсе мы будем по очереди проходить азы. Зачет на умение обращаться с воздушными потоками вы сдали на прошлой неделе. Теперь очередь огня.

Я облегченно выдохнула. За воду переживалось в стократ сильнее. Уж пульсар-то я в состоянии создать, и даже с закрытыми глазами.

— Взывать к огню в самой малой степени Вы умеете, иначе бы не поступили сюда. Но

наша задача сегодня будет... — она сделала картинную паузу и взмахом руки создала вокруг меня огненный контур, который с каждой секундой полыхал сильнее.

Я уже не слышала, что она говорила, все заглушал гул в ушах, схожий с набатом. Как же нужно меня не любить, чтобы такое сделать на первом занятии управления огнем. Она не Мегера, а Тварь. Надо переименовать у себя в сознании.

Но Стоун права в одном, пульсар создать не проблема, нужна концентрация и пару дней тренировок, чтобы это получалось на чистом автомате. А вот потушить огонь, чтобы выбраться из западни — это уже катастрофа.

Я попыталась нащупать потоки живого пламени, и не смогла. Они были перед глазами, но даже приблизиться не давали. И на мой интерес стали только агрессивнее разгораться. Тролли дери эту чокнутую Стоун! Ее бы вместо меня поджарить тут.

— Ветерочек, родненький, помоги пожалуйста. Сейчас же утро, росы еще много на траве. Собери побольше на лапках, чтобы потушить можно было.

Мой мохнатый союзник, окутав волной прохладного ветра, улетел выполнять задание. Сколько он там этой росы собрать сможет не знаю, но влага должна была хоть немного помочь.

Ветерок удивил. Он видимо слетал до озера, потому что пропитался водой до основания длинной шерсти. А его трюк заставил меня восхищенно присвистнуть. Растянувшись огромным шнурком, он сам себя многократно скрутил, как белье, при выжимке.

Благо действовал прямо над языками пламени, поэтому стекающие струйки воды никто не заметил. Зато пламя противно зашипело, и я смогла, наконец, рассмотреть, что оно также имело особую структуру. Очень ко мне агрессивно настроенную, надо сказать. Так что — перехватить такое большое скопление огня у меня не получится точно, а уж договорится тем более. Поэтому будем действовать через уже имеющегося помощника.

И сейчас образовалась твердая уверенность поговорить с Литманиэлем, пусть помогает разобраться с огнем, раз у него столько познаний. Сетовать Мегере на невозможность ухватить потоки — увольте. Да и Тоскану сейчас не до меня.

Переуступив через едва тлеющие островки огня, и буднично отрапортовала:

— Леди Стоун, задание выполнено. Разрешите вернуться в строй.

— Ид-д-д-и — прошипела Мегера, больше сейчас напоминающая змею. Прямо зверинец ипостасей в одной женщине.

Далее по очереди Стоун вызвала всех девушек. Не справилась одна Атель. По остальным было видно, что данное задание им не в новинку.

Скоро после занятия первым делом спросила:

— Как тебе это удалось? Огонь будто насильно потух, готова поклясться, что даже пар разглядела. Удивительно, что леди Стоун просто так тебя отпустила. Я думала привяжется.

— А ей сейчас не резон светить наших самородков, — пробасила догнавшая нас Атель. — Но то, что у нее на тебя зуб, Ками, заметили все.

Я лишь махнула на них рукой. Что тут сказать. Зуб, да. И не только у нее на меня, оно и в обратном порядке действует.

— Я притушила его с помощью воды, так как с огнем не всегда умею справляться, — решила раскрыть часть правды, так как это все равно всплывет, рано или поздно.

— Аа-а-а так ты схитрила. Ну значит жди на следующем занятии подлянку. Стоун так просто не успокоится. Если хочешь, я позанимаюсь с тобой, — участливо проговорила Скоря. — У Арона сейчас очень напряженный график, вряд ли сможет уделить нужное

время, он же в команде, да и рейды частые.

— А я и не знала... — для меня действительно участие боевика в турнире было сюрпризом.

— Так вы же вроде встречаетесь, — с удивлением высказалась полутроллиха, а потом как заржёт, что любой конь бы позавидовал. — А-а-а, я поняла, вам не до разговоров!

Так как нас уже догнала почти вся группа, над этой фразой смеялись все. Так и дошли до очередного корпуса, дружной, до слез надо мной веселящейся компанией.

Я пошла сегодня к Ноэль сама, хоть было и не по графику. Но хотелось сделать нормальный амулет отвода глаз, потому что тот, который могла изготовить я, был хоть и действенный, но не совершенный.

Профессор с радостью приняла мой энтузиазм, хоть и посмотрела с укором.

— Я могу пообещать, что эти знания не буду применять в реальной жизни. Но сейчас, когда тут эльфы, нужно стать как можно менее заметной.

Видимо Тоскан с ней обсуждал нечто подобное, потому что согласилась Ноэль после этих слов мгновенно.

Было сложно, но профессор задалась целью научить меня филигранности даже в таких многоуровневых работах. Я сама накладывала плетения на амулет — слой за слоем. Сбивалась, психовала, но начинала все заново. Да-да, если слетал один слой плетений, нужно переделывать всю работу, так как шла магическая сцепка прямо с азов.

Вышла из домика Ноэль уже поздней ночью. Хотела было проверить амулет, но сил не хватило даже на активацию. Выжата я до основания. Рисковать с магией сегодня точно уже не стоит.

Арона, дежурившего у двери, заметила сразу после поворота на этаж. Выглядел он так себе, хоть и видно, что недавно из душа. Устал. Вымотанный, мог спать уже давно, а ждет меня. Сердце затопило благодарностью и состраданием.

Он сграбастал меня в охапку, едва подошла. И смешно уткнулся в шею. Вдыхал аромат и почти урчал от удовольствия. Как кошка, честное слово. Я запустила пальцы в еще влажные волосы и со смехом его немного отстранила.

— Ты колючий, Арон. Снова напрашиваешься на кличку? — да, я шутила. Щетинистым его уже даже мысленно не называла.

— Сил не осталось, даже побриться. Тоскан гонял до фей перед глазами.

— А может они там и правда были? — я не удержалась от еще одного смешка. — Они же теперь везде, даже на занятия к нам напросились.

— Их только к первому курсу разрешили пускать, у вас все равно ничего интересного.

Я тыкнула его в бок, и краем глаза заметила движение. Видимо припозднившийся адепт идет из душевой.

— Разрешишь сегодня остаться? — Арон просяще заглянул в глаза, и видя, что я колеблюсь, промурлыкал. — Мне с тобой спится очень спокойно, а сейчас очень нужен полноценный отдых.

Вот котяра! Знает же чем зацепить. Не выгоню же я человека, нуждающегося в такой малости, да еще выглядевшего мега усталым.

— Только не наглей, ладно?

Он картинно поднял руки вверх, показывая, что готов даже к такому. Ага, как же, знаем, проходили. Я погладила его по колючей щеке, этим жестом давая свое окончательное согласие, и открыв дверь, пропустила вперед. А когда повернулась закрывать, замерла.

Лир стоял у своей комнаты и пристально наблюдал за развернувшейся сценой. Вот значит кто возвращался из душа так не вовремя. Наверняка тоже пропадал на тренировке. И слышал он почти весь разговор, сомнений нет.

Всколыхнулось во мне ненужное чувство протеста. Бросится, схватить за руки, рассказать всю правду. Чтобы не думал обо мне плохо. Чтобы не смотрел так, будто упала в его глазах ниже плинтуса, и изваляла в грязи облик с нимбом.

Но я удержала рвущуюся наружу маленькую Ками, которой отчаянно хотелось прижаться к груди лучшего друга. Знакомой, родной, годами проверенной. На ней так хорошо плакать, и лежать, когда нечего больше подложить под голову. А еще по ней было хорошо бить, когда его твердолобость переходила все возможные границы.

Но той девочки больше нет. И теперь перед ним взрослая девушка восемнадцати лет.

Даже папе жаловаться бесполезно, я имела полное право жить так, как заблагорассудится. И эта девушка сейчас свободно пускает ночью в комнату парня, не являющегося ей мужем или даже женихом. Маг я или кто? В нашем королевстве маги имеют более свободную линию поведения.

Я смотрела на него, такого сильного, высокого и видела вчерашнего мальчишку, который был взбешен, что проиграл в метании дротиков Рикю. Первый раз за много лет. Ведь обычно сражались на мечах, или боролись на импровизированном ринге, и победа всегда была на стороне более сильного физически Лира. А тут такая досада. Да и награда еще несущественная, троллям на смех — танец с Камелией. Но ему был важен сам факт победы, которую увели из-под носа. Он ведь тогда нас с Риком весь танец прожигал вот таким же, как сейчас взглядом. И самому не надо, но и другим же отдать невозможно.

Мне было 16, и я наивно полагала, что Лир ревнует. И только сейчас окончательно осознала, что им двигало совершенно другое чувство.

Ни дать, ни взять — лиса в поношенной шкуре, которой очень хочется примерить обновку, но и старую вроде как жалко.

Почувствовав на талии горячие руки, взрогнула. Арон не дождавшись меня, решил проверить, почему я так долго. Шею обожгло поцелуем.

— Если бы я знал, что придется столько ждать, сам бы эту дверь захлопнул.

Он утянул меня внутрь комнаты под острым, словно бритва, взглядом Лира. И готова поклясться, что видела, как смазывались его очертания. Сила. Он потерял контроль над внутренними потоками, которые теперь решили поиграть с внешними.

В комнате Арон не церемонясь, подхватил на руки и отнес на кровать. И даже начал расстегивать блузку. Но перехватив пальцы парня, я развела в сторону его руки.

— Ты же обещал! — говорила строго, но в душе царили совсем другие эмоции, к этому парню отношения не имеющие.

Мне очень нужно было обновить плетения, вселяющие равнодушие. Потому что Лир в который раз выбивал из привычного ритма. Радовало, что больше не было боли. Будто возможность видеть рядом этого предателя для меня уже отдушина.

Но Арон был слишком встревожен, чтобы воспринять мои слова серьезно.

— Я ведь сорвусь сейчас, Камелия. Дай хотя бы этим отвлечься. Если поцелую, не остановлюсь, даже зная, что ты против.

Я говорила, что он встревожен? Наглая ложь. Зол до троллей.

— А что случилось? Ну задумалась я, когда дверь закрывала, с кем не бывает. Чего беситься-то?

Он перехватил мои руки, ранее удерживающие его, и опрокинул на кровать. Навис, прижимая нижней стороной тела, но пока удерживая на весу верхнюю.

— Ты думаешь я не узнал его? Этот боевик, он был на ярмарке. От него ты хотела убежать, — он все это выплюнул зло, едва цедея сквозь сжатые зубы. — Мне надоело носить маску добродушного парня! Я хочу тебя. Всю, без остатка. И делить с другими не намерен.

— Так значит твое хорошее поведение — маска? — я намеренно игнорировала все остальные аспекты разговора. — А какой тогда ты настоящий?

— Тебе этого лучше пока не знать, любимая! — он впился в губы поцелуем. Не грубым, как я ожидала. Скорее пытающимся добиться от меня взаимности. А я так и не поддалась, думая лишь о его обращении: «любимая». И как же жаль, что в ответ того же пока сказать не получается.

Он ради меня пытается меняться. Гасит собственнические инстинкты, чтобы не пугать. Старается заботиться и быть нежным. А ведь раньше такого себе не позволял. Скоря мне рассказывала.

Я гладила Арона по волосам. А он лежал, положив голову мне на грудь. Слушал как стучит сердце. Оно билось ровно, ведь удалось быстро улизнуть помыться, и заодно наложить нужные плетения. Я продолжила прерванный разговор первая.

— Он для меня многое значил. Лучший друг, свидетель всех детских шалостей, партнер, с которым мы осваивали свою силу. Собирались вместе ехать учиться, но он сбежал. Бросил, ничего никому не сказав. Может, конечно, его дядюшка с тетушкой и знали что-то, но мне говорилось обратное. И вот на ярмарке я его снова встретила. Это стало ударом. А теперь еще и месяц рядом его терпеть.

Хорошо, что Арон не смотрел, лицо бы меня выдало. А вот сердце не подвело, стучало ровно и тихо. Это его успокоило. Он в ответ переплел наши пальцы, хоть и было такое не совсем удобно.

— Я услышал, Ками. Обещаю держать себя в руках. Если между вами ничего такого раньше не было, значит и сейчас беспокоиться мне не стоит. Но я буду следить за ним.

— Не было. — я прикрыла глаза, пытаюсь избавиться от наворачивающихся слез. Главное не заплакать, иначе капнувшая на лицо Арона влага выдаст меня с потрохами. — И следить тоже не стоит. Ему просто стыдно за свое тогдашнее поведение, но поговорить по душам пока ни он, ни я не способны.

— Хорошо. Давай спать.

Объятия не только Арону приносили успокоение. В кольце горячих мужских рук удивительно хорошо спалось и мне.

Глава 24. Турнир или феи ринулись в бой

Сегодня должен состояться большой обед, на котором объявят составы команд. Сначала чаепитие, замаскированное под полное вкушение яств. Но всем понятно, что полноценного рациона на фуршете не видать. Поэтому с завтрака почти каждый адепт утащил с собой дополнительную булочку.

Нужно сказать, что феи, как и прогнозировал Литманиэль, интерес ко мне проявляли. Но как-то к ним серьезно никто не относился, уж очень они были маленькими и яркими — как новогодние игрушки. Крыльев нам увидеть так и не удалось, хоть всем и очень хотелось. Прятали сие достояние, как самое ценное. Зато перезнакомились со всей их командой. Что и не мудрено, так как рука об руку провели 5 дней.

Парней звали — Роуджерод, Декаминар, Нуризмин и Праканар. Но они не эльфы, и полными именами себя называть не обязывали. Поэтому Ройд, Декам, Нур и Прак с нашими парнями общий язык найти сумели, потому что своим происхождением не кичились и вполне хотели обзавестись друзьями.

С девушками вышло посложнее, так как компания у нас была разношерстная и интересы у полутролля, некромантки и аристократки очень разнились. Но так как феечки очень хотели подружиться со мной, а я от наших девочек ни ногой, пришлось нам начинать дружить всем вместе. Чем же так им приглянулась я? Конечно никто не сказал. Но подозреваю, что ростом. Из всех присутствующих только со мной они говорили, не закидывая назад голову. Что было для них чрезвычайно удобно.

А вообще, пытались выспросить все — от имен родителей до вкусовых предпочтений. Очень удивились, узнав, что в дедах у меня Тоскан. Кто распустил по Академии слух я знала, потому что кроме Арона этой чуши никому не говорила. Но тут уж — один услышал, другие подхватили. И теперь все смотрели с опаской, даже Мегера.

Феечки хотели казаться милыми, но я отчаянно чувствовала в них какую-то червоточину. К их парням относилась в этом плане ровно, и негатива они у меня не вызывали. Скажете бред? И будете правы. Но интуиция — такая штука, что раз испытал ее надежность, начинаешь поневоле прислушиваться.

Эльфы же будто притаились. Литманиэль больше не объявлялся и словом, и даже выловить его для расспросов не получалось, а навязываться я хотела меньше всего. Их команду мы имели возможность лицезреть только во время приема пищи, остальной световой день они тщательно скрывались на тренировках.

Сейчас в столовую все тянулись нарядными — девушки в платьях, молодые люди в брюках и рубашках. В воздухе витало волнение, смешанное с нетерпением.

Я же нарядится не удосужилась. Вот еще — не праздник же. Единственное что — тщательнее обычного отгладила ставший любимым комплект формы. Брюки мне шли, особенно после того, как я их ушила. Подчеркивали тонкую талию и округлую попу, да и ноги были длинными и стройными, хоть ростом я и не блистала.

— Мы рады приветствовать здесь адептов нашей Академии, но особенное внимание сейчас приковано к участникам шести команд, по семь человек от каждого учебного заведения.

Ректор начал говорить неожиданно, так, что все растерялись, забыв о занесенных вилках и протянутых руках.

— Команда Академии Эдарон, прошу на сцену.

По ступенькам, начали подниматься наши парни. Я даже засмотрелась. Четверо адептов боевого факультета с пятого курса — высоченные, мощные, с развевающимися алыми плащами за спинами. От стоящей рядом Атель послышался залиvistый свист. И что удивительно, никто не зашикал на неподобающее поведение, наоборот, поддержали. Сначала свист раздавался как-то разрозненно, а потом пошел сплошной волной. Да что скрывать, я тоже свистела, потому что мой Арон был великолепен и ничем не уступал остальным участникам.

Поднявшиеся следом трое адептов имели зеленый, сиреневый и синий плащи.

— С третьего курса, — шепнула мне Скора.

Мне было очень приятно, что девушки, едва я вошла, решили присоединиться. Даже наша нелюдимая аристократка Анжелина держалась неподалеку.

Да, команду Тоскан подобрал славную. Третий курс на обычных факультетах уже выпускной, значит целитель, артефактор и менталист — сильные, вполне сформировавшиеся маги.

Адепты раскланивались, улыбаясь девушкам, шутливо ловили воздушные поцелуи. Но стоило ректору объявить следующую команду, тут же отошли в сторону, уступая места вновь прибывшим из Академии Родара.

Вот у них в команде нашлось место и девушке. Правда лиц пока видно не было, но я заметила, что ей помогают сразу 2 парня, оберегая будто хрупкую вазу.

Как минимум трое — боевики, хоть подклад плащей был не алым, как у нас, а скорее оранжевым, они все равно выделялись. Более сильной аурой, общей мощью тел. Но я следила не за ними. Это была она — та девушка, которую на ярмарке обнимал Лир. Красивая, с темно-русыми длинными волосами, уложенными сейчас волнами. Она была светлой и чистой, и от того становилось больнее. Лучше бы выбрал темную, продажную, при взгляде на которую не хотелось улыбаться. От которой несло грязью и мраком, и поэтому удавалось бы ревновать также черно, не испытывая при этом отторжения.

А к данной леди было грешно питать неприязнь, неправильно. Но вставал другой вопрос — чем он сам заслужил такую девушку? Что сделал в жизни хорошего, раз обрел свое лучистое счастье. Обидно. Значит я не достойна, не хороша для него настолько, раз даже прощанием напоследок не удосужил. Раз вел себя со мной совсем недавно так, словно я теперь доступная женщина. Раз легко причинил боль, тогда как ее обнимает так нежно...

Нужно было отпустить. Выкорчевать из души застарелую боль и ненужную вязкую ревность. Он счастлив с другой, это видно по осторожным прикосновениям к руке, по ласковой улыбке, обращенной к ней. Как трепетно все в самой девушке отзывается на присутствие Лира.

Целительница. От того и душа в ней светла. Не может спасающий жизни не ценить и все вокруг. Я заставила себя отвернуться и что-то сказать Скору. А она, будто поняла меня, крепко взяв за руку. И стало легче. От ледяных щупальцев, подбирающихся к сердцу, от прохладной дымки, окутывающей лицо.

— Спасибо.

Я была действительно благодарна подруге. За то, что помогла и ни о чем не спрашивала. А еще — я знала, что Арон смотрит, наблюдает за мной, выделяя реакцию. Потому улыбнулась. Арону, Лиру, его чудесной светлой девушке, и даже Мегере, что стояла рядом с Тосканом и другими преподавателями немного поодаль. Чтобы видели — мне хорошо. И

пусть вокруг хоть падают с неба звезды, разверзнется под ногами земля. Мне хорошо. Рядом друзья, замечательные профессора, парень, который хочет обо мне заботиться, любимый брат. Вся эта новая жизнь стоит пары месяцев страданий и сердечной боли о неверном друге. Новая жизнь, новая я!

— Ты светишься... — прошептала Атель мне в ухо. — И на тебя все смотрят.

Кто это все — стало понятно, когда я, наконец, подняла глаза. Это были и те, для кого хотела лучезарно улыбаться, и многочисленные адепты, даже ректор, стоящий рядом с эльфами и феями. А уж как смотрели перечисленные последними...

Вот же тролля пятка! Кажется, я сделала сейчас то, о чем предупреждал профессор Тоскан, случайно привлекла всеобщее внимание.

Хотелось скрыться, активировав амулет отвода глаз. Но паника потонула в счастливом взгляде родных голубых глаз. Карл.

Братец подлетел, словно вихрь, схватил в охапку и крепко сжал. А я только и могла, что обнимать в ответ, ведь бороться с ним совершенно бесполезно. Почувствовал, что мне плохо и пришел. Хоть и не хотел присутствовать на этом вечере.

— Что с тобой творится последние дни, Кам? У меня внутри вихрями крутит то от отчаяния, то от радости. А сейчас вообще — словно лава разливается. — брат шептал, чтобы могла слышать только я. Скрывая меня от посторонних глаз своей высокой фигурой.

— Ты вовремя! — сейчас было не время говорить, и он это понимал. И высказался, чтобы я знала о его беспокойстве.

— Я знаю.

— Приветствуем команду Академии Меренго, — голос ректора разорвал тишину. Да, он прав, представление нужно заканчивать.

— Ох тыж, феи меня дери. — это высказалась Скоря, но я бы тоже так сказала, если могла. Но голос будто перехватило.

Какие это были мальчики. Будущие военные, это точно. Выправка, стать, строгие короткие стрижки, золотой загар. Они идеальны!

— Кам, я же все чувствую! Классные ребята, не спорю, но не до отказа же ног!

А вы знаете что такое стыд? Я вот теперь знаю. Потому что по вечному закону подлых ситуаций, все в тот момент, когда Карл говорил вдруг замолчали.

Я вообще-то к красноте не склонна, бывает иногда, конечно, но крайне редко. А вот сейчас прямо чувствовала, как обдает горячей волной неловкости.

Богиня! За что мне достался в побратимы именно этот человек?

Парни из Моренго загоготали, вокруг тоже начали медленно разливаться смешки. А через минуту, уже творилось всеобщее помешательство. Даже Тоскан и ректор нашли время на улыбки и покровительственные кивки головами. Не смеялись только четверо. Трое из которых сейчас буравили меня взглядами. Ну и мне самой было не до веселья.

Моя попа чувствовала взбучку от вон того, неЩетинистого. Щеки полыхали стыдом перед вон тем супер-строгим эльфом. А сердце отплясывало бешенный ритм, натываясь на метающего молнии бывшего друга, хотя рука его легко покоилась на талии целительницы.

И вот тут я поняла, что меня отпустило окончательно. Я приняла текущее положение вещей, поэтому сейчас глубоко вздохнула и тоже начала смеяться. А ведь и правда забавно получилось. Карл молодец, разрядил обстановку мастерски. Жук мой братец, ой какой жук.

— Адептки, держите себя в руках, потому что пришел черед представить последнюю команду нашего королевства. Участники от Академии Ковернмерст.

Ну не знаю, безусловно хороши, как и все маги, но с Моренго не сравнятся. Тут тоже в участниках была одна девушка — худенькая, тонкокостная, светловолосая. Но к какому факультету она принадлежит, неизвестно, так как цвет плащей отличался от наших. Я бы предположила в ней артефактора. Потому что не видела того жизнелюбия, что плескалось в целителях, и расфокусированного взгляда, что отличал менталистов.

— А теперь поприветствуем представителей королевства Менэльтор.

Эльфы, один краше другого степенно вышагивали, поднимаясь на сцену. Теперь удалось рассмотреть их парадные одежды. В отличие от остальных команд, облаченных в стандартную форму своих академий, эльфы как всегда решили выделиться. На них любовались все — и мужчин и женщины. Золотоволосые, со сложно заплетенными волосами, они выбрали голубого цвета костюмы. Строгие брюки и парадный мундир со сверкающими эполетами.

Литманиэль остался внизу, рядом с Тосканом, но я заметила, что одет он был точно также. Красивый, что дух захватывало.

— И наша последняя команда. Королевство Сайнотруд.

Я даже дыхание затаила — и не зря. Они, наконец, выпустили на свободу крылья. И на сцену не шли — летели. Волшебные создания с совершенно потрясающими, переливающимися всеми цветами радуги крыльями, имеющими, однако, разную цветовую основу. Они зачаровывали, манили, обещали какое-то неземное удовольствие от их совершенства.

— Флер выпустили, негодяи, — это проговорила, сама того не ожидая, я сама. Сначала сказала, а потом только сама себя расслышала.

— Да, действительно флер, — поддакнула полутроллиха. — Я же чуть было не кинулась крылья им целовать, ожидая получить от этого действия неземное блаженство.

— Не, Тоскан бы не дал. Смотри, волком на них смотрит.

И мы всей нашей дружной маленькой компанией посмотрели на профессора, который и правда был фейской самодеятельности не рад. Ну им же хуже.

— Завтра у нас жеребьевка и первое состязание, — ректор практически выдохнул последнюю фразу и уже было хотел ретироваться, как решил выступить предводитель фей.

— Уважаемые представители принимающей Академии, наша команда видит несправедливость в составах команд, — тут же раздался возмущенный гул среди наших адептов. — Во всех командах есть представители разных направлений магии, готов поспорить, что даже в Менэльторе таковые нашлись, хоть официального разделения у них и нет. У нас же, в виду особенностей расы, присутствуют только природники. Замена участников в командах других Академий невозможна, мы это понимаем, потому что все добирались издалека, и оперативно прислать нового человека сложно. Но Вы можете заменить одного участника из команды Эдарона, — он сделал паузу. — И мы настаиваем, чтобы это была представительница 1 курса.

Вот тут мы все и поняли, зачем эти манипуляторы напросились на тренировки первого курса. Прощупали почву, поняли уровень. И сейчас даже не предлагали замену, а ставили ультиматум. И им наверняка одобряют эту инициативу, конфликта никто не хочет, но сам факт диверсии возмущал.

— То есть, Вы хотите, чтобы это был не просто участник, а девушка, учащаяся на первом курсе, правильно?

— Все верно, мы даже наберемся смелости выдвинуть кандидатуру — мисс Камелия

Деронвиль.

Я в шоке замерла. Чего-чего они там хотят? Меня???

— Позвольте уточнить, отчего на данную мисс пал Ваш выбор, коллега? — ректор был напряжен, но достаточно собран. Чего нельзя было сказать о Тоскане. Вот он нервничал, при чем не скрывая этого факта.

— Мы присутствовали на тренировках адептов боевого факультета, и можем сказать, что мисс Деронвиль показала хорошие результаты во многих аспектах магии. То есть она не будет тянуть Вашу команду откровенно вниз, но и не будет давать явных преимуществ, ввиду молодости и неопытности. Это справедливо.

Все вокруг начали волноваться, словно море. И все эти волны стягивались ко мне. Ректор молчал, и к нему наклонился Тоскан что-то объясняя, а затем и Литманиэль. Но после минутного выслушивания доводов, он жестом остановил этих словоохотливых мужчин, и проговорил:

— Мы даем свое согласие на замену. Мисс Деронвиль, пройдите пожалуйста на сцену.

Атель пришлось меня буквально выпихивать. Потому что ноги идти отказывались, а мозг раз за разом крутил фразу: «Мне конец». Руки сами собой цеплялись за Карла, и отпустить его я была не в состоянии, так и тянула за собой.

Старалась идти как могла гордо, и голову держать прямо и немного вздернуто. Пусть все видят, что мне не страшно, я сама невозмутимость. И только пальцы, крепко, почти до судорог сжимали тонкие ладони брата. На нас смотрели и оборачивались, едва не тыкая пальцами. Плевать!

Перед выходом на сцену я помедлила, наклонившись к Карлу, делая вид, что ему передаю важную информацию:

— Братишка, постой спокойно, я плетение наложу.

Несколько пасов руками, и Камелия снова в строю. Лишить себя ненужных чувств, это прекрасно. Нет страха и противного мандража конечностей, только чистый, незамутненный интерес к происходящему. Вот феи, вот интриганы низкорослые! Зачем им это? Неужели поняли, что в стихиях я полный ноль, и решили, что в моем лице обретут преимущество?

Поцеловав брата в щеку, поднималась эти несколько ступенек уже приободренная.

Потому что у меня есть Ветерочек, и он не подведет. Поможет в случае чего и с огнем справится, и дождь нагнать. А с землей я и сама вроде бы ничего общаюсь, договоримся.

Хотела пройти вглубь, и встать позади всех, но Арон перехватил, достаточно сильно дернув за руку, и буквально пришила к полу рядом с собой. Вырываться не стала, не желая привлекать еще большее внимание. И так все смотрели именно на нас. Ага, новая информация для сплетен, а то в последнее время мы очень тихо себя ведем.

— Команды, на выход, прошу завтра к 8 утра всем быть на плацу.

Ректор, а за ним и преподаватели направились к выходу. Участники турнира также потянулись в ту сторону. Не гуськом, конечно, но все равно вполне организовано. Меня за руку вел Арон. И было видно, как ему претит все это нечаянно обрушившееся на меня внимание. Но тут я совсем ни при чем, пусть не возмущается.

Однако, на выходе нас подстерегал Тоскан, и показав Арону в сторону лестницы, ушел первым. Я лишь глаза закатила. Нечего здесь обсуждать, я теперь их балласт, пусть тащат.

Мы остановились около пустой лекционной аудитории, и профессор быстро отпер заклинанием дверь. Мне бы так научиться любые замки открывать, а то в детстве вечно попадалась на взломе кладовой.

— Ругать будете? — я набралась храбрости спросить первой. Тянуть в этом деле нельзя, иначе нападут, потом не отобьешься.

— Камелия, не топчись на моих нервах, тебя хоть ругай, хоть хвали, результат один, все равно куда-нибудь влезешь, — а потом серьезно так Арону. — Твоя задача ее беречь. Как дракон яйцо, понял?

Тот лишь кивнул, еще крепче сжимая мою ладонь. И я бы взвыла, если бы не блок на чувствительность, который пока действовал.

— Чувствую, будет от фей подлянка. Ками, я попрошу профессора Ноэль сделать тебе амулет переноса. Он одноразовый, потому что энергии требует прорву. Будет сделан в виду булавки. В случае реальной опасности твоей жизни, перенесет в мое поместье. Там, кроме вложенной энергии, требуется постоянная подпитка от носителя, но у тебя резерв не маленький, справишься.

— Могу я помочь? Вы и так потратились с установкой охранного контура по периметру Академии... — Арон предлагал помощь от чистого сердца, но Тоскан от него отмахнулся.

— Ты не потянешь, там нужен уровень не ниже магистра. Справимся с Ноэль, не маленькие... Все идите. Глаз с нее не спускай!

— Так точно, профессор!

Мы с Ароном шли до общежития молча. И, честно сказать, говорить не хотелось. Случившееся нужно переварить. У меня ни подготовки, ни нужных знаний. Не угодить в лазарет на первом же испытании, будет чудом.

Но когда около входа Арон заметил нервно вышагивавшего эльфа, психанул.

— Что ему нужно? — он говорил намеренно очень громко, чтобы Литманиэль услышал. И тот сразу устремился напрямиком к нам.

— Камелия, лучезарная звезда моих ночей! Я волновался.

Я мысленно взвыла. Вот не мог он выбрать другой оборот речи что ли? Обязательно про ночь? Арон запихнул меня за спину, не давая эльфу подобраться ближе.

— Литманиэль, я полагаю? — то, что он зол, это еще слабо сказано. Голос Арона прямо дрожал от едва сдерживаемого гнева.

— Литманиэль Артонадар Анаррима, к Вашим услугам, сиятельнейший. С кем имею честь?

— Честь я смотрю, Вы не имеете, — Арон представляться не стал, сразу решив перейти к претензиям. Это он зря, потому что я Литманиэля в обиду не дам.

Резво выскочив из-за спины не ожидающего такого подвоха, боевика, я встала как раз между ними и развела в руки стороны, препятствуя дальнейшему сближению.

— Арон, ты все не так понял. Тоскан намеренно тебя провоцировал тогда, пытаюсь добиться взрыва ревности. Литманиэль мой друг. Ничего более нас с ним никогда не связывало. И он также не питает никаких иных чувств, кроме дружеских. Так, ведь, Литманиэль?

— Радость. — эльф изобразил покашливание, чтобы снова не сказать лишнего. — Простите, я вижу, Вы против эльфийских обращений к леди, поэтому немного упрощу свою речь. Камелию я воспринимаю как сестру. Если Вы имеете на нее планы, как на невесту, можете не волноваться.

— Литманиэль, мы не помолвлены. Просто Арон очень переживает, ведь профессор Тоскан нагнал интриги там, где не нужно. Сказал, что Вы меня увезти хотите.

— Камелия, мы можем поговорить наедине? Тема разговора не терпит отлагательств и

лишних ушей.

Я видела, как взвился Арон, и тут же всем корпусом повернулась к нему, положив обе руки на грудь, и чувствуя очень мощное и быстрое биение его сердца.

— Арон, не нужно! Литманиль бы не пришел без важного повода. Позволь нам уйти, — но все это было бесполезно. Он не верил.

— Говорите при мне. Я твой парень, и имею полное право знать.

— Нет! — никогда не думала, что буду отпрашиваться у кого-то, не считая родителей. Но Арон явно перегибал палку, поэтому нужно просто ставить перед фактом. — Никакого права указывать ты не имеешь. Я хотела по-хорошему, но раз нет, то...

Плетение полной парализации слетело с пальцев мгновенно, ведь было недавно закреплено в действии на Лире. И Арон рухнул на землю безвольной куклой.

— Литманиэль, помогите пожалуйста его перетащить в кусты, на время нашего разговора.

Но эльф утруждать себя не стал, вызвав помощника. Его ветер, одним порывом, не особо бережным, кстати, швырнул парня за ближайший куст зелени. А я посмотрела на него укоризненно, но выговаривать не стала. Все-таки и сама не без грешка, заклятиями в беззащитных кидалась.

Мы отошли за корпус, ближе к парковой зоне, и я, не задумываясь, активировала 2 амулета — тишины и отвода глаз.

— Присядем? — эльф указал на поваленное дерево, давно облюбованное адептами в качестве скамейки, поэтому так и не убранный. Я кивнула. Сидя вести беседы гораздо удобнее.

А Литманиэль, немного собравшись с мыслями выдал невероятное:

— Я распознал в тебе родную кровь еще в день нашей первой встречи. А точнее, ночью, в месте вашего сражения с отрядом особого реагирования. Меня туда и привел, собственно, выброс силы с явственно родственной магией.

Я на него смотрела в полнейшем неверии. И начала невольно отодвигаться. У него тоже какие-то планы на мою персону? Поэтому начинается очередной виток несения чуши?

— Я знал, что ты не поверишь сначала, да и признаться в таком сложно. Но это так. Наша семья не чаяла когда-нибудь встретить детей Анэлии. Мы даже не знали, что они у нее были.

— Стоп, стоп, стоп! — я вскочила, и начала метаться по лужайке, как дикий зверь. Внутри скручивалась тугая спираль, которой что-то не давало распрямиться. Но этот комочек рос и все более сгущался, превращаясь в темное нечто.

— Вы говорили, что сестры не было! Когда я писала, что видела во сне девочку! — это был крик. От какой-то раздирающей меня изнутри боли. За девочку из сна, которая так тянулась к несносному брату, за маму, от которой, оказывается, отказались.

Совершенно четко сложились все элементы пазла из мозаики ночных видений. Анэлия, спорящая с братом и кричащая, что отец любит ее больше всех, это и есть та малышка, которая, увидев фей, хотела полететь. И на крыше ее обнимал мужчина, который был действительно очень любящим. Я это видела и чувствовала на себе. Родные объятия, ласковые слова. Как должно быть ревновали отца мальчишки, и от того не могли ладить с маленькой оторвой-сестрой. И последнее видение, отбивающее всякую охоту дослушивать до конца эту историю — девушку отдадут замуж за нелюбимого, глубоко ей отвратительного человека. Моя мама. Которая, наверняка сбежала, лишь бы не стать игрушкой.

Я застыла, с силой сжимая кулаки, пытаюсь справиться с мерзкой паутиной, окутывающей каждый сантиметр кожи.

— Маму звали не Анэлия. И эльфом она не была.

Не желала смотреть на Литманиэля, он не врал мне, я теперь это знала. Но хотела выяснить до конца.

— Ялина. Она, дразнясь, звала меня Литом. Я же коверкал ее имя так.

Да. Все это верно. Ялина Деронвиль, мама, которую я так ни разу и не увидела. Решилась взглянуть на Литманиэля, и тут же поплатилась за свое любопытство. Ведь было легче не знать, как сейчас тяжело сидящему неподвижно эльфу. Он ее до сих пор не отпустил.

Свою маленькую сестренку, с которой в детстве дрался и не мог поделить любовь отца.

Но по которой безумно тосковал и сейчас, по прошествии стольких лет.

Он смотрел на меня, сцепив в замок руки, и облокотившись на колени локтями, будто тяжело было сидеть прямо. А видел сейчас ее. Папа ведь говорил, что мы похожи, а с тех пор, как проснулась магия, я наверняка, стала ее копией. Той Анэлии, с длинными золотыми локонами, тонкой изящной фигуркой, и сумасшедше глубокими глазами цвета морской волны.

— Так почему же вы дали ей уехать? Без магии, денег? В чужое королевство, так далеко от друзей и родных? Почему позволили умереть, подарив мне жизнь? Она ведь могла жить, если бы носила меня в Менэльторе, которое наполнено магией!

Меня трясло. Била крупная, пробирающая до костей дрожь. Хотелось кричать, и схватив за грудки Литманиэля, вытрясти из него всю эту правду, стоившую мамочке жизни. Я физически ощущала переполнение магией, и готова была взорваться от этого.

— Анэлию приговорили к изгнанию. Она убила человека...

Глава 25. Семейные скелеты или тройное дно эльфийской души

Я смотрела на Литманиэля, и не могла взять в толк, о чем он говорит. Анэлия убила человека. Анэлия. Моя мама.

С той самой минуты, когда в голове сложился пазл, произошло наложение образов. Та озорная маленькая девочка, постоянно дразнящаяся — моя мама. А вот теперь нужно как-то отождествить ее и само ужасающее действие. Я никогда не могла даже крылышки букашке ободрать, не то, что прихлопнуть какую-нибудь животинку. Теперь понимала почему. Эльфийская кровь. Та самая благодатная магия, которая текла и во мне. Наизнанку же выворачивает только от мысли об убийстве. И во мне кровь смешанная. А мама была чистокровной эльфийкой. Не могу даже предположить, до какой степени отчаяния нужно прийти, чтобы сотворить такое.

— Не верю! — я сказала на выдохе, громко, с надрывом. Во мне рвались сейчас какие-то нити, связывающие душу и тело. — Не верю!

Я уже не могла удержать свою магию. Она рвалась из таких глубин, о которых я ранее и не подозревала.

— НЕ ВЕРЮ!

Литманиэль видел, что со мной творится, но подходить не решался. Только экранировал все вокруг нас. Он не знал, что делать с моей вышедшей из-под контроля силой.

Зато я поняла, что знаю. Перед глазами стояла картина, когда отец говорил Анэлии о том, что ее судьба отныне решена, и то, что происходило далее.

Я опустилась на колени, как мама когда-то, и с силой, мне ранее недоступной, зарыла руки по локоть в землю. Одним движением. И тут же с кончиков пальцев сорвались потоки магии, сильной, чуждой. Но все это с радостью принимала земля, на глазах превращаясь из скованной, немного морозной, в только что вспаханную,пряно пахнущую. Начала пробиваться зеленая трава, на голых деревьях вновь распускались почки. Экранирование моего дядюшки взорвалось, осыпаясь мелкими осколками, которые тут же исчезали, будто таяли.

А когда я, наконец, почувствовала себя блаженно пустой и легкой и смогла вынуть усталые руки, вокруг уже все цвело. И благоухало так, что сладко першило во рту.

И тут из земли, совсем рядышком, выскочил маленький, похожий на крота зверек, чтобы ласково потереться о мое бедро. То был новый помощник. Мне теперь полностью отвечала и Земля.

Я блаженно растянулась на цветочном ковре. Всегда любила позу звезды. Она универсально подходила траве, снегу, воде и даже кровати. Но понежится мне не дали, нагло ухватив за плечи, чтобы начать интенсивно трясти.

— Кам, сестренка, открой глаза. Я же чуть с ума не сошел, тебя разыскивая — голос Карла срывался на хрип. — Думал живой не увижу больше. Так крутило внутри, будто убивали тебя.

Он обнял, бережно и нежно, а не как обычно, до хруста в костях.

— Почувствовал? — сипло проговорила я.

— Спрашиваешь! Будто вместе с тобой прожил.

Я нежилась в его объятиях, и даже глаза открывать не хотела. Было хорошо. Теперь во

мне все было правильно. Два помощника, и только моя магия. Все чужеродное вышло.

— Камелия, а он тебе кто? — глаза открывать, конечно не хотелось, но все же пришлось. Литманиэль ждал ответов, хотя самого его еще пытаться и пытаться.

— Мой брат. — и тут я подумала, что он может неправильно все понять, и добавила — То есть побратим.

— Понятно. Карл, давай я помогу ее понести.

Брат спорить не стал, и передал мое безвольное тело эльфу. Ну надо же, Литманиэль видел Карла один раз, тогда на допросе, и запомнил. Ведь сейчас сразу назвал по имени. Феноменальная память. Хотя может дело в том, что ему было это все интересно. Ведь тогда он уже знал, что я его племянница, поэтому очень внимательно отнесся к происходящему в кабинете лорда Стешского.

Литманиэль укутал меня в свой красивый парадный мундир, да так и держал на руках.

— Раз Карл твой побратим, я буду говорить при нем. Потому что он теперь и мой родственник. — братишка хмыкнул, но промолчал, ни о чем не спрашивая. Но чувствую, ждет меня потом допрос с пристрастием. — Никому обо мне ни слова. Если кто-то узнает о нашем родстве, представить боюсь последствия. В свое время было приложено невероятное количество усилий, чтобы замять дело Анэлии. Ее официально объявили погибшей, по факту просто выдворив из королевства без права вернуться и видаться с родными.

Он обнял меня крепче, чувствуя, как я напряглась. И Литманиэль бы еще много чего рассказал, я это знала, но нас прервали. Едва завидев Тоскана, на пару с ректором, я тут же вскочила с колен эльфа. Еще не хватало ненужных слухов. Но вот мундир снять не успела, они явно его заметили. Далее суется смысла не видела.

— Был сильный магический выброс... — Тоскан замолчал, оглядываясь. — Да уж, тут отродясь такого не было. — он развел вокруг руками, видимо ожидая, что мы тоже впечатлимся. И главное на меня смотрит, будто бы только я на такое и способна. Хоть даже и способна, то что? Обязательно так глазами буравить?

Я молчала. Еще не хватало свою эльфийскую суть раскрыть ненароком. Я Литманиэлю в данном вопросе доверяла, и рассказывать что-либо про нас не планировала. А вот в истории с убийством точно что-то не чисто. И как бы мне не хотелось обо всем расспросить дядю, сейчас точно не время.

— Прошу меня простить. Это я виноват. — Литманиэль встал, теперь старательно загораживая меня от верхушки ректората нашего учебного заведения. — Показывал Камелии принципы управления землей, но силу не рассчитал.

— То есть это Вы натворили? — ректор как-то свободнее задышал даже от такой новости. А что, все правильно, искать больше никого не нужно, наказывать тем более. Министру дружественного королевства можно и не такое простить. — А что, даже красиво.

Ведь засыхал парк-то наш, а теперь от влюбленных парочек забор ставить придется.

— Ректор Картелли, ну раз все выяснилось, давайте выразим министру Литманиэлю Артонадар Анаррима нашу благодарность, и будем расходиться по комнатам. Завтра важный день, всем нужно отдохнуть.

Я хмыкнула. Вот это они вывернули. То есть, если бы такое вытворил адепт, его бы отправили на усиленные курсы по медитации, да еще и отработку впаяли. А раз эльф, то даже благодарность выражать нужно, за облагораживание парковой территории. Двойные стандарты, однако.

Но ректор удивил, одной фразой заставив себя зауважать.

— Конечно, конечно. Литманиэль, друг мой, не чаял от Вас такого благородного поступка, как помощь участнику команды-соперника. Мисс Деронвиль будет, конечно сложно, но все мы окажем ей поддержку, и то, что ее ситуация вызывает отклик в сердцах, безусловно говорит в пользу данной адептки.

В сердце приятно заныло. Литманиэля благодарили вовсе не за цветущую растительность, а за то, что решил помочь. Мне. Вот казалось бы, ну пришлось поставить неопытного первокурсника, да и ладно. Ну сломает себе девчонка руку на первом же испытании, в лазарет, и проблема решена, ведь в команде же еще шесть вполне себе квалифицированных магов остается. А нет, переживают с Тосканом, пытаются как-то меня поддержать.

Вот даже сейчас, ректор Картелли уходил, постоянно оглядываясь, будто пытался до последнего держать ситуацию под контролем. Но как только его спина скрылась из виду, Тоскан совсем лицом потемнел.

— Деронвиль...

Я даже в сторону отскочила, и начала от переизбытка чувств в Литманиэля пальцами тыкать:

— Это все он. Давай, говорит, звезда души моей, я тебе покажу, как земля откликаться может. Если не эльфы, говорит, то никто больше тебя этому не научит. — я пыталась подражать голосу Литманиэля, но видно выходило не очень, потому что Карл уже едва держался, чтобы прилюдно не засмеяться, да и мой новоприобретенный дядя растягивал губы в улыбке. — Ну мы все как надо — отвод глаз активировали, купол тишины поставили, Литманиэль даже экранированием не побрезговал. Но видно эта земелька истосковалась по силе магической, вот и потянула не в себя. А потом экран даже взорвался.

Как же хорошо, что у Тоскана при себе артефакта истины нет!

— Я тебе еще представление команд и наглое вторжение в турнир не простил, а тут это! — Тоскан устало провел рукой по лицу, будто хотел стереть все события сегодняшнего дня из памяти.

— Ну Вы ведь не поверите, если я скажу, что тут ни при чем? — рядом с дядей было тепло, и уходить от него не хотелось, но было нужно. Сил я сегодня потратила не мало, необходимо дать организму отдохнуть.

— Да верю я, что ты ни при чем. Но отчего-то все вокруг очень хотят тебя сделать причастной.

Я лишь руками развела. Мол, извиняйте, господа хорошие, мы вообще не местные.

— Все! Литманиэль — с свой домик, Карл — в город, Камелия в общежитие. — и заметив одновременно направившихся ко мне эльфа и брата, Тоскан проговорил — Я сам ее провожу. До двери комнаты. Свободны.

И главное, оба подчинились, лишь согласно кивнув. Как он лихо с министром-то. Г оржусь своим деканом!

Уже в комнате, заглянув в маленькое зеркало, ахнула. Почему никто не сказал, что я снова рыжая? Да какая там рыжая, оранжевая! Как тот фрукт, который мне Лир покупал однажды на ярмарке...

Я вздрогнула, боясь нового приступа от нахлынувшего воспоминания. Но сейчас, пусть и прилагая усилия, удалось не заныривать в прошлое. И это было огромным шагом. Моим шагом в будущее без боли по неверному другу.

Шкатулка признаков жизни не подавала, хотя я отчего-то думала, что теперь, когда

правда выплыла наружу, она что-то мне приготовит. Этот вредный артефакт скорее всего ранее принадлежал маме. Все сходилось — дневний род, сильная магия. И то, что открылась она мне именно в совершеннолетие, тоже стало понятно. Полная инициализация, раскрытие потоков, совершенство. Именно это слово было мной с таким трудом расшифровано.

Но шкатулка молчала, и мне показалось, что даже немного притухла. Будто бы хотела стать незаметнее, но полностью прятаться от хозяйки не хотела. Хоть и могла, я знаю.

— Не буду я тебя трогать, можешь расслабиться, — пробормотала я старинному родовому артефакту. — А Литманиэль о тебе знает?

Я спросила, не надеясь на ответ, но она мигнула, давая понять, что да, знает.

— То есть можно о тебе у него расспросить? — я отчего-то до сих пор не хотела никому открывать свое владение данной вещью. Прямо до отчаяния. И эти чувства были словно не моими, а какими-то наведенными. Поэтому и спросила, ведь таким внушением могла заниматься именно шкатулка. Ранее я не замечала за собой склонности к утайке сокровищ, подобно дракону.

Она замигала огненно-красным.

— Ага, то есть нет. Так я в общем-то и думала. Ты что, только девушкам открываешься? — вопрос задала по какому-то наитию. Уж очень она была утонченная, до безобразия женственная.

Ответное золотое сияние было красноречивым. Прямо крик души.

— Понятно. Ну тогда отдыхай. Я тоже буду, потому что, после выброса, как выжатая.

Я вырывалась, как могла. Но крепкие, ухоженные руки сжимали плечи до боли. Было противно. От каждого его слова и прикосновения.

— Ну зачем ты противишься, солнце? Через неделю все равно моей станешь, так какая разница, когда начинать?

Молодой, очень красивый мужчина, стал склоняться к лицу, в попытке поцеловать. И я еле сдерживалась, чтобы не призвать силу или помощника. Потому что это мой жених, и ему я действительно скоро буду принадлежать.

— Неделя, мой лорд. Прошу дать мне ее, по... — но слова потонули в тяжелом поцелуе. Который не вызывал ничего, кроме отвращения.

Но зато, добившись, чего хотел, он отпустил. И эта свобода, словно дала мне крылья. Я не бежала до дома, летела. Призвав, наконец, Минутку. Мой помощник был только рад такому порыву. Ему вообще моего разрешения не требовалось, чтобы начать шалить.

Он и имя такое получил, потому что за минуту мог очень много чего натворить. Например, закинуть меня на самую высокую башню, чтобы сразу с нее и сорвать.

Окружающие думали, что это мои начинания, попытки выразить недовольство, показать несносный характер. Ведь помощник обычно полностью подчинялся хозяину. Но Минутка как-то сразу вырвался из этих граней, и теперь был мне другом, а не подчиненным. Со своим характером и мнением. Он меня чувствовал, и знал, что я люблю летать, поэтому устраивал такие увеселения.

Но сейчас я была не в том настроении, чтобы шутить. Отец на всю неделю уехал ко двору, мама была занята подготовкой к свадьбе, и так нервничала, что на любой вопрос взрывалась раздражением. Поэтому я летела домой, к брату.

Лит стоял возле окна, и явно видел, что творил со мной жених. И по его застывшим мышцам я понимала, как он нервничал.

— Литманиэль... — я кинулась, и прижалась к нему со спины. Сцепив руки на его

талии в замок. Захочет — не отдерет. Но брат удивил — не стал противиться моему порыву, как это обычно бывало, лишь накрыл мои руки своими.

— Надо же, даже имя мое полное вспомнила... — он говорил это без обычного своего укора, без даже легкой толики задора. Как-то обреченно. Будто ему сейчас даже хотелось, чтобы я звала его не полным именем, а как обычно, Литом. Нарушая все правила, подбираясь к нему максимально близко. Ведь это было только наше с ним тайное обращение, наше любимое противостояние: Лит-Ялина.

— Он хорош собой, знатен, приближен к императору. И то, что не эльф, в нашей ситуации даже лучше. Если станет известно о твоём изъяне, ему предъявить будет нечего. Ведь закон о чистоте магии в смешанном браке, одобренном императором, не действует. Тебя не будут проверять.

— Он мне неприятен, Лит. — я старалась не сорваться в слезы. — Он груб, и, насильно заставляет меня. Ты же видел! Я не хотела поцелуя.

— Ты красивая, молодая, задорная. — слова довались брату с трудом, но он все же заставлял себя говорить. — Мужчине, уже осознавшему, что ты принадлежишь ему, сложно не хотеть заполучить хотя бы поцелуй. Его такое поведение не красит, конечно, но это естественно.

Я слушала его — такого родного, любимого, но сейчас стоящего на чужой стороне. Он пытался оправдать гадкие поступки мужчины по отношению к собственной сестре. Хотя в приоритете должна быть я. Априори. У нас одна кровь, одна магия. Семейные узы эльфов всегда невероятно тесны. Мы воспринимаем таких близких родных, как свою часть. Братья и сестры, родители, дети. Вот наш узкий круг. Те, за которых готовы отдать даже свою жизнь.

И как бы мы с Литманиэлем друг друга не третировали, как бы не дрались и ругались, в сложной ситуации надежнее и ближе не найти.

Но сейчас, когда так плохо, брат не со мной. И от того крутит внутри ненавистный вихрь. Он поднимает чужую магию, полностью блокируя все эльфийское во мне. Я в таком состоянии даже помощника призвать не смогу.

И Литманиэль это чувствует, поэтому отстраняется сам, пытаясь теперь воззвать к только ему ведомой правде.

— Мы пытались, Анэлия. Ты же знаешь, что к императору ездил и отец, и я. Приводили аргументы, говорили, что он тебе не нравится. Но Дарель что-то пообещал, и видимо весьма ценное. Потому что император и слушать ничего не желает.

— Помоги мне сбежать, Лит. Чтобы отец не знал ничего. Он же не позволит. Он министр, его за причастность по головке не погладят. Но ты же пока не состоишь при дворе. Присягу не принимал, а значит и проверить тебя на верность не смогут. — я схватила его за руки, стиснув как могла сильно. — Лорд Дарель погубит меня! Он жесток, я вижу червоточину в его душе. Ты же тоже это чувствуешь. Помоги!

Но полные сочувствия глаза, брат прикрыл длинными ресницами. Мы делили боль на двоих, он знал сейчас, как мне невыносимо и мучительно, но помочь бежать категорически отказывался.

Я проснулась среди ночи в слезах. Плакала впервые за много месяцев. И была этому несказанно рада. Потому что вынести то, что сейчас видела и чувствовала, без срыва невозможно. А слезы дают хоть какой-то выход эмоциям.

Они не хотели ее слышать. Самые родные. Не могли помочь. Любили, жалели, но все-таки отдали ненавистному мужчине. Ее семья... Моя семья.

И теперь я понимала, что Дарель ее просто сломал. Опротивел настолько, что Анэлия его... убила. Тонкая, хрупкая эльфийка смогла переступить через свое я, чтобы больше не быть с ним рядом.

Я вчера на себе прочувствовала эту чужую магию внутри. Она текла и во мне, выжигая кровь, переворачивая суть. Неконтролируемая сила, прорывающая все блоки, ломающая самые сильные преграды. И такая сила, вырвавшись, могла многое.

Эти сны, где я ощущала себя частью своей семьи, была Анэлией, непросты. Они дают четкое понимание ситуации, помогают понять причины поступков всех членов семьи, и выдаются крайне дозированно. Только тогда, когда это нужно. Кто-то медленно подталкивает меня к какому-то важному шагу, решению.

И сегодняшний сон был хоть и тяжелым, но далеко не последним. И я понимала, что следующий принесет гораздо большую боль.

Мне нужен был Литманиэль. Чтобы помог понять, как пользоваться эльфийской магией. Она отличается от привычных постулатов и догм, которые в меня вбиваются уже несколько месяцев. Поэтому дядя еще на допросе пытался добиться перевода в Менэльтор, ведь понимал, что в человеческом королевстве многое преподается по-другому.

Только вот во мне причудливым образом магия перемешалась, видимо сказалось родство с людьми. И кроме эльфийской, стихийной с их помощниками и благостностью, и чуждой, непонятного действия, перешедшей от мамы, во мне также имелась внутренняя, характерная для магов человеческой крови.

Мне только предстояло во всем начинать разбираться, постигая собственные силы и возможности. Но то, что теперь понимаю, откуда это взялось, обнадеживало.

Магия, которую эльфы называли изъяном, откровенно пугала. Определенно природного свойства, потому что вызывала усиленный рост растений и цветение, но одновременно с тем, крайне агрессивная и мощная. Она блокировала основную силу, накатывая неожиданно и остро, полностью перекрывая возможности контроля. Будто была важна только она, а не скромный человечиска, в котором даже невозможно развернуться. Ей было тяжело томиться в рамках тела, и только на воле получалось становиться собой.

В маме эта магия проявлялась с раннего детства, во мне — лишь вчера. И не понятно, что лучше. Жить с этой ношей, постепенно привыкая и осознавая ее тяжесть, или вот так — одним рывком, который может навсегда перевернуть судьбу. Ведь не видь я во сне, как мама вливала избыток силы в землю, сегодня натворила бы бед. Раз экранирование для нее — пшик, а не преграда. А ведь заслон ставил не какой-то там адептик, а сильный эльф.

Мне сейчас как никогда хотелось увидеть отца, прижаться к его могучей груди, и выговорить все, что так давно наболело. Постоянно занятая, погрязшая в учебе, разгадке языка на шкатулке и отношениях с Ароном, я совсем не замечала, что скучаю. По папе, Эрре, дому.

И становилась, наконец, понятна эта четкая разделенность во мне на своих и чужих. Не потому что я черствая и не способна чувствовать, просто эльфийская кровь проявляет себя четким ограничением круга родных. Какая-то тройственная система отбора.

Я же сразу почувствовала тягу к Литманиэлю, с первой минуты знакомства. Как и всегда гораздо больше любила папу, несмотря на то, что мачеха растила меня как родную. То проявляется родство — кровное, безусловное. И я знала наверняка, что, если удастся познакомиться с отцом Литманиэля и его братом, мы примем друг друга безоговорочно. Я уже их любила, ни разу даже не увидев.

Расположение к Карлу и профессору Тоскану. Достаточно было взгляда, чтобы магия, бушующая внутри нас, зацепилась за тонкие щупальца — каналы. При чем в брате сила спала, не отменяя, однако, своего существования. То проявление родства магии, редкое, но очень важное. Она притянула нас друг к другу, и мы этот дар не оттолкнули. Приняли ответственность за судьбу, казалось бы, чужих людей. Тут не нужно было даже ритуала, он лишь более усиливал уже существующую связь. Раз проникшись, нас расцепить теперь невозможно.

И самое сложное и мной до сих пор не постижимое — родство душ. Я ведь сколько себя помню, воспринимала Лира, как нечто, со мной неразделимое. Он часть меня. Половина, четверть, треть... Не знаю, и разбираться уже не стану. И когда эту часть из моей души вырвали, насильно, с кровью, было ужасно больно. И уже ничего не вернуть, не поставить на место. Дыра так и останется там, внутри, так и будет болеть. Лишь интенсивность со временем меняется, немного стихая. И теперь не режет или жжет, как вначале, а лишь немного тянет.

Но жить вот так, без куска собственной души все-таки можно. Хоть и не совсем полноценно...

Глава 26. О намеках и намерениях

Ранний подъем, конечно, никого не красит. Но вот чтобы так.

Пугало. Натуральное, в полный рост. И вот у этого нечто в отражении зеркала половина крови — эльфийская. Скажи мне кто-то о такой вероятности месяц назад, ни в жизнь не поверила. Где я, и где эти сумасшедше-прекрасные существа.

Я еще раз скептически себя оглядела. Глаза, конечно, красивые. Большие, глубокие, синеголубые, как море, но вот с этими мешками на половину лица вообще не сочетаются. Про оранжевую копну на голове, больше похожую на гнездо громадной птицы, лучше промолчать.

— И как себя за пять минут привести в нормальный вид, а? Я же пока до душевой дойду, половину общежития напугаю до смерти. Да и Арон, наверняка сейчас заявится.

Я разговаривала сама с собой, и вовсе не ждала ниоткуда ответа. От того загадочный писк и яркий луч света с полки восприняла соответствующе, как и учил Тоскан — удобная стойка, выставленный щит и боевой пульсар. Потому что мало ли кому пришло в голову заявится в мою комнату.

Но мне отчаянно сигнализировала всего лишь вредная шкатулка. Ну надо же, вчера значит блекло пряталась, а сегодня вон какая активная.

— И чего тебе? Злорадствуешь, наверное.

Но артефакт в ответ на такое возмущенно загорелся красным. А потом резко притих.

— Ну ладно, шкатулочка. Я не хотела обидеть, просто что делать с красотой такой понятия не имею, а уже выходить скоро.

Я решила подойти мириться, и осторожно погладила резную лаковую крышечку. Какая же все-таки она приятная на ощупь, гладила бы и гладила.

В ответ на ласку, шкатулка открылась, раззявив беззубую пасть. Из недр полился золотой туман, вызывая совершенно ненужное сейчас любопытство. А я из тех, кто, завидев что-то интересное, уже обратно не повернут, и эта вредина, наверняка, про меня нечто такое знала.

Но ничего сверхъестественного внутри не оказалось. Лишь знакомый мне по предыдущей шутке воздушный порошок. Невероятный, искрящийся, так и просящий до него дотронуться. Но я помню, что было в день моего рождения.

— И что, он опять исчезнет? Не трать мое время. Если хочется поиздеваться, хотя бы отложи это до вечера.

Надувшись, я уже собиралась отступать, как шкатулка будто чихнула, и все ее содержимое полетело в меня. И отскочить уже никак не выходило.

Думала, нужно будет теперь отряхиваться полчаса, но пыльца быстро впиталась, будто ее и не было. Как это понимать, вообще понятия не имею. Артефакт совсем распоясался.

Схватив полотенце, я быстро выскочила из комнаты, и стремглав понеслась в душевые. Нужно хотя бы попытаться привести себя в приличный вид.

Душ включила холодный, желая уменьшить отек и синяки под глазами. Все-таки такие выбросы для здоровья мага вообще не полезны. Это я еще молода, и сила проснулась совсем недавно, поэтому восстанавливается резерв очень быстро. А вот кто-то пожилой на моем месте, мог бы вообще выгореть.

Проходя мимо зеркала, посмотрела в отражение с надеждой. И увиденное второй раз за

утро повергло с шок. Только теперь чрезмерно положительный. Я бы даже сказала, восхищенный. Ведь внешность снова была прежней — золотые волосы, отдохнувшее свежее лицо. Не в пример недавнему пугалу.

Я к себе такой уже привыкла. Сильно упитанной никогда не была, поэтому еще большая худоба и некоторая изящность тела быстро стала нормой. Пришлось, конечно, потрудиться над одеждой, ведь в талии и плечах старые наряды откровенно висели. А вот волосы свои я никогда не любила. И такие — спускающиеся почти до талии, особенно. Но такой я и должна быть, теперь это понятно, ведь эльфы отличаются тонким сложением, а длинные волосы считают достоинством. После вчерашних откровений Литманиэля в принципе многое встало на свои места.

Как, например, то, что мне не место на боевом факультете. Я никогда не смогу работать с мертвыми, и некромантию точно не вытяну. И если сейчас Тоскан еще сможет меня прикрыть, то на старших курсах, при очередной вылазке или нападении умертвий, меня просто съедят. Ведь перехватить потоки управления нежитью просто не смогу из-за присутствия в крови эльфийской магии. Как, в прочем, и бить боевым заклинанием по живой мишени. Все во мне против такого встанет на дыбы. Я это знала, и понимала, что даже годы спустя ничего не изменится.

С врагами я конечно могу сражаться, призвав помощников — сбить их порывом ветра, расколоть землю под ногами. Или парализовав плетением. Но это такие крохи, и в реальном бою скорее помешают.

А еще, мне нужно стать как можно более незаметной и тихой. Чтобы не привлекать лишнего внимания, не раскрыть своего нежданного родства с сильнейшим родом королевства Менэльтор. Не об этом ли все время твердит любимый декан. И не потому ли, что о чем-то догадывается? Ведь с первой минуты знакомства, взял надо мной негласное шефство, как в прочем, и слишком фамильярно все время общался с Литманиэлем.

Богиня помощи! Как же я раньше этого не замечала? С чего бы Литманиэлю с его делегацией так стремиться посмотреть место проведения турнира. Не все ли им равно, где показывать свои способности и умения. И с чего потом дядюшке уединяться в кабинете Тоскана, и тем более обсуждать персону маленькой первокурсницы? Забота Литманиэля понятна, как и желание побольше узнать обо мне. Но действовать вот так, откровенно и нагло, абсолютно не в стиле эльфов, тем более такого высокого ранга.

Чем там меня запугивал Тоскан, когда мы шли в ночь знакомства к Академии? Незаконным изготовлением артефактов, и что ищейки Стешского будут все это отслеживать. Чем не повод заставить меня сидеть тихо, и запретить выходить из

Академии? А вот Ноэль он приводил немного другие аргументы — меня заметил ее сын, и заберет, чтобы навсегда запереть в застенках своего отдела.

И тут закономерный вопрос — а зачем этому самому лорду необученный, зеленый артефактор? Когда пруд пруди чудесных специалистов в этой области, готовых за мелочь трудиться на корону? Не проще ли оставить потенциального гения завершать обучение?

Я медленно сползла по холодной стене на пол, чтобы сжаться там в комок. Стешский тут ни при чем. Ему только и нужно было сплавить с глаз незадачливых малолетних преступников, чтобы под ногами не мешались. Что он и сделал, поспособствовав поступлению в Академию.

Какую же игру за спинами у всех ведет профессор? Или все-таки он состоит в сговоре с моей новой родней?

— Ками, ты чего? — взволнованный голос Арона застал меня врасплох.

Я даже принять приличествующую случаю позу не успела. Он просто схватил скрюченную меня в охапку, и сильно прижал к себе.

— Тебе плохо? — он губами провел по лбу, видимо проверяя на температуру. — Как знал, что нужно прийти к тебе вечером, но Тоскан запретил, сказал, чтобы никто не тревожил.

Я же еще злой был, как тролль, после твоей выходки.

Ох ты ж, грязные тролльи пятки! Я про Арона вчера забыла... Видимо от этих мыслей что-то промычала, потому что парень стиснул сильнее. Но извиниться все-таки стоило:

— Прости пожалуйста... Вчера после разговора с Литманиэлем такое началось, что все из головы вылетело.

— Да забудь, я отошел уже. — он лучезарно улыбнулся, что даже глаза заслепило. И начало складываться впечатление, что это все игра. А на самом деле Арон до сих пор зол как голодный вампир. И аукнется мне то плетение, ой как аукнется. — Тоскану спасибо скажи. Он из общежития шел, как тебя проводил, на меня наткнулся. А вот если бы я там чуть подольше полежал, ты бы одним поцелуем не отделалась!

— Каким еще по.

Слово потонуло в сокрушительном напоре губ. И, если бы в обычной жизни я его оттолкнула, то теперь, чувствуя за собой вину, пришлось подчиниться. Он ведь специально это делает, манипулятор.

Но стоило отметить, что и тут Тоскан отметился. Да сколько можно то? Как паук, окутавший всех участников истории тонкими нитями. Это он еще про Лира не знает. А то бы уже и его оплел.

Я прижалась к Арону сильнее, вызывая сдавленный вздох и последнее легкое прикосновение к моим губам. Он уже не давил, просто хотел закрепить результат.

— Ты хоть в порядке? Декан рассказал, что вы с эльфом тренировались, и случился выброс. Только вот отчего-то силу тратил Литманиэль, а скрюченная в душе сидишь ты.

— Я в порядке, просто не отдохнула совсем, всю ночь думала о турнире.

— Не переживай. Мы с ребятами за тобой присмотрим.

Арон уже нес меня по ступеням, направляясь в комнату, когда я почувствовала толчок. И мы бы с ним наверняка полетели вниз, и переломали себе кости, потому что сгруппироваться, или сформировать щит просто не успевали. Но толкавший ошибся, ведь меня на руках держал не обычный парень, а лучший адепт боевого факультета, обладающий прекрасной физической формой и концентрацией.

Арон лишь немного пошатнулся, переступив на ступень вниз, и сильнее прижал к себе, сразу оборачиваясь. И я не знаю, как он это провернул, но злоумышленник был сцапан за плащ. Не ожидающий такого поворота парень, с размаха полетел на пол.

Я дернула Арона за рукав, давая понять, что хочу спуститься, но он продолжал поддерживать одной рукой, даже когда мои ноги коснулись пола.

— Слышь, парень, ты же понимаешь, что это не вежливо, толкать людей. Тем более на лестнице! — Арон был не просто напряжён, тело словно превратилось в камень. Я это чувствовала, потому что все еще была к нему прижата. А уж как он смотрел на медленно поднимающегося парня, сложно передать словами. В глазах горела ярость и ненависть. Даже я его такого сейчас боялась.

— Слышь, парень! — нагло передразнил адепт Академии Родара. Я не помнила

участников команд-соперников в лицо, но зато оранжевый подклад плаща говорил сам за себя. — Ты же понимаешь, что целоваться на глазах у всего общежития не вежливо. Тем более с леди!

Я не знаю, как он, видя меня второй раз в жизни, понял, что я не служанка из какой-нибудь таверны, а принадлежу к знати, но факт оставался фактом. И в чем-то этот человек прав. Узнай о таком поведении мои родители, давно бы забрали отсюда от греха подальше, и замуж за Рика скоренько выдали. Потому что подобный позор не смыть.

И скажи он тоже самое просто словами, я бы лишь пристыженно опустила глаза и утянула подальше Арона. Но было совершено коварное действие. Нас ведь намеренно толкнули в опасном месте, когда Арон был максимально отвлечен. И цель преследовалась отнюдь не благородного толка.

— Ну так закрыли бы глаза, милейший. Раз Вашему аристократическому сознанию подобное претит. — я решила подать голос не просто так, а чтобы уберечь сейчас всех участников этого конфликта от рукоприкладства. Парень ясно дал понять, что благородных кровей, а значит с женщиной априори говорить будет вежливо. — А Вы лишь подтвердили подлость намерений всей вашей команды, раз решились на вывод из строя сразу двух участников из команды Эдарон.

— О-о-о-о — нагло протянул этот смертник. — Жар-птичка подала голос. — он плотоядно ухмыльнулся и потянул носом воздух, наклонившись чуть ближе — Ну так и меня поцелуй, крошка, тогда закрытие глаз гарантирую.

Может он бы еще что-то такое выдал, но Арон с диким рыком кинулся в бой. Сцепленные в схватке тела, сильные, рубящие движения рук. Я на такое спокойно смотреть не могла, поэтому отвернулась, чтобы упереться в широкую грудь, обтянутую черной тканью.

Хотела была извиниться, но на плечи легли тяжелые руки — удерживая, и как будто лаская. Мозг пронзила мгновенная вспышка узнавания и понимания — акция «выведи противника из строя» была спланирована тщательнее, чем я думала.

— Это все подло и мерзко! — я начала вырываться, даже не поднимая на Лира глаз. — На что вы вообще рассчитываете, тролли вас дери?

Он не отпускал как, впрочем, и не усиливал хватки.

— Он перешел границы, Камелия, и должен за это ответить. — мой бывший друг говорил вполне серьезно, будто и сам верил в правильность своего вероломства.

— Какие границы, Лириан? — да, у нас так с детства принято, если он ко мне приходит с полным именем, на свое же полное и нарывается. А не любил Лир его страшно. Даже сейчас, не глядя на него, я знала, как сморщился аристократический нос с небольшой горбинкой и были поджаты губы. — Вы напали на нас, спровоцировав драку. Что начнется на соревнованиях, я представить боюсь! Мне уже сейчас к боли готовится?

Руки на плечах дрогнули, но не разжались.

— Я страховал внизу лестницы! — рык, от которого по коже пробежали мириады мурашек.

— Тебе ничего не грозило, в отличие от него.

Я хотела было спросить, зачем же тогда такое представление, как каким-то неуловимым образом оказалась у Лира за спиной.

— Руки убери от моей девушки!

О, Арон подтянулся. Я осторожно выглянула из-под локтя Лира, чтобы понять — всем

конец. Арон буквально растекался от едва сдерживаемой силы, а около его ног лежал поверженный противник. Магией бить он бы не стал, за такое и исключить могут, если кто-то нажалуется. Значит вырубил грубой физической силой.

Лир картинно поднял руки, вертя в разные стороны кистями, давая понять, что меня никто и не держит. Но как только я сделала шаг в сторону, сцапал за локоть, вновь притягивая.

— Это ты про эту девушку говоришь? И кто же она тебе? Невеста? Или может быть жена?

— Лир чеканил слова, кидая их зло и отрывисто.

— Не твое дело! — Арон в своей агрессии ничуть не уступал, а может и превосходил моего бывшего друга.

Они готовы были схлестнуться не только на словах, когда я резко вырвавшись, встала между разъяренными парнями.

— Арон, стой. — меня, конечно, никто не слушал, продолжая рваться в бой, но и я не нежный цветочек.

Позвала Ветерок, который вихрем влетел в распахнутое окно и окружил теплым коконом. Давая понять, что обо мне в случае чего позаботятся. Но сейчас нужна была не забота, а возможность сдержать желающих подраться.

Мысленно дала указания поставить воздушные стены. И когда это чудо обозначилось, взметнув и без того взъерошенные волосы парней, они резко успокоились, с интересом тыкая пальцами в прозрачные заслоны. Я даже глаза закатила от такого единодушия двух совершенно разных мужчин.

— Итак, слушаем меня, иначе не выпущу.

Я встала ровно посередине и так, чтобы оба одинаково хорошо меня видели. И даже руки под грудь скрестила для пущего эффекта. Добившись, однако несколько иного эффекта. Оба, не сговариваясь, уставились на эту самую грудь. А-а-а-а-а! Это издевательство какое-то!

— Так, сначала Лириан. — я с удовольствием наблюдала, как его перекосило. — Какое право ты имеешь требовать ответа у Арона, касательно наших отношений? Даже если он мне не жених, и тем более не муж. Даже если он просто мой любовник, какое тебе теперь до этого дело?

Ему было больно. Как тогда, в парке, когда я не смогла ответить на его поцелуи. Он должен был принять новую правду наших отношений, но отчего-то так этого и не сделал. И его боль отзывалась во мне также, как это было всегда. Внутри противно тянуло. Но я не собиралась останавливаться на половине пути. Нужно было оборвать. Разрубить. Отрезать все пути к возврату назад.

— Ты что вообще несешь такое, а? — Лир попытался прорваться сквозь тонкую воздушную стену, но Ветерок свое дело знал, и даже не дрогнул. Но я-то могла здраво оценивать возможности совсем еще молодого помощника, и понимала, что если Лир пустит в ход магию, а не кулаки, преграда рухнет в тот же миг. — Мало тебе сцены при нашем заселении? Да о полуголой девице, провожающей утром любовника, уже все команды судачат, желая узнать номер ее комнаты. А вдруг и им что-то обломится. Я не успеваю рты всем разговорчивым затыкать! — он еще раз ударил кулаком по невидимой стене. — А теперь еще и это! Целоваться у всех на виду, по-твоему нормально? А может быть рассказать обо всем увиденном Маркусу?

Я было ринулась к Лиру, но тут же остановила себя. Намеренно же выводит на эмоции, чтобы я приблизилась, и он смог дотянуться и схватить.

— Ну и что тут такого, дорогой мой бывший друг? Сколько угодно думай, что я аморальна. Мне плевать. На тебя, мнение общества. Осудят здесь, уеду. Хоть в очередную глушь, хоть к эльфам.

На последнем слове заметно дернулся уже Арон. Лир просто был немного не в курсе моих предполагаемых любовных отношений с Литманиэлем. Вот будет еще что-нибудь такое говорить, обязательно вверну, может тогда он отстанет от настолько падшей женщины.

— Ками, послушай себя! Когда успела стать такой? Что хочешь делай, но я тебя не оставлю. Я же клятву давал защищать!

На словах про клятву у меня отхлынула вся кровь с лица. И должно быть это заметили оба парня, потому что попытались вырваться из объятий Ветерка. Но я лишь мысленно предупредила помощника, чтобы держал оборону, и со мной все в порядке.

Но действительно в порядке я не была. Ведь волной накатили воспоминания о тех нескольких неделях после побега Лири. Сначала, когда никто не знал где он, и что могло случиться, и потом, когда, наконец, стало известно, что друг просто сбежал.

— Ты эту клятву предал еще в начале весны, и права не имеешь даже вспоминать о данном слове.

Я говорила тихо, потому что по-другому просто не могла. Выдавливала из себя пустые бездушные строки, которые складывались в предложения. И которые не могли передать и сотой доли того, что испытывала я на самом деле.

— Ты предал все, что было мне дорого. И если сейчас вспомнил о братских чувствах и былых привязанностях, я прошу тебя, просто забудь. Ты сам много лет назад отказался быть мне братом, избегая любых упоминаний ритуала, так не нужно вспоминать об этом и сейчас. Выбрось, наконец, из головы меня, как это сделала с тобой я. Мы не друзья, Лир, и никогда уже таковыми не будем!

Я вывернула это все из самых потаенных закромов души, и, надеюсь, он мой посыл понял.

— Арон, теперь давай обсудим с тобой. — я видела, как он напряженно сейчас слушал наш разговор с Лиром, и с тем же нетерпением ждал продолжения. — Я благодарна за все, что ты делаешь сейчас, и еще сделаешь в будущем. Безмерно и безгранично. И ты видишь мою отдачу, и то, что я приняла ситуацию в целом. — он кивнул, ведь с той ночи, когда сама пригласила его к себе, наши отношения пошли по новому витку. — Лир тут много чего говорил, и в одном я с ним соглашусь. Не нужно делать это все на публику. Мы с тобой достаточно повеселили нашу родную Академию и ее адептов, которые дошли даже до катализатора «кто кого раньше прогнет». Будем считать, что ты выиграл. Но еще больше досужих сплетен, которые потом выйдут даже за пределы королевства, я не хочу.

— А сейчас, Вы еще тут постоите, пока я не спущусь до своей комнаты. Встретимся со всеми на жеребьевке. — я поясню им поклонилась. — Всего хорошего, дорогие мои друзья и любовники.

Уходила быстро, потому что понимала, что ветерок теперь их не сдержит, сейчас начнется серьезное взламывание воздушной стены.

Зачем сказала последнюю фразу? Хотела, чтобы каждый из них понял кем кому, и кто приходится. Лир, услышав слово друг, хотя всего несколько минут назад я твердила

обратное, поймет, что Арон мне любовником не является. Как и Арон сделает соответствующие выводы. По крайней мере я на это надеялась. Но с их соображалкой, может статься, что каждый подумает, в меру своей испорченности.

В комнате переодевалась в форму и заплетала косу с невероятной скоростью, и на плацу была одной из первых. Но очень скоро подошел Арон с ссадиной на скуле, которой всего десять минут назад не наблюдалось. И я поняла, что сбежала очень правильно, они и пар выпустили, и ввиду ограниченности во времени, друг друга не поубивали.

Обернувшись к суровому боевику, по прежнему лучшему на курсе, я аккуратно прикоснулась к ушибу, немного кровоточащему, кстати. Нужно обезболивающее плетение слетело с пальцев легко, ведь доведено было до автоматизма. Но мы с лекарем еще и доработали на случай, если понадобится не просто обезболить, а немного залечить. С внутренними повреждениями работать так и не могла, у меня такое не выходило, все-таки я не целитель. А вот это — сосредоточенное главным образом на снятии боли и легком косметическом эффекте, вполне получалось. Хоть и приходилось учиться накладывать плетение сначала частями, а потом долго и нервно их соединять.

Посмотрев, что даже синяка не осталось, я довольно провела пальцами по заостренной скуле Арона.

— Это чтобы твою исключительность, как лучшего адепта не подорвать.

Он в ответ схватил мою ладонь, и прижался к ней губами. Без слов выражая свое состояние. Нервничает, переживает и просто безмерно устал.

— Колючка моя...

— Так, голубки, все. Разойтись, встать, как и положено команде. — профессор Тоскан выглядел отлично, так сказать по-боевому. Но его выдавали измученные глаза.

Опять мигрень. И нет, чтобы прийти ко мне пораньше с утра и попросить вылечить. Будет же мучиться до последнего, пока насильно не заловлю.

— Господа адепты и все присутствующие, — раздался усиленный магией голос ректора. — Ввиду того, что команд в этом году гораздо больше, и специфика королевства Сайнотроуд не позволяет адептам полноценно принимать участие в старой версии состязаний, нами были приняты правки в устав турнира.

Раздавшийся шум и галдёж сидящих на трибунах адептов, внес небольшую сумятицу в хорошо поставленную речь руководства Академии. Но сбить окончательно ректора не удалось.

— Упраздняются соревнования на каждое ответвление магии. — галдеж стал просто невыносим, и мне пришлось закрыть руками уши. — Также упраздняются все одиночные состязания.

Все, теперь можно было выдохнуть. Ведь я одиночных состязаний боялась больше всего. Так как это было для меня заведомо проигрышное мероприятие, а подводить команду очень не хотелось.

— Сегодняшняя жеребьевка выявит не последовательность команд для проведения одного вида состязания, а место, где каждая команда будет его проходить.

А вот это было уже интересно. То есть мы будем соревноваться не на одной и той же местности с равными условиями, как было раньше. Хм. А могут ли попасться какой-то из команд более простые препятствия?

— Для каждой команды, в соответствии с жеребьевкой, будет выдан жетон с порталом. Транслироваться все будет на эти экраны. — ректор взмахом руки зажег 5 огромных окон,

висящих прямо в воздухе. Никогда такого не видела, и это было просто потрясающе. — Зрители будут снабжены наушником и устройством по переключению звука, к каждому из экранов. Выбирать, за какую команду болеть, и за какой следить по мере прохождения соревнований, каждый будет самостоятельно.

Я тихо присвистнула. Это ж какая прорва магии была потрачена на такое оборудование и сами порталы. И тут я вспомнила, что Тоскан мне обещал махонький переносной амулет с возможностью одного перехода в безопасное место. Но Арон, видимо, тоже об этом подумал, потому что сжал мои плечи и прошептал, в самое ухо — он у меня.

Фух, теперь то уж точно можно выдохнуть. Я буду не одна, и все ребята обещали поддерживать. И в случае чего, всегда смогу вернуться.

— Ну а теперь, прошу Вас, блистательные командиры не менее блистательных команд. — ректор показал огромный шар с клубящимся там белым туманом, вызывающим у меня какие-то странные, и не очень спокойные воспоминания.

От нас, конечно, пошел Арон, который принес не много ни мало — пустыню. Это плохо, ведь брать с собой ничего было нельзя, даже маленькой фляги с водой.

Эльфам выпал маленький необитаемый остров в океане. Феям — местность с действующим вулканом, Академии Родара — тропический лес. А Моренго вытянули дикую степь.

Что ж, повеселимся...

Глава 27. А кто сказал, что будет легко?

Арон постоянно держал за руку, но волнение уходить не хотело. Никогда не переходила через порталы. Однако из прочитанного следовало, что все легко и просто, главное глаза закрыть. Иначе от мелькания пространственной воронки может и стошнить.

Я еще раз с сомнением оглядела все команды, стоящие кучками. Что-то в нашем распределении профессора намудрили! Не спроста же всем выпали местности, чуждые основной спецификации. Моренго, имеющим уклон в водную тематику, досталась степь.

А феечкам — вулкан. Там же наверняка чистой земли совсем не осталось, вырастить точно ничего не получится. Эльфам и Родару, еще ничего, повезло. Справятся, не маленькие. Взгляд невольно задержался на вражеской, теперь, команде. Да так там и залип.

Лир держал свою целительницу за руку. Такой надежный, сильный, хоть и немного потрепанный потасовкой с Ароном. Но девушка его явно залечила, потому что на лице не было и намека на произошедшее.

Меня манило в нем все — взъерошенность темных локонов, совсем не жестких на ощупь. Я ведь это знала, как никто, потому что с детства любила перебирать их пальцами. Притягивала явная помятость его формы, и даже оторванная на груди пуговица рубашки. Плащ так небрежно перекинутый, что совсем не закрывал мощные плечи. Но более всего, переплетение пальцев рук — мужской и женской. Так держат только очень близкого человека. Когда простого соприкосновения ладоней кажется мало. Когда подсознательно хочется срастись душой и телом.

Я не хотела смотреть, это было слишком интимно. Только их маленький мирок, и посторонним там явно не место. Но оторваться никак не выходило. Пока не заметила, что Лир освобождает свою ладонь. Мягко, но настойчиво. И девичьи пальчики, этого поворота не ожидающие, продолжают цепляться до последнего. Она не понимала причин такого поведения. Как, впрочем, и я. Пока не подняла взгляд на лицо бывшего друга.

Он смотрел на меня. Прямо и тяжело. И, должно быть, делал это давно. Почувствовал мой интерес, как всегда с нами бывало.

Вот и сейчас, видел, как я на него смотрю — обводя взглядом фигуру, будто впитывая в себя недостающие кусочки мозаики. А когда заметил остановившийся на руках взгляд, предпочел высвободиться.

Зачем? Это же так естественно, желать касаться человека, который близок. И должно быть плевать, что давняя подруга об этом думает. Тем более, что он так желал оборвать былые связи.

Но еще больше погрузиться в тяжелые мысли не дали, начав приглашать капитанов за порталами. И вопреки правилам, Арон потянул за руку, не желая оставлять одну, пусть и в окружении адептов родной Академии. Так и вышли к Тоскану, смотрящему на нас настороженно.

— Внучку мою береги, олух! И не дай Богиня, хоть волос с ее головы упадет... — прозвучало очень тихо, но так угрожающе, что у меня кожа мурашками покрылась.

Что-то он там сказал? Внучка? Ой-ой-ой.

Хотелось присесть и закрыть голову руками, как в детстве. Тогда было как — раз я себя не вижу, значит никто не видит. Глупо, да, тут не поспоришь. И ведь что получается — детство кончилось, а рефлексy все еще живы.

Но все же, чего-то такого и следовало ожидать. Слухи же расползлись по академии, и раз дошли до преподавателей, то и Тоскан явно в курсе. Но я про данную оговорку совершенно забыла, и даже не подумала о возможности такого исхода.

И самое важное, что профессор не злился. Поймал на откровенном вранье и даже наказывать не стал. Золото, а не человек! Но я знала еще и то, что Тоскан обязательно бы взбесился, если думал, что использовано данное «родство» в корыстных целях. Может перед всеми на чистую воду и не вывел, но лично высказал однозначно. Значит видит, что мне подобное не нужно, и сказано это было с целью прикрыть его явный ко мне интерес родственными узами.

Арон же на подобное заявление своего декана только кивнул. Серьезный у меня защитник, ничего его не берет!

Когда вернулись к команде, все с интересом начали заглядывать в руку Арона. Да мне и самой было любопытно во что профессора влили огромное количество магии.

— Сплошное разочарование! — вырвалось у меня. — Кусок гранита.

Ребята только снисходительно усмехнулись, а Арон, немного приобняв, проговорил:

— Вы еще этого не проходили. Для портала нельзя использовать дерево или железо, потому что они являются слишком легким проводником. Магия очень быстро начнет вытекать. Именно поэтому, так популярные сейчас амулеты в виде ювелирных украшений, нужно часто подзаряжать. Мне порой кажется, что это придумали сами артефакторы, дабы получать стабильный доход. У них же теперь отбоя от клиентов нет. — Арон говорил с улыбкой, будто объяснял маленькому ребенку.

Мне даже стало обидно, и я попыталась вывернуться.

— Ну чего ты. — он ласково провел рукой по моей спине. — Не ершишься. Этого не стыдно не знать, потому что ты только на первом курсе.

— Я не ребенок, Арон. Не нужно со мной сюсюкаться! — я прямо чувствовала, как надуваются щеки, словно у бурундука, и понимала, что вызову этим еще большую иронию со стороны парней, но совладать с собой была не в состоянии.

Как я и думала, все начали отворачиваться, чтобы не выдать улыбающиеся физиономии. Они бы и посмеяться не прочь, но Арон сразу заступится. А связываться с ним не хотел никто.

— Так, парни, заканчиваем. Уже все получили порталы. — капитан нашей команды своим строгим голосом разом привел в чувства.

Мы как по приказу подобрались, распрямились, и встали ровно по кругу. В центре находился Арон, легко держа увесистый бульжник.

— Итак, команды, — эхом пронесся над нами магически усиленный глас ректора. — На счет три, все прикасаемся к порталам. Раз, два, три-и-и-и-и...

Что там было написано в энциклопедии про порталный переход? Главное закрыть глаза?

Полная чушь. Я еще в период своего плаванья в Эдарон поняла, что на меня подобные ухищрения не действуют. Как назло, вокруг был только песок, и спрятаться абсолютно негде. Отбежав на максимально возможное расстояние, упала на колени и долго мучилась горловыми спазмами. На попытку Арона приблизиться, лишь отправила к нему Ветерок. Который, как всегда, своевольничал, и решил порезвиться с ребятами, окружая, ставя подножки и лохматя волосы.

Радовало только то, что парни совсем забыли обо мне, отпугивая озорника. Но

пообщаться с помощником все-таки придется. Иначе разбалуетесь как у мамы.

Неожиданная мысль пронзила и также быстро сбежала. Но суть я успела поймать. По какой-то причине Ветерок тоже не хочет подчиняться полностью. Конечно, он еще молод, я ощущала помощника ребенком — шаловливым и быстрым, но слушаться-то нужно.

Именно такой посыл и был отправлен Ветерку, когда смогла нормально дышать. А сама я двинулась к куче сваленных рюкзаков.

— Эй, ребята, вы видели, что нам приготовили? — я с интересом изучала содержимое своего мешка. Ибо кто самый маленький рюкзак нашел, тот его и присвоил.

— Это что такое было? — неожиданно раздалось сзади. Очень близко, так что я чувствовала, как дыхание Арона опалает незащищенную воротником шею.

Если он хотел, чтобы я от неловкости попыталась отойти, или обернулась, не на ту напал. Знаю прекрасно, чем грозит подобная оплошность. Поэтому, как ни в чем не бывало, продолжала лазить в рюкзаке, вытаскивая поочередно на белый свет бутылочку с водой, темный объемный шарф, явно пропитанный магией, складную лопатку, нож и... золотое перо.

Богиня! Литманиэль нашел способ связи со мной даже здесь. Наверняка провернул это вместе с Тосканом. Сердце благодарно сжалось. Родные мои, самые близкие. Ведь и знала-то их всего пару месяцев, а вросли друг в друга, что не оторвать.

Но я быстро спрятала перо обратно, ведь помнила, что на нас смотрят. Каждую минуту, в самых неожиданных ситуациях. Трансляция не предполагает белых пятен, ведь зрителям тоже должно быть интересно.

Я скосила глаза на все еще барахтающихся парней и, засунув два пальца в рот, залихватски свистнула. Ветерок, виновато понурившись, полетел в мою сторону, очень вяло передвигая своими многочисленными лапками. Создавалось впечатление, что он барахтается в воздухе, преодолевая просто невероятное сопротивление. Ага, знает, зараза, что ругаться буду, и все равно, меры не знает.

— Ребята, предлагаю выдвигаться. Думаю, что время выполнения нашего задания тоже важный показатель. Только вот куда? — воспользовавшись небольшой заминкой, отошла на пару шагов от Арона. И чувствовала теперь себя поувереннее. А что — никто не давит массой тела, вокруг простор, солнце, красота!

Но мой радужный настрой никто поддерживать не желал. Ребята сначала косились на меня, а потом, недовольно переглянувшись, осторожно двинулись к рюкзакам.

— Ну вы чего? Обиделись? Это же обычные вихревые потоки, пущенные хаотично. Вот Арон, — я рукой указала на напряженного парня, — меня совсем недавно научил.

Я даже головой кивала в такт словам, желая казаться максимально убедительной.

— Ты издеваешься? — решил высказаться Мар, массивный светловолосый боевик из группы Арона. — Я любые воздушные потоки перехватить могу. И хаотичные, и вихревые, и даже фирменные профессора Тоскана, — он зло оскалился. — А какой-то мелкой первокурсницы, нет!

— Полегче, друг, — Арон не двинулся с места, но было видно, что готов вступить. — Ты же знаешь, что у нее не получается многое, вот и тут напутала.

— Да плевать, Ар. Мелкая, слушай сюда, — Мар, уже с рюкзаком в руке, смотрел на меня серьезно и сурово. — Мы команда, и должны быть заодно. А не кидаться магией, чтобы самоутвердиться потом за чужой счет. Ясно?

— Вполне, — было обидно. Что все вокруг считают меня слабой и желающей каким-то

образом их использовать.

Но я понимала, что в этой ситуации боевик прав. И даже Арон не стал вмешиваться, давая другу поставить меня на место. Потому что так нужно, чтобы потом, в сложной ситуации не подвела всю команду.

И я только сейчас, после слов Мара о невозможности перехватить потоки смогла осознать страшное. Если не научусь держать помощников в узде — стану опасной. Для себя, друзей, всех окружающих.

Впервые с тех пор, как узнала, что наполовину эльфийка, я задумалась об отличиях.

Парни сейчас не смогут справиться со стихией по тем же причинам, что и я столько времени числилась в отстающих.

Эльфийская магия другая.

Именно поэтому я не могу работать с внешними потоками как все, ведь вижу их иначе. И взаимодействие происходит на особом уровне — подсознательном общении с помощниками.

Именно поэтому на занятиях удалось застать врасплох Тоскана и леди Стоун, швырнув в полет с помощью Ветерка. Они просто не были готовы. И не могли понять причин, по которым не получается обычный и стандартный перехват стихии.

Да и в дальнейшем ни у кого такое не выйдет. Тут нужно действовать по-другому. Не пытаться перехватить и взять управление на себя, а сразу ставить щит и начинать отбиваться. Как это сделала я, когда Мегера на занятии наслала многоярусный вихрь.

Но в том то и беда, что я все это знаю, а окружающие нет. Поэтому и справиться со мной никто не сможет, пока не узнает об эльфийских корнях.

Пока не произошла привязка, я действовала интуитивно, но в правильном направлении, хоть стихия и не всегда вела себя хорошо. И сейчас, заполучив полноценного помощника, все должно было измениться. В лучшую сторону, конечно. Только вот совладать с собственным подмастерьем получается далеко не всегда. Он обязательно придет на помощь, стоит только позвать, но действовать предпочтет по своему плану.

Однако давить на Ветерок не хотелось. Зачем ломать, если можно попробовать приручить и подружиться.

Это я еще с земельным нормально не общалась. Но отчего-то казалось, что тот посерьезнее воздушного, и таких проблем с ним не возникнет.

Я послала Ветерку сигнал не высовываться. Ведь заподозри что-то участники команды — плохо, но это пол беды. На нас сейчас смотрят все — обычные адепты, небольшие группы поддержки команд-соперников, преподаватели, профессора.

Много ли среди них тех, кто знает специфику эльфийской магии? Единицы, но именно они и опасны. Обычным адептам нет дела до моего происхождения, хоть принцессой окажись. А вот профессора, которых раньше мои успехи не особо впечатляли, обязательно обратят внимание на внезапно проснувшиеся способности.

Поэтому молча отошла в сторону. Парни же остались рассматривать «подарочки». Но если не ерничать, спасибо организаторам и за эти рюкзаки. Фляги пусть и не зачарованные, и вода быстро закончится, но среди нас есть стихийный маг, который умереть от жажды точно не даст. Пригонит тучку в крайнем случае, чтобы можно было набрать дождевой воды в имеющиеся емкости.

Да и шарф явно непрост. Поэтому, намотав его на себя, я принялась наворачивать большие круги. Бегала, ходила, прыгала, и все это под палящим солнцем пустыни. Даже не

вспотела! Прелесть!

И надо сказать, что такому исходу больше всех радовалась именно я. Ведь чтобы взять меня в команду, из нее нужно было кого-то удалить. И профессор решил, что знаний артефактора у меня все-таки больше, чем умений в других областях. Стихийник из первокурсницы никакой, да и целитель, надо сказать тоже. Ведь кроме обезболивания могу разве что поиздеваться. Например, парализовать или наслать почесушки.

Как-то исторически сложилось, что умение защищаться имеет для меня первоочередное значение. Ведь практически все детство провела в мужской компании — с Эррой бывать я не любила. И осознание, что слабость — это порок, особенно для девушки, пришло ко мне очень рано.

Вот и сейчас, не зачаруй профессора эти шарфы заранее, пришлось бы возиться мне. Я же тут вроде за артефактора. Мы с Ноэль занимались по два раза в неделю, но все-таки полученных знаний было катастрофически мало, особенно для турнира.

Это в обычной жизни есть время на раздумья, возможность спросить совета у старших, в крайнем случае, сходить в библиотеку. А тут решения нужно будет принимать молниеносно, а плетения накладывать не в сосредоточенной тишине.

Скорее почувствовав, чем услышав приближение Арона, я тут же выпалила:

— Представляешь, нам шарфы заколдованные выдали. Ничего в них не страшно, ни солнце, ни дождь, ни ветер.

Но парень глупцом не был, и уловку мою разгадал на корню. Зубы заговорить явно не получалось.

— Прекрасно, — он подошел вплотную, и я, почувствовав на груди руку, хотела было отшатнуться, но раздавшийся шепот немного охладил бурлящие эмоции. — Тихо, Ками. Научись уже мне доверять. Ты последний человек, которого я захочу обидеть.

Арон продолжал будто бы обнимать, на самом деле пристегивая булавку с одноразовым порталом к внутренней стороне лацкана рубашки. А меня накрывала удушливая волна стыда. Потому что опять обидела, сделала больно. Этим своим недоверием, которое после побега лучшего друга стало неотъемлемой частью души. Да и ситуация с мамой дала четкое понимание, что предать могут даже самые родные и близкие, пусть и под гнетом обстоятельств.

Я сейчас никому не верила безоговорочно, и оттого чувствовала себя более защищенной, хоть и немного ущербной. Поэтому реакция Арона тронула. Хотелось погладить его по щеке, ласково и открыто. Чтобы он не думал больше обо мне, как о каменной статуе, которая не способна чувствовать. Хотелось просто обнять в ответ, ведь я знала, как это ему сейчас нужно. Однако ничего такого сделать не удалось, потому что над нашими головами раздался жуткий, пробирающий до костей рев.

Я не успела даже испугаться — тело четко среагировало на опасность. Мы с Ароном теперь стояли спина к спине, с боевыми пульсарами на изготовку. Правильные реакции, прочно вбитые на уроках Тоскана.

Парни же поступили умнее, окружив имеющееся имущество. Наши с Ароном рюкзаки валялись немного поодаль, и мы, не сговариваясь, двинулись к цели. Все-таки, если первой атакой истребят наш нехитрый скарб, до конца испытания мы не дотянем.

Не зря в рюкзаках оказались именно такие предметы. Без фляги в пустыне даже стихийник долго не вытянет. Ведь на призвание дождя, также как и на раскол земной тверди, ради проходящего где-то источника, он потратит прорву сил, и восстановиться

сможет не скоро. А получение воды раз в день в такую жару — бесконечно мало.

Тоже самое с шарфом — поддерживать целый день щит, который способен защитить от палящего солнца никто из нас не в состоянии. Нужен уровень не ниже магистра. Концентрация, постоянная направленная подпитка, да и заклинание нужно еще откопать в закрамах сознания. Тем более, что не все из здесь присутствующих способны на сносное управление внутренними потоками, хотя статус адепта боевого факультета, нечто подобное точно подразумевал. Но боевик-стихийник, точно также, как и третьекурсник-менталист вполне могут быть узконаправленными специалистами.

— Ками, не дергайся! — этот голос, наполненный металлом, приковал меня к рассыпающемуся под подошвами песку. Я чувствовала, как встают дыбом короткие волоски на руках и шее, как начинают покрывать тело мурашки.

Арон не стал бы приказывать просто так, ведь знает, как я это не люблю. Значит что-то произошло и мне просто всего не видно. До безумия хотелось обернуться, чтобы, наконец, получить определенность, рассмотреть все своими глазами. Но приказ командира команды звучал слишком определенно, чтобы его послушаться.

Я замерла. Прямо так, в неудобной позе с немного смещенным центром тяжести и прижатыми к телу руками. Откуда-то знала, что нужно съежиться, чтобы занимать минимум места.

Когда резко потемнело, стало не просто страшно — жутко. И обернуться захотелось просто нестерпимо. Я бы призвала сейчас Ветерка, но боялась, что сделаю только хуже.

— Пос-с-с-с-мотри-и-и-и-и, — шелестящий шепот пронесся будто мимоходом, почти меня не задевая.

— Интерес-с-с-с-с-но-о-о-о, — раздалось следом, будто кто-то играл в догонялки, пролетая мимо с непередаваемой скоростью.

Боковым зрением я различала только беглые тени, почти черные на фоне потемневшего пространства. Они сновали мимо, преследуя что-то за моей спиной, но не достигая цели, вынуждены были лететь обратно.

Это было настолько жутко, что, пожалуй, даже интересно. Авантюризм жил во мне всегда. Сколько себя помню, мечтала о путешествии на корабле с флибустьерами, и даже готова была переодеться мужчиной, лишь бы взяли в команду. Но увы, сколько не смотрела на море с любимой наблюдательной точки на скале, ни одного пиратского судна словить не удалось.

А тут вот оно, приключение — рядом. С необъяснимыми, и от того еще более желанными, мелочами. Именно поэтому я последовала совету тени, и обернулась. Чтобы тут же рухнуть, будто подкошенная. Я пытаюсь зажать себе рот, дабы не вырвалось и звука. Но все же одному сиплому стону удалось просочиться сквозь сжатые пальцы.

Меня сковало, будто в тиски — ни шелохнуться. Только боль тонкими змеями оборачивалась сначала вокруг запястий, потом сдавливая грудную клетку. Медленно проникая под кожу, сливаясь с грудными всхлипами.

Я не плакала только потому, что не умела. Плотину прорывало слишком редко, заставляя меня жалеть о такой особенности. Ведь слезы всегда приносили с собой облегчение, помогая справиться с комом внутри.

Арон лежал на темном песке, бледный, с закрытыми глазами. Согнутая в колене нога неестественно вывернута. Руки раскинуты, будто готовы к распятию. Но добило меня не это, а тонкая струйка крови, медленно вытекающая из уголка рта.

от меня, если голодные. Но все же инстинктивно закрывалась руками, когда тени принимались нападать.

Постоянно отбиваться пульсарами было нельзя. Так я весь свой резерв изведу, пока доберусь до команды. Но пару раз все же не удержалась, когда особо настойчивые души начинали закрывать лицо и глаза. До чего же пакостные сущности.

Когда добралась до ребят, воздух сгустился настолько, что мешал идти. И спасало меня только знание, что они здесь, стоит только руку протянуть. Но слышала я исключительно шипение теней, и совершенно перестала что-либо различать вокруг, даже разноцветные потоки.

Хотела крикнуть, что я тут, но изо рта не выходило и звука. Да и горло сводило спазмом, будто начинаешь давиться. Двигаться к парням на ощупь, было опасно. Ведь, если мы друг друга не видим, то любое прикосновение воспримется угрозой. И меня могут покалечить кулаками или магией.

Я сформировала щит — слабенький, ведь сколько продлится это мракобесие непонятно, а сил на подпитку требуется прорва. И видимо, мне сегодня благоволит Богиня, потому что почти сразу, защита побывала в действии, благополучно пережив удар пульсаром.

Они там видимо отбивались, и я даже успела пожалеть, что подошла так близко, потому что вслед за пульсарами, меня окатило волной воды, а потом начали облеплять тени. Сооружая некое подобие папье-маше.

И я не знаю, сколько бы выдержала вот так, в своеобразной изоляции. Но также неожиданно, как темнело, вокруг начало светлеть. Сначала стал понемногу разряжаться воздух, потом проясняться пространство. Но я смогла свободно вздохнуть только когда отступили неупокоенные.

— Ками! — крик, полный такого чувства, что защемило где-то под ребрами и отозвалось взаимной радостью.

Арон налетел словно вихрь, и теперь сжимал меня в медвежьих объятиях, целуя все, до чего мог дотянуться. Волосы, глаза, брови, щеки. А я не отталкивала, радуясь, что он жив. И пусть что хочет творит, и даже прилюдно, главное, не лежит как сломанная кукла с распятыми руками...

Глава 28. Муаровое небо для тонкого грифеля

— Арон, пошли! Нашли время для нежностей, — недовольный и потрепанный Мар отчаянно хмурился. — Если они в самом начале химер напустили, дальше будет хуже.

— Химер? — я в ужасе уставилась на ребят. — Не иллюзии?

Они же выпускники, и наверняка гораздо быстрее меня могут отличить правду от вымысла. Неужели руководство Академии в этом году решили поиграть по-взрослому? Химеры, это вам не котята. Огромные крылатые львы, зачастую с двумя головами. Хищники, способные щелчком пасти переломить человека.

Богиня, как же хорошо, что мне достались всего лишь души и психологическая атака! Я бы и вида химеры не пережила, не то, что нападение.

— Точно не иллюзии, — к нам подошел Кирас, боевик-стихийник с мощнейшим даром.

Я видела их с Ароном тренировки, и испытывала в его отношении глубочайшее уважение. Но сейчас он не придумал ничего лучше, чем сунуть мне под нос окровавленную руку. Якобы, доказывая, что иллюзия такого натворить не могла. Ага, и я бы даже поверила, если бы не дружный мужской гогот, сопровождающий непроизвольное искривление моего лица.

Вот какие же они... мальчишки еще. Лишь бы подшутить, да повеселиться. А то, что своими выходками другим настроение портят, никого не волнует. Я с детства кровь не люблю, особенно в таком количестве.

— Иди сюда, болезный, — я притянула не ожидающего этого парня поближе, чтобы немного залечить. Рана глубокая, особого толка от меня не будет, но в сражении с химерами все парни выложились, и я чувствовала в себе необходимость хоть немного помочь целителю.

Сила отозвалась легко, и я вложила в плетение максимум, сразу заметив, как начала затягиваться рана.

— Все, теперь можешь двигать к Пирсу, он долечит, — я как могла мягко коснулась поврежденной руки парня, давая тем самым толчок. Потому что видела, что Кирас нерешительно замер, не зная, как реагировать на помощь.

Мне не нужна его благодарность, просто то, что сделала было правильно в текущих обстоятельствах. Ведь не облегчи я жизнь выдохшемуся целителю, он выложился бы сейчас при лечении по полной, и при новой стычке с опасностью, стал бесполезен. Холодный расчет, ничего личного.

Однако, когда тщательнее обычного заворачивалась в широкий шарф, и как могла тянула время, чтобы дать возможность парням спокойно пройти диагностику у Пирса, почти бесшумно подошел Кирас. Он молча сел рядом, лениво наблюдая за моими движениями.

И вроде бы — ничего такого, человек просто смотрит, не проявляя даже толики интереса. Но отчего-то становилось не по себе. Смущало это внимание — неправильное и неприемлемое.

— Мы вот всё гадали с парнями, что такого в тебе нашел Арон, — он заговорил так неожиданно, что я невольно вздрогнула, замерев с поднятой вверх рукой, которой зажимала непослушную ткань шарфа. — Пигалица же малолетняя, ни форм еще девичьих, ни обаяния. Как есть — Колючка, вечно растрепанная, диковато-пугливая. А он ведь сразу запал, зацепившись за что-то, нам непонятное.

Кирас продолжал рассматривать, теперь уже проявляя откровенный интерес, больше не прячась за ленцой и расслабленностью. Задерживаясь взглядом на отдельных частях тела — ногах, затянутых в тонкие обтягивающие штаны; перехваченной тонким ремешком талии; ключицах, виднеющихся в распахнутом из-за жары вороте. Долго смотрел на только что переплетенную косу, сейчас, в свете яркого солнца, отчетливо отливающую золотом.

— Потом, когда выплыло твое памятное родство, все его, конечно, подкалывали, но каждый понимал, что на пятом курсе Арону данный факт, что троллю крылья. Смех смехом, но ситуация не прояснялась, — я не могла оторвать от него взгляд, постепенно леденея. От этих слов, оплетающих, как паутиной, и от понимания, что Кирас меня к чему-то ведет. — А потом в маленькой пигалице начала просыпаться магия, и простые черты полыхнули красками. И все, кто раньше лишь фыркал, взглянули по-новому...

Мне хотелось кричать. Ведь уже понимала, что скажет этот человек дальше. И оставалось лишь надеяться, что он к таким выводам пришел в гордом одиночестве, а не во время коллективного мозгового штурма.

— Я ведь стихийник, Камелия, и данный предмет изучал гораздо более глубоко, чем остальные. — театральная пауза в его исполнении, безусловно имела эффект. И я ничего не могла поделать с змейками страха, зигзагами путешествующими по телу и заставляющими наклониться к собеседнику ближе. Чтобы нашу тайну не мог услышать больше никто. — Ты сегодня очень недальновидно поступила, детка, выпустив то, чем не научилась толком управлять.

Я наплевала на оскорбительное «детка», на то, что к нам быстро шел Арон, яростно, по-военному чеканя шаг. Нужно было решить этот вопрос:

— Чего ты хочешь, Кирас?

Парень издевательски поднял бровь и хитро мне подмигнул, введя своими действиями в ступор. Я же тут как пружина напряженная, а он издевается!

— Расслабься, малышка, это будет нашей тайной, — а потом, наклонившись к самому уху, прошептал. — Для меня девушка друга, табу. Но как только его бросишь, я в полном твоём распоряжении. Никогда еще не спал с эльфийкой...

Кирас, быстро отстранившись, бодро поднялся и развернулся к Арону. Настолько взбешенному, что надо бы стихийнику сейчас просто ретироваться. Но, он, видимо, мнил себя бессмертным:

— Ар, дружище, а мы тут с Ками секретами меняемся, — я лишь на такую вольность закрыла рукой пылающее лицо. Еще от пошлого признания не отошла, а он продолжает нести ахинею.

— Кир-р-р-ас! — зная как Арон реагирует на мужское внимание в отношении меня, следовало начинать бояться. Но друг-то его тоже об этом знал. Наверняка обсуждали между собой не раз. Так зачем накалять?

— А чего сразу Кирас? — возмутился парень. — Вы там у Пирса на лечении, девочка здесь одна песок топчет, бледнее мела вся. Да она мне жизнь спасла, между прочим, рану залечила!

Арон выдохнул, и было видно, как его покидает напряжение. Вот просто «Браво»! Я как Кирас никогда не смогу. Он же одной фразой все подозрения от себя отмел, и еще и Арона выставил ненормальным ревнивцем, который все его добрые порывы готов на корню зарубить. А ведь всего минуту назад такое мне предлагал, что щеки сразу краснеют.

— Собирайтесь пока, мы сейчас подойдем, — Арон, схватив меня за локоть, решил

увести немного в сторону. Я же, вывернувшись, смотрела на наглого стихийника, который строил мне рожи, вытянув губы трубочкой.

— О чем вы говорили? — я знала, что он так просто не успокоится, но думала, отложит это до возвращения.

— Кирас подбадривал меня, врал, что все не так страшно, как кажется, — я старалась говорить легко, чтобы не заподозрил в неискренности. — Хорошие у тебя друзья. Не злись.

Я прикоснулась ладонью к его щеке, с удовольствием отмечая, как Арон закрывает глаза, наслаждаясь лаской. Он меняется со мной, и это греет, разливаясь теплом внутри. Заставляя и меня меняться в ответ.

— Хорошие, только наглые очень! — Арон хищно высматривал реакцию на эту реплику, а я лишь рассмеялась в ответ.

— А вот с этим не поспоришь.

Он вел к нашей команде за руку, готовый сорваться на бег, и я поняла, что опять что-то упускаю.

— Мы ограничены во времени? — от лишь махнул рукой в сторону горизонта.

— Это пустыня, с заходом солнца набегут хищники. И после химер боюсь представить, что нас может ждать.

Я лишь поежилась. Если уж боевики, которые по несколько раз в неделю на рейды ходят и с нечистью сражаются, так реагируют, что говорить обо мне. Вот феи удружили, слов нет.

Парни намотали шарфы кабы как, и это было бы даже смешно, но точно не сегодня. Кирас вообще был похож на девушку из сказки, потому что отличался тонкими чертами лица и длинными черными ресницами. Эрра в детстве читала мне о восточной принцессе, которая, боясь быть украденной демоном, прятала себя под многочисленными одеяниями. В итоге это ее все равно не спасло, и демон стащил красавицу, и был таков, но сама история очень прочно отложилась в памяти и сейчас отчаянно рвалась наружу.

— Когда солнце начнет свой стремительный бег,

И на город стремглав опускается ночь,

Принцесса долин приютит на ночлег Старика, потерявшего в пламени дочь.

Начав чтение этой истории, я не думала, что меня кто-то поддержит. Но была рада, что на этот раз ошиблась. Ведь следом раздался хорошо поставленный мужской голос. Будто Мар всю жизнь только и занимался декларированием по ролям старинных сказок:

— Когда солнце луне усту'пит небосвод,

И прольется в чернильной купели роса,

Коровард, совершая полночный обход Углядит доброту, что теснит полюса.

Далее слово взял Пирс, вымотанным, хрипловатым голосом:

— Когда цвет изменяться в камине начнет,

И сморит долгожданная марь телеса,

Коровард половинку свою позовет,

Распахнув в бесконечность шальные глаза.

Чтение самой душераздирающей сцены, я не собиралась уступить никому:

— Когда дева очнется среди скал и огня,

И начнет вырываться, объятья презрев,

Коровард подчинит, свою сущность кляня,

И как будто на сотню веков постарев.

Заканчивал Арон, да так, что я даже заслушалась:

— Когда маленький демон взойдет на престол, Свою мать защитя от коварства и лжи, Коровард нацепи'т старика балахон,

Чтоб в окно посмотреть, как любимая спит...

Мы продолжали свой путь молча, каждый думая о своем. Лично я заново переваривала такие знакомые строки, сейчас воспринимающиеся совершенно иначе.

Сильный и могучий демон, которому подчинялось пламя и небеса все-таки отпустил свою половинку. Принцессу, которая принять его не смогла. Это же... немисливо. Тем более, что Коровард отпустил ее с сыном во чреве. Да где это видано, чтобы демоны отдавали своих наследников?

Отчего в детстве я так сочувствовала принцессе? Ведь настоящая трагедия не в том, что она оказалась украденной и обесчещенной, а в том, что демон буквально перекроил себя, давая возможность своей паре жить без него.

Как же все-таки прекрасны старинные истории, погружаясь в них совсем забываешь о страхе, даже если солнце давно клонится к горизонту, оставляя после себя кровавокрасную дорожку на черном песке.

Мне очень хотелось верить, что это иллюзия. Потому что подобно тексту из легенды, с неба сыпались каплями звезды. Но не сгорали, едва долетая до горизонта, как это было всегда, а огромными сгустками врезались в почерневший песок. Они были еще далеко, там, много километров от нас.

Песок взмывал вверх высокими всполохами, подобно волнам в шторм. Взрываясь алым, лиловым, сапфировым. А мы стояли, словно замороженные, не понимая, как такое возможно. Это все казалось каким-то сказочным представлением, устроенным ярморочными балаганщиками. Но оттого оно не переставало быть менее опасным.

— Если будет угроза твоей жизни, амулет перенесет в безопасное место. Помнишь? — Арон шептал мне на ухо, стараясь говорить, как можно тише.

— Да, — не сказала, выдохнула, все также не отрывая взгляда от горизонта.

Меня манил этот свет — яркий, цветной. Он приглашал ближе, отбивая все желание оставаться на месте. И я сама не заметила, как уже шла к буйству звезд и песка, туда, где горизонт соприкасался с чернильным облаком.

На задворках сознания слышались крики, и даже звучало знакомое имя. Наверное. Но это было не важно. Потому что там, вдали, меня ждали, уже с нетерпением.

Моя поступь необычайно легка, а ноги почти не касаются изрядно надоевшего песка. И я была уже совсем близко к назначенной кем-то цели, когда палец опалило, будто каленым железом. И от своего собственного крика пришлось очнуться. Тяжело выныривая из такой комфортной и манящей пустоты.

— Во-оро-онка-а-а-а, — слышался где-то далеко позади голос Арона. — Ка-а-а-а-ами-и-и-и.

И только тогда, после озвучивания своего имени я поняла, что это обращаются ко мне и начала оглядываться. Вокруг творился хаос, беспощадный и страшный. В самом диком своем проявлении. Вставал дыбом песок, где-то сверкали, пролетая боевые пульсары. Раздавался гул, будто кто-то монотонно трубил в огромный рог. И в эпицентре всего этого находилась я — напуганная и странно отстраненная.

Отчего-то творящееся не воспринималось цельным. Я видела все кусками, словно вырезанными из бумаги и приклеенными по стенам кое-как. Поэтому и первоначальный испуг не затапливал, швыряя своей тяжестью на землю, а позволял оглядываться, чтобы

глазами найти воронку. Арон не будет ничего говорить просто так.

И если бы не моя текущая заторможенность, я бы уже кричала и пыталась бежать, как можно дальше. Потому что воронка была огромна, размером сравнимая с замком. Это смерч, который своей силой поднимает в воздух дома, стирая с лица земли целые селенья. Такие у нас не водились, поэтому и видеть раньше не приходилось, только разве что на картинках в кабинете географии и языковедения.

Я даже не пыталась позвать Ветерок, он тут мне явно не помощник — слишком молод, чтобы тягаться с такой агрессивной силой. Но и допускать угрозу своей жизни тоже не желала, ведь тогда сработает портал, а исчезновение одного участника команды могут приравнять к проигрышу.

Поэтому перейдя на магическое зрение, я принялась искать варианты. И надо сказать, что все оказалось даже хуже, чем виделось сначала. Смерч иллюзией не был, и до команды, которая находилась до бездны далеко, добраться возможности никакой. И я решилась на отчаянный шаг. То, что давно хотела проверить, но боялась непредсказуемого поведения — создала боевой модернизированный пульсар, влив почти весь свой резерв.

Швырнула, что есть силы. Целилась в жуткое скопление магических потоков, находящееся, видимо, в центре смерча, хотя сейчас что-то здраво оценивать я была не способна. А потом, быстро убегая, позвала помощника. «Помоги, только незаметно!»

Ветерок сработал мгновенно, вытянувшись, будто веревка. Он обвил мое тело многочисленными тонкими лапками, и взмыл высоко. Туда, где я никогда не была. Но насладиться полетом не дал чудовищной силы взрыв, который зацепил откатной волной моего отчаянного помощника.

Нас прилично отшвырнуло в сторону, но расшибиться о землю не дал Ветерок и как ни парадоксально, шарф. Помощник, до конца обнимающий меня, сработал наподобие пружинной подушки. Но при последнем отскоке, все-таки изрядно приложило о твердый песок. Вот тогда-то я и возблагодарила организаторов за чудесный шарф, который в нужный момент превратился в своеобразный панцирь.

Отряхиваясь, ощупала лицо — ни царапинки. И это после случившегося только что, было каким-то чудом. Ведь опустошенного резерва мне бы сейчас не хватило даже на простенький щит. Отпустив ветерка, я уселась на песок и стащила со спины рюкзак.

Нужно было написать Литманиэлю, что все хорошо. Наверняка же волнуется, особенно, если видел творящееся безобразие.

Согнувшись пополам, незаметно написала на ладони: «Я в порядке. Не паникуй». И не дожидаясь ответа, принялась искать фляжку. Пить хотелось невероятно. Но сзади неожиданно раздался рык, и даже не оглядываясь, я знала — это что-то невероятно огромное.

Как там было в моей любимой книге по выживанию в магических лесах? Не делать резких движений и не кричать? Все это я понимала, но есть одно «но». Даже без резких движений я сейчас не смогу дать отпор никому, ведь резерв пуст. Поэтому наплевав на все правила, с силой швырнула рюкзак в хищника и, не оглядываясь, побежала в сторону наибольшего скопления магических потоков. Спасти сейчас могла только команда, ведь Ветерок после недавней встряски меня даже поднять не сможет.

Налетев на кого-то, даже не поняла, что это Арон. Догадалась только по собственническому: «Не высовывайся». И тут же облегченно выдохнула. Успела!

Арон, спрятав меня за спину, пытался отбиться от рычащего зверя. Но даже просто

посмотреть, что там творится, я была не в состоянии. Вымоталась предельно во всех параметрах. Ну какой из меня боевик? Может хоть сейчас Тоскан поймет, что мне на этом факультете не место.

Когда погасли всполохи от ударов, убрала магическое зрение. Потому что посмотреть на тварь очень хотелось.

Богиня, помоги! Ик... Если бы я, когда услышала рык все-таки повернулась, приросла к месту и была тотчас съедена. Ик. Эта животина похуже химеры будет. Ик.

Арон поднял меня с песка и сграбастав на руки, потащил к управившейся с врагами команде. А я все выворачивала шею на лежащее чудовище. Ик. И оказалось, что мое — не единственное.

Пока я пыталась справиться со смерчем, ребята отбивались от десятка огромных хищников. Мощные, выпирающие клыки, наподобие бивней; рост — в холке метра 2, не меньше; покрытые плотными чешуйчатыми пластинами.

Мне на них лежащих-то смотреть уже плохо, а сражаться бы с такими точно не смогла. Какое счастье, что девочку Ками понесло с объятия смерча! Богиня сегодня мне определено воздаст за что-то. Сначала замена химер тенями, теперь вот это.

И пока я размышляла, уютно устроившись в объятиях Арона, у Мара в рюкзаке замигал портал. Первое испытание было пройдено.

Если честно, думала возвращения не переживу, памятуя о предыдущем порталном переносе. Но на удивление почти не тошнило. Видимо силы организму даже на это не хватало.

Арон поставил на землю сразу, как погасли порталные огни. И я с удивлением поняла, что тут все еще день. Трибуны были также полны, да и команды в сборе, стоят обособленными группами на плацу.

Я старалась смотреть куда угодно, только не на команду Академии Родара. Выделялись своим удивительно чистым видом только феи, будто и не участвовали в турнире. Мое расшалившееся воображение рисовало их после вулкана сплошь обгорелыми, с обугленными островками крыльев. Может и нехорошо так думать, но с фантазией договориться не удавалось.

Моренго даже в таком потрепанном виде были бесподобны. Богиня, почему они настолько хороши? Это же чистое преступление отправлять к нам в Академию таких парней без женского сопровождения. Вон как с трибун девчонки глазками стреляют. А если серьезно, в степи видимо тоже водился кто-то с огромными клыками или когтями, потому что у капитана вся светлая форма была заляпана бурыми пятнами.

Эльфы старались держаться гордо, но видок был тот еще. Всю красивую форму испортили. Будто были не на песчаном острове, а в грязевой ванне искупались. Даже волосы больше не блестели. Так жалко их стало. Они же наверняка за внешний вид больше, чем за итог состязания переживают.

А как там у Родара дела обстоят — не знаю. Пусть выглядят как хотят, я все равно не смотрю!

— Первый этап турнира принес неожиданные результаты, — громкий голос ректора разнесся над плацем и трибунами, но его самого видно не было. — Выбывают из турнира команды Сайнотруд и Ковернмерст. Команда Моренго проходит в следующий этап с минимальными баллами, в виду сильного ранения капитана и едва не проваленного задания. Эдарон, Менэльтор и Родар, поздравляем, вы справились на отлично.

Ну надо же, не ожидала. Ладно феи, им простительно, у них магия другая, а вот Ковернмерст чего оплошал? Но я даже не помнила, какая местность им выпала, слишком занята была лицемерием Лира и его целительницы. А Моренго, значит не повезло — зацепило капитана. Вот как знала, когда со смерчем решила бороться, что из-за выбывания одного участника, проигрыш засчитается всем.

— Командам дается 2 дня на восстановление. Затем приступим к жеребьевке и второму этапу. Специфика мероприятия пока держится в тайне и будет озвучена непосредственно перед соревнованием.

Ах ты ж вредный ректор... Теперь мучиться 2 дня. Со мной были согласны абсолютно все, потому что нестройный гул разномастных голосов сразу затопил все пространство.

Но мне сейчас не до волнений толпы. Я выискивала глазами Карла и Литманиэля. Потому что знала, оба с ума сходят, глядя на мои злоключения. А это самое паршивое — просто смотреть и не иметь совершенно никакой возможности вмешаться.

Когда я направилась в сторону трибун, внутренне настраиваясь на брата, Арон перехватил за руку.

— Ты куда?

— Карл волнуется, нужно с ним переговорить, — как ни странно, меня отпустили.

— Только не долго, ты еле на ногах держишься, — Арон погладил пальцем по тыльной стороне запястья, раз уж мы договорились воздержаться от публичных проявлений чувств. Я в ответ накрыла его руку своей.

Брат меня выловил сам, не дожидаясь, пока поднимусь на трибуну. Сжимал так сильно, будто действительно боялся потерять.

— Ну что ты, Карл... — я полузадушено сипела куда-то в район его груди, не пытаюсь, однако вырваться. Понимала, что это бесполезно. Пока не убедится сам, что все в порядке, не отпустит.

— Я же постарел тут на лет 10, и экран этот демонов чуть не разбил! Особенно, когда тебя в самую гущу понесло, — он сжал меня еще крепче, до протестующего писка. — Это ж какой душой надо быть, чтобы к воронке пойти? А скорветы! Ты неужели его не видела, когда с рюкзаком ковырялась?

— Скорветы?

— Ну монстры эти чешуйчатые. Мне Скоря сказала.

А-а-а. Я даже улыбнулась, хоть было и не удобно. Значит у них все окончательно наладилось. За этой беготней не узнала, как они съездили на знакомство с родными некромантки. Карл жутко переживал, что придется не ко двору. Но раз они вместе, значит все прошло хорошо.

— Быстро и не расскажешь, братишка. И я устала так, готова завалиться прямо тут.

— Понести? — Карл действительно готов был меня транспортировать на ручках. Это было так трогательно, что я прижалась к нему еще теснее, руками поглаживая по спине.

— Карлуша, я тебя люблю!

— Я тоже, сестренка, — он поцеловал мне макушку, тут же отплевываясь. — Ты же в песке вся!

— Воздержусь от комментариев, — да, прибавить было явно нечего. Ведь они всё видели.

— Вы дольше всех внутри портала находились. Остальные команды уже давно на плацу стояли, наблюдая за сражением Эдарона.

— Что, все видели мое позорное бегство? — даже как-то стыдно стало.

Карл еще раз меня обнял.

— Не бегство, а спасение. Ты бы с монстром одна не справилась.

Они со Скорой проводили меня до душа, и пока девушка ждала около кабинки, Карл сбегал в комнату за сменной одеждой. Такая взаимопомощь и доброта несказанно радовали. И мне, привыкшей в последнее время обходиться со всем самой, было до неприличия приятно.

Дверь закрывать не стала, ведь знала, что Арон обязательно явится, проверить все ли нормально. И усевшись за стол, с грустью подумала о пере. Оно сгнуло вместе с рюкзаком где-то в просторах пустыни, и с Литманиэлем связаться теперь возможности не было.

На хлопнувшую дверь даже не обернулась, было лень.

— Ты как? — Арон, чуть наклонившись, обнял со спины, щекотно потеревшись о мою щеку отросшей щетиной.

— Помылась, вот сложу сейчас конспекты на завтра и буду спать.

— Мне можно остаться? — он всегда спрашивал это с каким-то напряжением, боясь, что я его прогоню.

— Давай не сегодня. Так хочется нормально вытянуть косточки по кровати. Да и вы с ребятами наверняка захотите обсудить соревнования, — я привела очень значимые аргументы, и надеялась, что Арон не обидится.

— Хорошо. Но с тебя поцелуй, — он легко прижался губами к моим, не настаивая на продолжении. За что я ему была крайне благодарна.

— Ками, завтра вечером пойдем в городскую таверну с командой, будь готова к 7, — Арон сказал это уже у самой двери.

Я лишь хмыкнула. Наивный какой.

— У Тоскана меня сначала отпроси. Я не могу просто так выходить за пределы Академии, знаешь же.

— Само собой. Хороший снов, любимая, — он улыбнулся перед тем, как уйти окончательно, даже не дослушав моих слов. Ведь прекрасно понимал, что тех же нежностей в ответ не удостоится.

Нужно было как-то отлепить себя от стула и переодеться, но напала странная тоска. Выворачивающая душу, и гвоздящая к уже насиженному месту. Повыла бы, жаль не оборотень. Так сказывалось магическое истощение. И надо было бы сходить к лекарю, попросить восстанавливающий отвар, но я отложила это на завтра. Да и за ночь резерв чуть-чуть наполнится, станет полегче.

Тихое открытие двери заметила боковым зрением и решила воспользоваться возвращением Арона.

— Раз уж ты все равно не считаешься с моим мнением, сходи к лекарям за отваром. А то не пуцу.

Но услышав, как в замке поворачивается ключ, поняла, что ошиблась. Арон бы никогда не поступил столь бесцеремонно, ведь очень боялся спугнуть меня своим напором.

— Не уйду, пока не поговорим! — я в ответ лишь закрыла глаза, совершенно не желая видеть этого человека.

— Мне тебя не хватало...

Пришлось открыть глаза, очень уж хотелось взглянуть ему в лицо. Но Лир не смотрел, отвернувшись к окну. Когда только успел пройти через всю комнату, да так, что я не

услышала.

— И когда же ты это понял, Лир? Сегодня, наблюдая, как меня чуть не сожрали скорветы? Или там, на ярмарке, когда обнимал свою девушку? — внутри скручивалась спираль из обиды и боли, но говорила я с нескрываемым сарказмом. — Или, когда, наплевав на все клятвы, сел на отплывающий корабль?

— Я знал это уже в тот день, когда ты обиделась, отказавшись ехать на Вороне. А потом заперлась у себя в комнате. А я всю ночь, как глупый тролль проторчал под твоими окнами.

Меня кольнуло что-то, быстро и прямо в сердце. Ведь помнила тот день будто только вчера все произошло. Как он обнял крепко, совсем не по-братски, а потом целовал волосы. Как увидела, что морщится, словно я лягушка уродливая, и ему противно.

И то, что он проторчал тогда под окнами одну ночь, лишь малое наказание за причиненную боль. Это ведь я сейчас могу послать его в дальнейшее путешествие и не дрогнуть, а тогда была глупой девочкой, которой практически вырвали сердце.

— Думаешь пустая ссора послужит тебе оправданием? «Богиня, я целую ночь проспал под деревом у дома подруги, вместо того чтобы это время потратить на охмурение деревенских простушек», — я весьма похоже передразнивала его голос, по крайней мере хотелось в это верить. — «Мне была нанесена смертельная обида, и поэтому я послал всех знакомых в глубокую бездну и сбежал охмурять городских целительниц».

Его передернуло. Я видела, потому что теперь в упор смотрела на напряженную спину бывшего друга.

— Какой же ты еще ребенок, Камелия... С тобой разговаривать, как воду в ладонях носить, все равно большая часть выльется, — а потом, чуть подумав, сказал. — Эту городскую целительницу зовут Олия.

— Какая важная информация, обязательно запомню, — и добавила мстительно. — Чтобы в случае болезни никогда к ней не обращаться.

Да, так себя воспитанные девушки не ведут. Но он сам сказал, что я ребенок, пусть теперь пожинает плоды.

— Но меня теперь есть кому защищать, Лир. Поэтому, надеюсь, помощь целителей в ближайшее время не понадобится.

Он не выдержал, оборачиваясь. И я замерла, с ужасом вглядываясь в знакомое лицо. Изменился. Прямо сейчас. Будто силу не может сдержать, и она вырывается темным облаком, окружая и подчиняя.

Я уже видела Лира таким, в дверях общежитской комнаты, когда Арон меня целовал. Другая сила, не такая как раньше. Он ведь если в детстве злился, не расплывался темными змейками, а просто швырял пульсары в дерево. Я закрыла рот рукой, чтобы не сказать ничего лишнего. Ведь могу его спровоцировать случайно, и потом даже косточек не останется.

— Что с тобой происходит, Лир? Откуда такая настойчивость? Ты бросил меня одну, в глуши. Я не умерла от этого, не кинулась в море и даже ядом самодельным не стала травиться, как угрожала тебе однажды, вынуждая провести ритуал. Я собрала всю волю в кулак и начала строить жизнь заново. Тяжело, да, но получилось. Ты исчез, замата следы. Так что изменилось с тех пор? Увидел меня с Ароном и выиграло мужское честолюбие? Или проснулась, наконец, братская любовь, и захотелось защищать? В любом случае, это уже не твое дело. Я говорила не так давно. У Арона намерения в отношении меня серьезные, переживать не о чем. У нас любовь, пусть это тебя успокоит.

Но он меня не слышал, видимо зацепившись за ту часть разговора, где я пыталась его

передразнить.

— Ты злишься, что я вмешиваюсь в твою жизнь. Тогда зачем раз за разом перемальываешь мою? Детские обиды на юношеские связи. Да, у меня были девушки. Ну так это естественно, Камелия. Я не отшельник, а здоровый мужчина.

— Ты до сих пор ничего не понял, Лир! — я готова была кричать. — Я злюсь не на наличие девушек, а на то, что ты всегда так открыто заводил отношения. Ни в грош не ставя меня. Отмахивался от младшей подруги, как от назойливой ящерицы, стоило на горизонте появиться смазливой мордашке. А я ведь тоже девушка, Лир! Разве ты не видишь? — я поднялась со стула, скидывая верхний халат, чтобы остаться в одной сорочке. Он видел меня такой ни раз, но сейчас смотрел по-другому. Так, что бросало в жар и подгибались колени. И как-то сразу пожалелось о своем недалёковидном поступке. Хотела показать, что выросла? На, получиай нормальную мужскую реакцию на раздетое женское тело.

— Маленькая-маленькая девочка. До сих пор... — он снова менялся, приближаясь ко мне медленно, неуловимыми смазанными движениями. — Я же с ума по тебе сходил все эти годы, думал сгорю заживо. А ты как зверек дикий, только и знала, что обижаться и колючки выставлять. А уж затея с братанием чего стоит... Думал, придушу тебя прямо там, на пастбище, — я не могла поверить в то, что он сейчас пытается до меня донести. Слушала, но слова никак не желали укладываться в предложения.

— Надеялся, заведу роман на стороне, разглядишь во мне не просто друга, но лишь себе хуже сделал. Отторжение какое-то пошло, что и не подойти к тебе было. Думал сначала — ревнуешь, радовался как дурной. А ты лишь зубы выпускать стала. Надо же, внимания малышку лишили, друга увести хотят. Как я должен был к тебе пробиться, Камелия?

Когда ты в упор меня как мужчину не видела? Братская любовь? Да я убить за тебя готов! Рика, Арона, любого.

Он метнулся ко мне резко и зло, схватив в объятия, как тогда, в парке, что не выбраться. И с рыком, удерживая за затылок впился в губы. И мое тело прошибло разрядами, будоража кровь, сметая выстроенные блоки и условности.

Лир даже не думал меня жалеть, целуя с таким голодом и обреченностью, что становилось тошно и вязко. Я погибала в нем, судорожно цепляясь за плечи, пытаюсь стать еще ближе. Прижималась тесно, желая почувствовать каждой клеточкой его тело, твердое, будто выточенное из камня.

Он поднял, подцепив под ягодицы, заставляя оббивать ногами талию. Сознание застилало туманом, заставляя стонать и целовать еще глубже. Руки Лира, уже проникшие под сорочку, гладили обнаженную спину, нагло подбираясь к груди и совершенно вышибая посторонние мысли.

Я замычала, пытаюсь выразить протест, хоть в слова облечь его ни за что не смогла бы. Он ругнулся в ответ, затыкая рот очередным сумасшедшем поцелуем и упрямо направляясь к кровати.

Настойчивый стук прозвучал глухо, будто пробиваясь сквозь плотный слой ваты. И мне никак не удавалось соединить в сознании эти моменты будто разных реалий — дергающуюся дверь и горячие руки, путешествующие по почти обнаженному телу...

Первой мыслью было — Арон вернулся. И накрыло такой гаммой чувств, что хватило бы и на легион солдат. Опасность, отрицание, вина, чужая боль, скручивающая внутренности, будто своя.

Я должно быть застыла, потому что целующий мою шею Лир, ранее не замечающий

стука, тоже замер, прислушиваясь. Что же мы творим такое? Меня гнуло и ломало осознание своей никчемности. Какая же я всё-таки подлая, мерзкая, безголовая...

Жёстко оттолкнув человека, видимо посланного Богиней мне в наказание, принялась оправлять сорочку и искать валяющийся халат. Но была такая дрожь, что руки нормально подчиняться отказывались.

Видя мои мучения, Лир принялся помогать. Аккуратно завязал пояс на халате, поправил в беспорядке рассыпавшиеся волосы.

Почему он ещё тут? Как выпутаться-то теперь...

Я решила не открывать вообще. Постучат и уйдут. В крайнем случае скажу, что наложила сонное плетение и ничего не слышала. Но внутри было настолько муторно, что справится с собой не удавалась.

— Успокойся, это не Арон, — прозвучал ласковый шёпот где-то в районе уха. И я поняла, что Лир, уже приведя меня в порядок, просто обнимал за талию.

— Что? — никак не могла сосредоточиться, отказавшись от вязкой, окутывающей паники.

— За дверью эльф, а не Арон, — я заметила, что каждый раз, произнося это имя, Лир морщится, будто ему неприятно.

— Откуда ты знаешь? — мой шепот свистящим отзвуком прокатился по комнате.

— Доверься мне. — но я вырвалась, готовая кинуться к двери. Ведь раз эльф, значит Литманиэль пришел.

— Нет, нет, — Лир перехватил, и теперь сжимал в объятиях сильнее. — Он сейчас уйдет.

И тут за дверью раздалось:

— Камелия, радость души моей, открой пожалуйста, иначе я начну привлекать внимание. Лир впился пальцами с такой силой, что я вскрикнула, уже не таясь.

— Что ему вообще здесь нужно ночью? — он едва себя сдерживал, с каждой моей попыткой вырваться, сжимал пальцы еще сильнее. И я точно знала, что останутся синяки.

— Он мой друг, понимаешь? Есть такое понятие. То, от которого ты предпочел отказаться, в угоду низменным инстинктам, — я злилась за произошедшее, и спускать ему вольности не собиралась. — Все, Лир, поиграли, и хватит. У тебя своя жизнь, у меня своя. Иди к своей це...Олие. Заждалась, наверное. А то, что здесь было, ты забудешь! Понял?

Он сжал челюсти с такой силой, что заходили желваки. И мне стало страшно. Потому что в нем проступало что-то нечеловеско-мощное, от чего хотелось просто бежать.

— Не смей, Ками! Указывать мне и выбирать за обоих...

В дверь снова постучали, и я не выдержала, подталкивая парня к окну.

— Лир, ну пожалуйста, ради нашей былой дружбы. Выпрыгни в окно сейчас. Тут второй этаж всего.

— Всего? — он от такой наглости опешил и даже поддался уговорам, послушно идя вперед. Правда ненадолго, пока в себя не пришел. — Я разобьюсь! Кто там за дверью, говоришь? Литманиэль? Вот и познакомимся.

Я зашипела. Меня дядюшка убьет прямо тут, если узнает, чем в комнате малышка Ками занималась, а тем более с кем. Ведь Арон уже самоуверенно представился ему моим парнем. Не думаю, что у эльфов в чести такая ветреность.

— Я прекрасно знаю, как здорово ты управляешь с ветром. Так что точно не разобьешься. Все, уходи...Пожалуйста, — последнее пришлось буквально канючить.

Но Лир не был бы собой, если ушел просто так. Он схватил напоследок в охапку и прижался в жадном, собственническом поцелуе. Который опять выбил ненадежную почву из-под ног и подбросил в голову ненужные мысли.

Вонючие тролли пятки! Это просто помешательство какое-то. Я нашла в себе силы на простенькое плетение, чтобы хотя бы немного успокоиться. Понимала, что нельзя сейчас магией пользоваться, но в душе царил такой раздрай, хоть кричи.

Когда открыла дверь, дядя стоял, спокойно облокотившись о косяк. Очень внимательно меня разглядывая. Оно и понятно. Сначала открывала минут 10, а теперь глаза поднять боюсь.

— Ты одна? — да, я бы тоже пришла к таким выводам.

— Да, Арон заходил проверить мое состояние, но почти сразу ушел.

— Ммм...

— Проходи пожалуйста, я же так ждала тебя, — не смогла удержаться, обнимая застывшего в нерешительности на пороге эльфа.

Но он очень быстро опомнился, ласково глядя по спине, и нашептывая что-то на своем.

— Девочка моя, я сегодня переживал.

— Не стоило, — я улыбнулась. — Профессор Госкан дал мне портал.

— Глупенькая, я бы все равно переживал, даже если бы ты вся артефактами завесилась, — он тоже улыбался, и у меня немного отлегло от сердца. Значит расспрашивать ни о чем постороннем не будет.

За окном раздался скрежет, будто кто-то железом по каменной кладке провел. Звук, мягко говоря, неприятный. Поэтому я поспешила закрыть ставни, чтобы не мешали всякие гадости родственному общению.

Сама не заметила, что начала говорить дяде "ты", слишком естественно этот переход дался. Значит привыкла к нему окончательно, подсознательно стирая ненужные в семейном кругу барьеры. После последнего сна я вообще ни к кому из семьи не смогла бы остаться равнодушной, ведь сполна ощутила мамину любовь к близким. Наверное, было бы естественно злиться на них, что не уберегли, но во мне подобных эмоций не наблюдалось. Значит и Анэлия простила, принимая ситуацию полностью, во всем ее черном свете.

Литманиэль снова сгреб меня в охапку, будто все эти годы никак не мог найти применение копившейся в душе нежности.

— Папа хочет познакомиться с тобой... — он гладил меня по волосам, в напряжении ожидая ответа. И мучить его было неправильно.

— Я тоже... дядя, — это было трудно произнести первый раз.

К его зубодробительному имени я привыкла, и даже иногда едва сдерживалась, чтобы не назвать Литом. Но всякий раз одергивала себя, понимая, что тогда придется выкладывать и о ночных видениях. Как поведет себя семья, выяснив, что я знаю об их жизни гораздо больше? Правильно — начнут копать и в моих маленьких тайнах, желая уравновесить положение.

— Я хочу поговорить с Робертом, чтобы тебя исключили из команды на следующие этапы турнира.

— Почему? — отскочила от него, будто током ударили. — Я же справилась. Конечно, Арон помог, да и парни тоже бы поддержали, но ведь кое-что и у меня получается.

— Камелия, я не готов рисковать тобой. Ведь каждый прожитый день, вот уже 18 лет, мое сердце не находит себе места. С тех самых пор, когда с семейного древа исчез

солнечный лик Анэлии. Тяжесть вины, мой неизменный спутник, не дающий спать по ночам, медленно сжирающий. Но все это прекратилось, когда однажды появилась ты. И более, чем уверен, что сестра перед смертью что-то сделала. Произнесла клятву, дала обед, но тем не менее, меня тянуло в это королевство не просто так. Она этого хотела, понимаешь? Чтобы мы встретились, рано или поздно.

Я кивнула. И в памяти упрямо всплывали строки, которые отчаянно хотелось забыть:

Твоя судьба открыта для решений,
Твой путь составит тонна поражений,
Но лишь один потребует прыжок.

«Матерью оставлен был зарок». Не о том ли сейчас говорит Литманиэль? Получается Анэлия хотела, чтобы я знала свои корни, приняла эльфийскую суть. Но в свое время. Она ведь понимала, что рано или поздно моя необычная для человеческого королевства магия, вызовет вопросы. И нужно, чтобы рядом был тот, кто обязательно защитит. Но до поры, я должна была тихо сидеть в захолустном Градоне. Только вот сорвалась с места, видимо, раньше положенного срока.

Я уже размышляла об этом. Мама не зря уехала именно в такую глушь и не оставила после себя и строчки. Семейная шкатулка, и та проявилась только ближе к совершеннолетию. Возможно и на моей магии стоял какой-то блок, ведь говорят, что предсмертные клятвы самые сильные. Мама все продумала, и если бы не соседство с семейством Веридан, к которым в возрасте 3 лет приехал на постоянное жительство одаренный племянник, я бы счастливо просидела до 18 за шитьем и плетением кружев. Дожидаясь явления сиятельного эльфа, ведомого данным его сестрой магическим обетом и зовом родной крови.

Лир во всей этой истории, как камень преткновения. О который я вынуждена постоянно спотыкаться...

Литманиэль ушел достаточно быстро, хотя было видно, что ему этого не хотелось. Но мое истощение давало о себе знать, и в сон клонило все сильнее.

Я лежала на густой, пряно пахнущей траве, ожидая момента, когда найдут тело мужа. Крик поднимут, будут бегать туда-сюда, вытаптывать так любимый мною сад. Хозяйку тоже искать начнут, но позже, когда уляжется первый слой ужаса и паники.

Меня раздирало изнутри, выворачивая наизнанку от совершённого, но я продолжала лежать неподвижно. Даже когда по венам начал течь жидкий огонь, а чудовищная боль корежила суставы, готовясь подобраться даже к костям.

Полное выгорание магии было платой за преступление над своей природой, умышленное причинение вреда разумной сущности. Жалела ли я о содеянном? Нет. Хотела ли убить Дареля? Нет, нет и еще раз нет.

До последнего я пыталась достигнуть хоть какого-то компромисса, оттягивая неизбежный итог. Четыре года терпела ненавистного мужа, принимая его жестокость и измены. Много месяцев молчала о потерянном ребенке. Все это было моей карой.

Только когда успела так провиниться?

Семье было важно, чтобы о чужой магии, которая живет во мне, никто не узнал. Думали, когда в день совершеннолетия окончательно проснется эльфийская суть, постороннее выгорит. Но сила во мне только росла, заставляя прилагать все большие усилия для ее усмирения. Ей нужна была воля и простор, возможность разгуляться. И я давала все это, уезжая на лошади в лес, отпуская непослушную магию вытворять что

вздумается.

Но в одной из самых некрасивых ссор, когда Дарель посмел поднять на меня руку, я не смогла сдержать бушующее внутри. Муж уцепился за эту ниточку, мучая и вынуждая всякий раз выпускать чужеродную магию.

Он откуда-то знал о природе этой силы, хотел познать ее максимум. И прыгал от восторга, как ребенок, когда понял, что его просто нет. Данная магия безгранична, и потеряв хоть раз контроль, полного подчинения добиться будет невозможно.

А когда Дарель раскопал страшное и потребовал у меня показать шкатулку, я лишилась последней иллюзии выбора. Артефакт подчиняется истинному владельцу — последней представительнице рода, как только она достигает своего совершеннолетия. На любую, по-настоящему сильную агрессию в отношении хозяйки, шкатулка могла отреагировать непредсказуемо. Мне приходилось каждый день уговаривать, что нужно потерпеть, и скоро мы с ней попросту сбежим.

Выкрасть найденные Дарелем сведения было легко, он глупо не опасался своей эльфийки-жены. Но от прочитанного сделалось совсем плохо. Во мне текла не только иная магия, но и кровь. И если муж когда-то перейдет границу, который отмерил для себя древний артефакт, стереться с поверхности земли может не только этот особняк, все королевство.

Дарель сегодня не оставил мне выбора, своей жестокостью доведя до точки невозврата. Выжигая магию, я лишала шкатулку возможности через меня взаимодействовать с внешним миром, вынося приговор всему магическому сообществу. Ведь если умру, прервется род и мощнейший артефакт Кауринской династии, станет обычной безделушкой.

Я смотрела на небо, перейдя на магическое зрение, чтобы иметь возможность понять, когда закончится мучительный процесс выгорания. Ломка не утихала, заставляя кусать до крови губы, чтобы не сорваться на крик.

Белые облака, похожие на фигуры животных, плыли размеренно и чинно, не представляя, как тяжело сейчас худенькой девушке, так внимательно наблюдающей за их передвижением.

Небо для меня постепенно становилось муаровым, подернувшись до того мелкой сеточкой, что разобрать оттенки было невозможно. То давало о себе знать угасание магической составляющей, пока еще прочно наложенной на обычное зрение.

Я чувствовала себя хрупкой, готовой вот-вот сломаться, но отчаянно цепляющейся за кусочки радостных моментов этой жизни. До тех самых пор, пока не накрыло осознанием, что я больше никогда не смогу летать. Уже сейчас почти не чувствовала Минутку и Гренадера, они умирали вместе с моей магией. Я сегодня убила и их.

Вытянув вперед руку, попыталась рассмотреть сквозь застилающие глаза слезы, пальцы. Тонкие, как грифельный стержень обычного карандаша. Я принялась водить ими в воздухе, вырисовывая знакомые черты лица брата. Ты возненавидишь меня за содеянное, Литманиэль, но мы все равно всегда будем связаны.

Лишаясь магической подпитки, стало видным и кольцо. Его, наверное, когда-то носила моя мать, пока не решила сделать точно такой же выбор.

Когда раздались первые крики, я уже перестала различать явь и бред воспаленного сознания. Оставалось только муаровое небо, специально предназначенное для тонкого грифеля...

Глава 29. Про страшные тайны и горькую правду

Я проснулась среди ночи в поту и полном изнеможении. Даже двинуть рукой было страшно после жуткой ломки во сне. Хотелось кричать, ругаться и бить куда попало, но я как мама, лежала, стараясь не шевелиться.

Нужно как-то уложить в голове полученные знания, но было совершенно не до них. Я боялась даже глубоко вздохнуть, лишь бы не чувствовать снова движение по венам огненных змей и горькую опустошенность после выгорания.

Вообще, это было благородно, не показать мне сам процесс убийства лорда Дареля. Но даже от осознания своеобразной заботы, легче не становилось.

Спустя полчаса я смогла подняться с кровати, чтобы переодеться — сорочка была насквозь мокрая, будто попала под дождь. И складывалось впечатление, что за одну ночь я похудела еще на пару килограмм. С такими сновидениями от меня скоро вообще ничего не останется.

Но сейчас было не до жалости, тем более к себе. Собрав волосы в высокий неряшливый хвост и накинув сверху домашнего платья факультетский плащ, двинулась к двери. Катастрофически нужна была информация, и добывать я ее собиралась прямо сейчас.

На улице обратилась к внутренним потокам, и найдя золотой, потянула. Он вел меня безошибочно, ведь родственная связь у эльфов чрезвычайно сильна.

Стучала недолго. А показавшийся в дверях растрепанный, чрезвычайно домашний Литманиэль, сорвал в конец все настраиваемые предохранители. С размаха уткнувшись в халат дяди, я отчаянно разревелась.

Он ни о чем не спрашивал, просто подхватил на руки. А потом долго баюкал в кольцо своих рук. Родной и уже сейчас отчаянно любимый.

— Она ведь до последнего не хотела его убивать, понимаешь? — первое, что я произнесла, едва почувствовала на это силы. — Он мучил ее, бил... — чуть отодвинувшись, я заглянула в глаза ничего не понимающего дяди. — Ты знал, что мама потеряла ребенка в браке с этим негодяем?

И вот теперь Литманиэль посмотрел на меня по-другому. Не как на несмышленьша, несущего в истерике бред, а вполне себе адекватного человека, при чем говорящего жуткие вещи.

— Откуда ты. — я перебила его, нагло и жестко.

— Она снится мне, всякий раз, когда происходит магическое истощение. Не знаю кто проникает в подсознание — мамина сущность, которая никак не может уйти, или шкатулка каким-то образом подсовывает видения, но я вижу ее. Кусочки из жизни, яркие моменты, помогающие лучше понять ситуацию, принять неудобных родных, — я погладила напрягшегося Литманиэля по гладкой щеке. — Вы же были мне отвратительны, всё эльфийское семейство. Ведь повинны по всем — ее чудовищном браке, страшном выборе, приведшем к выгоранию, даже к высылке из Менэльтора, — я положила указательный палец на успевшие раскрыться в протесте губы. — Но во сне мне показали, как мама любила — тебя и своего отца. И насколько тепло вы относились к ней...

Литманиэль дернулся, ссадив меня с коленей на софу. Он метнулся через всю комнату к окну, чтобы встать ко мне спиной.

— Любимая поза, Лит? — я жестоко хмыкнула, заметив, как он напрягся, в отчаянье

сжимаемая кулаки. Но по-другому было нельзя. Он же не расскажет ничего, пока я не выведу его на эмоции. — Ты точно также стоял тогда, в день, когда Дарель насильно ее целовал!

Я чувствовала его боль, раздирающее все изнутри отчаянье и вину, настолько глубинную, что становилось за него страшно. Он же все это время жил с ней, только старался прятать как можно дальше.

Но мне было мало того эффекта, который произвела. Потому что Литманиэль до сих пор молчал. Я подошла вплотную, как тогда мама, и обвив его талию, прижалась к спине.

— Я сегодня ночью вместе с ней пережила магическое выгорание, и все прелести с этим связанные, — он сжал мои сцепленные на его животе ладони, так сильно, будто это служило какой-то опорой. — И знаешь, что она делала, когда сгорала изнутри, Лит? Рисовала твой профиль пальцами и думала, что возненавидишь ее за совершенное.

Он не выдержал. Оторвал меня от себя и быстро вышел из комнаты. Плакал, я знаю. Потому что и сама едва успевала стирать ладонью снова и снова катящиеся слезы. Зато теперь я твердо была уверена — он все расскажет. Ведь знает, что мне уже известно слишком многое из того, о чем они старались умолчать.

Литманиэля не было минут пять, а я за это время успела много раз обойти комнату. На месте усидеть было совершенно невозможно. Ведь причинять боль, тем более намеренно, оказалось тяжелее, чем самой ее принимать.

Он вышел очень бледный, собранный и невозмутимо спокойный. В простых брюках и хлопковой домашней рубашке. То есть оделся, чтобы меня до общежития проводить. И по ощущениям, сделать это он хотел прямо сейчас.

Меня аж передернуло. Он же знал, что я не успокоюсь, и готов был терпеть любые нападки, лишь бы не выдавать семейных тайн.

— Ты же понимаешь, что я не уйду? Пока не получу всех объяснений, — Литманиэль смотреть на меня не желал. Что ж, сам напросился. — Чья кровь течет во мне? И какое отношение я имею к Кауринской династии?

Он замер. А потом метнулся вперед так стремительно, что я испугалась.

— Ты осознаешь, что не нужно в это лезть, Камелия?! Зная всю правду, рано или поздно выдашь себя. Словом, жестом, интересом... И я буду оплакивать уже тебя, как когда-то было с Анэлией!

— А ты думаешь никто не догадывается, что я смесок? Да пол академии уже наверняка о подобном судачат. После того, как лучшие адепты-выпускники не смогли перехватить потоки какой-то первокурсницы. Я уже выдала себя именно по незнанию! Так стоит ли все усложнять? — я едва успевала переводить дыхание, ведь старалась говорить быстро, не давая дяде вставить и слова. — Не скажешь сам, пойду в библиотеку. Не найду там, буду спрашивать у преподавателей и скоро докопаюсь до истины!

Литманиэль нервно закатил глаза, будто внутри шла отчаянная борьба. А когда, сдаваясь, кивнул и я, наконец, смогла выдохнуть, хлопнула входная дверь.

— Литманиэль, друг мой, отчего ты не спишь в такое время? — говорившего было еще не видно, но по манере речи и приятному, располагающему тембру, сразу понятно — эльф.

— Не выходи, — шепнул мне едва слышно дядя, прежде чем направиться к гостю. Хотя гостю ли, ведь зашел он слишком по-свойски, даже без стука.

— Раданэдэль, ты же хотел остаться ночевать в городе, вместе с участниками турнира. Я, честно говоря, не ждал.

Та-а-ак. А не тот ли это Раданэдэль, что так хотел пообщаться на уроке Мегеры? Им с

дядей, получается, выделили один домик.

— Да я тут, знаешь, хотел прямо с утра визит вежливости нанести. Потом, боюсь, ее будет снова не выловить.

— Ее? — Литманиэль напряженно рассмеялся. Но заметно было, что это скорее, чтобы занять готовую образоваться неловкую паузу.

— Ты знаешь, никак из головы выбросить не могу... Участница команды Эдарон, Камелия кажется.

Богиня! За что? Еще эльфа мне до кучи и не хватало. А Литманиэлю сейчас какво? Он же внутренне, наверняка его убить готов, а внешне такого показать не может.

— Я же тебе в наш первый приезд озвучил свои доводы. Что из сказанного было не понятно?

— Не кипятись, друг! — раздался тихий шелест, видимо Раданэдэль похлопал дядю по плечу, желая успокоить. — Честь девушки не пострадает, — он выдал какой-то странный смешок, и не знай я, что разговор ведут двое эльфов, приняла бы подобный за скабрзное хмыканье. — Как раз сегодня в таверне выяснил, что она свободных нравов. Говорят, уже многим доступ в покои предоставляла...

Отчетливо слышался звук удара, а я готова была провалиться сквозь землю. Все-таки пошли слухи, тролли всех задери! Лир не преувеличивал тогда на лестнице. Мне самой, конечно, не приятно, но пережила бы. А вот перед Литманиэлем было чудовищно стыдно.

— Литманиэль, с чего такая реакция? Или сам глаз положил на девчонку? Я не поразвлекаться хочу, успокойся! Заберу ее в Менэльтор, поселю в своей вилле у озера. По ней же видно, что смесок. Здесь такой не место.

Вот! О чем я и говорила. Почти каждому понятно, что я не совсем человек. Может быть это окончательно укрепит дядю в решении рассказать все без утайки.

Если честно, злиться на Раданэдэля не получалось. Ведь не попользоваться хотел, даже после ходивших слухов, а любовницей сделать. Эльфийское благородство, мать его!

— Не нужно кидаться, друг мой! Мы не на спарринге в клубе. В любом случае, выбирать девушке, вдруг она лучшей жизни ищет? Что ей сможет дать это однобокое образование? А я учителей найму... — он замолчал, а я начала подкрадываться ближе к коридору. — Литманиэль, ну сам подумай, из наших ее замуж не возьмет никто, одобрения не будет. А людей она сама скоро сторониться начнет, не найдя душевного отклика.

— Раданэдэль... — дядя едва держался. По голосу было понятно. Но интересно же, новая информация как-никак. Я, оказывается, еще и людей сторониться должна начать, может и кидаться буду. Замечательная перспектива!

— Понравилась она мне. Сначала как держалась, там на плацу, а присмотрелся. — я не стала ждать окончания фразы, ведь Литманиэль на него просто кинется снова.

— Литманиэль, ты скоро? — я добавила в голос томности и еще больше растрепала бардак на голове, входя в роль.

— У тебя девушка? — в голосе Раданэдэля слышался какой-то благоговейный ужас. — То есть мне на местных глаз поднять нельзя, а стоило за порог выйти, ты уже кого-то привел?

— эльф откровенно веселился. — Но раз с девушкой я тебя в последний раз видел несколько лет назад, прощаю. Видимо и правда зацепила.

Я выдохнула, подумав, что он сейчас уйдет. Но этот пройдоха спутал все карты, стремительно прошествовав в гостиную.

Мы едва не столкнулись лбами и теперь смотрели друг на друга в немом изумлении. О чем думал Раданэдэль, не знаю, а вот я ожидала порки от дяди, и не факт, что только моральной.

Наконец, оценив мой потрепанный вид, эльф нагло выдал:

— Литманиэль, а друг ли ты мне после этого, а?

— Камелия уже уходит, Раданэдэль. И воздержись от своих инсинуаций, она и так достаточно слышала, — я таким дядю еще не видела, грозный, строгий, с режущим взглядом.

— Да-а-а, мне очень нужно в общежитие! — если честно, даже тайны выпытывать расхотелось. Он от меня все равно уже никуда не денется, а сейчас можно и по макушке получить. — Не нужно меня провожать. Завтра поговорим!

Последнюю фразу я кричала опешившим от такого быстрого бегства эльфам, уже у двери. И прежде, чем успела получить ответ, ретировалась.

Шла до общежития очень быстро, и выскочившему у проходной Ковалю только рукой махнула. Даже доброй ночи ему пожелать не смогла.

В комнате специально внимательно оглядела все поверхности, шкатулки не было. Притаилась, пакость такая, завтра обязательно разберусь с ней. Страшный артефакт, однако, я пригрела на своей груди.

Спала необычайно глубоко без всяких отваров и плетений, значит вымоталась окончательно. Оно и понятно, ведь событий за одни сутки выпало, что и за год не разобрать.

Арон пришел рано утром и не нашел ничего лучше, как лечь рядом. Хотелось выпихнуть его из комнаты или хотя бы больно ткнуть под ребра, но я лишь глубже уснула, прижавшись к теплему сильному телу. С ним было сейчас спокойно и надежно.

Арон целовал мои волосы и лицо, пытаясь добудиться, но даже веки разомкнуть было не в состоянии, о чем и прошептала. Он тут же потрогал лоб и ругаясь, выскочил из комнаты, не удосужившись, однако, прикрыть дверь. Поэтому-то я и смогла услышать шипящий спор знакомых голосов.

— Тебя, кажется, не приглашали, Лириан! — даже не видя, могла представить лицо бывшего друга, которого так называла только я, а вот теперь и Арон. Остальным он своего полного имени вообще не открывал, страшно его не любя. Потому что оно тесно переплеталось с тяжелыми воспоминаниями раннего детства.

— О, смотрю ты мое имя запомнил... Арон, кажется? — Лир откровенно глумился, и мне стало невыносимо от этого пренебрежения в его голосе. Будто имел какое-то право на такое общение.

— Запомнил... Только это не отменяет того, что тебя не приглашали, — Арон говорил спокойно, но точно нервничал, кому как не мне это знать.

— А ты уверен? Может, я смог добиться приглашения на чай? Скажем, этой ночью...

Даже предположить не могу, каких усилий Арону стоило не поддаться на провокацию. И я бы его расцеловала, если могла. Но даже пальцем двинуть сейчас была не в состоянии.

Вот зачем Лир это делает? Ведь напросится на драку, отстранят обоих от турнира.

— Жаль тороплюсь, Лириан! — Арон теперь почти рычал. — Мы это позже обсудим. Я вижу ты очень хочешь... поговорить.

— Больше, чем ты думаешь. Ками у себя?

Лир сейчас был на волоске, но вместо ответа я услышала только громкий стук двери и поворот ключа. Красноречиво, чего уж тут.

Обдумать поведение бывшего друга, не дала вновь накатившая чернота.

Проснувшись от прохладных прикосновений к коже лица и тут же попыталась отскочить в сторону. Но услышала тихий смех.

— Это я, не пугайся, — Арон сидел на кровати, с улыбкой глядя на встревоженную меня. — Как себя чувствуешь?

Я аккуратно села, честно говоря, побаиваясь резких движений, памятуя о недавней слабости. Но все было отлично, ни тошноты, не головокружения.

— Хорошо. Что ты сделал? — я, недолго думая, поспешила одеваться. Арон быстро отвернулся, чем вызвал новую волну благодарности. Он весь последний месяц ведет себя просто идеально.

— Целителя притащил. Он ругался кстати, что вчера к нему не пришли, — я на это лишь хмыкнула. У них и так после турнира дел не в проворот было. Особенно, если вспомнить потрепанный вид команды Моренго.

— Ну подлечил, и хорошо. Сегодня вечером все в силе? — мне хотелось поскорее спровадить Арона, чтобы сбежать к Литманиэлю. Перо бы сейчас сюда!

— Тоскан не отпустил... — Арон выглядел подавленным, но по мне, все к лучшему. Ведь парни из нашей команды могли начать задавать ненужные вопросы, особенно, под хмелем. — Но мы с ребятами решили тогда отмечать в комнате.

Я прямо представила, как они «рады» такому исходу. Наверняка Арон надавил — или вместе, или никак. Но попойка в комнате и веселый вечер в таверне — это разные вещи.

Убедить Арона, в прочем, не удалось. Уперся, и все тут. На занятия не пустил и уходить отказался, аргументируя указаниями целителя. Но я была уверена, что он боялся прихода Лира, едва сам выйдет за порог.

Вновь вспомнив о бывшем друге, накатили картинка вечерней встречи. Но такого явного стыда и вины я уже не испытывала. Эмоции притуплялись, натываясь на поставленный блок, хотя я сегодня его и не обновляла. А может все потому, что события моей личной жизни не идут ни в какое сравнение с открывающимися тайнами рода и трагедией, оставшейся далеко в прошлом.

— Арон, может ты знаешь что-то о Кауринской династии? — я задала вопрос спонтанно, потому что выкинуть из памяти это никак не получалось. И видя недоуменность во взгляде парня, поспешила добавить. — Слышала где-то, и запало так в голову, что теперь думаю постоянно.

— А-а-а. ты знаешь, название знакомое. Но прямо так сходу не скажу, — и, наверное, мои глаза неосознанно зажглись искрой надежды, потому что Арон, смеясь, продолжил. — Я не устаю поражаться твоей непосредственностью. После вчерашних испытаний на турнире, обычная девчонка уже бы в подушку выла, а ты на какой-то династии зациклилась.

— Я ж на боевом, какая подушка, — в доказательство кинула в него этим самым предметом, попав четко в голову. За что, в общем, потом и получила, но бегать от него по всей комнате было очень даже весело.

Парни уже расположились в комнате Арона, и встречали меня вполне себе доброжелательно. Стол ломился от закусок, видимо принесенных из таверны, куда сегодня изначально собирались пойти. А уж о количестве бутылок вообще промолчу. Неужели они столько смогут выпить?

Мои познания в алкоголе ограничивались яблочным сидром. Который родители выдавали в маленькой рюмочке по праздникам. Но мы с Лиром, конечно, наверстывали упущенные возможности кражами из кладовой, пока не попались.

— Камелия, мы тебе взяли вишневую настойку, — это Кирас, озорно мне подмигивая. — Говорят, не хуже эльфийского нектара.

Богиня, пошли мне терпения. И побольше!

— Спасибо, Кирас, мне крайне лестно, — парень прямо расцвел. Видимо тайна между нами ему очень нравилась. И он никак не мог выбрать линию поведения — дразнить, или просто загадочно ухмыляться.

Мар отодвинул стул, предлагая присоединиться к столу. И узелок недоверия в душе начал постепенно слабеть. Неужели приняли меня? Вот такую маленькую и слабую?

Приняли. И весь вечер травили байки, заставляя заливисто хохотать.

— А потом Арон руки развел, типа обниматься жаждет, и как гаркнет ей: «Иди сюда красавица, любить тебя буду». А там красавица — утопленница столетней консервации, как вспомню, содрогаюсь, — Пирс сопровождал рассказ размашистыми жестами, делая его еще более образным. — А она дырки от ушей развесила, и пошла. Представляешь? — парни дружно гоготали, видимо заново переживая события того рейда.

Я лишь утирала катящиеся слезы, потому что смеяться по-другому уже не получалось. Представлять подобное не хотелось, но если останусь на боевом, это вот все ждет и меня. Утопленники, поднятые взбесившимися некромантами умертвия, сковерты, муары и прочая фауна этого королевства. Вдруг стало нехорошо...

— Аро-о-о-н, я в ту-у-у-а-алет, — слова звучали протяжно, с изрядной долей какого-то акцента. И даже встать со стула с первого раза отчего-то не получилось.

— Я провожу, — Арон быстро отодвинул препятствие, которое мне все никак не удавалось преодолеть, и подхватив под локоть повел к двери. — Пить больше не дам!

— Да-а-а-а й-я-я и не-е-е-е хочу-у-у-у, — удалось выдавить тягучую фразу. И отчего-то смешно так стало, что не удержалась.

— Пошли, в туалет, а потом в комнату отнесу, — Арон попытался подхватить на руки, но я воспротивилась. Отчего-то стало обидно. Будто я дите неповоротливое.

— Нии-и-и. ммм.

Мне удалось отстоять право двигаться самостоятельно, но едва выйдя за дверь, столкнулись с феями. Вот уж кого не ожидала увидеть, так это синеволосого Прака и янтарного Нура.

— Ребя-я-ят, вы к на-а-ам? — выдала я почти без заиканий.

— Мы узнали, что вы отмечаете. Можно присоединиться? Для нас турнир окончен, но интересно же, как другие веселятся.

Странные они конечно. Чего хорошего смотреть на чужую радость. Но это ж феи. Они вообще не от мира сего, поэтому распахнув дверь, я крикнула:

— Ма-а-альчики, у на-а-ас гости! — последнее слово старалась выговорить особо твердо. Давая понять, что феечек обижать не надо. Им и так досталось.

А когда дверь за Праком и Нуром закрылась, Арон вдруг проговорил.

— Ками, я на них сейчас посмотрел, и вспомнил.

— Ммм?

— Кауринская династия, это древний род фей. Их уничтожили несколько веков назад... — он что-то еще говорил, но я уже не слышала.

ФЕИ. Меня тянуло в какую-то пустоту, тяжелую, глубокую... ФЕИ. Мой маленький рост, мамыны разноцветные пряди после магических выбросов... ФЕИ. Я тонула все глубже, больше не цепляясь даже за раздающийся рядом голос Арона... ФЕИ.

Их уничтожили! Весь род. Много веков назад.

ФЕИ!

— Арон, — я уже говорила на удивление трезво. — Можно до туалета сама дойду. А потом сразу сюда, чтобы ты проводил до комнаты. Пожалуйста.

Он не хотел отпускать. Сопrotивляясь с каким-то остервенением.

— Мне нужно побыть одной! — Арон осмотрел меня еще раз пристально, и поняв, что опьянение уже немного отпустило, наконец, кивнул.

Я старалась идти прямо, как можно четче, пока не услышала щелчок закрываемой двери.

А потом просто прислонилась к стене, потому что вело невероятно. Держась за прохладную поверхность, двигаться было гораздо легче.

Ни в какой туалет я не пойду. Нужно было срочно найти Литманиэля. Потому что новое знание сжирало меня изнутри. Откуда в роду эльфов взялись феи? Почему природная магия проснулась именно в матери, а теперь бурлила и во мне, настойчиво требуя выхода.

По ступеням спускалась осторожно, и получив с открытием входной двери потоком прохладного воздуха в лицо, поежилась. Но за плащом сходить даже мысли не возникло — в таком состоянии времени много займет, да и вдруг Арон перехватит. Поэтому упрямо шагнула навстречу ночи.

Шла по родовой связи, и очень жалела, что нет больше под рукой спасительной стеночки. Потому что если в голове и было небольшое просветление, то на двигательной функции

это никак не сказалось. Пульсар тоже делать побоялась, могу ведь и перепутать обычный с боевым.

Поэтому столкновению с чем-то большим и твердым даже не удивилась.

— Пра-а-асти-и-ити-и-и, — удалось выдавить, после того, как в вертикальное положение вернули чьи-то руки.

— Та-а-ак, — голос был мне смутно знаком, и так как видно ничего не было, полезла ощупывать лицо собеседника руками. Видимо зря, потому что следом раздалось разгневанное, — а скажи-ка мне, Деронвиль, кто тебя в таком состоянии на улицу выпустил?

— Мне-е-е-е надо! К Лим... Лик... Лит... маэлю, вот! — отчего-то так получалось, что в голове мысли в предложения складывались нормально, а вот озвучить не выходило.

— Зачем это? — вот чего он такой язвительный? Сказала же — надо! Хотя, это же Тоскан!

— Про фей спра-а-асить. Ик. — ну вот, опять икать начала. Теперь даже если и захочешь, ничего нормально не выговоришь.

— А Арон где? — я лишь рукой махнула в сторону общежития.

— Пошли-ка, любимая моя адептка, баиньки. А завтра все мне расскажешь, и про фей, и про Арона, и про Литманиэля.

— Мммм. — я хотела возразить, но не получилось. Потому что вредный декан нагло вырубил меня каким-то плетением. Жаль не разобрала в темноте, полезная вещь. Потому что действовала очень мягко, в отличие от полной блокировки или стазиса.

Как сквозь льющуюся воду я слышала перепалку. Потом меня пытались вырвать из цепких рук Тоскана. Потом снова ругались. Было беспокойно и как-то волнительно, но вынырнуть на поверхность, чтобы разобраться, не получалось. И лишь когда обнял кто-то сильный и знакомо пахнувший, я успокоилась, прижимаясь теснее. Чтобы, наконец, уснуть,

наслаждаясь цветочным ароматом с едва заметной горчинкой.

Что я знала о головной боли до этого утра? Видимо совсем ничего. Набатов отдавались любые звуки, даже легкий ветерок, колышущий занавески.

Я мысленно возвала к своему помощнику, попросив обеспечить побольше воздуха. Только вместо него на лоб легло мокрое ледяное полотенце, даря так необходимую сейчас прохладу.

— Водички попьешь? — голос дяди звучал тонким шёпотом, почти не раздражая.

— Да. — после произнесения такого короткого слова голову буквально прострелило, и я с силой сжала зубы, чтобы не стонать.

— Шшшшш, выпьешь и полегчает, — моих губ коснулся стакан, но подняться не смогла. Поэтому дождалась помощи Литманиэля и морщась, двумя глотками осилила вливаемую гадость.

Он не соврал, головная боль начала отступать быстро, какими-то волнами. А когда я смогла открыть глаза, обнаружила себя в незнакомой комнате, а за окном позднее утро.

Здесь царил изумрудный. Темно-зеленые обои, ковры цвета ранней осенней зелени, дубовый тяжелый стол с малахитовой подставкой для ручек и такого же цвета пепельница.

Литманиэль сидел рядом с кроватью, наблюдая за мной.

— Привет, — мне было стыдно. От того, что дядя лицезрел меня вчера такой пьяной и, видимо, с боем отбивал у Тоскана.

Он покачал головой, что могло означать в его исполнении что угодно. От того же «привет», до «как ты до такого докатилась, Камелия».

— Я сегодня много думал. Прикидывал разные варианты, но итог один — оставить тебя тут одну, не смогу, — он вздохнул как-то тяжело и обреченно. — Мне сначала казалось, что ситуация с Раданэдэлем какая-то патовая — некрасивая и неправильная. А теперь считаю, что так и должно быть.

— Что? — я даже головой замотала в неверии.

— Мне все это разрывает сердце, Камелия. Но является наилучшим выходом. Раданэдэль уже считает тебя моей любовницей, и поверь, молчать об этом не будет. Так сложилось, что с женщинами меня видят редко, поэтому каждый выход — событие. Он наверняка уже растрепал в переписке с друзьями данную новость. Тем более ты сегодня ночевала у меня, и Раданэдэль видел, как я на руках нес тебя в свою комнату.

— Хорошо, это сейчас, а дальше? Ты же жениться захочешь, а меня куда денешь? Или скажешь тоже самое своей невесте? «Познакомься, дорогая, это моя любовница»?

— Я пока жениться не намерен, у эльфов вообще к такому событию подходят крайне скрупулёзно и выверено. А лет через 50 все забудется.

— Какие 50 лет, Литманиэль? Мне будет под 70, - я ничего не могла поделать и засмеялась. Просто представила себя, такую маленькую, сморщенную, с седыми взлохмаченными волосами рядом с сиятельным Литманиэлем, который и через полвека будет выглядеть точно также, будто ему не больше тридцати.

— Девочка моя, в тебе тоже течет наша кровь, родовая магия. Это обеспечит столь же долгую жизнь, как и у всех эльфов.

Богиня! Почему я об этом раньше не думала? Каково это — не стареть? Да, маги живут дольше обычных людей и выглядят хорошо до преклонного возраста, но тем не менее, их не минует старость. Тот же Тоскан, очень сильный маг, но волосы уже давно отмечены сединой, как и лицо морщинами. По виду ему около 45, но биологически, наверняка гораздо

больше. Чувствуется в профессоре умудренность и богатый опыт.

— То есть, ты объявишь меня своей любовницей и будешь постоянно приезжать? Не понимаю, зачем это все?

— Нет, — Литманиэль смотрел прямо в глаза. — Я забираю тебя в Менэльтор сразу после турнира. Будешь жить у нас в поместье. Отец и мама уже готовят для тебя бывшие покои Анэлии.

Усидеть после такого заявление стало совершенно невозможно. Поэтому вскочив, теперь смотрела на него сверху вниз.

— Литманиэль, у меня учеба, Арон, друзья... После турнира и сдачи экзаменов я хотела навестить родителей в Градоне! А уехать просто так... Не могу, понимаешь?!

— А я не могу тебя оставить тут! Особенно после вчерашней выходки. А если бы не мы с Робертом тебе встретились на пути, а, Камелия? Что, если бы ты наткнулась на.

Он замолчал, проглатывая вертящееся на языке. Зато я продолжила.

— На фей, например. Да, дядя?

Литманиэль побледнел. И без того светлая кожа стала восковой.

— Я узнала, что Кауринская династия — это древний род фей, который полностью истребили. Поэтому и пошла ночью к тебе, сбежав от Арона.

Он так и сидел, молча испепеляя взглядом.

— Они не успокоятся, Камелия. Ты активировала шкатулку, сама того не подозревая, и эти эманации засекали. Феи пока не уверены в личности, но точно знают место.

Я закрыла руками лицо, но полностью абстрагироваться от всего этого уже не удастся.

— Видимо уже вычислили и личность. Они вчера напросились на нашу вечеринку, придумав какой-то нелепый предлог.

Литманиэль обнял меня, усаживая к себе на колени.

— Не бойся. Никто из них в Менэльтор не сунется. Во время последних беспорядков в Сайнотроуде погиб член эльфийской делегации. С тех пор феям вход в наше королевство запрещен.

— Я не знаю чего мне бояться, пока вокруг сплошные тайны. Почему должна по крупицам выскребать информацию? Расскажи все как есть.

— Хорошо. Но время к обеду, а у вас через 2 часа новый этап турнира.

Я вскочила с таких удобных коленей как ужаленная, и быстро оглядев себя, понеслась на выход. Но думала сейчас не о турнире. Арон! Я сбежала вчера, и пропала на всю ночь.

В комнату ввалилась, чтобы переодеться и застыла в дверях. Арон сидел на моей кровати, опустив голову и опираясь руками на колени. Скорбная поза, говорящая о слишком многом.

Я кинулась к нему тут же, опустившись рядом, обнимая его сцепленные в замок ладони. Даже не представляла, что говорить. Я виновата. И гулко стучащее в груди сердце сейчас ныло от чужой невысказанной боли.

— Где ты была? — его голос звучал глухо, и будто совсем без эмоций.

— У Литманиэля...

Арон хмыкнул, подняв на меня воспалённые глаза. Не спал всю ночь, ожидая возвращения блудной девушки. Богиня! Что же я делаю.

— Значит все-таки эльф. Думал сначала ты у этого, который друг детства, — он мотнул головой в сторону двери. — Но его тоже в комнате нет, значит в Академии не ночевал. А тебе выходить запрещено.

Я вздрогнула от этого его прожигающего до самого нутра взгляда.

— Значит нужно было к эльфу в домик идти.

— Арон! — я обхватила ладонями его лицо, прижимаясь к холодным губам. — Ты не о том совсем думаешь!

— А о чем должен думать, когда ты обманом сбегаешь на всю ночь? Тем более пьяная? — он вырвался, оставляя меня стоять на коленях.

— Меня вчера Тоскан поймал. Хотел отвести в комнату, но Литманиэль перехватил. Я проснулась и сразу сюда бежать. — я не знала, как ему объяснить, чтобы не выглядеть подлой дрянью и одновременно не выдать всю подноготную. — Литманиэль мой родственник.

Арон повернулся так резко, что ветром взметнуло волосы.

— Родственник? — он повторил сначала явно не веря, а потом внимательно вглядываясь. — Ну конечно!

Он улыбнулся и у меня немного отлегло от сердца. Не хочу, чтобы он страдал. Но после сегодняшнего разговора с Литманиэлем понимала одно — мне в его жизни не место. Чтобы мы оба не запланировали, как бы он не хотел быть рядом, ничего не выйдет.

И от осознания этого внутри все будто перевернулось. Не выдержав, я кинулась к нему, и повиснув на шее, принялась целовать.

— Прости, прости, прости, — нос, щеки, брови, губы, целовала все, куда дотягивалась, стоя на цыпочках. — Я не должна была говорить о родстве, слышишь? Эта тайна. Но я виновата перед тобой и больше никогда так не поступлю! Не буду пропадать. Обещаю.

Он принялся целовать в ответ, сжимая крепко, но бережно. А я впитывала его тепло сейчас, будто губка, эгоистично молча о скором отъезде. Ведь может все поменяется, обнаружится что-то этому мешающее, мир перевернется вверх дном, наконец. Но прямо сейчас сказать подобное я была просто не готова.

Никогда не думала о будущем рядом с ним, но ведь вполне себе можно представить Арона лет через 5. Я к тому времени закончу Академию, он будет командовать городским отрядом. Картинка была вполне себе четкая, только вот удастся ли оживить...

Отправив Арона переодеваться, я со скоростью, которую от себя не ожидала сбегала в душ и даже успела помыть голову. И очень жалела, что бытовая магия у нас начнется только во втором семестре, потому что отчаянно хотелось иметь возможность одним взмахом приводить волосы в порядок. Кстати про них, я не так давно отрезала добрую половину длины любимым заклинанием, но к утру коса снова достигала пояса. Видимо это теперь мой тяжкий крест до конца жизни!

Арон ждал у двери — собранный и какой-то далекий. Но о чем он сейчас думает, узнавать чревато. Я до сих пор чувствовала себя виноватой, ведь все так же повинна в его бессонной ночи и причиненной боли, хоть и смогла оправдать отсутствие.

Он даже не взял за руку, чем привел в еще большее смятение. Хотелось сделать это самой, но я сдержалась. Он вправе злиться и желать находиться подальше. И навязываться — потакать своему эгоизму.

Наша команда уже ожидала на плацу. И потихоньку подтягивались адепты-зрители, занимая лучшие места на трибунах. Пирс осмотрел меня очень внимательно и предложил немного подлечить. Серьезно, без малой толики сарказма.

— Неужели по ауре видно? — я спросила не просто так, потому что дядин отвар вполне себе справился с задачей и головной боли не чувствовала совсем.

— На тебе какое-то хитрое обезболивание, не могу разобрать. Но вдруг спадет посреди соревнования, будешь недееспособна.

Я удивилась, значит Литманиэль не только отваром отпаивал, но и плетением подлечил. Только сделал это незаметно, щадя мое самолюбие.

— Лечи, конечно! Боюсь новой порции головной боли просто не переживу.

Парни как один — хмыкнули, но тему развивать не стали. Мои ж хорошие!

Совсем незаметно собрались все команды. Хотя нас и осталось-то тут всего ничего. Первым делом я посмотрела на Моренго. Очень хотелось убедиться в их хорошем самочувствии, сама не знаю почему. И такой интерес незамеченным не остался — капитан мне помахал рукой, белозубо улыбнувшись.

Да-а-а... Я быстро отвернулась, наверняка успев сменить как минимум 2 цвета лица, потому что сначала стало удушливо жарко от стыда, а когда заметила, как смотрит Арон, обдало ледяным холодом.

Хоть вообще по сторонам не смотри, право слово. Но исподлобья я все-таки продолжала наблюдать. Эльфы были, как всегда прекрасны и точно сменили форму. Я понимала, что подробностей сегодняшнего этапа не известно никому, но в голове зудело — они подготовились еще тщательнее. Родар. Вот сдался мне Родар! Смотреть было категорически нельзя, но и удержаться невозможно.

Лир стоял отдельно от Олии. И если девушка выглядела грустной, но собранной и готовой к испытаниям, то при взгляде на бывшего друга у меня екнуло сердце. Бледный до синевы, с посверкивающими каплями пота на лбу, которые он незаметно стирал рукавом. Он был явно нездоров, но упрямо старался держаться.

Мне хотелось кинуться к нему, чтобы помочь, ведь прекрасно владела обезболивающим плетением. И только невероятным усилием воли, я заставляла себя оставаться на месте. Почему его целительница стоит в стороне, будто все так и должно быть?

Лира ведь и ночью в комнате не было, Арон ясно дал мне это понять. Так что же произошло, пока я спала в домике дяди? Под ложечкой противно засосало и кольнуло догадкой. У него еще кто-то есть в городе... И с Олией наверняка из-за этого разругался.

Это только я — дурочка доверчивая, которую можно накормить порцией небылиц из далекого прошлого, а потом пытаться затащить в постель. Целительница явно поумнее будет.

— Приветствуем всех собравшихся на втором этапе турнира, — ректор сегодня тоже был не в духе, и выглядел встревоженным. Какой-то всеобщий день разочарований. — Приподнимем немного завесу тайны. Команды будут заброшены в разные точки одной местности. Ваша задача — найти карту и выйти к финалу без потерь. На прохождение этапа дается 12 часов. В случае серьезного ранения любого члена команды автоматически активируется портал.

— Это они перестраховываются из-за Моренго, — наклонившись к моему уху прошептал Кирас.

— А что случилось? Мне так и не рассказали, — я немного вывернулась, чтобы посмотреть стихийнику в глаза. Но на нас шикнули, поэтому пришлось вернуться в первоначальное положение.

— Да он чуть Богине душу не отдал, до последнего с мертвьями бился. Резерв к моменту сражения на нуле у всей команды был, ну они и сражались кто чем придется — оружия-то не дали. Его ранили, он выйти из игры обязан был, но своих подставлять не

захотел. Вот и решили теперь портал активировать, который автоматически на угрозу жизни участника сработает.

— Спасибо, что рассказал.

— Да было бы за что. Мы с тобой связаны одной тайной. цветочек, — он сделал вид, что принюхивается. А я наступила ему на ногу. Ну так, легонько, Кирас даже не пискнул, но язык видимо прикусил.

В этот раз рюкзаки раздавали до вхождения в порталный переход. Нам скарб вручали представители эльфов. Литманиэль четко направится к Арону. Хотя их знакомство и не задалось, наверняка, как и Тоскан перед прошлым этапом, дает наставления: «Береги, храни, жалей.». С одной стороны — забота всегда радует, а с другой — я же не тепличное растение, а адепт боевого факультета. Да, многое не получается, но и постоять за себя в случае опасности смогу.

Но Арон слушал внимательно и согласно кивал моему дядюшке. Ну надо же, спелись! Я нагло протолкнулась вперед и подойдя к этой парочке, зашипела:

— Литманиэль Артонадар Анаррима, прекратите пожалуйста науськивать командира нашей команды.

Арон даже глазом в мою сторону не повел. Поразительное пренебрежение, надо сказать.

— Камелия, радо... Хм, — он стушевался, помня о предыдущей агрессии Арона на подобное обращение. — Это для твоей безопасности.

Я уцепила Арона за руку и потянула к нашей команде, где каждый уже получил свое снаряжение.

— Посмотрели уже, что в рюкзаках? — спросила я, обращаясь в никуда, понимая, однако, что все расслышат.

— На этот раз даже гарпуны дали, видать намечается что-то стоящее, — Мар гаркнул это со смешком, но я понимала — бравада. Пустая, но нужная, чтобы разрядить обстановку.

Я в свой рюкзак даже заглядывать не стала — гарпун, так гарпун. Мне он все равно не пригодится. Ведь даже мысленно представить, как вонзаю копьё в кого-то или что-то не могла.

В портал входила уже готовая к отвратительным ощущениям. И надо сказать, что мутило уже в разы меньше. То ли привыкаю к такого рода перемещениям, то ли целительское плетение Пирса работало расширенно.

Когда решилась открыть глаза, поняла, что осталась одна, в тягостной тишине огромного помещения.

— Ребята. — слово эхом пронеслось по залу, пускаясь вскачь по пустым, завешенным зеркалами коридорам. Было темно и холодно.

Я осмотрелась, понимая, что попала в страшную сказку, так часто перечитываемую в детские годы. И если первое погружение в историю принесло бессонную ночь и боязнь проходить мимо зеркал, то каждое последующее обрастало новыми интересными подробностями. Я просто училась бороться со своими страхами, придумывая новых героев и забываемые приключения в старом зеркальном замке.

И сейчас прекрасно осознавала, что за поворотом поджидает многоликая гидра.

Кто мог проникнуть в мои потаенные мысли и страхи? И тем более воспроизвести замок с такой точностью? Это же придуманный лично мной мир.

Я тут же перешла на магическое зрение, ведь все здесь скорее всего просто иллюзия. И

тут же разочарованно выдохнула. Замок настоящий, при чем нашпигованный магией под завязку. Даже на потолке множественными линиями были развешены ловушки. Мне отчаянно не хватало знаний в этой области. И я пока не могла по структуре плетения распознать само заклинание, только определить по цвету и яркости — опасность.

Так вот — подходить к стенам я вообще отказывалась, потому что повсюду были красные, малиновые, ярко-синие потоки. Постарались организаторы, сказать нечего. Да и на полу пучками выделялись скопления линий. Такое ощущение, что развесили ловушки квадратами.

Я мысленно возвала к своему помощнику, надеясь с его помощью преодолеть расставленные опасности. Но дозваться Ветерок не удалось. То ли открытых окон в замке не было, то ли закинули нас в какое-то подпространство.

Паниковать не хотелось, но явного выхода я не видела. И успокаивала лишь определенность сюжета — гидра не покажется, пока не выйти в коридор. Я попробовала сформировать пульсар и радостно улыбнулась, когда это получилось. Ведь в своих фантазиях побеждала чудовище именно огнем.

Я мысленно поделила пол и потолок на сектора и старалась прыгать через препятствия поочередно. Но все-таки немного не рассчитала траекторию, и свалившись, прокатилась до стены, больно ударившись о нее коленом. Но что такое жалкий ушиб перед высывающейся из зеркала зубастой головой.

Они изменили сюжет, навесив заклинания! И первая же моя ошибка пробудила эту тварь. Да и сама гидра в размерах и количестве голов намного превосходила детские выдумки. Она все продолжала ломать пространство зачарованного замка, медленно вытаскивая из ставшей будто желе поверхности свои шипастые конечности. Каждая голова была размером с меня и длинные, покрытые будто панцирными пластинами шеи вытягивались вперед, готовые нападать.

Меня начал накрывать своим куполом ужас, прокрадываясь в каждую клеточку, вызывая озноб и поднимая короткие волоски на теле. Я отползала назад, отталкиваясь о пол ногами, уже совершенно не думая об алых линиях расставленных заклинаний. Самое страшное из возможных последствий почти высвободило свое огромное тело из зеркального плена и было явно не в духе. Ну конечно — разбудили, разъярили, да еще и полакомиться человечинкой не дают...

Лишь ощутив спиной холодную поверхность, я поняла, что дальше ползти не удастся. И смогла, наконец, оценить чудовище — оно занимало собой весь необъятный зал, серозеленое тело, длинные змеиные шеи, увенчанные оскаленными зубастыми головами и огромный шипастый хвост. Да я ей на один укус, проглотит и не заметит.

Рассиживаться тут явно не стоило, и воспользовавшись тем, что монстр немного отвлекся вытаскиванием из зеркала кончика хвоста, метнулась в узкий коридор, чернеющий справа. Бежать удавалось быстро, только жутко мешал болтающийся на плече рюкзак. Но чтобы полноценно его надеть, нужно было остановиться.

На раздавшийся сзади свистящий визг даже не вздрогнула, потому что знала, что гидра уже пытается настигнуть ускользящую добычу. Но перед показавшимся поворотом все-таки оглянулась, чтобы оценить разделяющее нас расстояние, и в ужасе замерла.

Чудовищное порождение моих фантазий, пыталось протиснуться в узкий проем коридора, скребясь когтистыми лапами и поочередно просовывая шипастые головы. Но после очередной неудачи, в дикой ярости, гидра просто обрушила на стену свой хвост, снеся

добрую часть прилегающей галереи. А далее последовал дикий визг и серия разрушительных ударов. Она радовалась, что поняла, как достать маленького человечка.

Мне нужно было наверх, в высокую башню. Там точно есть окно, через которое я могу попытаться позвать Ветерок. Но чтобы добраться до винтовой лестницы, пробежать необходимо огромное количество коридорчиков. Я знала куда двигаться, чисто интуитивно замедляясь у поворотов.

Сзади грохот стоял такой, что закладывало уши, но я упрямо бежала вперед, предпочитая больше не оглядываться. И рассмотрев мерцающие у основания перил сферы, стремительно кинулась к лестнице.

Меня сшибло с ног в одно мгновение, швырнув тело о каменные ступеньки. Больно, но не смертельно. И раз артефакт переноса не сработал, значит угрозы жизни тут не наблюдается. С трудом поднявшись, я посмотрела на обидчика — змеиная голова с раздвоенным языком сейчас занималась потрошением моего рюкзака. И в этой ситуации радовало лишь то, что остальные части тела гидры еще сюда не пробрались.

Я зарядила боевым пульсаром, целясь в глаза, и не дожидаясь реакции, начала подниматься. Сзади рушились стены и слышался болезненный вой, находящий отклик в моей душе. Как бы я не хотела сразиться с ней по-настоящему, швыряя модернизированные боевые пульсары, скорее всего не смогу. Она же живая, хоть и чрезвычайно опасная. На занятиях по боевой магии мы тоже друг в друга чем только не кидаемся. Но одно дело — знать, что твой удар отобьют, и другое — бить на поражение.

Когда почувствовала сзади жар, щит выставила мгновенно, но волосы все-таки мне эта тварь подпалила. Отвратительно запахло жжеными перьями и кожей. Но боли сейчас я не почувствовала, поэтому надеялась, что это гидре пламя рикошетом от щита прилетело. Хотя ее панцирь огнем пробить казалось нереально.

До маячившего впереди окна достать было можно только в прыжке, что я и сделала, зацепив кончиками пальцев щеколду и всунутый между ставней свернутый лист бумаги. Падала на каменный пол лестничного пролета, одновременно формируя самый мощный из имеющихся в арсенале щитов, потому что боковым зрением уже видела взметнувшийся шипастый хвост.

Гидра одним движением разворотив стены узкой башни не сумела устоять и сама. Однако, жуткий крик падающего монстра я слышала будто с огромного расстояния, так как выставленный щит не только спасал от падающих сверху булыжников, но и отлично глушил звуки.

Решившись поднять голову, я обнаружила себя на узком островке лестничного пролета, оставшегося невредимым после обрушения стен. На много миль вокруг не было больше ни одного строения, только бескрайний простор с видневшейся вдалеке линией горизонта. От высоты захватывало дух и перебивало дыхание. Но волновала меня сейчас вовсе не вероятность отсюда свалиться, а зажатый в кулаке лист белоснежной бумаги. Который уже начинал обжигать непослушные пальцы, требуя скорейшего прочтения.

Это была карта с четким обозначением моего текущего местоположения и тонкой золотистой дорожкой, по которой мне предстояло шагать далее. Должно быть в гордом одиночестве, потому что других участников команды я видела очень далекими разноцветными точками.

Решение созрело само собой — двигаться не к главной цели, а к ближайшему союзнику, вдвоем справляться будет наверняка легче. Тем более, что рюкзак со снаряжением был нагло

отобран гидрой.

Поднималась осторожно, и только ахнула, когда снова посмотрела перед собой. Вокруг шумел лес, резко накрывая ароматом зелени, прелой земли и хвои.

В голове не укладывалось, как все это можно сделать. Потому что минуту назад была на вершине разрушенной башни, а сейчас уже сижу на корточках посреди непроходимого леса. На порталные перемещения я реагирую остро, поэтому точно могу сказать, что такового не было.

Да и замок был вполне себе настоящим, впрочем, как и гидра. То есть всех сначала забросило в подпространство, а уж после нахождения карты непосредственно на нужную территорию.

На карте местоположение тоже изменилось, но откинуло меня от участников команды невероятно далеко. Даже если я и попыталась бы кого-то догнать, выделенного на прохождение этапа времени точно не хватило.

Я мысленно позвала помощника и от закружившего вокруг меня вихря стало невыразимо тепло на душе. Хоть кто-то родной рядом. Я попросила его немного утихнуть, но куда там. Ветерок попал в свою стихию и теперь весело носился между высоких деревьев, поднимая в воздух листья, траву и даже мох. Невероятный проказник!

"Если не успокоишься, я на тебя дядю натравлю. Честное слово. Его помощник очень послушный!"

Ветерок так резко притих, что мне стало даже стыдно. Ведь ничего такого я бы никогда не сделала. Около меня материализовался уже знакомый зверек с рожками. Он смешно семенил рядом, постоянно спотыкаясь о коряги, путаясь в высокой траве многочисленными ножками.

"Так-то! Вот можешь же хорошо себя вести. Мамин тоже был непоседой."

Ветерок на меня смотрел большими влажными глазами, до того умилительно, что я смалодушничала.

"Иди. Только растянись, чтобы тебя не распознали. И рядом со мной не крутись постоянно."

Помощник, тоненько пискнув, тут же взвился в воздух, лохматя и без того не опрятную прическу. Я лишь улыбнулась, наблюдая, как он несется вперед, пугая немногочисленную лесную живность.

Ну как такого зажимать в рамки? Я же и сама не могу долго в 4 стенах, да на одном месте.

Если бы не карта в руках, давно погрязла в этом монотонном действе. Будто затяжной сон, когда бежишь куда-то, так и оставаясь на месте. Но всякий раз, рассматривая белоснежный лист, я понимала, что двигаюсь — медленно, но в нужном направлении.

Просвистевшую рядом стрелу вообще не восприняла как опасность, равнодушно проводив взглядом. От второй, больно черканувшей плечо, лишь вяло отмахнулась. Я сейчас самой себе казалась часовой стрелкой, которая не может сдвинуться с места, пока минутная не совершит нужный оборот. Третью стрелу встретил мощный щит, сотворенный кем-то сторонним. Я бы не шелохнулась, даже если она прошибла мне сердце.

— Совсем сдурела? — знакомый голос, звучащий рядом воспринимался как тонкий отголосок прошлого, меня никак не касаясь. — Ками! Э-э-э...

Меня трясли за плечо, пытаюсь вернуть в настоящее, и надо сказать, успешно, потому что постепенно начали возвращаться чувства. Например, нервировала монотонная тряска

тела. И я даже попыталась отстраниться, правда безуспешно, потому что тело мозг слушать отказывалось.

— Ты идти-то хоть сможешь? — перед глазами несколько раз провели рукой, раздражая, но не до такой степени, чтобы мне двинуть хоть пальцем. — Та-а-к...И давно ты здесь? Хотя ладно, все равно я тебя уже не оставлю.

Меня легко подняли в воздух, перекинув через плечо, и куда-то уверенно потащили. Было не особо удобно висеть головой вниз, но хотя бы мысли начинали двигаться в нужном направлении. Захотелось ущипнуть маячившую перед глазами часть тела, а может даже и укусить, только обязательно больно. Чтобы у этого человека больше и мыслей не было меня вот так бесцеремонно перетаскивать.

Будто прочитав кровожадные мысли, вверх по бедру скользнула ладонь. И можно было бы это воспринять, как поддерживающее движение, но я слишком хорошо изучила повадки данного типа. Шипение вырвалось изо рта непроизвольно.

— Приходишь в себя? — продолжали издеваться надо мной. — Вот и славно, а то чуть стрелу в темечко не словила. Как ты вообще еще жива с такой способностью влипнуть в неприятности.

— Твоими молитвами, — слова выдавливала из себя с трудом, язык будто не принадлежал мне вовсе.

— Вот уж точно! — меня свалили на жесткую землю у дерева совсем не церемонясь. Но вовремя подскочивший Ветерок смягчил падение. А где он раньше был, интересно, когда в хозяйку стреляли? Мог бы уронить меня, к примеру, или изменить траекторию летящих стрел... — За то время, пока за тобой наблюдаю, раз пять чуть не размазали по стенке. Врагов нажила, тролли обзавидуются!

Я смотрела на паясничавшего парня очень внимательно, и спросила то, о чем думала с самого появления гидры. — С чем пришлось сражаться тебе в этом испытании, Лир?

Он неосознанно вздрогнул и посмотрел на меня тяжело и как-то испытывающее. А потом, выпрямившись, долго стоял с закрытыми глазами.

— Тебе ведь все равно потом расскажут доброжелатели... — он дернул плечом, позвериному вскинувшись. — Ведь столько зрителей у каждого нашего действия! — Лир театрально раскланялся во все стороны, а потом повернулся ко мне, четко выговорив. — Я сегодня спасал тебя, Камелия, несколько часов блуждая в лабиринте.

— От кого спасал, Лир? — мне было важно это услышать. Ведь самые жуткие страхи, зачастую являются просто порождением наших фантазий и детских выдумок.

Он метнулся ко мне так быстро, что я и ресницы сомкнуть не успела, и прижал к себе крепко, опалив ухо шепотом:

— От себя...

Я попыталась вывернуться, чтобы взглянуть в глаза, прочитать в них то, о чем боялась даже подумать. Но он не дал, сжимая на грани боли, не давая пошевелиться.

— Я всю жизнь боюсь тебя потерять.

— Все, отпусти! Слышала уже, и миллион раз одно и то же обсуждать не намерена. Ты свой выбор сделал весной и нового не предвидится, — я злилась и оттого, что вновь пытается играть на моих чувствах, и оттого, что это ему удастся. — Отпусти!

Последнее почти кричала. Но он бы не послушался, если не вновь просвистевшие неподалеку стрелы. И если раньше они летали по одиночке, то теперь в нас явно целился отряд лучников.

Лир сделал щит, я даже восхитилась, потому что для создания такого нужна не только прорва сил, но и немалые навыки. Тут было соединение сразу двух видов защиты — от магических атак и физического вторжения. Я пока сочетать подобное была не способна.

— Беги.

— Что? — я честно подумала, что ослышалась. Что значит беги? Он тут будет героически оборону держать, а я должна трусливо сматываться?

— Я придержу нападающих, а ты за это время сможешь добежать до кромки леса. Тут недалеко осталось. Главное двигайся быстро, иначе опять засосет в апатию.

— Глупостей не болтай! Раз уж встретились тут, вместе и выбираться будем.

Он зарычал, выражая таким образом накопившуюся злость. Но за много лет общения я и к ругани его привыкла. Лир мои уши вообще раньше не щадил. А тут, наверное, просто светиться перед всем миром не хочет.

— Я сказал беги! Неужели трудно хоть раз меня послушать? — я не узнавала его сейчас, потому что черты лица начинали стремительно смазываться, а глаза полыхали огнем и какой-то заключенной внутри силой.

Мне оставалось лишь кивнуть. Потому что такого Лира я боялась. И страх этот, все разрастаясь, гнал меня вперед, пока впереди не замаячила светлая опушка.

Переживала ли я за друга детства? Странно, но нет. В таком состоянии он там раскидает всех за минуту и вскоре присоединится ко мне. Оставалось дожидаться.

Я села, и развернув карту всмотрелась в окрашенную дорожку. Почти половина пути пройдена, хотя готова поклясться, что, когда смотрела в последний раз, серым была окрашена едва ли четверть. Значит важна не длина дороги, а количество преодоленных трудностей.

На послышавшейся сзади шорох, повернулась резко, создав пульсар. Но когда увидела Лира, тут же все потушила. Он был до синевы бледен и едва держался на ногах.

Я не задумываясь кинулась на выручку. Но протянутые руки Лир отвел тут же.

— Не нужно. Просто уйди, — он судорожно втянул воздух, будто вообще старался не дышать сейчас. — Я не рассчитал силы в последнем броске, посижу немного и полегчает.

Я знала, что он врет, на ходу придумывая оправдания. Но спросить все-таки была обязана.

— Ты понимаешь, что вы проиграете, если будет угроза твоей жизни? — он слабо кивнул, стараясь не поднимать взгляд. — И все равно отказываешься от помощи? Я не целитель, конечно, но кое-какое плетение наложить смогу.

— Если услышишь что-то со стороны леса, беги быстрее.

Я отвернулась от него, не сказав и слова. И шла от леса не оборачиваясь, как он и просил. Даже когда звуки сражения стали слишком явными.

Внутри все кипело — от рамок, в которые он меня вогнал, от того, как легко пожертвовал дальнейшим прохождением турнира для своей команды. Благородная кровь! Как же! Пустая глупость, от которой хотелось вопить. Но я себя держала в руках, прекрасно понимая, чем чреват взрыв таких эмоций. Чужеродная магия уже волновалась внутри, но пока вырваться на поверхность не торопилась.

Судя по наличию в моих венах крови фей, природная магия должна принадлежать именно им. Но кое-что не сходилось. Обладай они такой силой, проиграли ли в первом же испытании какого-то ученического турнира?

Глава 30. Про черный выбор среди стального с маренго

К конечной точке маршрута подошла уже затемно. Огромные песочные часы на некогда красивой площади показывали, что времени оставалось в обрез. Немного смущало, что никого из команды до сих пор не было.

Я вновь вытащила лист, чтобы всмотреться в разноцветные точки — ни одной. Да и дорожка была полностью окрашена серым. Видимо, кто-то посчитал, что задание пройдено и миссия карты выполнена.

Нужно оглядеться и занять выгодную смотровую позицию. Это был разрушенный город — вторжением, эпидемией, не важно. Главное, что жизни тут давно не наблюдалось. Но все еще было открыто окно в домике главного казначея, будто он просто забыл прикрыть перед уходом на работу ставни. А у полуразрушенного фонтана лежала кукла, ожидая маленькую хозяйку.

Вот именно к ней я и направилась. Потому что яркое платишко настойчиво требовало внимания своим неопрятным видом. Наученная горьким опытом, перешла на магическое зрение. Кукла была не простой. Амулет, при чем очень сильный. Но внимательнее разглядеть наложенные плетения не дала послышавшаяся рядом возня.

Холодом обдало мгновенно и тело враз перестало слушаться. Как в самом худшем из кошмаров площадь начинали наполнять умертвия. Мужчины, женщины, дети... Они выходили из домов, маршировали по узким улочкам резкими, дерганными движениями. И цель их была ясна — рядом лежащая кукла в изодранном, грязном платье.

Я хотела было начать отступать через фонтан, пробежать насквозь, там и воды-то по колено максимум, но путь преградил худой мужчина, видимо все это время, лежащий где-то на дне. Не к месту вспомнился рассказ Пирса про их рейд и шуструю утопленницу, испытывающую тягу к молодым парням. А может и к месту...

— Дяденька, подскажите пожалуйста который час, — умертвие замерло, теперь внимательно меня разглядывая. — Я тут заблудилась, а мама дома дожидается, волнуется должно быть!

Мужчина растерянно начал рассматривать свои запястья, на которых при жизни, видимо носил часы. Воспользовавшись этой заминкой, кинулась мимо него, утопая в воде почти по пояс.

Я бежала на пределе своих возможностей, скользя по покрытому илом дну, каждым движением поднимая вокруг веер брызг. И впереди уже маячил бортик фонтана, а я отчаянно просила ветерок помочь запрыгнуть туда с первого раза, когда на плечо легла тяжелая холодная ладонь. Поворачивалась, преодолевая сковавший тело страх.

Он был огромен — больше меня раза в два. Белый поварской колпак, опрятный передник... Могла бы — завопила от ужаса, но даже сглотнуть вязкую слюну не получалось.

Но я должна была! Ведь на кону не отличная отметка и даже не очередной выговор от декана. От моей решимости сейчас зависит победа всей команды.

Я сделала шаг назад, подступая вплотную к бортику фонтана, и закрыв глаза, на едином вдохе запустила боевым пульсаром в умертвие.

Не задумываясь, прыгнула на уступ. Однако сейчас даже страха поскользнуться не было, лишь дикое желание оказаться от этого места как можно дальше. Но и Ветерок страховал,

ощутимо подталкивая в спину.

Мое нападение стало спусковым крючком. Если раньше мертвые просто стояли или медленно шли к отсчетному месту, то теперь настойчиво преследовали с дикими оскалами. И везло мне сейчас только в одном — они физически были не способны бежать.

Достигнув длинного двухэтажного дома, на балконе которого до сих пор весело белье, я развернулась. Слева был тупик, соединяя углом два строения, справа — проход в сторону узкой улочки. Отличное место! Теперь преследователи были строго передо мной, полностью исключая нападение с тыла.

Я била пульсарами снова и снова, наполняя их минимально возможным зарядом, потому что прекрасно умела рассчитать свои силы уже после первого показательного занятия с Тосканом. Закрывала глаза перед каждым броском, но продолжала сражаться. Отчетливо понимала, что не выстою против такой толпы. Но решится на модернизированный боевой пульсар, которым совсем недавно разворотило смерч, просто не могла.

Они не живые, это понятно, и угрызений от прекращения такого подобия жизни быть не должно. Но не могла! Я видела людей, а не умертвия. Когда вперед высунулась маленькая девочка, пришлось зажимать себе рот. Богиня, за что?

Я уже опускала руку, гася пульсар, когда справа показались живые. Команда Моренго в полном составе, заметив сжавшуюся меня, тут же кинулись в толпу умертвий, явно неожиданных такого.

Вот они себя ни в чем не ограничивали, работая гарпунами, самодельными копьями и боевыми пульсарами. Швыряя незадачливых противников направо и налево, перехватывая некромантские потоки, пока не подобрались ко мне.

Капитан, тот самый, что утром отчаянно улыбался и подмигивал, сейчас стоял передо мной, заслоня жестокою битву.

— Ты Камелия, верно? — он говорил очень мягко, будто с ребенком, и я кивнула. — Джейк!

Он протянул в приветствии руку. Грязную, с пятнами крови и травы на ней. Но было плевать. Я вцепилась в протянутую ладонь, будто она была моим единственным ориентиром в сгущающейся тьме. И видимо этим себя окончательно выдала. Потому что Джейк схватил в охапку, и поглаживая по спине и волосам, начал приговаривать.

— Ты такая храбрая, смелая, самая сильная...

— Я? — не выдержала. От его слов хотелось завывать диким зверем, поддавшись жалости к себе, и уверять, что совсем не такая. Наоборот — слабая, малодушная, опустившая единственное оружие в бою, трусливо собираясь сдать. Но он перебил.

— Ты конечно! Кто у нас на первом курсе в команду на турнир попал? А кто смерч разворотил одним пульсаром? — я попыталась вырваться, но меня прижали еще крепче. — А кто пил наравне с выпускниками, и с утра уже в первых рядах был на плацу?

— Уже и об этом вся Академия знает? — я выдохнула, против воли улыбаясь.

— А то как же. Ты вообще, как я понял, главный объект для сплетен. Этим гордится надо, судачат, значит уважают!

— Правда? — я понемногу приходила в себя.

— У меня сестренка такая же, как ты — маленькая еще, но с характером. На целителя хочет учиться, — он еще раз прошелся ладонью по моим спутанным волосам.

— А я бы на артефактора хотела...

— Джейк, время на исходе! Нужно амулет переноса искать, — раздалось где-то совсем рядом, заставив нас отлипнуть друг от друга.

— Всем рассредоточится по периметру площади, — голос Джейка мгновенно из ласкового стал жестким, командирским. — Камелия, ты как?

— В порядке... — едва дослушав, Джейк двинулся вперед, не забыв цапнуть меня за руку. — Подожди! Тут кукла около фонтана, магией наштигована.

— Веди скорее, — я поражалась его рациональности. Ведь даже не переспросил, четко уловив суть.

Мы окружили куклу с двух сторон, оба внимательно ее рассматривая. Плетения действительно схожи с теми, которые были на гранитном портале. Но и отличия также имелись.

— Тут какое-то хитрое заклинание заложено. Но что переход — это факт, — он свистнул своим ребятам. — Парни, портал нашли. Давайте все сюда.

— Нет! — я с силой рванула от Джейка. — Нужно дождаться нашу команду.

— Откуда ты знаешь, что они еще тут? Могли уже пройти испытание.

— Они без меня не ушли бы, — от этого его недоверия стало обидно.

— Ждем до критической отметки в часах, потом я тебя уже не спрашиваю. Договорились?

— Угумс... — я отвернулась от всех участников команды Моренго, чтобы с беспокойством начать озираться по сторонам. Время в песочных часах утекало слишком быстро.

А когда Джейк бесцеремонно схватил за руку, собираясь, как и обещал, не спрашивая запахнуть в портал, показались наши ребята.

Мне очень хотелось броситься на встречу Арону, но отходить от команды Моренго я опасалась. Потому что не была уверена в их благородстве. Да, спасли меня, за что я благодарна каждому из них. Но то речь шла о девушке, попавшей в беду, а сейчас опасности уже нет, да и на кону ни много ни мало — победа. Что помешает им прямо сейчас активировать портал, оставив соперников рассматривать падение последних песчинок в часах?

Поэтому я осталась стоять рядом с Джейком, лишь высвободила свою руку. Он понимающе хмыкнул, но вторую положил на плечо. Вот же провокатор! И стало ясно, что все это проделывалось намеренно, потому что Арон прямо-таки прожигал взглядом.

— Джейк, — прошептала я, чтобы никто более не расслышал. — Ты зачем его драконишь? Сам же сказал, что воспринимаешь меня сестрой. К чему нарываться, если даже цели конкретной нет?

— Как это нет? А позлить соперников? — я лишь закатила глаза на такой ответ и немного отодвинулась в сторону. Мне вот эти их мальчишеские разборки без надобности.

— Нас ждете? — Кирас расплылся в безбашенной улыбке, хоть видок у него и был чрезвычайно потрепанный. — Ками, малышка, я смотрю ты себе нашла новых друзей?

Ага, начинается. Даже до окончания этапа подождать невмоготу. Нужно прямо сейчас начать словесную перепалку. Чтобы до прибытия достигнуть нужной кондиции.

— Они меня от умертвий спасли, — проворчала я, еще на один шаг отходя от команды Моренго, во избежание инсинуаций.

— Да-а-а? — это уже Мар. — Ну тогда низкий поклон вам, новые друзья нашей Камелии. А теперь давайте уже портал искать, время на исходе.

Ни слова не говоря, все парни из Моренго расступились, открывая обзор на все также лежащую куклу. И тут только я поняла, что это за петля в плетении.

— Ребята! Это же заикленность на команде, точнее на количестве участников, — я кинулась к кукле. — Вот, смотрите, портал нас всех не вытянет.

Меня окружили так же быстро, как совсем недавно расступились. Только теперь все парни, перестав ерничать, внимательно разглядывали куклу, перейдя на магическое зрение.

— У вас в команде артефактор есть? — подал голос Арон, обращаясь к Джейку. — Искать второй портал уже не вариант.

— Артефактор есть, только мы в этом году не на то упор делали... — он как-то потух весь даже. — Норд, посмотришь?

Вперед вышел рыжий детина, что я очень даже засомневалась, в его артефакторских способностях. Мы работаем не только с плетениями, но и с мелкими деталями, на которые они накладываются. И как такими ручищами можно подцепить, например, тонкий волос? Но парень удивил, действуя быстро и умело.

Я даже вперед подалась, чтобы видеть лучше, а потом не удержавшись, села рядом.

— А если заиклить плетение на нужной нам кратности? Нас 14, значит нужно сделать оборот на 7 человек. Тут оно и так стоит, а мы введем повтор.

— Ммм... — рыжий одним глазом покосился на меня, не отрываясь, однако от схемы самого плетения. — Тогда еще временной цикл вводить нужно, иначе второй оборот сработает мгновенно и потушит сам себя.

— Тогда пять минут. Портал одноразовый, и заряда хватит на начало второго цикла, не более. Те, кто пойдут вторыми просто перехватят плетение и подпитают... Хотя тут магии прорва нужна!

— Нужно напитать амулет прямо сейчас, хотя бы на половину второго перехода. Тогда при перехвате будет реально дополнить остальное. Все сразу не выйдет. Джейк, кто еще не выжат досуха, нужно поделиться.

Парни встали в линейку, готовые сливать остатки магии. И эта командность невероятно вдохновляла. Я встала позади Арона. Но пришлось буквально втискиваться между ним и Кирасом. Тот лишь хмыкал на мои манипуляции и жался теснее, пока не вывел окончательно.

— Кирас-с-с-с...

— Да, солнце мое, звезда моего сердца и хозяйка всех остальных органов...

— А-а-а-а, — это издевательство было выше моих сил, поэтому я, забежав вперед, высказалась. — Арон, сделай с ним что-нибудь, ну достал, честное слово!

Но Арон молчал, лишь до бела сжимая губы. И от этого его пренебрежения с самого утра, стало до черноты в душе обидно и горько. Да, я провинилась, ну так почему не высказал это словами? Ведь нормальный же был после разговора, целовал даже, а потом будто случилось что.

Затолкав кипевшую обиду подальше, подскочила к первой тройке.

— Джейк, я тоже хочу магией поделиться.

— А в тебе что-то после всего этого осталось? — он обвел взглядом кучу мертвых тел, усеявших площадь.

— У меня магия совсем недавно проснулась, резерв очень быстро восстанавливается.

— Ну попробуй.

Нерастраченного резерва у меня еще была добрая половина, поэтому, не жалея,

напитала амулет. Мы управились очень быстро и уже стояли двумя группами, готовые к переносу. Решили, что первыми пойдут Моренго, так как на площадь в полном составе вышли раньше.

— Камелия, иди в первой семерке, а я примкну к команде Эдарона. Если случится какой-то сбой и второй виток переноса не сработает, у судей будут неполные две команды, и чтобы вынести решение, придется попытеть. — Джейк говорил громко, с вызовом к невидимым нам сейчас судьям и зрителям. — Это будет честно.

Я оглянулась на своих ребят, которые все, как один кивнули. Все, кроме Арона. Он смотрел натуральным волком — тяжело, исподлобья. И у меня в сердце будто лопнуло несколько натянутых нитей, предупреждая о скором потрясении.

Перемещение далось тяжеловато, но тошноту сдержала. И сейчас я намеренно пряталась за плечистой командой Моренго, не желая еще больше привлекать внимание.

Своих ждала с нетерпением. Не потому что переживала за перемещение, с этим проблем точно быть не должно. Просто до жути хотелось узнать результаты тура и сбежать подальше. Очень жалела, что нет со мной амулета отвода глаз, потому что видеть сейчас не хотела ни Литманиэля, ни Карла.

Дядя будет настаивать на срочном переезде в обход третьего этапа турнира. Потому что сегодняшние испытания были из ряда вон даже для меня, чего уж тут говорить о тонком душевном мире чистокровного эльфа. А может и не будет настаивать, а просто схватит и увезет, в порыве родственных чувств. Что-то подсказывало, что он на такое способен, потому что уже с утра был на грани, а сейчас даже представлять не хочу его состояние.

А брат вообще все это время меня чувствовал. Со временем связь немного поутихнет, не будет такой яркой передачи эмоций. Но в данный момент Карл зависим от меня, как более слабый магически. Поэтому я ощущаю только угрозу его жизни, и если брат сам ко мне тянется, а он вынужден мучиться всеми моими яркими чувствами. То есть сегодня сполна отхватил по нашей связи, а значит и испереживался как никто.

Задумавшись я не заметила, как вернулись участники команды. Джейк уже вышагивал в нашу сторону, и я двинулась ему навстречу, чтобы перейти к своим.

— Все нормально? — поравнявшись спросил капитан команды Моренго.

— Да, еще бы только результаты пережить, — я вздохнула, а он улыбнулся — тепло и ласково.

— Пришло время объявить результаты текущего этапа турнира, — настроение ректора с утра явно не улучшилось. — Как только мы дождемся возвращения всех участников к своим командам!

Мы с Джейком, еще раз переглянувшись, быстро скользнули в разные стороны, благо было недалеко. Ну надо же, недоволен он. Знали бы все насколько зла я, и что может быть, если взорвусь, давно разбежались подальше. Потому что внутри волновалась чужая магия, отчего-то с каждой минутой все больше.

— Сегодня был тяжелый день, который с достоинством преодолели все участники. Команды Моренго, Эдарон и Менэльтор безоговорочно переходят в финал. Команда академии Родара... — ректор замялся, будто в последнюю секунду решил еще раз взвесить все за и против. — Команда Академии Родара должна была выбыть из турнира, так как один из участников подверг свою жизнь серьёзной угрозе и был перенесен амулетом в корпус к целителям. Но, — вокруг загомонили, видимо обсуждая события, которые этому поспособствовали. — Но после долгих перипетий, мы пришли к решению допустить

команду до финального испытания, удалив выбывшего адепта, — трибуны взревели в одобрительных выкриках. — Потому что благородство умеют проявлять не только участники, но и судьи. Удачи Вам, команды! Сегодня Вы приятно удивили нас всех.

Да, вот уж правда организаторы в этот раз постарались. Действительно, справедливо. Лир спас меня, подвергнув жизнь опасности, но команда-то его не виновата. Немного отпустило напряжение, которое было со мной с тех пор, как отвернулась от бывшего друга и пошла прочь.

Я ускользнула, воспользовавшись всеобщим переполохом, а тут творилось нечто невообразимое — обнимались адепты, окружали преподавателей, кричали и смеялись участники.

В комнате первым делом переоделась, потому что костюм хранил на себе не только следы битвы с гидрой, валяния на земле в лесу, но и ужасный запах смерти. Я его ощущала, как никогда, ведь до сих пор не могла отойти от нашествия умертвий.

И сейчас, быстро натянув первое попавшееся платье и схватив амулет отвода глаз, я решительно направилась к Тоскану. Пусть что хочет делает — переводит на другой факультет, или просто с занятий по некромантии снимает, но туда я больше не ногой.

Я шла по темным коридорам учебного корпуса, желая только одного — выкинуть из головы все события сегодняшнего дня. Не хотелось вспоминать, но перед глазами вновь строем проходили мертвые, с маленькой девочкой впереди. И тело вновь наливалось напряжением и обдавало липким холодом.

Движение справа заметила, когда уже добралась до нужного этажа, и что было сил, закричала. В голове наложились тысяча образов — сковерты, темные души, огромная, засасывающая воронка, умертвия. А когда рот зажала огромная мужская ладонь, я в отчаянье взвыла.

Это все происходит не со мной!

— Тшшш, ты чего, Ками? — шепот был тихим, но эффект поразил даже меня. Развернувшись, я вцепилась в широкие плечи и отчаянно разрыдалась. За всю свою жизнь не плакала столько, как за последние 3 дня.

Лир гладил по спине так, как поступал много раз в детстве. Только вот во мне эти объятия сейчас рождали совершенно другие эмоции. Я чувствовала каждое его движение, как напряглись мускулы, стоило мне вцепиться чуть крепче, как дернулся кадык, едва я подняла вверх подбородок.

Он смотрел на меня, как на единственное пристанище среди бушующего шторма. И от этого сердце начало спотыкаться, пропуская удар за ударом. Он был мне нужен сейчас, вот такой

— взъерошенный и бледный, и несмотря на проведенное врозь время, невероятно близкий. Чтобы залатать дыру в сердце, пробитую глубинными переживаниями.

Я потянулась у нему сама, отчаянно желая почувствовать горячие сухие губы на своих, как тогда в комнате, когда слетела вся ненужная шелуха и условности. А Лир будто только того и ждал, сжимая жадно и крепко, впитывая мои эмоции, будто свои собственные.

Он не был груб, но страсть, вспыхнувшая мгновенно, с каждой секундой разрасталась все больше, погребая обоих под своими крыльями. Я уже не была собой, желая раствориться в чужом теле без остатка, навсегда погрязнуть в жарких мыслях.

Удовольствие от этого поцелуя перекрывало даже плескающееся где-то на дне предостережение и стыд.

— Я тебя хочу, слышишь? — Лир прижимал меня к стене все сильнее, вдавливая телом в холодную каменную кладку. — До звездочек перед глазами!

Твердые горячие губы теперь целовали оголенный участок шеи. Он минутой ранее дернул наглухо застегнутый воротник, рассыпая по полу пуговицы.

— Поехали ко мне. Спрячу тебя в родительском особняке, там все равно кроме пары слуг никого нет.

Что? Я вот сейчас не поняла. Это он меня, девушку из приличной семьи, зовет в дом для совместного проживания? Богиня помощи! Вообще у него видно мозги отшибло. Кто ж меня потом такую смелую от эльфийской родни отбивать будет?

А Лир, наплевав на мой задумчивый вид, целовал. Долго, жадно, сводя с ума себя и меня заодно. Не давая возможности возразить. Его руки уже не держали, а сминая платье, добирались до самого сокровенного. От движения ладони вверх по бедру, я глухо застонала ему в губы. Выдавая свое состояние.

Куда делась моя хваленая сообразительность и рациональность. Почему позволяю зажимать себя в темном коридоре Академии, недалеко от кабинета декана родного факультета? Я многое хотела сказать этому предателю, но лишь раскрывала губы для очередного поцелуя, отдаваясь во власть тягучего желания быть как можно ближе.

Он остановился первым, прижавшись воспаленным, будто в горячке лбом, к моему. Но рук так и не разжал, одной удерживая за талию, а второй поглаживая бедро под задранной юбкой.

— Поехали...

— Нет, — я не сказала, прохрипела. Голос не слушался свою законную хозяйку.

— Я же не могу без тебя, понимаешь? — он губами щекотно дотронулся до моего носа.

— Почти год как-то жил. Вот и сейчас сможешь, — как ни странно, обиды не было. Будто стгорело все в том пламени, что еще тлело между нами. Все происходящее было каким-то правильным, хоть таковым и не являлось.

— Не жил... — Лир глаза так и не открыл. Словно боялся, что я увижу там то, что он прятал все это время.

— Не могу. Олию свою тщи, она не откажет, — Лир поморщился.

И я поняла, что нет у него к ней ничего. Лишь желание отделаться как можно скорее. Может раньше и было, а сейчас важна только я. И от понимания этого душа успокоилась. А то, что терзало меня уже несколько недель, улеглось. Ревность, боль, отупение от своей беспомощности, все опустилось на дно, придавленное ощущением нужности вот этому человеку.

— Я тебя не отдам. Пусть все рушится вокруг, но ты будешь рядом, — Лир провел губами по моей щеке, и мягко поцеловал в мочку, чтобы сразу чуть сильнее прикусить. И от того, как я вздрогнула и непроизвольно подалась к нему, загорелся еще сильнее.

Я почувствовала его желание и со всей пылкостью откликнулась на ласки.

— Кхм, кхм, — раздалось за спиной Лира.

Мы отскочили друг от друга в одно мгновение. Я быстро одернула подол платья и попыталась пригладить растрепанные волосы. Но руки слушаться отказывались.

Вот знала же, что целоваться около кабинета декана не стоит. И все равно не остановила.

— Адептка Деронвиль. — ой, ой, ой, какие обвиняющие модуляции голоса появились у моего любимого профессора. — Давай, смотри на меня глазами своими бесстыжими.

— Они у меня очень даже стыжие, то есть стыдные, то есть.

— Ками, я сам, — оказалось Лир пришел в себя быстрее, и уже загоразивал меня своей массивной фигурой от декана. — Профессор Тоскан, это я виноват. Камелия собиралась спать идти.

— Да-а-а-а? — мужчина откровенно над нами издевался. — Это вот так сейчас спать по коридорам учебного корпуса ходят? С задранной юбкой?

Я гулко сглотнула. Глазастый какой, хоть и старый уже. В его-то возрасте видеть так хорошо вообще не полагается.

— Деронвиль, в мой кабинет, быстро. Иначе я за себя не ручаюсь, — и от тона, которым это было сказано, я очень быстро собралась и пошла по коридору, даже не оглядываясь. — Адепт Веридан, еще раз рядом с ней увижу, считай себя умертвием!

— Профессор Тоскан, по какому праву...

Передо мной открылась дверь, приглашая войти, и не давая дослушать такой важный разговор. Я прошла мимо пустого стола секретаря, прямо в кабинет декана. И думать, что он мне сейчас будет говорить не хотелось вообще.

— Я одного не пойму, тебе мужского внимания что ли мало? А, Деронвиль? — от раздавшегося прямо от двери голоса, вздрогнула, но голову не подняла. — Арон, Кирас, эльф этот — троллий выкормыш!

Он теперь вышагивал по кабинету, явно нервничая, а я все прокручивала в голове перечисленные имена. Ладно Арон, тут понятно, все в курсе наших отношений. Кирас своими язвительными нападками тоже мог спровоцировать ложные слухи. Но про эльфа-то откуда он знает? То мимолетное знакомство на занятии леди Стоун явно не в счет, я и сама бы о том забыла. А разговор в домике слышать никто посторонний не мог. Неужели Раданэдэль как-то выдал себя, расспрашивая обо мне у преподавателей?

— Но вот это вот, ни в какие ворота! — продолжал метать громы Тоскан. — Мне только разборок из-за тебя в стенах академии не хватало. А судя по настрою Веридана, они будут. Вопрос пары дней!

Я не удержалась и показала ему язык. Да, детский приемчик, но как-то к месту пришлось. Тоскан стоял спиной, распекал, как Эрра в мое десятилетие, ну я и не удержалась. А он возьми и повернись.

— Богиня! Анэ... — он тут же одернул себя, но меня уже накрыло удушливой волной жуткого осознания. Тоскан знал мою мать. При чем так близко, что я, с высунутым в порыве передразнивая языком, четко у него сассоциировалась с Анэлией.

— Прости... — он тоже все понял. Что его оговорка воспринялась отчетливо, и назад повернуть не удастся.

— Я не пойму только, к чему были все эти уловки, если с самого начала Вы все знали! И не нужно меня уверять, что это не так. Мы похожи, и Вы только что себя выдали.

Он опустил у стены на корточки, опираясь спиной и молчал убийственно долго.

— Когда увидел тебя в кабинете Стешского, подумал, что это злой рок. Богиня так наказывает меня за многочисленные огрехи... И это твое жизнелюбие, чтобы не произошло. Я как будто Анэлию видел, до того, как ее сломали.

Я слушала такой привычный голос, с какими-то новыми нотками, и беззвучно плакала. Потому что перед глазами снова было пронзительно синее небо и все тогда перенесенное хрупкой эльфийкой. Да, ее сломали.

— Мы с Аркуэноном, твоим дедом, любили путешествия. Нас баловали отцы, с детства

беря с собой в экспедиции. Знаешь, тогда не существовало подобной напряженности между королевствами, мой отец был послом в Менэльторе. От того и мы с Аркуэноном скорее чувствовали себя братьями, чем друзьями. Раскопки у фей привели нас к чудовищному открытию — Кауринскую династию не просто уничтожили, то был особо жестокий геноцид. Мужчин убивали быстро, а вот женщин закапывали в ямы заживо, предварительно обрывая крылья, худшей пытки просто не найти.

Я, не удержавшись, поерзала на стуле. Слушать это было тяжело, но нужно. Но от накатившей волны отвращения, затошнило.

— Отец тогда прислал срочное письмо, вызывая меня назад, а Аркуэнон остался. Он вернулся через месяца полтора, но уже другим. Будто потерял какие-то ориентиры.

Сновал как тень, даже на детей не всегда реагируя. Хотя эльфы в плане родственных связей, похлеще оборотней будут.

— Оборотней? — подала голос я.

— Да. Об этом мало кто знает, пытались замять, как только можно. Но ты знать обязана, — Тоскан посмотрел еще более пристально. — Ты ведь знаешь уже о своих корнях, да? Не зря же пьяная про фей и Литманиэля твердила, — я лишь кивнула, не желая его спугнуть тем, что знания мои чрезвычайно обрывочны. — Оборотни — искусственно выведенная порода волков, которых невероятным образом скрестили с людьми. Не напрямую, конечно. Это многовековые разработки фей, воплотить в жизнь которые смогли представители Кауринской династии, — я в ужасе смотрела на профессора.

— Да, только в обморок не грохнись, меня потом твои родственники сожрут. Дед твой не знаю какими силами держится и еще сюда не заявился. Видимо мои слова что-то еще да значат... Но сейчас о другом. Был у них какой-то секрет, позволяющий многое, порой даже совершенно невероятное, да еще и один из шести артефактов силы, концентрирующий огромное количество магической энергии. Первые оборотни феями эксплуатировались нещадно, своего рода рабы, потому что при создании заложили в них какую-то особенность, именуемую тягой, на деле оказавшейся зависимостью. Ты думаешь почему я всех адептов-оборотней выслал на обмен в другие Академии, как только тебя взял? — я лишь глазами в ответ хлопала. — Правильно, потому что тебе бы прохода не давали. В них генетически заложено подчинение, при чем к Кауринской династии — безоговорочное, к остальным крылатым, вполне себе терпимое.

И я поняла сейчас, почему оборотень в Градоне меня не тронул, а льнул с первой же встречи. Моя кровь!

— А потом, все малюсенькие фейские кланы поднялись против "Кауринских узурпаторов". Много чего сказано было в поддержку их действиям, но хотели они просто власть на себя перетянуть, завладев артефактом. С последним не сложилось. Династию истребили, а силу не заимели вовсе, артефакт так и не нашли, как бы не пытали твоих предков. Да еще и оборотни, лишившиеся основной зависимости, подняли восстание, попросив поддержки в человеческом королевстве. А король тогда не дурак был, принял всех, это ж какая силища прямо в руки плыла. Случались, конечно, и казусы, с потерявшими контроль над сущностью, но то мелочь, в основном потоке прибыли. Вот тогда-то и закрыли границу для фей, причиной указав их воинственность, а на деле, чтобы оборотней обратно не переманили.

— И это скрывается?

— Ну конечно! С тех пор и сами оборотни о многом позабыли, но сути это не меняет...

Так вот, приехал Аркуэнон сам не свой, а через полгода до нас дошли слухи, что опять беспокойно у фей и он туда сорвался. Я его отпустить одного не мог, потому что видел, пропадет без поддержки, — Тоскан тяжело вздохнул. — Мы опоздали. Там бойня началась в деревне. Аркуэнон сразу кинулся к дому на окраине. А там феечка только-только родила.

Сверток пищащей, в крови весь мне сунула и крикнула, чтобы уходили сейчас же. Как силы у нее хватило, не знаю. Крыльев таких ни у кого больше не видел. Как лунный свет...

— В ней магии было немерено, что и не удивительно. Кауринская династия вообще сильна в этом плане. Выкосило тогда всех нападавших. Но и девушка погибла на месте. Пожертвовала собой, чтобы сдержать бессмысленную бойню. Я боялся, что в семье Аркуэнона девочку не примут. Все-таки прямое доказательство измены, но эльфы — это эльфы. Анэлию приняли в род, опасались только появления крыльев. Но у смесков такого чуда не предусмотрено. Она внешне была чистокровной эльфийкой — острые уши, высокий рост, тонкое телосложение. Но вот с магией не повезло, прорывалась тяжелое Кауринское наследие.

Тоскан тяжело поднялся, подойдя вплотную ко мне.

— Я был против, чтобы Анэлию выдавали замуж. Меня тогда пригласили на должность боевого мага в Эдарон, и я готов был взять ее с собой. Но против решения императора твои родственники пойти не могли. Она мне как дочь была, веришь? Такая живая, озорная, среди этих зацикленных на себе эльфов. Отдыхал душой рядом с ней, — он смотрел на меня, будто желая добиться какого-то прощения. — А после высылки, когда встречал ее в порту, Анэлии уже не было. Только тень. Пустая оболочка, вместо озорного демоненка. И нужно было как-то ее защитить. Потому что муженек успел проболтаться о наличии в Анэлии посторонней крови. А уж феям сложить два и два было просто, ведь в поисках артефакта они так и не успокоились.

— Анэлия уехала тайно, чтобы никто не знал о новом местоположении. Для всех она не пережила выгорания — такое встречается слишком часто, чтобы подвергать сомнению. Мы были вынуждены ее отпустить — одну, без поддержки, совсем еще девочку, после чудовищного испытания... — профессор смотрел с тоской. Он, как и Литманиэль до сих пор не смирился, наверняка в голове постоянно проигрывая варианты "А что, если". Что, если Анэлию все же отпустили тогда в человеческое королевство? Что, если бы не отдали замуж? Что, если проследили во время бегства.

— Знаешь, она даже денег у меня не взяла. Начала все заново, без багажа прошлого. А потом, даже двух лет не прошло, исчез ее портрет с семейного древа.

Тоскан вновь обошел стол, на этот раз, принимая привычное положение — во главе. Он держался, но было отчетливо видно, как ему тяжело давался этот разговор.

— Твое появление в Эдароне, тем более, когда тут с визитом был Литманиэль только на первый взгляд кажется совпадением. Наверняка, это Анэлия, перед уходом в миры забвения, решила так тебя защитить.

— Мне дядя говорил, — решила я подать голос.

— А дядя случайно не говорил, что мы тут в лепешку расшибиться готовы, желая скрыть твоё происхождение? В то время, когда ты только и делаешь, что влипаешь в передряги?

— Какие передряги? — я от возмущения аж подскочила. — Да если бы вы мне сразу это рассказали, все сложилось по-другому. Вот лично Вы, профессор. Чем занимались с самого дня нашего знакомства? Только и знали, как запутывать. Из Стешского злодея какого-то сотворили, хотя он наверняка про меня забыл давно. Про маму намеками мучили, чтобы я

задумываться о своем рождении начала, — и тут пришло еще одно озарение. — Да Вы и с Литманиэлем наше общение наверняка специально ограничивали, и Арона не постеснялись на него натравить...

— Я лишь пытался тебя защитить. Подготавливал к пониманию, что все не так очевидно. Потому что с того момента, как проснулась магия, стало понятно — эльфийского в тебе гораздо больше, чем человеческого. Я ведь не просто так искал варианты по взаимодействию с потоками. Надеялся, что сможешь работать как все. Но увы, — он откинулся на спинку кресла, показательно разведя руки в стороны. — Да и родственники твои как с цепи сорвались. Литманиэля вообще удержать вдали стало невозможно. Но его предположение с любовницей мне понравилось. Феи не сунутся в Менэльтор, а эльфы никогда не будут лезть в настолько личную жизнь ближнего своего. Так что, нам в скором времени придется расстаться. Хотя мне от этого совсем не весело.

Я видела, что Тоскан не юлит, приукрашивая. Он правда был огорчен моим отъездом. И сложись обстоятельства по-другому, с удовольствием занимался воспитанием еще одного демоненка.

— Мне, пожалуй, пора, — я быстро вскочила на ноги, желая исчезнуть с глаз декана, чтобы переварить все услышанное.

— Ага, как же! А выговор получить за неподобающее поведение?

Честно? Он меня засмушал. Я вспыхнула тут же, чувствуя, как по телу прошла горячая волна стыда. Но выговорить все же получилось:

— Это моя личная жизнь, профессор!

— Если твоя личная жизнь может привлечь лишнее внимание, она становится общественной. Не находишь? — он буравил взглядом, отстукивая по столу дробь пальцами. — Арон слишком привязался к тебе, чтобы наблюдать за подобным в стороне. Они сцепятся. А ты все равно уедешь. Поэтому как хочешь, но решай этот вопрос мирно. Феи подобались слишком близко, уловив активацию артефакта. Он ведь у тебя?

Я кивнула. Скрывать владение шкатулкой бесполезно. Да и она слишком хорошо умеет прятаться, чтобы мне чего-то опасаться.

— Его не найдут. За это можете быть спокойны.

— Камелия, ты еще такой ребенок! — Тоскан не скрывал раздражения на мою несообразительность. — Плевать нам всем на артефакт, когда можешь пострадать ты. Твою мать уберечь не смогли, пойдя на поводу у чувства долга, так хотя бы ее нечаянный дар сохраним...

— Нечаянный дар? — я перебила, нисколько того не смущаясь. «Нечаянный дар», так называла меня цыганка Мадлен, а если точнее, маленькая Бо. Догадка, еще далекая и невероятная, но прямо сейчас формирующаяся в вопрос.

— Профессор Тоскан, как долго живут оборотни?

Он посмотрел на меня с недоумением, потому что вопрос даже мне казался странным, но все-таки ответил.

— Обычные оборотни, такими рожденные, живут немного дольше обычного человека, а вот маги-оборотени, хоть таковые и редки, вполне себе достигают 150–200 лет... — он немного замаялся, будто решая, говорить, или такая информация будет для меня лишней. — Да и обращенные могут эльфов в долгожительстве переплюнуть. Богиня им данную особенность видимо в награду за муки дает. Знаешь, там мало кто после такого выживает.

Но я уже не слушала, снова опускаясь на стул. Думала о том, что Мадлен меня видимо

сразу заприметила на представлении и послала ту девушку-гимнастку отвлечь Лира. Увести меня у него из-под носа вряд ли бы удалось. А вот подсунуть молодому человеку красивую девушку, это вариант беспроблемный.

Мадлен. У нее глаза в темноте горели, да и движения были чересчур мягкими и плавными. Сильный маг, судя по выставленному порогу тишины, да еще и оборотень. Какова вероятность, что она знала моих предков? Нечаянный дар. Я ведь последняя из рода, да и появилась на свет вопреки всем обстоятельствам. После выгорания мама была слаба здоровьем, да и выносить магически одаренного ребенка в нашем королевстве проблематично.

Цыгане — народ кочевой. Что им мешало несколько десятков лет назад находится в Менэльторе, а еще раньше — в королевстве Сайнотруд? Мадлен меня почувствовала, но если бы с такой тягой ранее не сталкивалась, вряд ли принялась настолько активно интересоваться чужой жизнью. И котюра ее, питающийся излишками магии. Совпадение? Маловероятно. Ведь та сила, что живет во мне, порой выходит из-под контроля. И у представителей Кауринской династии наверняка был какой-то способ ее усмирения. Да и травяной сбор, который мне неоднократно помогал справиться с приступами нервного возбуждения. Что, если это и не бессонница вовсе с подростковым психозом, а волнение странной магии, всегда живущей во мне?

Мадлен ведь обо всем это знала, раз помогла. Я же до недавнего времени и не догадывалась о сокрушающей силе, которая теперь так настойчиво требует выхода, хотя в маме она проявила себя еще в раннем детстве.

Да еще и пророчество это, которое обязательно сбудется, я это отчетливо сейчас понимала. Такое ощущение, что все встреченные люди, попадались на моем пути не просто так. И каждый был тонким звеном в длинной цепи направляющих к чему-то событий.

— Камелия? — Роберт Тоскан уже сидел передо мной на коленях, пытаюсь достучаться до сознания, ускользнувшего слишком глубоко.

— Профессор, можно я пойду, что-то устала жутко.

— Конечно! — он порывисто обнял, не забыв потрепать по взъерошенным волосам.

— Только сбежать помогите пожалуйста.

Я знала, что Лир будет ждать, поэтому сейчас не нашла ничего лучше, как попросить Тоскана посодействовать. Сам же говорит, что нужно решать все мирно. Но когда от одного прикосновения у меня отключается мозг, даже разговора сносного не получится. Да и характер бывшего друга я знала, как никто — он не отступится, если уже вбил что-то себе в голову.

Сжав в руке амулет отвода глаз, я спряталась за дверь. Профессор же, выглянув в коридор, громко позвал:

— Адепт Веридан, не надоело там стену подпирать?

Лир нехотя двинулся к кабинету, вальяжно-спокойный, лишь в глазах плещется злость. Но пусть бесится, только бы сразу не сообразил меня искать.

Я прижалась к стене в приемной, боясь пошевелиться, стараясь слиться с поверхностью и дождавшись, когда он подойдет к профессору, осторожно покралась к выходу. Готова поклясться, что не издавала и звука, но стоило достигнуть двери, Лир резко повернул голову, четко выхватывая мое местоположение. Как? У меня амулет и двигаться бесшумно я отлично умею, сто раз на нем же самом и испытано.

Он метнулся наперерез неожиданно и быстро, и лишь чудом не успел ухватить за руку.

И точно бы поймал, хоть я и рванула прямиком в коридор, но сзади слышалось громкое:

— Адепт Веридан!

Я уже говорила, что люблю Тоскана? Нет, это не любовь, а полное и безоговорочное обожание. Особенно если он так рычит не на меня.

Хоть и была уверена, что профессор Лира задержит, все равно торопилась. Бежать не могла, слишком вымоталась сегодня, но шаг ускорила максимально.

Добравшись до комнаты, первым делом заперла дверь, вторым — окно. Какие бы аргументы сейчас не пытался привести Тоскан, Лир все равно придет. Упрям, как быки на папиной ферме.

Но мысли сейчас металась вовсе не в сторону личного. Мне срочно нужен был артефакт.

— Давай, прелесть моя, покажись! — я говорила ласково, напустив в голос побольше мягких ноток. Потому что знала — противная шкатулка не покажется, пока не уляжется буря в моей душе. Я ж ее проводник, и если бы не собранные по кусочкам элементы, так и пребывала о таком в неведении.

Краем глаза заметила огонек на самом верху полки. Ну вот и попалась!

— Все, давай спускайся. Я тебя видела, — демонстративно сложила руки на груди и принялась ждать. Я ж вроде ее хозяйка, а ведет себя, будто это она меня воспитывает.

Прождав несколько долгих минут, постучала ногой в пол, изображая нетерпение. И это сработало. На столе, по левую руку нежно-персиковым засверкала шкатулка, изображая смущение. Я лишь глаза закатила. Это ж надо, театр одного актера!

— Мне вот знаешь, что интересно? С мамой же ты как-то общалась. Почему мне только подмигивать можешь?

В ответ эта гадость открыла крышку, показывая мне беззубый рот. Пантомимно объясняя, что она грамоте не обучена, языка не имеет, что с нее взять, такой болезнью.

— Очень приятное зрелище! Я не отстану. Слишком многое теперь о тебе знаю, чтобы можно было спокойно спать.

На крышке были слова на древнем языке фей, переводу мало поддающиеся, это понятно. Но то, что шкатулка сотворила дальше, повергло меня в шок.

Замелькали линии на символах, наверняка складываясь в понятные мне слова, только вот скорость была слишком велика.

— Э-э-э-э, подожди, я не успеваю!

Я метнулась к сумке, с которой ходила на занятия, вытягивая оттуда карандаш с листом бумаги.

— Все, вещай, — я принялась записывать.

«Не готова».

— Что? Я не готова? Да вы вообще все сговорились что ли? Тоскан всякие небылицы выдумывает, в желании меня запереть в Академии, Литманиэль рыбой молчит, ограждая от таких нужных знаний. Ты еще... Да если не сны, я бы уже пол города разворотила случайным выбросом силы.

«Анэлия умерла».

— Я все это понимаю. Но ее уже не вернуть. Она тоже узнала правду слишком поздно, и другого выхода не оставалось. Она ведь не просто так довела себя до выгорания, а чтобы ты через нее не натворила чего похуже.

«Последняя из рода».

— Хм. — я задумалась, пытаюсь разгадать этот ребус. — Последняя из рода... Ты должна защищать последнего? Не пойму, подскажи еще.

«Сгинет последний, исчезнет магия».

— Аа-а-а. Так ты так только за последнего в роду печешься? То есть когда истребляли целый клан, ты сидела мышкой, пока не попытались убить последнего? — у меня такое просто в голове не укладывалось.

«Могу вмешаться, только при угрозе прерывания рода».

Длинную фразу записывала долго, и когда прочла, откинулась на стуле, закрывая глаза. Все правильно. При любом вмешательстве артефакта такой силы в линию жизни, идет искажение. И если бы шкатулка направо и налево вершила судьбы, мироздание давно бы пошло рябью, или, что вероятнее, просто прихлопнуло неуютную мелочь.

— Отчего тогда позволила бабушке умереть? Она была последней в роду! Ведь все бы сложилось иначе, не примени она столько силы.

«Не последняя в роду».

В голове будто провернули огромной отверткой, вызвав внезапный приступ боли. Сжав виски похолодевшими ладонями, я силилась понять произошедшее.

Бабушка к моменту, когда до нее добрались, успела родить, и уже не являлась последней. И видимо, понимала это, ценой жизни защитив единственного ребенка. Ведь в дальнейшем о маленькой уже было кому позаботится. У Анэлии появился отец, да и артефакт в беде не оставил бы.

Да и мама боялась за жизнь окружающих не зря. Перейди Дарель черту, подвергни жену настоящей опасности, вмешалась бы мощнейшая сила артефакта, перекраивая и ломая судьбы. И мама наверняка умерла тогда, после выгорания, я ведь чувствовала все это на себе, но шкатулка позволить такое не могла. Вот и осталась Анэлия жить, хоть и с пустотой внутри.

Так что все это правда, и я — это нечаянный дар, появившаяся на свет только благодаря стараниям древнего артефакта. Мама бы одна точно не справилась.

— А магию ты откуда тянула, когда мама беременная была? В ней-то совсем ничего не осталось.

«Все вокруг и лекарь».

— Мда... И судя по тому, что Градон на магию совсем слаб, раз так магов мало рождается, лекарю досталось основательно... Но я не осуждаю, ты не подумай. Все-таки ради меня старалась, — я ласково погладила шкатулку по крышечке, и она в ответ засветилась золотым.

— То есть ты и подпитывать можешь в случае необходимости, и лечить?

Шкатулка ярко озарилась зеленым.

— А лечить не только последнего в роду способна? Это же не вмешательство в судьбу, просто помощь.

До того чуть приподнятая крышечка захлопнулась наглухо. Это она так, наверное, обдумывает. Но в дальнейшем разговоре мне было отказано. Шкатулка будто глубоко уснула, ни на что не реагируя.

Я легла в постель, но уснуть после настолько тяжелого дня и огромного количества информации, совсем не получалось. А может быть просто ждала, когда около моей двери раздадутся шаги — тихие, но отчего-то вызывающие отчаянную дрожь в пальцах, сжимающих одеяло.

Я знала, что он стоит, раздумывая — постучать или все-таки дать отдохнуть. И когда где-то на этаже хлопнула, закрываясь, дверь, смогла выдохнуть. Взрослеет! Ведь всего год назад он бы наверняка разбудил, потворствуя своему эгоизму. Такое случилось не один раз, когда после очередной мачехиной взбучки или отцовского наказания, я усталая ложилась спать, а он начинал кидать в окно камешки, в желании поднять с постели и узнать интересующие подробности.

Все-таки Лир меняется, и я меняюсь вместе с ним.

Утро меня встретило золотым сиянием. Ведь шкатулка за ночь надумала, что лечить других все-таки может и всю демонстрировала широту своей души, рассыпая снопы искр. Я даже залюбовалась, так было красиво.

Оделась и умылась буквально за несколько минут, очень уж не терпелось испытать на что она способна.

— А как лечить будем?

В ответ артефакт приоткрыл пасть, приглашая заглянуть внутрь. Ну я, конечно, не отказалась, сразу разочарованно выдав:

— Ты опять? Что это за пыльца такая?

"Пыль. Лечить".

И тут я задумалась. Может зря на артефакт ругалась, когда в предыдущие разы мне предлагалось воспользоваться этой субстанцией. Ведь после прошлого магического выброса, пыльца действительно помогла, вернув нормальный внешний вид. А что, если не только вид, но и самочувствие, просто я этого не осознала.

Вот так сюрприз! Это же меняет дело. Сграбастав целую горсть пыльцы, двинулась в деканат боевого факультета, не забыв и амулет отвода глаз. Видеть никого из близких до сих пор не хотелось. Хоть и понимала, что это нужно и от разговоров все равно не уйти.

В приемную вошла как к себе домой, убрав отвод и громко хлопнув дверью, желая привлечь внимание секретаря.

Лорейн лишь мазнула по мне взглядом, снова уставившись в лежащие на столе отчёты. Да-а-а, тут я точно пришла по адресу. Женщина совсем потеряла интерес к жизни. Магию вернуть даже волшебная пыль не в состоянии, но помочь ей хоть в чем-то очень хотелось.

Я сделала вид, что иду к Тоскану, на самом деле повернув к большому столу Лорейн. И стоило ей только поднять на меня глаза, раскрыла ладонь и что есть силы дунула.

На мертвенно бледное лицо женщины плотно оседала золотая пыльца.

Ждать, пока меня за ухо приволокут в кабинет декана, не стала, быстро нырнув в приоткрытую дверь, и тут же прилипла к стене, опасливо косясь через щель в приемную.

— Ты опять за свое? — Тоскан говорил недовольно, да и по неряшливому виду можно предполагать, что всю ночь провел на рабочем месте. — Камелия!

Но даже на этот окрик я реагировать отказывалась, потому что боялась подать голос и быть настигнутой разъярённой Лорейн. Декан ждать разъяснений не стал, громко протопав ко мне.

— Что на этот раз? Арон? — он стоял за мной и тоже пытался заглянуть в щелку. Взрослый массивный седовласый профессор вместе с маленькой адепткой занимаются подглядыванием за секретарем. Это было бы смешно, но только не сейчас. Потому что в ушах звенел пульс, а сердце отбивало бешеный ритм от ядерной смеси страха, любопытства и надежды. — Тролли тебя задери, ты что сделала с Лорейн?

Тоскану видимо за счет роста было лучше видно происходящее, потому что он тут же

рванул в приемную, чуть не сбив меня дверью. А я стояла, медленно холодея, потому что Лорейн лежала на полу, напоминая бледную безвольную куклу.

Не могла же я ее убить. Шкатулка ясно сказала — «лечить». А если сердце бедной женщины не выдержало? Я же неожиданно подкралась, могла и напугать...

— Камелия, не стой истуканом, подай воды хотя бы, — Тоскан нервничал, пытаюсь привести в чувство своего секретаря.

Я кинулась к кувшину и не теряя времени, опрокинула его на лицо женщины. Которая сразу открыла глаза, хватая ртом воздух и, увидев меня, в одно мгновение перетекла из положения лежа в боевую стойку.

Да-а-а. Вот это я понимаю! Магии нет, но рефлексy все еще живы. Боевой маг высшей категории.

— Т-т-т-ы-ы-ы, — она, заикаясь, с явным трудом выговорила короткое простое слово. Но мы с деканом сразу переглянулись, и я даже затаила дыхание. Неужели правда? Пыльца действует. А это значит, что у меня в комнате находится прямо-таки чудо, в образе старинной шкатулки.

— Лорейн, успокойся пожалуйста, давай присядем, — Тоскан осторожно подхватил женщину под локоток и мягко опустил на стул. — Как ты себя чувствуешь?

Она будто не веря самой себе ощупывала руками грудь, ребра, живот, а потом подняла на нас растерянные глаза: — Хор-р-рошо.

Говорить получалось уже значительно лучше, споткнулась она только на букве "р".

— Расскажешь, что случилось? Мы с Камелией нашли тебя на полу.

Лорейн тыкнула в меня пальцем, гневно сверкнув глазами. Вот, и яркие чувства к ней уже возвращаются. А то сидела, как ящерица на холодном — даже головой двинуть ленилась.

— Она на-а-а меня-я-я напала!

— Кто? Я? Не было такого! — меня отпустило и теперь пришло четкое понимание, что золотая пыльца работает, а значит можно и включить немного наглости. — Шла я к профессору, дело одно обсудить, а тут смотрю Вы сидите, бледная как сама смерть. А у меня с собой как раз пудра новая. Дай, думаю, испытаю.

— Ками. — Тоскан зарычал. Переборщила, наверное. Уж он то точно знал, кто виновен и в обмороке заслуженного секретаря, и в неожиданном обретении ею голоса.

Я подняла руки вверх, без слов говоря, что больше не буду нести охинею и вообще готова ретироваться.

— Иди, я сам тут разберусь!

Вот и славненько, вот и хорошо. Я задом попятилась к двери, стараясь сдержать абсолютно неуместную сейчас улыбку. Но так светло было на душе, так радостно, что поделиться этим чувством хотелось со всеми.

По общежитскому коридору буквально летела, немного притормозив у комнаты Арона. Он не пришел вчера, да и на турнире вел себя странно. Но разговора с ним я сейчас отчаянно не желала. Потому что понимала, что придется рассказать о скором отъезде. И внутри уже сейчас муторно крутилось волнение, оседая на самое дно едкой горечью.

Отчетливо понимала, что рядом со мной нет места ни Арону, ни Лиру, как бы я не тянулась к обоим. Один готов ради этих отношений меняться, держать себя в строгих рамках, нежно оберегать и заботится. И сколько бы между нами не стояло негатива, я знала, что была бы с ним счастлива. Второй — заботится лишь о себе, пренебрегая сердечностью,

мнением окружающих и моими чувствами, в частности. Но он забрался в душу слишком глубоко, и никакими силами его оттуда уже не вытащить. Лир — часть меня, хоть и не самая лучшая. С ним бы точно было непросто, но за столько лет, проведенных бок о бок, мы как-то научились ладить и принимать друг с друга со всеми бесами в беспокойных душах.

Простая и понятная жизнь осталась в Градоне, и сейчас нужно было принять решение, которое поставит крест на всех возможных вариантах нашего взаимодействия. Сделать больно один раз, чтобы потом все могли спокойно дышать, не имея рядом девицы с разрушительной магией в крови и всемогущим артефактом за пазухой, который легко может разворотить город, лишь бы последняя представительница рода не канула в реку забвения.

Арон явился первым и стоял за дверью, пока я не вышла, пригласив в гости. Такого явного демарша с его стороны не ожидала. Ведь он в принципе в мою комнату всегда ходил как к себе, даже в период обострения конфликта. Поэтому, тоже не стала себя ограничивать и ехидно осведомилась:

— Не желаете ли чаю или может есть особые предпочтения? Пирожные из лучшей кондитерской, вино из погребов древнего рода?

Он, совсем не реагируя, стоял посреди комнаты, взглядом обводя узкое пространство. Будто желая убедиться, что я тут одна. А потом выдал такое, что я поперхнулась:

— Последние несколько месяцев не оставляла мысль, что я встретил, наконец, своего человека. Нужного настолько, что замирало сердце от одного только взгляда.

Правильного и честного, которому можно не просто верить, а спокойно подставить спину,

— он вдруг вскинулся, глядя на меня прямо и остро. — Скажи мне, Камелия, какого это, врать человеку, который перед тобой обнажился полностью? Душу вывернул.

От едва сдерживаемого напряжения, Арон почти трясся, сжимая до бела кулаки и губы. И передо мной сейчас встал выбор — согласится с его обвинениями, ложными или истинными, не важно, или попытаться отстаивать свою точку зрения, в итоге получив одинаковый результат. Остаться для него навсегда неправильным и нечестным человеком, который все время обманывал, или просто рассказать правду, заставив смириться с ситуацией?

— И в чем же я солгала, Арон? Чем заставила сомневаться в себе? — я решила хотя бы узнать в чем меня обвиняют. И до отчаянья боялась ответа. Потому что быть подлым троллем в своих глазах все-таки лучше, чем в глазах близкого тебе человека. Я знала, что виновата, ведь уже как минимум 2 раза переступила общепринятые нормы морали и собственные принципы.

— Ты вчера так правдоподобно говорила, что ночевала у эльфа. То, что он родственник-верю. Присмотревшись, невооруженным глазом видно, что вы похожи. Так что не просто родство, а очень близкое.

Я от его слов побледнела. Хотя паниковать не стоило, ведь такого интереса здесь никто больше проявлять не будет. Нас и вместе-то мало кто видел, а уж соединить сиятельного эльфа и бледную адептку вообще в голову не придет.

— Истина не всегда лежит на поверхности, да, любимая? — он этим обращением решил добить меня окончательно. И так ведь еле держусь, стараясь не расклеиться, а он еще и на чувства давит. — Ты и правда ночевала у Литманиэля, только вот отчего около его дома видели твоего заклятого друга?

— Кого? — я честно не понимала причину его обиды. Кому какое дело до того, кто

крутится у чьего-то дома. — Я спала, Арон. Понятия не имею, кого там видели, но смогла глаза открыть только поздним утром, а уж о моем самочувствии и говорить не приходится. Ни единого человека не видела, кроме Тоскана и Литманиэля.

— Значит твой родственник просто так впустил этого... — он видимо хотел выругаться, но быстро пресек ненужное. — Лириана.

Арон меня ошарашил, хотя этого слова даже мало. Дядя за моей спиной встречался с Лиром? Ну бред же! Бред?

— Арон, если честно, я не понимаю. Что такого в том, что он заходил?

— А то, что я вижу, как он смотрит на тебя! — Арон сорвался, говоря с такой ненавистью, что становилось страшно. — И как ты реагируешь на него!

Я сжалась, физически ощущая исходящие от него волны боли и агрессии. Но открыто врать на такие обвинения не стала бы. Потому что знала — да, Лир смотрит. Наблюдает за каждым шагом, едва попадаю в поле видимости, ведь неоднократно ловила на себе его взгляд. Да и за собой такую особенность замечала, хоть в последнее время и старалась тщательно контролировать.

— Но самое главное, что это вижу не только я. Иначе почему Мар первым делом, едва я зашел в комнату переодеться, рассказал мне именно это?

— То есть, мои слова подверглись сомнению потому что твой друг видел Лиру? Точнее не так. Потому что твой друг видел какого-то постороннего адепта у дома эльфа из иностранной делегации. Да, это очень важный аргумент.

— Ты коверкаешь общий смысл, Камелия. Намеренно его искажая. Когда ты не появилась в комнате через пять минут, как ушла в туалет, я отправился искать. И нигде не найдя, естественно, попросил помощи у друзей. Испугался, понимаешь? За тебя! — и меня таким чувством вины затопило, что хоть вой. — Мы по всей территории искали полночи. А потом решили, что спать тоже нужно. Все в комнату пошли, а я к тебе.

Да, дальше все было и без слов понятно. Я явилась едва ли не к обеду, и за это время он успел в своей голове сочинить определенную историю. Которая рухнула, после моего объяснения. Но какие-то отростки проникли слишком глубоко, оставляя ненужные мысли жить на подкорках сознания дальше. Ведь Арон, к примеру, так и не выяснил, где ночевал Лир. И когда вернулся в комнату, Мар зачем-то вспомнил, что во время ночных поисков видел этого самого адепта, а главное где его видел. И эти отростки-щупальца начали стремительно разрастаться, жаля все сильнее, а сочиненная история обрастать еще более некрасивыми подробностями.

За такое нельзя винить, все-таки вера в человека, даже такого нужного, какой являлась для него я, не безгранична. И трухой рассыпается под давлением обстоятельств. Но жалость сейчас я позволить себе не могла. Как и упасть в его глазах еще больше.

— Арон, дело не в Лире. Тут все настолько глубоко, что устанешь копать. Я бы очень хотела остаться. Здесь, с тобой. Привязалась ко всем уже жутко. Но после турнира придется уехать.

Все, я это сделала. Сказала, как есть. Ударила четко в цель, потому что Арон тут же шагнул ко мне, крепко прижав.

— Нет.

Он держал, не отпуская. Да я и не пыталась вырваться, потому что точно также, как и он отчаянно нуждалась в тепле.

— Это не мое решение. Но так нужно! Иначе все опять закончится плохо. Я не могу

сказать всего, Арон.

Горячая рука прошлась по волосам, опускаясь до талии, прижимая еще теснее.

— Не смогу, ты нужна мне. Поедем вместе. Плевать на все!

После этих слов я поняла, что Арон, даже думая, что я коварная лгунья, отпускать не собирался. Все это высказывал с одной единственной целью — воззвать к моей совести и добиться раскаяния и покаяния. Готов был остаться рядом, какой бы грязной я не оказалась.

Вдруг ударило, будто под дых, выбивая из глаз ненужные слезы. Отчего проведению нужно, чтобы все вокруг меня страдали? Мучились совестью, вспоминая мою мать, терзались от невозможности быть рядом. Зачем нужная эта магия во мне, если нельзя обратить ее в пользу?

— Меня увезут в Менэльтор. Жить буду максимально уединенно, — я замолчала, думая, как сказать ему о самом главном? — И... все вокруг будут думать, что я любовница Литманиэля. Что он меня содержит.

Арон отстранился на расстояние вытянутых рук, продолжая, однако, удерживать. Будто опасался, что, отпусти он сейчас, я моментально исчезну.

— Сможешь ты бросить все — семью, учебу, возможность построить карьеру, чтобы уехать со мной в чужое королевство? Много лет прожить, скрываясь в глуши, пряча наши отношения? Смириться с мнением окружающих, которые будут считать меня простой содержанкой? — я замолчала, но все-таки смогла выдать из себя окончание. — Мы даже не людей вместе показаться не сможем...

Арон не сказал ничего, опустившись на колени, и теперь прижимаясь щекой к моему животу, обвивая поясницу руками, подобно лианам. Ему было стократ больнее сейчас, потому что он у себя в голове давно все решил. Мысленно проведя со мной жизнь. Я и сама несколько дней назад представляла подобное, только в более мелких масштабах.

Я ведь знала его решение, заранее подбирая наиболее весомые аргументы разговора. Он так жить будет не в состоянии. Арон слишком амбициозен и горяч, чтобы пожертвовать всем, проводя годы в тихом захолустье. Он слишком ревнив, чтобы позволить трепать мое имя каждому, и не вступиться, набив обидчикам физиономии.

— Я помогу облегчить боль, Арон. Если ты мне опять доверяешь настолько, что готов подставить спину.

Это было важно, потому что нужно обсыпать его пылью без лишних вопросов. Но он помотал головой в отрицательном жесте. Желая переварить все самостоятельно, без чужого вмешательства.

— Я уеду сегодня на весь день, — он все никак не желал отстраняться, хоть и поза была не слишком удобная. — А ночью приду, можно?

Как я могла отказать? Когда у самой никак не получалось смириться, что через несколько дней его уже не будет рядом.

Ждать Лира не стала, хоть и знала, что и он обязательно явится. Но мне отчаянно требовалось действовать сейчас, иначе захлестнет уныние и апатия.

Схватив плащ, я быстро направилась к домикам преподавателей, желая поговорить с Литманиэлем.

Дверь открыл дядя, но теперь рисковать я не собиралась, с порога спросив:

— Ты один?

Он в ответ отрицательно покачал головой, и тут же из гостиной вышел Раданэдэль, отчаянно скалясь.

— Приветствую прекраснейшую из смертных, светом затмевающую сияние солнца.

Я в ответ буркнула: «добрый день», и схватив Литманиэля за руку, сразу потянула его в комнату на втором этаже. Расположение запомнила замечательно, ведь с ориентацией проблем никогда не испытывала.

Что обо мне подумает Раданэдэль не интересовало вовсе, потому что я прекрасно понимала скрытый смысл его приветствия. Подслушанный разговор воображению разгуляться давал знатно.

— Когда мы уезжаем? — задала интересующий вопрос прямо в лоб, не давая времени обдумать его собственные.

— Сразу после турнира, раз уж тебе так важно участие в нем. Отец хотел приехать сам, но я попросил не привлекать излишнего внимания.

Это было очень трогательно, я и сама жаждала встречи, но в моих руках имелся артефакт с неограниченными возможностями и упустить такой шанс было бы кощунством.

— Мне нужно домой. Попрощаться с родителями.

— Нет! — вот это поворот... Такого категоричного отказа я от дяди не ожидала.

— Литманиэль, а как ты предлагаешь объяснить мой отъезд в чужое королевство? Просто написать письмо? Да папа с Эррой с ума сойдут от беспокойства! — я начинала заводиться.

— За тобой наверняка следят, родителям пока не говори ничего, а потом я лично их навещу и отвезу письмо.

Вот смотрела не него и диву давалась. Правильно Тоскан про эльфов сказал — заикленные на себе. Ему важна только родная кровь, то есть я. А что будет с моим отцом и Эррой — наплевать.

Но сейчас совсем не о том, я хотела вернуться домой не только, чтобы попрощаться и объяснить ситуацию. Но на эту авантюру Литманиэль грудью встанет, но не отпустит. Поэтому я поступила, как истинная коварная фея — сладко улыбнулась, мягко обняла тут же растаявшего дядю и проворковала:

— Ты прав. Я, пожалуй, пойду отдыхать. Так вымоталась вчера, до сих пор силы не восстановила.

— Камелия. — Литманиэль смотрел ласково и до того умильно, что мне сделалось даже стыдно. — Я вчера чуть с ума не сошел, пока за испытаниями следил! Это невыносимо!

— Не переживай. Команда Менэльтор же справилась, хотя им наверняка тоже мертвый подсунули, — и не дожидаясь возражений в ответ, нагло сбежала.

Просто так выйти с территории Академии я не могла, но есть шанс улизнуть незамеченной, если оставить тут активированный амулет с моей кровью и родственной магией. Мысленно потянулась к Карлу, взывая отчаянно.

Он видимо был где-то на территории, потому что ввалился в комнату с огромными бешеными глазами.

— Что случилось?

Да, не подумала я, что брат так волноваться будет.

— Все нормально! Карл, а Нарин сейчас в городе? — но меня он казалось, не слышал, надвигаясь с такой кровожадной физиономией, что я с визгом отскочила.

— С ума сошла, так пугать? Придушу своими руками, чтобы в дальнейшем не страдать!

— Карлуша, ну пожалуйста, — канючила я, хоть и понимала, что с ним такое не пройдет.

— В городе! — рывкнул злодейски настроенный брат.

— Посиди пожалуйста в моей комнате часик, никому не открывай. А я амулет активирую на крови.

Он посмотрел с такой надеждой, что я сжалилась. Видимо совсем Карлу жилось скучно, раз любая авантюра воспринималась с таким азартом.

С амулетом отвода глаз выскользнуть из Академии получилось легко, а вот в городе одна я передвигаться не привыкла. Единственный раз, когда добиралась без сопровождения — в ночь облавы. Зато цель маршрута совпадает — дом на окраине города.

Капитан Юджин открыв дверь, недовольно замер в проеме, наверняка подумав, что это проделки хулиганов. Потому что я была под действием амулета отвода глаз, а значит перед собой сейчас мужчина никого не видел.

— Капитан Юджин, это Камелия. Можно войти, меня не должны видеть, — я говорила шепотом, но он прекрасно все расслышал и без вопросов посторонился.

Протискиваться мимо было не очень удобно и совсем бесконтактно не получилось, все-таки капитан весьма массивен, а проем узок. Складывалось впечатление, что он специально это сделал, желая понять, действительно ли здесь кто-то есть.

В коридоре первым делом отложила амулет, наткнувшись на изучающий мужской взгляд. Стало до того неловко, что даже руками себя обхватила.

— Капитан Юджин... — начала я, но была сразу перебита.

— Отчего мне кажется, что ты опять в опасности?

— Не совсем так. Но я очень прошу о помощи.

Мужчина жестом пригласил пройти в гостиную, хотя я бы сейчас не отказалась от успокоительного чая. Все-таки просьба была несколько незаконна.

Спустя пять минут разговора и многократных попыток объяснить необходимость изъятия корабля, капитан не выдержал.

— Ты хоть понимаешь, что это подсудное дело? Да если вскроется, что я корабль по личному делу гонял, одним выговором не отделаюсь.

— Да кто узнает-то, если скажете, что судно на ремонте? — понимала его опасения, но моя задача — убедить. — Я теперь с ветром управляюсь гораздо лучше, да и судно пустое

поплывет, беспокоиться о пассажирах не нужно, домчим за 2,5 дня! У Вас же недельный перерыв, из которого на суше вы всего день, завтра второй. У нас 5 дней в запасе, и один Вы возьмете на вынужденный ремонт.

— Я тебе поражаюсь, — капитан присел рядом и теперь внимательно всматривался в мои глаза. — Невинная же на вид, что грудью сразу на защиту встать хочется, а внутри демоны отбивают чечетку.

Что сказать — это он верно описал. Хотя у меня сейчас внутри никто не отплясывал, только все ёкало и сладко замирало в предвкушении очередной авантюры. Лишь бы согласился! В надежде добить, я сделала самое умильное лицо, на какое была способна. Очень редко пользуюсь своей внешностью и начинать, надо сказать, не собираюсь. Но ситуация обязывала принимать любые меры.

— Ла-а-адно. Точно никто знать не будет?

— Только Карл и Нарин, они завтра помогут мне незаметно выбраться из Академии, — я едва не прыгала от радости, и зудело внутри таким нетерпением, что хоть сейчас все бросай и воруи корабль. Как с детства мечтала... Я прямо видела себя на палубе, просящей ветерок не ограничивать себя ближайšie 2 дня, и его неимоверную эйфорию от

возможности резвиться сколько призрачной душе угодно.

Получив желаемое, я тут же сорвалась с насиженного места, чтобы побыстрее добраться до общежития. Время близилось к вечеру, скоро и Арон вернется. Но капитан остановил уверенным:

— Я провожу!

— Да что Вы, не стоит, у меня же амулет, никто и не заметит.

— Нет.

Ну нет, так нет. Хочется ему вечером меня караулить, вместо того, чтобы женой заниматься, так пусть идет.

Он вышагивал не спеша, прислушиваясь к моим шагам, и чтобы немного поторопить, я подхватила капитана под руку.

— Не возражаете, если мы немного поторопимся?

Он лишь промычал что-то в ответ, явно не ожидая от меня такой прыти. Зато пришли к Академии в рекордные сроки. Капитан остановился у ворот, не зная, что делать дальше, я же в порыве благодарности быстро клюнула его в щеку. Если бы он меня видел, наверное не смогла бы, а так.

— Еще раз спасибо.

Я шагала от него быстро, не желая видеть реакцию на столь смелый поступок, и едва не вскрикнула, когда меня перехватили.

— Богиня, Лир! — я принялась вырываться. — Как вообще ты меня находишь, когда я невидимая!

— Что ты делала с капитаном? — мой вопрос он проигнорировал, поспешив задать свой.

— Хм... — я даже поперхнулась. — Гуляла... — нет, ну не правду же ему выкладывать. Пусть думает, что я еще и с капитаном гуляю, мне уже все равно.

— Ками, не зли меня! — он почти рычал. — Ты его целовала!

— Гуляла и целовала, или тебе все подробности нашей встречи? — не стоило его, конечно, доводить, но я до сих пор не могла простить ему побег из Градона. И на каждое подобное проявление ревности хотелось кричать, что он не имеет на это никакого права.

Лир еще крепче ухватил за локоть, буквально таща меня в комнату. Он никогда не умел рассчитывать силу, но раньше хотя бы извинялся. Сейчас я даже заикаться о таком не буду. Не к чему, все равно сегодняшний разговор последний. И я очень долго вертела в уме все детали.

Когда ввалились в комнату, я сразу сняла амулет, показываясь Карлу. Брат в ответ сразу ошетинился.

— Проблемы, сестренка? — он как-то весь подобрался, словно кошка, готовая к прыжку. И меня затопило благодарностью, что Карл, несомненно почувствовал.

— Нет что ты. Это Лир, но вас знакомить считаю излишним. Карлуша, завтра все в силе.

Я наивно думала, что брат, услышав это сразу уйдет. Ему же еще Нара искать и многое обсудить нужно. Но тот стоял, как скала, расставив ноги и накренив корпус немного вперед. Я даже улыбнулась.

— Иди, нам с Лиром поговорить очень нужно.

Карл кивнул, но уходя все-таки задел плечом стоящего в проходе Лира и громко хлопнул дверью. Какие же они еще мальчишки! Я и то себе казалась взрослее.

Надвигающегося на меня парня остановила вытянутой рукой.

— Нет, Лир, никаких прикосновений! Я поговорить хочу.

— Интересно, о чем? — он как-то зло усмехнулся. — Как вчера сбежала, пользуясь поддержкой своего декана? Или о непонятном шатании в городе под ручку с капитаном?

— О том, что нам с тобой не по пути. Какими бы крепкими нитками мы не были связаны.

Он явно не хотел слушать, снова начав наступательные движения. А когда уперся в выставленную руку, легко отвел ее в сторону.

— Лир! Ты же все понимаешь! И ломая подобным образом мое сопротивление, добьешься только отторжения.

— А мне плевать, — его голос снова менялся, наполняясь тягучей патокой. Обволакивая каждым произнесенным словом.

— Я уезжаю после турнира! — по другому его было не сбить. — И не вернусь сюда больше.

Я решила все еще вчера, после слов Тоскана об отъезде. А сегодня сделала окончательный выбор. Единственно возможный цвет, среди сотен полутонов. Черный. Пусть выгорит все дотла, погребая под слоем золы лишние чувства.

Лир выглядел ошарашенным. Мигом слетела вся сладкая шелуха, обнажая жесткую суть. Стал колючим взгляд, резкими движения.

— Куда?

— В Менэльтор. Литманиэль предложил мне стать его любовницей.

Я ожидала еще большей злости, но Лир повел себя крайне неожиданно, скептически хмыкнув.

— Ты же знаешь, я всегда мечтала о путешествии к эльфам. А тут такой шанс...

— Ками, — он дернул головой в сторону, будто что-то услышав, — просто поговори сейчас со мной, ладно?

— Я сказала все, что нужно! — в дверь постучали. И я в панике посмотрела на торжественно улыбающегося Лира. Гад! Он как-то услышал, что сюда идут и намеренно просил продолжить разговор. Чтобы у стоящего по ту сторону двери не осталось никаких сомнений — в комнате я не одна.

Это пришел Арон. Я знала точно. А Лира готова была убить. Но вместо этого, схватила лежащий на тумбочке амулет и впихнула в руку негодяя.

— И только попробуй себя выдать! — я шипела, будто змея. Но он меня отлично понял, сразу активировав амулет отвода глаз и незаметно растворяясь в воздухе.

Чуть позже, лежа в тесных объятиях Арона, я думала о странной реакции бывшего друга на мое заявление. Ведь столько времени ушло на составление этого диалога. Я мысленно просчитала все варианты его ответов, возможные реакции. И ни в одной из вероятностей Лир не усмехался так странно.

Глава 31. Один прыжок в бездну

Я проснулась с рассветом, не желая, однако открывать глаз. Хотелось перестроить себя одним рывком, просто вычеркивая элементы. Академию, одноклассников, профессора Ноэль с такими интересными занятиями, безумно нужного брата, вредного, но горячо любимого Тоскана. А еще вот этого молодого мужчину, всю ночь не выпускающего меня из объятий, который тоже незаметно стал очень важен.

Арон вчера, едва переступив порог, сжал, словно плюшевую игрушку. Будто жизненно необходимо было меня чувствовать вот так близко. Я знала, что ему тяжело, но до последнего не понимала, настолько болезненно перенесу это сама. Проще вырвать кусок мяса из тела, чем заново пережить расставание.

Когда уезжала из Градона такого не было. Потому что знала — вернусь. Через несколько месяцев, но приеду. А сейчас нужно было все оборвать навсегда.

— Ты ведь решил остаться? — я хотела подтолкнуть Арона словами выразить то, что бурлило внутри, но в ответ получила лишь еще более сильные объятия.

Он не желал говорить, ставя таким образом между нами точку. Будто без слов можно было еще все оставить как есть. И я тоже трусливо молчала, не решаясь беречь открытую рану. Арон даже не поцеловал ни разу, лишь жадно втягивая воздух у волос, основания шеи, беспрестанно меня касаясь.

Я лежала не двигаясь, боясь потревожить и без того беспокойный сон Арона. Ему нужны силы для сегодняшнего состязания. А мне — каким-то образом все очень быстро подготовить для отъезда. Я собиралась сбежать сразу, как только закончатся соревнования, а точнее — до их завершения. Пока все будут заняты принятием поздравлений и соболезнований, мы с Карлом ускользнем. Скорее всего должна будет передать записки профессору Тоскану и Литманиэлю. Мы их составляли вчера с братом, который настоял на скупом изложении, хотя мне и хотелось добавить немного лирики.

«Вернусь через неделю. Дайте попрощаться с родными, это для меня очень важно. Камелия».

Я осторожно высвободилась из рук Арона, чтобы успеть в душ, но он тут же проснулся.

— Пора вставать? — сонный и растрепанный, он был похож на озорного мальчишку.

— Нет, поспи еще, я в душевую.

Арон спорить не стал, вновь зарываясь в одеяло, а я воспользовавшись этим, быстро выскользнула в коридор. Мне очень нужно было забрать у Лира амулет отвода глаз, но настолько рано нарушать покой целой комнаты парней я не решилась.

Когда вернулась, Арон крепко спал, я даже рукой перед его лицом поводила. Видимо рассветное марево способно успокоить любого.

— Шкатулочка... — позвала я очень тихо, прекрасно понимая, что она услышит даже так. Артефакт тут же замерцал на столе, показывая, что на месте.

Я наклонилась максимально близко, почти касаясь губами, чтобы прошептать:

— Можно Арону помочь пережить расставание? Чтобы это проходило немного легче? — да, он отказался. Но не могла я спокойно смотреть, как мучается человек.

Эта пакость замерла, будто обдумывая, а потом взяла и исчезла. Я даже дар речи потеряла от такого. Какова нахалка, а?

— Если ты сейчас же не появишься, я приму меры! — сказала даже позы не меняя,

пусть только попробует материализоваться где-то в другом месте. — Тоскану сдам на опыты!

Этот аргумент подействовал, потому что шкатулка тут же замерцала в волнении. То-то же! Мы феи — народ коварный, уж ей ли это не знать! И пусть данной крови во мне лишь треть, да и от крыльев богиня избавила, но бушующее в крови нетерпение, излишняя подвижность и безрассудство, точно досталось от них.

— Давай-давай, мне всего-то пригоршню пылицы нужно, не жадничай, — были, конечно, сомнения, что душевный недуг исцелить ей не под силу, но ведь мама жила как-то дальше после чудовищного преступления. Значит все она может, просто раскрывать свои секреты не хочет. — Мне не нужно полной блокировки чувств, это я и сама могу сделать. Просто облегчить восприятие ситуации, понимаешь? Чтобы он не догадался ни о чем.

Мне кажется, будь у шкатулки глаза, она бы их закатила. Я ведь не дурочка, понимаю, что разбрасываться направо и налево пылицой не стоит, но тут затронуты интересы дорогих мне людей.

— Мы не вмешиваемся в его линию жизни или судьбу, просто помогаем.

Она открылась — нехотя, с почти различимым скрипом. И пылицы было на самом дне, так что пришлось даже выскребать остатки. Спорить не стала, но жила во мне уверенность, что когда ставили эксперименты над оборотнями, на пыль шкатулка не скупилась.

Я осторожно распылила это чудо над спящим парнем, предварительно стянув одеяло. И жгло внутри каким-то лихорадочным волнением, выливающимся в подрагивание конечностей.

Из вещей взяла только сменное белье, ночную сорочку и штаны с рубашкой. Большого за 2 дня пути мне не понадобится. А вот над амулетами задумалась. До одури хотелось собрать весь комплект, что успела сделать на занятиях с Ноэль. Свербело предчувствием где-то глубоко, но я загнала эти мысли подальше, решив, что заберу поделки, когда вернусь.

— Шкатулочка, у меня к тебе дело есть. Сегодня последний день турнира. Мало ли что может приключиться, но ты знай, что при реальной угрозе жизни сработает артефакт переноса. Не знаю правда какой, потому что и Тоскан свой дал, и от Академии на каждом адепте активировали. Твоя помощь не потребуется, — она в ответ разноцветно мигнула, беззвучно надо мной посмеиваясь. Потому что такая мелочь как я решила поучить великую всезнающую древность. — Ладно, спрячься в саквояж пожалуйста, ты мне будешь нужна в Градоне.

Арон ждал в конце коридора, сразу сцапав за руку.

— Да, я немного задержалась, но без нас все равно не начнут. Чего так нервничать-то? — на меня в ответ даже не взглянули. Хоть я была бы и не прочь посмотреть ему в глаза, чтобы понять, отпустило ли.

Нас действительно ждали все, и я даже изобразила виноватую улыбку, хоть и не испытывала никакого стыда. А вот Арону, как капитану команды, наверное, потом влетит от ректора. От Тоскана точно не влетит, потому что именно он меня и заставил вернуться. Правила нарушает господин декан боевого факультета, «внучку» свою протезирует.

Я понимала, что это все не зря сделано, но прямо сейчас, ощущая на себе липкие взгляды многочисленных глаз, готова была повернуть время вспять. Чтобы послать Тоскана в лес грибы собирать, а не послушно топтать в комнату, дабы надеть на себя вторым слоем водоотталкивающую амуницию.

— Принцесса опаздывать изволит или вы там чем-то поинтереснее занимались? —

вставил не к месту Кирас, за что удосужился непередаваемого взгляда от Арона. И я поняла, что после турнира сначала влетит капитану от руководства Академии, а потом Кирасу, от руководства команды.

— Уважаемые участники турнира, в этом состязании на Вас не накладывают никаких ограничений в использовании магии и оружия. Команда, первая нашедшая кубок, объявляется победителем. Начинать все будут с разных точек одной местности. Удачи! — ректор очень быстро откланялся, делая шаг назад, в толпу ждущих его преподавателей и представителей от команд.

Арон вернулся с порталом удивительно быстро, я даже морально подготовиться не успела. Возможно поэтому мне и было так паршиво. Хорошо еще ела последний раз вчера днем...

Но на меня ребята не обращали абсолютно никакого внимания, всюду оглядываясь по сторонам.

— Интересно, остальные команды тоже в тропиках? — протянул Пирс, отмахиваясь от надоедливого насекомого. Огромного и такого противного, что меня передернуло.

— Это вряд ли. Скорее всего перемещали территории с первого тура. Моренго наверняка к вулкану закинули, а эльфов в степь. Территория то одна, огромный остров скорее всего, а вот дислокации совершенно разные, — Мар говорил так уверенно, будто это он всем задания раздавал. — Ками ты как?

Я даже растерялась от такого резкого перехода с обсуждения общественных проблем на мою скромную персону. Но кивнула, давая понять, что все отлично. И в ближайшие несколько часов не умру. Наверное. Потому что мутило сейчас похуже, чем после попойки. Но осматриваться я тоже начала.

Это было потрясающе красиво — огромные листья папоротников, свисающие отовсюду мясистые зеленые лианы, толстые коричневые стволы деревьев, покрытых разноцветным мхом. Пробивающееся кое-где солнце лучами золотило поверхность растений, придавая им особый теплый оттенок. Казалось, что мы попали в сказку и оказались уменьшенными, и сейчас откуда-то выйдет массивный великан, взвешивая в руках дубину.

Никогда еще я не чувствовала себя такой маленькой и уязвимой. И Арон, видимо это поняв, крепко ухватил за руку.

Мы пробивались вперед только силами парней. Каждый из которых захватил сегодня с собой оружие. Раз уж разрешили. Мар размахивал большим кованым топором, Кирас орудовал мачете. Арон тащил на буксире, попутно поправляя мой неуклюже выставленный щит. На который как на вкуснейший нектар липли всевозможные мухи, жуки, бабочки. Многие величиной с мою голову, которую я трусливо втягивала каждый раз, когда такая махина врезалась в невидимую им преграду.

И, казалось бы, восхищаться нужно таким буйством красок на крыльях «Черного Принца» и «Павлиньего глаза», но откуда-то я четко знала, что кушают они вовсе не пыльцу. И, если бы не выставленный щит, давно отгрызли мне ухо, нос или вообще руку.

Выскочившего из-за огромной секвойи монстра все заметили сразу, тут же окружив меня. И как бы не хотелось думать, что защищают из доброты душевной, я знала неприглядную истину. Меня берегут, как самого слабого игрока команды, ведь вылечу я — проиграют все.

— Ками, только не высывайся! — рыкнул Арон, устремляясь вперед.

Да я и не думала даже, ведь ноги тряслись от одного взгляда на этого верзилу, чем-то

похожего на медведя. Массивное тело, покрытое бурой растительностью, шесть огромных когтистых лап и уродливая морда, с торчащим вперед носом-хоботом.

Хоть и не смотрела на сражение, меня все равно вывернуло. Потому что приторносладкий запах крови животного наложился на визуал Арона, этой самой кровью покрытого. Ой, лучше бы он не подходил вот так сразу.

За себя было стыдно. Адепт боевого факультета... Хорошо еще в обморок не грохнулась, а то так и родного декана опозорить не долго. Будут потом говорить, что понабрали нежных девиц.

Я как могла собралась и попыталась взять себя в руки. Смотреть в сторону поверженного противника не стала, а то точно факультет опозорю. Но сладкий запах преследовал меня еще долго, хоть и взяться ему было больше не откуда. Арон и Мар быстро себя очистили бытовым заклинанием, не побоявшись впустую растрачивать резерв.

Стоит ли говорить, что я выдохлась достаточно быстро. Не потому, что не привыкла к дальним заходам, на физическую форму не жаловалась. Просто очень много было препятствий. Огромные, выпирающие корни, всевозможные коряги и поваленные деревья, гигантские кустарники, будто специально встающие на нашем пути. Как мне тут доставало Ветерка, который бы с удовольствием подталкивал в спину, облегчая передвижение.

Апогеем нашего похода стала стена тропического ливня, от которого не могли помочь никакие щиты и барьеры. Мы спрятались под очередным поваленным деревом, тесно прижавшись друг к другу. Этаким муравейник из людей, которые объединив усилия, старались держать мощнейший щит. Исполинские деревья выкорчёвывало с корнем, мелкую живность, не успевшую спрятаться, сносило мощными порывами ветра. И если не щит, поочередно нами подпитываемый, где-то там носило бы и нас.

— Как думаете, кто все это придумал? — наблюдая как мимо нас пролетает очередной обломок, спросила я. — Это ж фантазию нужно какую иметь!

— Тут просто проверка всех наших знаний, умений и навыков, — ответил Мар. Я так и поняла, что он тут самый умный. — Проанализируй испытания. Мы показали свои способности практически во всех сферах — некромантия, целительство, боевая дисциплина, артефакторика, работа с иллюзиями и сторонним внушением. Даже сейчас идет проверка на возможность работы в команде, — я смотрела на Мара во все глаза, понимая, что он абсолютно прав. — Держу пари, что осталось только оценить работу стихийника. И то по твоей вине, Камелия.

— Что? Как это по моей? — я прямо взвилась от необоснованного обвинения. Мар лишь рассмеялся, сочетая разговор со мной с удерживанием щита.

— А кто смерч остановил совершенно варварским способом? Это же явная проверка была на взаимодействие с глобальными внешними потоками. А ты его раз, и схлопнула.

Знаешь, как потом Тоскану досталось за то, что первокурсникам такое преподает. А он, тебя прикрывая, и отнекиваться не стал.

— Расскажи! — я даже не просила, умоляла. Потому что поняла — сделала что-то противозаконное.

— Да что тут рассказывать? Никто же из вышестоящих про ваше родство не знает. И Тоскан афишировать не захотел, что это он не всех первокурсников секретным боевым технологиям обучает, а одну конкретную.

— Секретным? — у меня начинало в голове что-то складываться, но не хватало

подробностей.

— Святая наивность! Ками, нам все это преподают на 5 курсе, и то не всем, а кто выбрал дальнейшее место работы в боевых и следственных структурах. Чтобы пришли максимально подготовленными специалистами, которых нужно просто обтесать. А ты выдала знания по построению боевого пульсара сверхнового уровня.

И вот тут до меня, наконец, дошло почему Тоскан так умилительно улыбался в кабинете Стешского при нашем знакомстве, да еще и прелестью называл. Правда тогда я показала обычный пульсар, как оказалось, сверхнового уровня. А вот на турнире, в состоянии аффекта, не задумываясь соорудила боевой. Просто от скуки в Градоне я читала все подряд и, видимо, по чуть-чуть нахваталась опасных знаний. А от того, что никто мне в голову не вкладывал границы дозволенного и допустимого у магов, которое вбивается им еще со школьной скамьи, соединила все в кучу, наивно полагая, что изобрела сама.

— Бедный профессор! — я честно его жалела. Пострадал же ни за что, лишь бы не выдавать глупенькую меня.

— Да ладно! — Арон хохотнул. — Его после твоего выступление еще больше бояться стали. Если уж первый курс такое может, что он на пятом преподает.

— А нас не слышат? — я заозиралась по сторонам, но за массивными спинами ребят, особо видно не было.

— Нет, этот щит и звуки не пропускает. А по губам вряд ли кто-то читать будет.

Почти сразу после этого, Арон поднялся, чтобы оценить обстановку.

— Собираемся, шторм утих.

Вокруг творилось невероятное. Будто и не шторм только что был, а стадо животных пробежало. С огромными такими лапами, потому что в местах, где еще час назад стояли деревья, теперь зияли ямы, как пустые глазницы на черепе.

Идти оказалось в разы тяжелее, и ребята поочередно предлагали свою помощь. Но я ж не зверь какой. Им самим не просто, а тут еще меня прицепом тащить.

Когда показался просвет, а потом и огромная пустошь, я не смогла сдержать счастливого возгласа «Добрались!». Но судя по хмурым лицам участников команды, просто чего-то не понимала.

Впереди высился невероятной красоты холм, хотя таковым и не являлся. Нагромождение разноцветных блоков, которое достигало облаков. Дух захватывало даже если наблюдать вот так, снизу. Я смотрела на это чудо, открыв рот, и упустила момент, когда ребята начали совещаться.

— Иди-ка сюда, цветочек, — выныривать из мыслей не хотелось, но пришлось, потому что Кирас ухватил за руку, потянув немного в сторону. — Нам на вершину попасть нужно. Но сама понимаешь, высота такая, что один неверный перехват потоков и будет не адепт, а лепешка, — он шептал мне на ухо, практически обнимая. — Мы все крупные и тяжелые, так что не вариант. А Арон категорически против вовлечения тебя в дело.

Я опасливо покосилась на того, о ком говорили, с облегчением выдохнув. Раньше от любого моего близкого контакта с посторонним мужчиной, у него перемикало в голове. А теперь Арон практически не реагировал. Точнее смотрел как всегда внимательно, но без прежней ярости и ревности.

— Я же знаю, что тебе это под силу. Давай, Ками, убеди его, — принялся канючить стихийник.

— Кирас, ты же понимаешь, что мне огласка ни к чему!

— Да никто не поймет, если начнем мы. Я буду центровать, как самый опытный, ребята поддержат. Поднимем до середины, силы хватит, а дальше ты уж сама. Никогда не вникал в эльфячьи тонкости, но точно знаю, что со стихией вы на одной волне, — он даже в порыве чувств меня за плечи схватил. Больно кстати.

— Никакого пиетета... — обижаться на «эльфячьи тонкости» не было времени, но очень хотелось. — Арон!

Кирас едва ли не в ладоши захолопал, радостно побежав к остальным. А мне предстояло убедить хмурого боевика.

— У меня получится, честно! — начала я сразу с дела. — Кирас все объяснил. Ведь если не попробуем, точно проиграем.

— Я не хочу тобой рисковать. Это опасно.

— Арон, на мне портал. Максимум, что грозит в случае срыва — смертельный испуг, — я улыбнулась, погладив его по руке. — Все будет хорошо.

Он кивнул, внимательно оглядев. Но в отличие от парней, я даже не промокла, благодаря заботе «дедушки Тоскана». Хихикнула про себя. Он и правда годился мне в деды, но я его таковым никогда не воспринимала. Не получалось и все тут. Близкий человек, почти родственник, да, но возрастная разница чувствовалась едва.

Когда подошли к основанию холма меня буквально затопило эмоциями. Чистый восторг граничил со сводящим внутренности ужасом. Потому что вершины видно просто не было, она уходила куда-то в кучкующиеся прямо над нами облака.

Я позвала Ветерок, как только решили действовать по данному сценарию, попросив не появляться, пока не начну подниматься. А дальше — быть начеку с готовностью подхватить. Он радостно взвизгнул и помчался вперед, смешно подпрыгивая длинными лапками. Я не могла не улыбаться, чем привлекала ненужное внимание. Парни, наверное, решили, что у меня от страха в голове помутилось.

Меня начали поднимать осторожно. Я видела потоки вокруг и даже могла разобрать который из них принадлежал Кирасу. Он был более яркий и устойчивый. Старалась абстрагироваться от всего — детского интереса «какие же облака на ощупь», женского соблазна потрогать блестящую цветную поверхность огромных блоков, даже от того, как уходила в пятки душа, когда поняла, что земли больше не вижу.

Во мне не было безудержной тяги к небу и полетам, как у мамы. В ней оказалось слишком сильно наследие крови фей. Как фантомная боль после ампутации конечности. Крыльев не было, а тяга к высоте преследовала даже во снах.

Ветерок налетел без предупреждения, подхватив под поясицу. Поганец опять отказывался меня слушать! Он подкидывал все выше рывками, будто скакал по ступеням, и на причитания реагировать отказывался.

— Я с тобой в Менэльторе поговорю, спросив сначала у деда, как с такими непослушными управляться.

И если я думала, что помощник испугается, то ошибалась. Он даже мохнатым ухом не повел. Но до вершины домчал чрезвычайно быстро.

Верхняя часть холма оказалась достаточно обширной, чтобы не свалиться, но и разгуляться на ней было не просто — всего пару шагов в каждую сторону. Удивительно и страшно! Зато в центре я заметила серебряную посудину, которая и была у организаторов вместо кубка.

Не задумываясь, сделала шаг в нужную сторону и даже зацепила ручку кубка, когда

поняла, что твердой поверхности под ногами не ощущаю. А ухнувшее куда-то в район горла сердце наблюдается от резкого смещения уровней высоты. Люк над головой захлопнулся мгновенно, отрезая от меня помощника. Я летела вниз с чудовищной скоростью, прижимая к груди дурацкий трофей, в отчаянье понимая, что где-то в этой темноте обязательно будет дно.

Все случилось очень быстро — резкий рывок и болезненное приземление, вышибающее из легких не только воздух, но и ругательства. И даже это бы ничего, но проклятый перенос сказался не только на расшатанных нервах. Мутило жутко.

С трудом отскребая себя от пола, поняла, что мне еще повезло плюхнуться на ковер, хоть кости целы. Оглядевшись, присвистнула. Гостиная была великолепна. Утонченное изящество линий, пастельные тона в интерьере, большой камин с маленьким столиком и двумя креслами перед ним. Так и знала, что портал Тоскана окажется посильнее академического.

А потом как ударило пониманием. Это мой шанс. Ускользнуть ото всех, чтобы никто и проследить не мог. Я мысленно воззвала к брату, зная, что тот поймет и постарается явиться как можно скорее. Как же сейчас недостает амулета отвода глаз! Но может и к лучшему, что с Лиром больше не придется видится. Ведь когда я вновь вернусь в

Академию за вещами, их команду уже будет в стенах родной альма-матер. Дернуло внутри болезненно, заныло от этого понимания. Но я тут же пустила знакомый блок. Неестественно, зато действительно!

Осторожно поставила кубок на столик у камина, погладив серебряную пузатую поверхность. Надеюсь, что победу нашей команде засчитают. Все-таки я сначала его уцепила, а уж потом рухнула в бездну. Но и ошибка была наигрубейшая, за которую по головке декан боевого факультета точно не погладит. Я, как всегда сплеховала, не перейдя на магическое зрение перед элементарным действием. Ничему жизнь не учит...

— Пссссс, — раздалось от окна, и я радостно оскалилась любимому брату. — Мы сначала выберемся отсюда, а потом я тебя бить буду.

— Ха, мне после сегодняшнего ничего не страшно, — я, наверное, снова светилась от переизбытка чувств, потому что Карл улыбнулся в ответ.

Лазить по окнам я умела, но понимала, что у Тоскана наверняка тут навешано заклинаний разных, поэтому вышла через дверь, просто сдвинув тяжелую задвижку.

До порта мы бежали, решив не брать экипаж, который могли отследить. И так жгло внутри адреналином в купе с ожиданием скорых приключений, что я улыбалась, как сумасшедшая, рискуя прикусить язык, если ненароком споткнусь.

Глава 32. Сюрпризы мироздания

Перед заходом в порт Карл сильно дернул за руку, приложив палец к губам. На что я лишь хмыкнула, потому что прекрасно понимала всю серьезность проворачиваемой операции.

И пусть с моряками договаривался Нарин, массовую драку перед отплытием организовывал Карл, самую важную миссию, уговорив капитана, выполнила я сама.

Брат заголосил какой-то перепуганной птицей, чем вызвал мой неуместный смех. Еле себя остановила, особенно, когда клич повторился. А уж когда в ответ раздался еще более нелепый вопль, рот мне пришлось зажимать уже Карлу. Где эти олухи таких птиц слышали интересно?

— Да угомонись ты! — Карл нервничал. — Пошли, Нарин добро дал.

Я себя сдерживала, хоть плечи и подрагивали. А брат косился одним глазом, как лошадь на наездника, чем вызывал еще большее веселье. Но мне сегодня после неожиданного падения простительно. Нервы, знаете ли.

— Нар, эй, Нар, — свистящим шепотом позвал Карл в одном из глухих переулков. И я ахнула, когда от стены отлепилась долговязая тень. Да с такими талантами только воров подрабатывать... И тут поняла, что сама же и сделала старпому такой амулет. В темноте или тени его просто не было видно. Опасная вещица в недобрых руках! Но задавать вопросы Нарину не посмела, все-таки он друг Карла, да и обещал не пользоваться амулетом во вред.

Теперь настала очередь Нарина перехватывать мою ладонь. Карл оставался руководить людским «оркестром». Лишь бы успел потом на борт!

Старпом тем временем, вложив амулет между нашими пальцами, потащил вдоль стен. Он ступал осторожно и ловко, будто всю жизнь только этим и занимался. Я по сравнению с ним казалась неиззящной коровой.

На трап ступали уже открыто, ведь все равно никто не смотрел. Народ был занят массовой дракой у захудалой таверны, всюю делая ставки.

— Богиня меня побери, за что? — стонал Карл, в очередной раз свешиваясь за борт.

Я лишь улыбалась, сама испытывая ту же самую гамму ощущений. И терзали подозрения, что брат страдает из-за меня. Все-таки связь между нами еще очень сильна.

К нему тут же подскочил Ветерок, окружая холодным вихрем, немного облегчая тошноту. Я в этот раз уже знала чего ожидать, заранее предупредив помощника. А он и рад стараться, носясь от мачты с развивающимися парусами до страждущих, обдувая соленым воздухом с каплями прохладной воды.

Я поняла сейчас, что Ветерку просто не хватало простора для его шалостей. Такому непоседе нет места в общежитских тесных стенах. И вволю нарезвившись, он стал более послушным и отзывчивым.

В перерывах между собственным отвратительным самочувствием и заботах о брате, я наслаждалась плаванием. Мы шли очень быстро и от того неровно, иногда ощутимо подпрыгивая на волнах. Но эта скорость рождала в душе дикий восторг, напоминая о генах сумасбродных фей в моей родословной.

Мы добрались до Градона за двое суток, глубоким вечером, когда на город опускались сизые сумерки. Карл хотел остаться с другом, не смея стеснять моих родственников, но я, не слушая возражений, повела его к дому.

Нас вызвался проводить капитан Юджин, аргументируя тем, что живет неподалеку. Но я была уверена, что причина лишь в его добром сердце. Он беспокоился о том, что Карл, в случае опасности не сможет меня защитить.

Я глубоко вдыхала знакомый с детства воздух. Сейчас к запаху йода и соли примешивался аромат прелой земли. Снег в Градоне — редкость, и в эту зиму погода родной городок не радовала вовсе, опускаясь туманами, бередя частыми дождями.

Наш дом еще не спал. Было видно, что в гостиной горит тусклый свет, а у Эрры в подсобке яркий. И я застыла перед дверями в какой-то странной нерешительности, чувствуя, что больше здесь не своя. Гостья, приезжающая наскоками. Бередящая устоявшийся уклад и вносящая сумятицу в спокойные будни обывателей.

Не стала стучать, достав из схрона ключ, уверенно повернула его в замке. И только потом обернулась попрощаться.

— Капитан Юджин, я не знаю как благодарить!

— Главное береги себя, остальное не имеет значения, — мужчина порывисто меня обнял, быстро зашагав прочь.

— Он ведь к тебе равнодушен, Кам, — выдал Карл, озадаченно смотря вслед капитану.

— Я знаю, братец, я знаю...

Не хотелось данное знание облекать в слова, продолжая и дальше эгоистично пользоваться расположением Юджина. Но брат, как всегда, говорит не думая. Я ведь с самого начала все поняла. Догадалась еще там, в порту, когда капитан, смущаясь, слово юнец, отдавал мне записку. Только старалась об этом не думать, окрашивая облик Юджина в бескорыстный рыцарский оттенок. Придавая его поступкам и отзывчивости налет классического благородства.

Его жалеть не нужно. Капитан быстро переживет данное увлечение, имея в спутницах то рыжеволосое чудо, что когда-то появилось в проеме дверей его спальни.

Мы осторожно прокрались в прихожую, стараясь не слишком шуметь. А потом я не вытерпела и бросив Карла разуваться, бегом кинулась в гостиную. Меня распирало от едва сдерживаемого желания увидеть отца.

Он сидел в глубоком кресле, читая книгу. В волосах прибавилось седины, на носу неизменные очки. Но вопреки моим опасениям, он совсем не сдал, обладая по-прежнему крепкой и подтянутой фигурой.

— Папа. — почти прошептала, но он сразу вскинулся, смотря на меня какими-то дикими глазами. Будто перед ним приведение, а не дочь.

И озарило пониманием, что отец не видел меня после полного раскрытия дара. А значит сейчас перед ним никакая не Камелия, а давно умершая жена во плоти.

Я кинулась к нему, приживая как можно крепче, согревая собой вмиг похолодевшее тело. Целовала родные черты, шепча сокровенное:

— Я не хотела напугать. Прости папочка! Так соскучилась, что явилась не предупредив, едва дождавшись каникул. Любимый мой. — и снова целовала, отмечая про себя, что отец отогревается и уже сильнее сжимает в ответ.

— Камелия, — простонал, наконец, Маркус, полностью придя в себя. — Так выросла!

— Явно не в высоту, — смеялась я, скидывая с себя остатки страха за отца. — А у меня сюрприз, — поцеловав еще раз гладко выбритую щеку, на которую уже начинали возвращаться краски, побежала в прихожую за Карлом.

— Познакомьтесь, — я толкнула брата в спину, чтобы он и не думал сбежать. Понять Карла можно, он рано лишился семьи, поэтому к такому не привык. — Мой папа — Маркус Деронвиль, а это мой побратим — Карл.

Отец хмыкнул и сгреб в объятия обоих. Легко принимаю в нашу маленькую семью еще одного члена. И столько нежности сейчас было во мне нерастраченной, что, завидев на пороге Эрру, я кинулась целовать и ее.

Мы сидели за столом, который мачеха быстро накрыла, расставив кушанья и мой любимый десерт — абрикосовый пудинг.

— Будто чувствовала, что ты приедешь, вчера повара заставила сделать, — ответила Эрра, заметив мой заинтересованный взгляд. Ее глаза до сих пор блестели влагой, вызывая в моей душе многочисленные импульсы. Не зря я все это организовала, и искренне надеялась, что все получится.

Карл, объевшись запеченной картошки с мясом и развалившись на стуле, вещал о турнире, заставляя поочередно вскрикивать папу и Эрру. По его описанию я раз 10 чуть Богине душу не отдала. Вот ведь трепло! Но даже такой предвзятый взгляд со стороны был очень интересен. Я-то собственные потуги на соревнованиях представляла жалкими, а оказывается, вполне не плохо смотрелась.

Карлу отвели комнату для гостей на первом этаже, а я с удовольствием проскользнула в свою. Прощлась пальцами по знакомым лакированным поверхностям, погладила шелковое покрывало на кровати. Все было точно таким, каким я и оставила, даже фарфоровая кукла в углу окна. Значит родители старались сюда вообще не заходить. Ведь воспоминания заставляют тоскливо сжиматься сердце, воскрешая в памяти совместно проведенные минуты.

Не раздеваясь, принялась ждать глубокой ночи, погасив для конспирации свет. Старалась не думать вообще, но в голову лезли мысли о Литманиэле. Переживает же, боится, что феи могут перехватить. Но тут-то как раз все получилось, как нельзя более безопасно. Феи не могут знать куда меня перекинуло порталом, а значит и отследить дальнейшее передвижение не способны.

Я прислушалась к звукам дома. Тишина, настолько глухая, что каждый шорох звучал набатом. Шкатулка в руках была приятно теплой, будто живой.

— Давай сюда пыльцу, как и договаривались, — я постучала по крышечке, давая понять, что пора действовать.

И что удивительно, она сейчас не жадничала, выдав целую пригоршню. Хотя в этот раз мы и вмешивались в судьбу гораздо серьезнее, чем в случае с Ароном. Но шкатулка видимо понимала, что я не отстану, пока не завершу все запланированное, а может тоже желала Эрре счастья.

Прокравшись в родительскую спальню, щедро распылила пыльцу над мирно спящей женщиной. И в свете луны она мерцала настолько ярко, что хотелось прикрыть глаза.

Может и не зря оборотни имеют привязку к полнолунию, и в такое время пыльца более эффективна? Тоскан говорил, что крылья у феи, моей бабушки, были как лунный свет. Отчаянно захотелось добраться до книг, которые откопал когда-то первый супруг моей мамы. Лунная пыль... Что-то было в этом звучании, отзывающееся во мне тайным знанием.

Я постояла еще немного, пока сияние пыльцы не угасло, лишь после этого пошла на выход. Ведь было еще одно, не менее важное дело. Дождался ли меня Волчонок, так отчаянно нуждающийся в хозяине, или уже давно пойман? Мне хотелось думать, что

получится вернуть его человеческую суть, и она за это время еще не окончательно подавлена волчьей.

Открыв окно в своей комнате с удовольствием втянула прохладный ночной воздух. Ветерок налетел тут же, растрепав в порыве нежности волосы.

— Всю ночь носился? Хорошо тебе, ты не устаешь, — проворчала я для вида, давая спустить себя со второго этажа на землю. Жаль раньше его у меня не было, удалось бы избежать стольких ссадин.

Дорогу до пещеры нашла быстро, будто только вчера тут была. Но оборотня внутри не оказалось. Да и затхлость воздуха давала понять, что давненько тут никого не было. В груди расстроено забулькало. Неужели поймали, когда он обратно добирался?

До любимого обрыва брела, понуро опустив голову. Не верила до конца в такую возможность. Уж если бы ему грозила опасность, наверняка нашел способ до меня достучаться. Ведь проникал как-то в сны!

Увидев огромное темное пятно в том месте, где обычно сидела я, завизжала от радости, абсолютно себя не сдерживая. Живой!

Он сидел на самом краю обрыва, с невероятной тоской всматриваясь в линию горизонта.

И почувствовав мое приближение, обвинительно заскулил. Вырос, и теперь был едва ли не больше меня. Но отчего-то в глазах волка промелькнула боль, въедаясь в мое сердце своим изумрудным отблеском.

Что-то случилось с ним, таким сильным. Зверь был чрезвычайно взъерошен, вызывая желание запустить пальцы в лохматые пряди, немного причесывая. И я двинулась к нему, задумав, однако другое.

Немедля ни секунды, распылила зажатую в кулаке пыль, наблюдая, как в лунном свете сияя мириадами мельчайших частиц, золотая паутина окутывает могучего зверя.

Его подбросило в воздух, неестественно выгибая в районе позвоночника, причиняя боль, вырывая громкий горловой рык. Но так было нужно, я верила в чудесную пыльцу безоговорочно. И оказалась совершенно не готова к результату.

Передо мной стоял Лир, обнаженный и отчаянно нужный. Руки и грудь покрывали шрамы, будто полученные в многочисленных сражениях. На изможденном в ожидании лице, застыли с десятков эмоций — злость, боль, нежность, страдание, надежда и что-то настолько глубокое, что разгадать я была не в силах.

Смотрела на него, бесстыдно скользя по фигуре, пытаюсь осмыслить все происходящее.

Он уехал весной, но отчаянно тянулся обратно, решив побывать в родных местах в образе волка. Но случилась я, с активно пробуждающейся магией. У него не было шансов преодолеть тягу, хоть он и старался, до поры держась подальше. А потом Академия и проклятая ярмарка, во время которой Лир вновь заметил меня. Это же он приходил в полнолуние тогда, не имея сил отступить.

Жгло пониманием, что я ему не нужна. Это все кровь фей, чужая магия, бурлящая сейчас с какой-то чудовищной силой. Демоново притяжение, навязанное нам предками!

Глотая слезы, я начала отступать. Боялась себя и внезапно нахлынувших чувств. Резало, словно ножом сердце, разрывало в клочья не стянутую щитом душу. Шаг, второй, и я бросилась бежать.

Меня настигли сильные руки, сжимая с каким-то остервенением и отчаянной потребностью. Кожа Лира пылала, прожигая сквозь ткань академической формы насквозь.

Он развернул, не отпуская ни на секунду, обнял ладонями лицо. Шептал что-то, совершенно мной не воспринимаемое. Стирая слезы, лицо исследовали горячие губы, блуждали по телу беспокойные руки.

Я не хотела отвечать, понимая всю неправильность того, что сейчас между нами происходит. Но чужая магия внутри странным образом утихала, рождая совершенно другие чувства. Огнем по телу путешествовало желание, змеей спускаясь к низу живота.

И стало плевать на все.

Следующие несколько лет я буду безвылазно жить в поместье моей семьи, не имея возможности даже показаться на людях. Отчего тогда не поддаться чувствам хоть раз, отпуская так долго копившееся внутри?

Я прижалась к Лиру сама, отвечая на глубокий поцелуй, вырывая его стон. Давая этим согласие на все, что захочет. Он подхватил на руки, не отрываясь от моего рта, и направился к тайной пещере, где до сих пор лежал свернутым в уголке любимый красный плед.

Лир спал сейчас, доверчиво уткнувшись носом в мою шею, сжимая крепко, обхватив руками и ногами. Не хотел отпускать, наивно полагая, что сможет привязать так к себе.

Посылая в парня сонное плетение, максимально напитанное магией, я надеялась, что поступаю правильно. Ему нет места рядом со мной, как и мне рядом с ним. Ни к чему продлевать агонию, хоть до безумия этого хочется.

Я оделась быстро, а вот уйти все никак не решалась. Он рассказал, как сейчас добрался до Градона. Оказывается, наблюдал за последним этапом турнира, только вот болел не за свою команду. И когда я провалилась, проследил за Карлом, который поспешно покидал Академию. Лир ведь так и не отдал мне амулет, воспользовавшись им, чтобы пробраться на корабль. А далее оставалось только плыть по течению, внимательно следя за персонажами пьесы.

Сказал, что быстро сменил ипостась, едва сошли с трапа. Ведь гораздо удобнее передвигаться по городу зверем, бесшумно скользя за ничего не замечающими людьми. А потом сидел около моего дома, притаившись в тени любимого дерева. Знал, что ночью я пойду искать Волчонка...

Опустившись на колени, ласково провела рукой по волосам, путешествуя пальцами до плеч. Память услужливо подбросила то, как еще несколько часов назад я с упоением ласкала его спину, языком скользя по пульсирующей венке на шее.

Нужно было идти. Собрать как-то сердце по осколкам и начинать жить заново. Ничего, я это умею, справилась один раз, значит и на второй вполне себе способна.

До дома хотела добраться до рассвета. Нужно и себя в порядок привести, и отплытие назначить как можно скорее. Я боялась, что Лир очнется раньше положенного и кинется искать.

Не было сейчас слез, только отчаянная решимость. Хоть и стягивала внутренности тоска, и трепыхалось птицей сердце. Щиты накладывать пока не решалась, боясь притупить и другие эмоции.

Испугом накрыло, едва стал различим особняк. Свет горел везде, открыты были настежь окна. Неужели с Эррой что-то стряслось? Я кинулась бежать, в холле налетев на мужчину. Который тут же прижал крепко, выдохнув коротко:

— Камелия!

Богиня... Я узнала Литманиэля по только ему свойственному цветочному запаху, тут же попытавшись вырваться. Дядюшка-то здесь откуда? Хотя о чем это я? У него тоже помощник

есть, и поопытнее моего к тому же. Наверняка, узнав куда я направляюсь, реквизирует первый попавшийся корабль и полетел спасать! Явился ночью, перебудив всех, пошла толпой смотреть меня.

Ой-ой-ой, что сейчас будет!

Он отстранил меня, рассматривая сверху вниз. Отмечая и растрепанные волосы, и мятную одежду, особенно задерживаясь взглядом на припухших искусанных губах. И начало бить, словно в лихорадке, резко накрывая пониманием, что больше Лира я никогда не увижу.

Заметив это, дядя прижал к себе. Ласково глядя по волосам и спине. Он не задавал вопросов, я бы их просто не вынесла.

— Мы поедем сразу в Менэльтор, Камелия. Ты пропала очень удачно, феи носом землю роют, но у них ни зацепки. Поэтому если нужно с кем-то тут попрощаться, у тебя час.

Я лишь отрицательно головой покачала на его догадливое предположение. Наоборот, дядя, наоборот!

— А как ты представился папе с Эррой? — я хлюпнула носом, хоть так и не заплакала.

— Женихом, — он залихватски мне подмигнул, вызвал прилив смеха. — Но Маркус видимо что-то подозревает, смотрел очень подозрительно.

— Мне один человек сказал, что мы с тобой похожи. А папе в проницательности не откажешь.

— Я думаю, его смущает, что я эльф, и он пока не может провести четкую параллель. На Анэлии был амулет со встроенной иллюзией, никто тут и не догадывался, что она не человек.

Я в последний раз уткнулась лбом в его грудь, постояв так минуту, а потом пошла со всеми прощаться. Особенно хотелось увидеть Эрру, чтобы оценить ее самочувствие.

Мы попросили папу не провожать, чтобы избежать лишнего внимания. Но от Карла просто так отделаться было невозможно. Да я и сама отпускать его не хотела. Не представляла, как буду без него, да и магия сейчас бунтовала.

— Карлуша... — я держалась как могла. — Если вдруг кто-то будет искать меня, на смерть стой, но не выдавай, ладно?

— На смерть, говоришь? — он смотрел излишне пристально. — А лицо этому кому-то набить не нужно?

— Нет, — я все-таки всхлипнула. — Карлуша-а-а-а...

— Мы передадим тебе золотое перо, Карл, сможете с Камелией переписываться, — я счастливо закивала на это щедрое предложение Литманиэля, снова вцепившись в брата.

Мы добирались 8 дней, в основном морем. Литманиэль сказал, что так он еще более запутывает следы. Но если феи захотят, все рано докапаются до истины, рано или поздно. Свою шкатулочку я все равно не отдам добровольно, пусть хоть убивают. Да и к ним никакого желания ехать не было, даже если и поступит такое предложение.

Мне снились сны — воспоминания об Менэльторе. Золотые башни, мраморные колонны, воздушность и элегантность зданий. Мама видимо с раннего детства готовила меня к возвращению в ее родное королевство. Но то, что удалось мельком увидеть из закрытого экипажа, превосходило все ожидания. Дух захватывало от красоты и тонкости исполнения.

Литманиэль говорил о поместье, но мы сначала приехали в городской особняк. На ступенях уже ждали Аркуэнон с женой. Назвать их бабушка с дедушкой просто язык бы не повернулся. Выглядели они, конечно, не юными, но очень молодыми и годились мне скорее в родители.

Аркуэнон не стал церемониться, тут же сграбастав меня в объятия. И я прямо физически ощущала его радость и какое-то благоговение. Меня и саму накрыл невероятный трепет от встречи и обретения этой части семьи.

А когда мы вошли в ворота поместья, я поняла, что, наконец, дома. Витало в воздухе что-то родное и с рождения знакомое. Я сразу отпустила нетерпеливого Ветерка. Он скакал, вокруг нас, словно заводная игрушка, путаясь между ногами, и едва не уронил ошарашенного Литманиэля. Да, не знают эльфы, что помощники так вести себя могут. Ну ничего, привыкнут!

Я многое здесь уже знала, видя во снах, но общий масштаб заставлял счастливо жмуриться. Пожалуй, здесь легко можно прожить ближайшие десятилетия, даже не выходя за пределы поместья.

А когда, обойдя все владения, я стояла у пруда с маленьким водопадом, послышался смех. Яркий, звонкий, девичий. Меня обдало порывом ветра, будто где-то рядом резвился помощник, но я точно знала, что это не он.

Мама, наконец, была свободна. И от этого понимания на душе становилось светло и спокойно.

6 лет спустя

— Ах ты мелочь неугомонная, живо сюда! — кричал брат, не успевая поймать трехлетнюю дочку, которая так и норовила запрыгнуть с разбега в наш маленький пруд. Ну это для нас он был маленький, а для Марии — необъятное море.

Девочка все-таки туда нырнула и теперь отчаянно брыкалась, не давая Карлу себя выловить. Я сидела под ивой, счастливо улыбаясь. Их приезды дарили столько тепла и света, что и отпускать обратно не хотелось.

Брат и Сора поженились почти сразу, но с детьми не спешили, все-таки время до тридцатилетия еще было. Я думаю, что они бы и еще потянули, но Мария очень хотела появиться на свет, не оставив родителям вариантов. Она была словно солнечный лучик, разбрасывая вокруг снопы позитива.

Карл плюхнулся рядом, немного подвинув, чтобы приобнять и заодно отжать половину ствола. Я удовлетворенно опустила голову ему на плечо.

— Вы надолго? — с тех пор, как королевства заключили мирный договор, напряженность сошла на нет. И мои родственники этим пользовались, находя всевозможный лазейки, чтобы приезжать чаще.

— Неделя, наверное. У Скоры выезд в деревню, там кто-то психованный целое кладбище поднял.

— И не страшно тебе ее отпускать? — я честно недоумевала, постоянно ему этим тыкая.

— Страшно мне бывает, когда она силой долго не пользуется. Замучился трупики мышек и насекомых гонять! — я хмыкнула. Тут он прав, с магией нужно работать, иначе она начинает хозяйничать самостоятельно.

— А ты когда к нам? Сто лет уже не была, — брат сжал так, что ребра заныли.

— Лет через пару, не раньше, — Карл хмыкнул, более ни о чем не спрашивая. Это было тайной, но он о ней знал.

После переезда почти месяц меня не отпускали даже в сад. Дед и Крайсониария (я несколько дней зубрила ее имя, чтобы не спотыкаться) разве что с ложечки не кормили, да и Литманиэль от них мало отставал. Я от такой заботы начала чахнуть. Может, конечно, чистокровным эльфийкам только этого и надо, но во мне данной крови лишь треть. Вот поэтому я треть от месяца и вытерпела, а потом начала потихоньку безобразничать.

Мы с Ветерком ночью поднимались на крышу, чтобы немного вдохнуть свободы. Он — полетать, я посмотреть на его шалости. Один раз уснула, а открыла глаза уже в комнате. Рядом сидел дед, внимательно рассматривая.

— Анэлия тоже любила бывать на крыше он заканчивал уже осипшим голосом, но все-таки держался.

— Я знаю. Вижу иногда во сне кусочки ее жизни. Она не только там бывала, еще и летала с Минуткой, — и видя, что двигаюсь в правильном направлении, спросила. — А Вы не знаете где книги о Кауринской династии, которые нашел Дарель?

Дед смотрел долго, видимо усваивая в голове, что я и без того очень многое знаю и скрывать что-то от меня бессмысленно. Потом вышел, принеся целую стопку древних фолиантов. На языке фей, конечно...

После суток, проведенных над расшифровкой одной страницы, я занервничала. Начала

приставать к шкатулке, которой тут нравилось гораздо больше, ведь скрываться не требовалось.

— Ну родненькая, помоги пожалуйста. Может ты можешь в меня какие-то знания залить? — она замигала красным. — Ясно, значит нет. А может переводить будешь? По буквам? — снова красный. — А может сама расскажешь, что тут интересного? — она замигала, выдав короткое «Всё».

Вот после такого разговора я не просто нервничала — злилась. Ровно до того момента, когда однажды рано утром из холла первого этажа не раздалось громогласное «Деронвиль, подъем!».

Я бежала по лестнице в одной ночной сорочке, даже не думая стесняться. Залетев с разбега в распахнутые объятия Роберта Тоскана. Как же я по нему скучала!

И если деда просить просиживать со мной часами, ради перевода литературы я стеснялась, то Тоскана тут же утянула к своим сокровищам. Стоит ли говорить, что с тех пор он к нам приезжал едва ли не каждую неделю? А уж как открыли межкоролевский портал, так мог и каждый вечер захаживать, выпить эльфийского вина со старым другом, побеседовать по душам с Литманиэлем, вставить в тык мне...

Он просил называть его Робертом, но я иногда срывалась на злобное «профессор Тоскан», когда он перегибал палку в попытках научить меня «нормальным боевым реакциям». Тренировать вздумал, гадость такая, утверждая: «Эти эльфы из тебя комнатное растение сделают, Деронвиль».

Я любила занятия с ним, хоть и вредничала до последнего, списывая такое вольнодумие на кровь неугомонных фей. Мне вообще повезло с учителями — Тоскан обучал боевой магии, дед — артефакторике.

Из книг удалось вычленить многое, но основным открытием была неограниченная магическая подпитка через носителя магии. Вот почему феи так старались заполучить артефакт. Неиссякаемый источник — сила и власть.

Мне хотелось помочь всем, но в первый раз решится на эксперимент оказалось страшно. Родственники грудью вставали, запрещая ехать, но это было важно для меня, поэтому смирились.

Во дворец, к королю человеческого государства проникли тайно, с его согласия, разумеется. И также тайно питали земли, в которых магического почти не осталось. Первый эксперимент выжал меня досуха, неделю я провела в постели. Зато во второй уже было четкое понимание границ, и ушла с поля я своими ногами. Спустя год стало понятно, что магия в тех землях поднимает голову, потому что начали рождаться одаренные дети.

Вот тогда-то человеческий король и эльфийский император начали налаживать отношения. Подписали договор, быстренько сообразили межкоролевский портал, которым могли перемещаться только доверенные лица. У каждого был индивидуальный жетон-активатор. Карл поочередно пользовался то моим, то Тоскана, но об этом тссс, хоть все и так в курсе наших махинаций.

В человеческом королевстве я бывала только по государственной необходимости, совмещая эти визиты с путешествием в Градон. Там у меня подрастал братик, радуя своими успехами не только родителей. Стоит ли говорить, что после настолько явного вмешательства шкатулки, ребенок у Эрры родился одаренный, хоть нам и пришлось 3 раза тайно навещать беременную женщину, когда самочувствие той совсем ухудшалось. Шкатулка максимально ее подпитывала, дав выносить совершенно потрясающего

мальчугана.

С земли подниматься было тяжело, но брат живо вскочив тут же протянул руку. Мы с ним быстро выловили уже порядком продрогшую Марию и утащили в маленький домик для гостей. Девочка, утомившись, уснула у меня на руках, сладко посапывая.

— Арона, кстати видел недавно, важный такой, весь из себя героический, — Карл показушно надул щеки и выпятил грудь, на что я лишь хмыкнула. — С дамой был...

— Хорошо, — я улыбнулась брату, продолжая гладить племянницу по еще влажным после купания волосам.

— Я тебе поражаюсь, неужели не интересно кого он себе завел, а?

— Неа, — лениво протянула я. Врала, конечно, но об этом знать никому не следовало.

Мы с Ароном виделись каждый мой приезд в Эдарон. И о его новой возлюбленной я узнала гораздо раньше Карлуши. Новая, но точно не последняя. Он говорил, что такой как я не найти, снова бередя мою душу подобными признаниями. А я пыталась шутить, грозясь познакомить его с какой-нибудь эльфийкой.

Мы с ним друзья и с удовольствием делимся друг с другом новостями, семейными радостями. Через Скуру и Карла даже породнились, имея общую племянницу. Но он так и не остыл до конца, я это чувствовала. По слишком бережным касаниям и абсолютно не родственным объятиям.

Я шла к дому, когда сзади охватили сильные руки. Лир любил подкрадываться вот так. Я сначала пугалась, но потом привыкла.

— Дико соскучился, — шептал мужчина, водя носом по основанию шеи. — Твой брат снова у нас?

Я хмыкнула, откидывая голову ему на плечо, тем самым открывая шею для еще больших маневров. Он, не задумываясь, прикусил, вызывая толпы мурашек по коже и отчаянный пинок маленькой ножки в районе живота.

— Ай! — я была тут же подхвачена на руки.

— Нельзя так делать, слышишь, Корделия? Тебе же внутри мамы хорошо? Вот и маме нужно чтобы было хорошо, — он, держа меня, прижимался ухом к внушительному животу, и каким-то непостижимым образом, договаривался. Уму не постижимо, но дочка тут же успокоилась, быстро затихнув.

— Ты понимаешь, что когда родится, спать ее укладывать будешь, да?

— А то, но сначала уложу тебя...

Он потащил меня в спальню, хоть укладывать и не собирался. Я честно сопротивлялась, пусть и не долго, снова сдаваясь под его настойчивый шепот.

Лир появился в дверях нашего дома спустя несколько месяцев после моего переезда. Я снова попыталась сбежать, хоть дальше сада было и некуда.

— Это все неправильно, Лир! Я не знаю, как ты меня нашел, но не могу так. Это с моей стороны настоящие чувства, а с твоей — жалкий суррогат! Тяга, обусловленная кровью фей.

Мне было тогда уже все равно, что выдаю тайну, главное добиться от него нормального взгляда, а не такого — жадно горящего. Я ведь поддамся сейчас, а потом снова придет осознание непоправимого.

— Да плевать мне на кровь! Ядохну без тебя, только это имеет значение, — он схватил в охапку, заглушая все дальнейшие возмущения.

Эгоист! Твердолобый, упрямый! Но я ведь без него тожедохну.

Когда он дал рассказать, поведала все, что знала, в ответ получив сокрушительное:

— Меня оборотень поранил во время зимней охоты в год отъезда в Эдарон. Помнишь, я месяц болел, никому на глаза не попадался? — кивнула, прекрасно это помня, я тогда чуть с ума не сошла от беспокойства. Он показывался через раз во время моих визитов, бледный и изможденный. — А любил я тебя всю свою сознательную жизнь. Так о какой тяге ты говоришь?

Он признался в любви между делом, стараясь на этом не концентрировать внимания. Но я все равно услышала.

— Тогда отчего ты сбежал? Неужели нельзя было рассказать обо всем мне, поделиться?

— А ты себя тогда помнишь? Ежик дикий и то приветливее. К тебе подойти невозможно было, а меня еще и накрывать начало. Об укусе не знал никто, кроме дяди с тетей, и после того, как встал на ноги и стало понятно, что выживу, нужно было научиться себя контролировать. И все бы ничего, даже оборот без привязки к полнолунию освоил, но рядом с тобой сбоило. Тянуло, да, но меня и раньше тянуло. А вот то, что зверь выходил из-под контроля, было паршиво, особенно, когда ты психовать

начинала. Он рвался к тебе, а я терял контроль. Во время оборота и поранить мог... Поэтому не было у меня вариантов, только бежать подальше.

— А в Эдароне что изменилось? Больше не боялся поранить? — мне нужно было понять все для себя, оправдать его в своих глазах, потому что до сих пор не простила.

— А в Эдароне я познакомился с Олией, — резануло от его слов холодной ревностью, и я дернулась, но он держал крепко. — Она целительница и каким-то образом все поняла. Много объяснила, помогла найти полный консенсус со зверем. Не злись, все равно это скажу. Я ей благодарен за помощь безмерно, и в душе от воспоминаний о ней только тепло. Но это не любовь и даже не симпатия, а принятие обстоятельств, через подавление своей воли. — Он быстро поцеловал в макушку. — Но даже полностью взяв контроль над зверем, я сорвался, увидев тебя на ярмарке. Не одну! — он последнее буквально выплюнул. — Вот тогда-то и понял, что бежать бессмысленно, если мы оба в тебе нуждаемся, и волк, и я.

— А сюда-то как пробрался? И, Лир, я тут надолго и даже выходить не смогу. Ты что же, будешь со мной прятаться?

Он прижал еще сильнее, так, что я слышала, как стучит его сердце.

— Мне дядя должность выбил важную, — я чувствовала, что он улыбается. — Буду теперь в Менэльторе жить, связи общественные налаживать.

— Твой дядя? — я даже не думала, что у него такие связи есть.

— Твой!

И вот тут все стало на свои места. Не зря же Лира около дома Литманиэля видели в Академии, это они еще тогда спелись.

— И давно ты знаешь про мои корни? — было даже обидно, что за моей спиной такое делалось.

— Подслушал ваш разговор с Литманиэлем, когда ты меня из окна комнаты прыгать заставила, — я неверяще покачала головой. Как? Физически же невозможно, какой бы чуткий слух не был, я же окно закрыла и расстояние с земли очень приличное.

Лир в ответ выпустил из когтя руки когти, которые вспороли тонкую кожу. И лицо его тоже изменилось, сделавшись хищным и острым, в глазах появился изумрудный оттенок, а на ушах коричнево-золотой пушок.

— Частичная тр-р-рансфор-р-р-мация, — потянул он как-то рычаще. — Висел на стене р-р-рядом с окном, пока вы разговар-р-р-ивали.

— А как же твоя учеба? Силу нужно уметь контролировать! — хотелось обговорить все минусы, если он еще не до конца понимает.

— А вот тут уже профессор Тоскан посодействовал. Буду наплывами обучаться, по несколько месяцев в вашей Академии, он и индивидуальные занятия обещал.

Теперь уже я прижалась к нему сильнее. Они все за меня решили, моя семья и Лир. И нужно бы воспротивиться, а не стоять тут с глупой улыбкой во весь рот. Не это ли называется счастьем?

10 лет спустя

Я часто перекаत्याваю в голове мысль, что все, кто встречался на моем пути были посланы Богиней не просто так. Они вели к такой важной цели, что все остальное просто меркнет. Возрождение магии, возобновление дружеских отношений между королевствами, начало нового этапа наших жизней.

И сложно было только в самом начале, когда никто не знал — выйдет ли. Зато теперь, видя результаты, хотелось это все продолжать.

Мы с Робертом не оставляли исследования по Кауринской династии, а недавно к нам присоединился и дед. Он до последнего оставался в стороне, потому что данная тема была крайне ему неприятна. Но видя, как я радуюсь каждой новой зацепке в понимании своей сути, решил внести посильный вклад.

После долгих препирательств и даже беседы с императором, было решено признать Корделию членом эльфийской семьи. Ее имя вносилось в родословную, лик попадал на семейное древо. Меня не интересовали слухи, которые тут же полезли по столице, их итог ясен — Литманиэль признал своего незаконнорожденного ребенка. Главное — безопасность девочки.

Мы сегодня гуляли долго даже по нашим меркам. Ветерок умильно терся рядом, Землерой ластился в ногах. Я их безумно любила, своих помощников, и они отвечали мне тем же. Стоило только подумать, и рядом уже красовалась высокая куча земли, тщательно утрамбованная плоскими лапками, на которую я и села.

Резвившаяся на поляне девочка уже в который раз выращивала длинноствольный гибискус, который у нее удивительным образом приобретал какой-то коричневый цвет. Она недавно начала осваивать свою магию, которая ей, в отличие от меня, чужой не казалась.

Прислушавшись к себе, поняла, что внутри тихо, нет желания отпустить беспокойную силу, хотя я это в последнее время делала все чаще, желая, как можно сильнее расшатать резерв. Оказывается, со всем можно найти общий язык, даже с безобразно ведущей себя магией, стоит только отыскать нужную точку. Моя вот была жутко хулиганистой, и в недавнем порыве облагородить сад, мы обзавелись десятком хищных мухоедок.

Но самое главное, чтобы теперь не случилось со мной или Лиром, Корделия будет жить, всегда поддерживаемая древним артефактом. Последняя из Кауринской династии...

